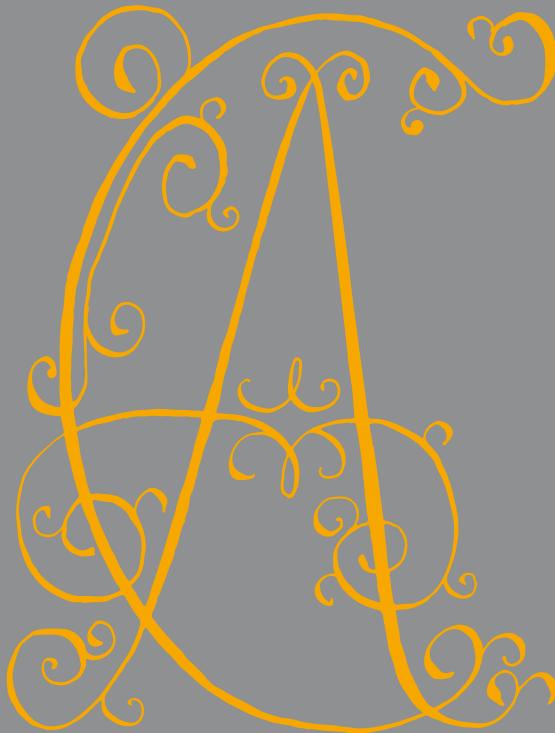

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic
ALMANAC

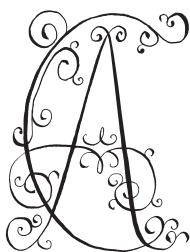
3-4·2025

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

3-4·2025

Slavic
ALMANAC

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2025

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2025. – Вып. 3–4 /
глав. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2025. – 432 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731.2025.3-4

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2025 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории науки, лингвистики, этнолингвистики, литературоведения и истории культуры. Хронологический охват материалов – от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© Издательство «Индрик», 2025

Slavic Almanac 2025. Issues 3–4 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief. – Moscow: Indrik, 2025. – 432 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731.2025.3-4

e-ISSN 2782-4411

This issue of “Slavic Almanac” (3–4, 2025) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, history of science, linguistics, ethnolinguistics, literary studies and history of culture. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year

Circulation: 500 copies

Published since 1997

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Бенич М., Институт хорватского языка, Загреб, Хорватия

Борисёнов Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Сербская академия наук и искусств, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зупттан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Усачёва А. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

- Nikiforov K. V.*, Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Benić L.*, Institute of Croatian Language, Zagreb, Croatia
- Borisyonok Yu. A.*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- Dimić L.*, Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Serbia
- Nomachi M.*, Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan
- Plotnikova A. A.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Radeva V.*, University of Sofia, Sofia, Bulgaria
- Robinson M. A.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Rozman A.*, Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia
- Stankov N. N.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Starikova N. N.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Suppan A.*, Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria
- Uzeneva E. S.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Vendina T. I.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Vlašić-Anić A.*, Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia
- Zapolskaya N. N.*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- Ziffer G.*, Univeristy of Udine, Udine, Italy
- Žeňuch P.*, Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

- Dronov M. Yu.*, Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Alexandrova A. K.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Kirilina L. A.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Kochegarov K. A.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Kuchko V. S.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Shatko E. V.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Trefilova O. V.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Usacheva A. V.*, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Прудовский П. И. (Москва).</i> Взгляд литовской шляхты на Варшавскую битву 1656 г.	12
<i>Баченина В. В. (Екатеринбург).</i> Карл Люэгер глазами австрийских социал-демократов: идеологическое противостояние в Вене эпохи <i>fin-de-siècle</i>	32
<i>Станков Н. Н. (Москва).</i> «Дело» патриарха Тихона и чехословацко-советские отношения в апреле – июне 1923 г. (по документам советского полпредства в Праге)	53
<i>Слоистов С. М. (Москва).</i> Чехословакия и словацкие венгры-кальвинисты: от противоречий межвоенного периода к кризисным явлениям 1945–1948 гг.	77

Лингвистика и этнолингвистика

<i>Ефимова В. С. (Москва).</i> К изучению передачи греческой научной лексики в старославянских текстах: комплексные лексические единицы	106
<i>Изотов А. И., Морозов Д. А. (Москва).</i> Суперлатив в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа	130
<i>Казаков И. И., Чиварзина А. И. (Москва).</i> Современное состояние мегленорумынского языка в условиях славяно-неславянских контактов (Северная Македония)	149
<i>Климова К. А. (Москва).</i> Традиция «хатир» в похоронно-поминальной обрядности понтийских греков России: семантика, ритуальные функции и этнокультурные параллели	168

Литературоведение

<i>Грасько А. В. (Москва).</i> Изображение коммунистической стройки в романе И. Вайля «Деревянная ложка»	185
--	-----

<i>Лунькова Н. А. (Москва).</i> «Великомученики невыносимого бытия»: метаморфозы тела как способ пространственной репрезентации постмодерной личности (на примере «Ломских рассказов» Э. Андреева)	204
<i>Шатыко Е. В. (Москва).</i> Изображение военных действий в современной боснийской литературе	223
<i>Усачёва А. В. (Москва).</i> Внешнее vs внутреннее: пространственная оппозиция в «Балканской трилогии» М. Вишнека	233

История культуры

<i>Лескинен М. В. (Москва).</i> «Русский Боян» или «ловкий эксплуататор московского патриотизма»: Д. А. Агренев-Славянский и его «Славянская капелла» в оценках современников. Часть 2	245
<i>Йожса Д. З. (Будапешт).</i> Россия рубежа XIX–XX вв. в travелогах венгерского писателя Ференца Херцега	269
<i>Лагно А. Р. (Москва).</i> Смех и стыд в польском комедийном сериале «Ухо председателя» (Ucho Prezesa): кого высмеивают и кто смеется?	296

История науки

<i>Марней Л. П., Носов Б. В. (Москва).</i> К истории отечественного славяноведения в 1940-е гг.: основание Института славяноведения РАН в свете архивных документов	319
--	-----

Публикации

<i>Парфириев Д. С. (Москва).</i> «Проникся я по отношению к России или нет». Письмо украинского депутата австрийского парламента М. Петрицкого председателю Государственной думы М. В. Родзянко (1916 г.)	364
--	-----

Обзоры и рецензии

<i>Стыкалин А. С. (Москва).</i> Новая работа по истории церковной политики советского государства	375
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва).</i> От неизвестности к вынужденному узнаванию: германо-белорусские пересечения первой половины XX в. в современной интерпретации	382

Хроника

<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва).</i> Международная научно-практическая конференция «V Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, филолога, археографа»	399
<i>Шалаева Т. В. (Москва).</i> LIII Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой	403
<i>Лобачева Ю. В. (Москва).</i> III Шемякинские чтения: «Мифы, предрассудки и стереотипы в истории и историографии народов Центральной и Юго-Восточной Европы. XVIII–XX вв.»	407
<i>Байдалова Е. В., Шатыко Е. В. (Москва).</i> Научная конференция «Технологии искусственного интеллекта в гуманитарных научных исследованиях: опыт и перспективы использования» ..	411

Юбилеи

<i>Ананьевая Н. Е., Остапчук О. А. (Москва).</i> 90-летний юбилей профессора Януша Ригера	421
---	-----

Некрологи

<i>Серапионова Е. П. (Москва).</i> Памяти чешского коллеги Радомира Влчека	429
--	-----

Contents

History

<i>Prudovsky P. I. (Moscow).</i> The Perception of the Battle of Warsaw of 1656 by Lithuanian Nobles	12
<i>Bachenina V. V. (Yekaterinburg).</i> The Austrian Social Democrats' View of Karl Lueger: Ideological Conflict in <i>fin-de-siècle</i> Vienna	32
<i>Stankov N. N. (Moscow).</i> The “Case” of Patriarch Tikhon and Czechoslovak-Soviet Relations in April-June 1923 (According to the Documents of the Soviet Plenipotentiary Representation in Prague)	53
<i>Sloistov S. M. (Moscow).</i> Czechoslovakia and the Slovak Calvinist Hungarians: from the Contradictions of the Interwar Period to the Crisis Phenomena of 1945–1948	77

Linguistics and ethnolinguistics

<i>Efimova V. S. (Moscow).</i> To the Study of Rendering Greek Scientific Vocabulary in the Old Church Slavonic Texts: Complex Lexical Units	106
<i>Izotov A. I., Morozov D. A. (Moscow).</i> Superlatives in Contemporary Czech Written Discourse: Corpora Studies	130
<i>Kazakov I. I., Chivarzina A. I. (Moscow).</i> The Current State of Megleno-Romanian Language in the Context of Slavic – Non-Slavic Contacts (North Macedonia)	149
<i>Klimova K. A. (Moscow).</i> The Tradition of <i>Hatir</i> in the Funerary and Commemorative Rites of the Pontic Greeks of Russia: Semantics, Ritual Functions, and Ethnocultural Parallels	168

Studies of literature

<i>Grasko A. V. (Moscow).</i> The Image of a Communist Construction Site in J. Wail's Novel “The Wooden Spoon”	185
---	-----

<i>Lunkova N. A. (Moscow).</i> “Great Martyrs of Unbearable Being”: The Metamorphoses of the Body as a Means of Spatial Representation of the Postmodern Identity (Based on E. Andreev’s “Lom Stories”)	204
<i>Shatko E. V. (Moscow).</i> Depictions of War in Modern Bosnian Literature	223
<i>Usacheva A. V. (Moscow).</i> External vs. Internal: Spatial Opposition in M. Višniec’s “Balkan Trilogy”	233
 History of culture	
<i>Leskinen M. V. (Moscow).</i> “The Russian Boyan” or “the Roguish Exploiter of Moscow Patriotism”: D. A. Agrenev-Slavynsky and his “Slavic Chapel” in the Assessments of Contemporaries. Part 2	245
<i>Józsa Gy. Z. (Budapest).</i> Late 19 th – Early 20 th Century Russia in Ferenc Herczeg’s Travelogues	269
<i>Lagno A. R. (Moscow).</i> Laughter and Shame in the Polish Comedy Series “The Chairman’s Ear” (<i>Ucho Prezesa</i>): Who Is Being Mocked and Who Is Laughing?	296
 History of science	
<i>Marney L. P., Nosov B. V. (Moscow).</i> To the History of Russian Slavic Studies in the 1940s: The Founding of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences in Light of Archival Documents	319
 Publications	
<i>Parfirev D. S. (Moscow).</i> “Am I Guilty or Not Towards Russia”. The Letter of Ukrainian Deputy of Austrian Parliament M. Petryts’kyj to M. V. Rodzyanko, the Chairman of the State Duma (1916)	364
 Reviews	
<i>Stykalin A. S. (Moscow).</i> New Work on the History of the Church Policy of the Soviet State	375
<i>Borisyonok Yu. A. (Moscow).</i> From Unknown to Forced Recognition: German-Belarusian Intersections of the First Half of the 20 th Century in Modern Interpretation	382

Chronicles

<i>Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow).</i> International Scholarly Conference “V Readings in Memory of Archpriest John Grigorovich: Historian, Archaeographer, Archaeologist”	399
<i>Shalaeva T. V. (Moscow).</i> LIII L. A. Verbitskaya International Academic Philological Conference	403
<i>Lobacheva Yu. V. (Moscow).</i> III Shemyakin Readings: “Myths, Prejudices, and Stereotypes in the History and Historiography of the Peoples of Central and South-Eastern Europe. 18 th –20 th Centuries”	407
<i>Baydalova E. V., Shatko E. V. (Moscow).</i> Academic Conference “Artificial Intelligence Technologies in Humanities Research: Experience and Prospects for Use”	411

Anniversaries

<i>Ananyeva N. J., Ostapchuk O. A. (Moscow).</i> 90 th Birthday of Professor Janusz Rieger	421
---	-----

Obituaries

<i>Serapionova E. P. (Moscow).</i> In Memory of Our Czech Colleague, Radomír Vlček	429
--	-----

УДК 94(367)

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.01

П. И. Прудовский

Взгляд литовской шляхты на Варшавскую битву 1656 г.

Прудовский Петр Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: p.prudovskiy@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-9158-7809

Цитирование

Прудовский П. И. Взгляд литовской шляхты на Варшавскую

битву 1656 г. // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 12–31.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.01

Статья поступила в редакцию 25.02.2025.

Рецензирование завершено 12.06.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В русских дипломатических источниках сохранились следы «литовской версии» Варшавской битвы 28–30 июля 1656 г., рисующие картину сражения, не совпадающую с известными шведскими, польскими и бранденбургскими сообщениями о ней. Напрашивается вывод, что эти сообщения отражают восприятие Варшавской битвы, популярное среди шляхты Великого княжества Литовского, а их политическая направленность отражает распространившуюся в той же среде в 1656 г. ориентацию, противопоставившую Литву и Польше, и России. Невозможность в реальных условиях войны следовать этим «третьим путем» привела к скорому размыванию этой ориентации, почему она и не нашла отражения в других источниках. В статье анализируется и публикуется наиболее подробное сообщение о Варшавской битве и последовавших за ней событиях польско-шведской войны, исходящее от представителей литовской магнатерии и шляхты: Ю. Глебовича, Я. Храповицкого и др.

Ключевые слова

Россия XVII в., Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Северные войны, шляхта Великого княжества Литовского, А. И. Несторов, Ю. К. Глебович, Я. А. Храповицкий.

Варшавская битва 28–30 июля 1656 г. (нового стиля) была крупнейшим полевым сражением польско-шведской войны 1655–1660 гг., в которой сошлись войска двух коалиций: с одной стороны, Речи Посполитой и Крымского ханства (более 40 тыс. чел.), а с другой – Швеции и Бранденбурга-Пруссии (около 18 тыс. чел.). Она вызвала большой резонанс в Европе. По горячим следам сражения особенно широко распространились повествования о нем шведской стороны, в которых превозносилась победа армии Карла X Густава. От шведов старались не отстать их союзники бранденбуржцы, опасавшиеся, что те припишут всю славу себе. Польские отклики о битве, напротив, были направлены на преуменьшение масштабов поражения и поиск ободряющих деталей, которые могли бы его скрасить. Шведская, бранденбуржская и польская версии давно введены в научный оборот. При этом мы по-прежнему недостаточно знаем о литовском участии в битве. Если состав коронного войска известен достаточно хорошо, о литовских подразделениях имеются лишь отрывочные данные. Между тем в русских дипломатических источниках сохранились следы «литовского голоса», и они настойчиво рисуют картину, противоречащую и упомянутым версиям, и, отчасти, объективным данным о сражении. Напрашивается вывод, что эти сообщения отражают восприятие Варшавской битвы, распространившееся среди шляхты Великого княжества Литовского. Целый ряд таких сообщений исходил от различных представителей шляхты Великого княжества Литовского и от литовских евреев, чьи сведения, очевидно, также восходили к информации шляхты. Сообщения эти различались в деталях, не всегда достоверных, но упорно возвращались к одному и тому же устойчивому мотиву: объяснению причины поражения разногласиями и конфликтами между польской и литовской частями войска¹. В известных изложениях битвы этот мотив совершенно не представлен; думается, он заслуживает самого пристального анализа.

Настоящее сообщение посвящено тексту наиболее подробного и связного изложения литовцами обстоятельств Варшавской битвы. Мы находим его в посольском дневнике («статейном списке») стольника А. И. Нестерова, в сентябре 1656 г. проезжавшего через Брест-Литовский с дипломатическим поручением к польскому королю. Он имел беседы с различными представителями литовской шляхты, из которых о битве, по его словам, ему рассказали трое: генеральный

¹ Прудовский П. И. Трехдневная битва под Варшавой 1656 г. в русских источниках // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 9–27.

староста жмудский Юрий (Ежи-Кароль) Глебович, Ян Храповицкий и «королевский покоевый дворянин» Оборский².

Что известно об обстоятельствах появления этого сообщения и его авторах?

Афанасий Иванович Нестеров на заре своей карьеры в конце 1620-х гг. был одним из стольников патриарха Филарета. После смерти предстоятеля, когда его двор был расформирован, молодой человек был переведен в государев двор и служил в стряпчих до 1655/56 г. Основным местом его работы был Стольный приказ, где он занимал должность второго судьи. Документы фиксируют его в этом качестве с конца 1654 по 1664/65 г., хотя и с большими перерывами³. Перерывы эти были связаны прежде всего с его участием в государевых походах 1655–1656 гг. В это же время началась и его дипломатическая деятельность. Во время второго похода, после взятия Вильны, осенью 1655 г. он был послан из Большого полка Я. К. Черкасского в Ригу с грамотой от бояр к лифляндскому генерал-губернатору М. Г. Делагарди⁴. Во время третьего похода в конце августа 1656 г. его направили из-под осажденной царем Риги к польскому королю. Именно в ходе этой поездки Нестеров встречался в районе Бреста-Литовского с представителями литовской элиты и записал их рассказ о Варшавской битве⁵. Не успев вернуться в Москву, Нестеров был с дороги отправлен к величайшему гетману литовскому П. Сапеге, которого русское правительство в тот момент надеялось привлечь в подданство царя, и пробыл у него до середины 1657 г.⁶ Уже в марте следующего года он получил новое дипломатическое назначение, на сей раз – в Бранденбург-Пруссию, где должен был вести переговоры не только с курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом, но и с Богуславом Радзивиллом, пытаясь добиться их поддержки в деле инкорпорации Великого княжества Литовского

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 79.

³ Боярская книга в столбовой форме 1630–1631 гг. / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: Научный альманах. М., 2023. Вып. 14. С. 138; Боярская книга 1639 г. / отв. ред. В. И. Буганов. М., 1999. С. 76; Боярская книга 1658 г. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2004. С. 57; Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 160–161.

⁴ РГАДА. Ф. 96 «Сношения России с Швецией». Оп. 1. 1655 г. № 8. Л. 44–170; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 33.

⁵ РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 30; см. также Флоря Б. Н. Русское государство... С. 135–141.

⁶ РГАДА. Ф. 79. 1655 г. № 44, 44а; Флоря Б. Н. Русское государство... С. 183–184.

в Российское государство⁷. На обратном пути из Пруссии Нестеров попал в Ковно именно в тот момент, когда восставшая против русской власти литовская шляхта готовилась захватить его, и до февраля 1659 г. находился в осажденном городе. При этом ему пришлось вновь встретиться с Ю. Глебовичем, теперь одним из руководителей осады, и вести с ним переговоры⁸. После снятия осады стольник был вновь направлен к польскому королю, от которого вернулся в июле того же года⁹. С конца 1661 г. по осень 1662 г. Нестеров вновь ездил в Польшу для переговоров о перемирии¹⁰. После этого Афанасий Иванович возвращается на гражданскую службу в приказе¹¹. В 1667–1668 г. ему пришлось тряхнуть стариной, отправившись с посольством в Константинополь¹². После этого Афанасий Иванович был поощрен выгодным воеводством в Двинской земле на максимально возможный срок в три года: с 1670 по 1673¹³, куда поехал уже думным дворянином¹⁴. Эти пожалования, надо полагать, отражали высокую оценку его дипломатических трудов. В 1675/76 г. он был еще жив и продолжал числиться думным дворянином¹⁵. В посольство 1658 г. с ним ездил его сын, види-

⁷ РГАДА. Ф. 74 «Сношения России с Пруссией». 1658 г. № 2; 3; Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. М., 2013. Т. 1. С. 508–512.

⁸ Прудовский П. И. Не только пером: Отписка царского дипломата об обороне Ковна от польско-литовских войск в конце 1658 – начале 1659 г. // Едино-рогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 342–347.

⁹ Флоря Б. Н. Русское государство… С. 448–449, 468; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1659 г. № 5. Л. 108–110, 117–119.

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1661 г. № 17, 18; Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 20–21.

¹¹ Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2. С. 271.

¹² Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа… С. 228–229.

¹³ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 65.

¹⁴ Боярская книга 1667 года / публикация В. А. Кадика // Российская генеалогия: Научный альманах. М., 2023. Вып. 14. С. 390. В момент составления книги числился стольником, но недатированная помета сообщает о его производстве в думные дворяне. В качестве думного дворянина на должности двинского воевода: Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / сост. П. И. Прудовский. М., 2013. Т. 1. С. 335.

¹⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 291.

мо, достаточно юный, ибо в боярской книге 1658 г. он еще не верстан, а в аналогичной книге 1667 г. числится стряпчим¹⁶.

В обеих посылках 1656 г. при Нестерове не было ни переводчика, ни толмача, а в посылке 1659 г. имелся лишь толмач немецкого языка, перед тем сопровождавший его в Пруссию. Лишь в 1661 г. Нестерову дали переводчика польского языка, чего требовал сам статус посольства. Все эти данные указывают на то, что Нестеров сам неплохо владел польским языком. Очевидно, это обстоятельство должно было стать важным резоном для его назначения на дипломатическую службу.

Юрий Миколаевич (Ежи-Кароль) Глебович (ум. в 1669 г.), с 1653 г. генеральный староста жмудский, был последним – он не оставил мужского потомства – представителем одного из виднейших магнатских родов Литвы¹⁷. Хотя еще его отец, Миколай, перешел из кальвинизма в католичество, Глебовичи сохраняли тесную связь с биржанскими Радзивиллами. Сам Ежи-Кароль в 1640 г. женился на сестре Януша Радзивилла, впоследствии великого гетмана литовского, и до 1655 г. находился в его политической орбите.

Когда после взятия Вильны Алексеем Михайловичем Радзивиллом, пытаясь объединить вокруг себя литовскую шляхту, заявил о подчинении Литвы шведскому королю, подписи Глебовича не оказалось под Кейданской декларацией 17 августа 1655 г., хотя на переговорах со шведами гетман называл его в числе тех влиятельных лиц, на чью поддержку они могут рассчитывать¹⁸. Впрочем, его и не было ни в столице, ни при армии: беглецы из-под Вильны, уходящие в Пруссию, встретили его того же 17 августа за Неманом, двигающимся со всей семьей с Подляшья на Жмудь¹⁹.

В формировании Вержболовской конфедерации литовского войска, верной королю и объявившей Радзивилла изменником, одну из ведущих ролей играла казацкая хоругвь Глебовича во главе

16 Прудовский П. И. Не только первом... С. 347; Боярская книга 1667 года. С. 456.

17 Rachuba A. Magnateria – specyfika litewska // Honestas et turpitud: Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / pod red. E. Dubas-Urwanowicz, M. Kupczewskiej, K. Łopateckiego i J. Urwanowicza. Białystok, 2019. S. 59, 64.

18 Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Södertörn, 2006. S. 105–107, 109.

19 Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci: Pamiętnik lekarza króla Władysława IV / oprac. E. Galos i F. Mincer, pod red. naukową W. Czaplińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 247–248.

с Самуэлем Кмитичем²⁰, что, однако, не должно непременно свидетельствовать о таком же настрое самого магната. Осенью 1655 и в начале 1656 г. мы застаем Глебовича на Подляшье, где он несколько раз посещал Тыкоцин и, следовательно, мог встречаться с Радзивиллами²¹. В феврале произошла встреча жмудского старосты с новым великим гетманом литовским Павлом Сапегой, после которой они сделались многолетними союзниками²², хотя и в последующие годы Глебович сохранял связи с Радзивиллами²³.

Контакты Глебовича с Москвой на первый взгляд производят впечатление череды упущенных возможностей. В августе 1655 г. некоторые представители литовской шляхты, отрицательно относившиеся к идее подчиниться Швеции и надеявшиеся стабилизировать положение путем соглашения с царем, рассчитывали на поддержку Глебовича и даже убедили русское правительство направить ему царскую грамоту с призывом приехать к царю и принести присягу на верность²⁴. Русский эmissар, везший ее, однако, не сумел с ним встретиться, почему мы и остаемся в неведении, насколько жмудский староста солидаризовался бы с указанной инициативой.

На рубеже 1655–1656 гг. о склонности Глебовича признать русскую власть в Москву сообщал воевода троцкий М.-С. Пац²⁵, после чего Алексей Михайлович вновь пытался установить с Глебовичем контакт, призвав его вместе с Жмудским княжеством под свою «высокую руку» в расчете инспирировать этим антишведское движение²⁶. Царское правительство, однако, не учло, что в тот момент Глебович был отрезан шведами от Жмуди и его статус старосты был лишь формальностью, не только из-за шведской оккупации княжества, но и из-за того, что он едва ли имел прочные связи с местной шляхтой.

20 Rachuba A. Konfederacje wojska litewskiego. Zabrze, 2010. S. 23, 25.

21 Wasilewski T. Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła // Radziwiłł B. Autobiografia / wstępem poprzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa, 1979. S. 54, 56.

22 Wasilewski T. Wstęp // Chrapowicki J. A. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. Warszawa, 1978. S. 41.

23 Wasilewski T. Zarys dziejów... S. 95, 228; см. также: Rachuba A. Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662 // Miscellanea historico-archivistica. Warszawa, 1997. T. VII. S. 57.

24 Зaborовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование. М., 1994. С. 40–41. Грамота 5 (15) сентября 1655 г.

25 Флоря Б. Н. Русское государство... С. 75.

26 Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CX. 2003. № 2. S. 39.

К сентябрю 1656 г., когда произошла встреча Глебовича с Нестеровым, политическая обстановка сильно изменилась. Шведы вынуждены были перейти к обороне, а под Вильной вовсю шли русско-польские мирные переговоры. Судя по беседам с русским дипломатом, эти переговоры вызывали у сенатора большие надежды. Ряд его заявлений раскрывает его позицию по отношению к Москве. В ответ на предложение царского посланника приехать к царю и поступить к нему на службу, что откроет перед магнатом возможность вновь пользоваться своими владениями «великого государя нашего... в городех» (т. е. в завоеванной части Литвы), сенатор отвечал: «Я тово ожидаю, как великие послы в Вильне о миру договор учинят, а маestности мои – Дубровна и иные маestности – будут за великим государем вашим, за его царским величеством, и я буду служить к великому государю...» Иными словами, в том случае, если мирное урегулирование включало бы в себя официальную передачу Русскому государству территории Великого княжества Литовского и на этих уступленных территориях оказались бы основные владения сенатора, прежде всего город Дубровна на Днепре, он был бы готов присягнуть царю. При этом он обещал, что при таком развитии событий его примеру последует «многая шляхта»²⁷. Виленский договор, однако, оказался лишь перемирием, не включавшим в себя отказа Польско-Литовской республики от своих земель, а избрание Алексея Михайловича на польский трон не состоялось. Таким образом, с этого момента у сенатора больше не было особых оснований держаться прорусской ориентации. В 1658–1659 гг. он участвовал в военных действиях на западе Литвы и, как мы видели, вновь столкнулся с Нестеровым во время осады Ковна²⁸. Тем не менее Глебович оставался сторонником мирного урегулирования, в чем был особенно заинтересован как обладатель обширных владений на востоке великого княжества²⁹. С 1660 г. он неизменно становился участником русско-польских мирных переговоров – это означает, между прочим, что он был свободен от подозрений в излишних симпатиях к Москве, – и был одним из комиссаров, подписавших в 1667 г. Андрушовский договор³⁰.

Ян Храповицкий, следующий информант, названный Нестеровым, не может быть никем иным, кроме известного автора дневника,

27 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 94–95.

28 Прудовский П. И. Не только пером... С. 345–347.

29 Флоря Б. Н. Русское государство... С. 549–550.

30 Czaplinski W. Hlebowicz Jerzy Karol // Polski słownik biograficzny (далее – PSB). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1960–1961. Т. 9. С. 543.

будущего воеводы витебского Яна-Антония Храповицкого. Нестеров представляет его как бывшего «капитана дорогобужского», и действительно, Ян-Антоний занимал этот пост с 1646 г.³¹ Поскольку в обязанности капитана входила переписка с русскими пограничными властями о различных текущих вопросах, именно в этом качестве Храповицкий мог быть лучше всего знаком в России, почему Нестеров и называет его капитаном, а не смоленским хорунжим, каковую должность он в тот момент занимал. Храповицкие находились в родстве с Глебовичами, но были связаны также с биржанскими Радзивиллами, которым, в частности, служил отец Яна-Антония, истовый кальвинист, крайне не одобрявший обращение сына в католицизм. Сам Ян-Антоний входил в клиентелу Юрия Глебовича, который в течение многих лет был его главным покровителем. В первые годы русско-польской войны Храповицкий лишился всех своих имений, два его старших брата попали в русский плен и были сосланы в Казань, а младший брат остался в Смоленске на царской службе³². Сам Ян-Антоний в 1655 г. находился с литовским войском и вместе с Янушем Радзивиллом подписал Кейданскую декларацию³³. Вскоре, однако, он отделился от Радзивилла, отступив на границу Литвы и Подляшья с какими-то подразделениями литовской армии, отвергшими политику великого гетмана, однако не присоединился вместе с ними к группировке Павла Сапеги и ряда других сенаторов в Бресте и сохранял, по выражению Т. Василевского, «нейтральность»³⁴. В феврале 1656 г. он участвовал в переговорах Глебовича и Сапеги, открывших эпоху сотрудничества этих магнатов, и стал близким «другом» и доверенным слугой последнего, получившего в это время от короля булаву великого гетмана. Во время столкновений радзивилловских и сапежинских войск на Подляшье в феврале – апреле он посредничал между двумя сторонами, благодаря связям с обеими³⁵. В разногласиях между Сапегой и королем, нараставших в течение 1656 г. и остро проявившихся на литовской конвокации в Бресте в марте 1657 г., Храповицкий поддерживал великого гетмана³⁶.

³¹ Wasilewski T. Wstęp. S. 28.

³² Ibid. S. 16–21, 40.

³³ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 105.

³⁴ Wasilewski T. Wstęp. S. 41.

³⁵ Ibid. S. 41–42.

³⁶ Ibid. S. 43; см. также: Rachuba A. Sapieha Paweł Jan // PSB. Warszawa; Kraków, 1994. S. 141; Rachuba A. Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662 // Miscellanea historico-archivistica. Warszawa, 1997. T. VII. S. 54–55.

В своем дневнике Ян-Антоний отметил приезд Нестерова. Под 28 сентября читаем: «гонец или посланник от царя ночевал в Каменце-Литовском». Под 29 сентября указано, что он был у «пана старосты жмудского», т. е. Глебовича, на обеде³⁷.

Третьим информантом Нестерова о событиях Варшавской битвы назван «королевский покоевый дворянин Оборский». Известно по меньшей мере пятеро Оборских, действовавших в эти годы. Четверо связаны с землями Черской и Ливской (юг и юго-восток Мазовецкого воеводства) и в какой-то мере с Подляшьем. Ян в 1649–1657 гг. был ливским подкоморием³⁸. Возможно, именно его имения на Подляшье были разорены Б. Радзивиллом в апреле 1656 г.³⁹ Ян-Зигмунт, в 1652 г. – дворянин королевский, с конца 1654 или начала 1655 г. был каштеляном варшавским и занимался в этом качестве обороной столицы в годы польско-шведской войны. В июне 1656 г. он принимал участие в осаде города Яном-Казимиром, был при этом ранен⁴⁰. Затем известно двое Марцинов Оборских. Первый, также королевский дворянин, был с 1638 г. старостой ливским, а с 1645 г. – и старостой сохачевским; его политическая карьера была теснее связана именно с последней землей, от которой он не раз выбирался послом на сейм⁴¹. Второй Марцин был сыном вышеупомянутого Яна, вслед за которым стал ливским подкоморием. До получения этого первого в своей карьере уряда он имел достоинство королевского покоевого дворянина⁴², что делает его наиболее вероятной кандидатурой в собеседники Нестерова. Правда, имеется упоминание о пятом Оборском, судье земском Ковенского повета, от которого он был выбран послом на сейм 1658 г., но более конкретных данных о нем обнаружить не удалось⁴³.

Публикуемый рассказ о Варшавской битве изобилует неточностями. Численность шведско-бранденбургской армии и союзных

37 Chrapowicki J. A. *Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664*. Warszawa, 1978. S. 101.

38 Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1697) // PSB. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. T. 23. S. 445.

39 Płosiński J. *Potop szwedzki na Podlasiu 1655–1657*. Zabrze, 2006. S. 88. Cp: Wasilewski T. *Zarys dziejów...* S. 60. Здесь предполагается, что это был Ян-Зигмунт.

40 Keckowa A. Oborski Jan Zygmunt // PSB. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. T. 23. S. 438.

41 Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1674) // PSB. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. T. 23. S. 445.

42 Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1697). S. 445.

43 Medeksza S. F. Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy, sekretarza Jana Kazimierza, sędziego ziemsiego kowieńskiego, księga pamiątkowa wydarzeń zaszych na Litwie 1654–1668 / wyd. W. Seredyński. Kraków, 1875. S. 169.

Польше татар завышена (первой – 25 000 против действительных 18 000, вторых – 15 000 против действительных 2 000), ошибочно указано участие в битве Богуслава Радзивилла и неучастие польских подразделений. Неверны утверждения об отсутствии артиллерии в польско-литовской армии и о количестве погибших (10 000 против гораздо меньшего действительного числа – вероятно, около 2 000). В целом поражение Речи Посполитой в этом описании оказывается гораздо тяжелее, чем в действительности. Изложение событий, случившихся после битвы, в основном подтверждается другими источниками. Единственным крупным расхождением с действительностью является рассказ о сражении при Варках, которое произошло еще в апреле; в августе же шведский король Карл-Густав и польский военачальник С. Чарнецкий не сходились в битве. Вероятно, Нестеров каким-то образом недопонял своих собеседников или до них дошли слухи, ложно сведшие двух полководцев лицом к лицу.

Царский посланник не разграничивает информацию, полученную от каждого из собеседников. Он дает общее суммарное изложение их сообщений. При этом он не отмечает никаких противоречий, что означает минимальное расхождение между ними. Несомненно, наиболее информированным был Глебович, состоявший в переписке с другими сенаторами Речи Посполитой и королем. Приближенный к нему Храповицкий, скорее всего, разделял и значительную часть получаемой его патроном информации, а кроме того, и сам располагал широким кругом корреспондентов. В своем дневнике он сообщает, что уже 1 августа узнал о победе шведов от спасшихся участников битвы⁴⁴. Еще больше рассказов о битве должны были принести части литовского войска, отступившие к Бресту. Вполне вероятно поэтому, что в своей значительной части полученная Нестеровым информация восходит к толкам и настроениям литовской шляхты, участвовавшей в сражении. В наибольшей степени это должно относиться к осмыслению причин поражения и поиску виновных в неудаче. Весьма знаменательно, что ответственность за это здесь, как и в других сообщениях, восходящих к литовской шляхте, возлагается на польскую часть армии⁴⁵. Означают ли недовольство поляками и констатация польско-литовской розни лишь мимолетные разногласия двух народов шляхетской республики, или в этом можно усмотреть свидетельство о существовании в Литве политической ориентации, направленной

44 Chrapowicki J. A. Diariusz. S. 97.

45 Прудовский П. И. Трехдневная битва... С. 18–19, 24–25.

на дистанцирование от Польши? Хорошо известно о существовании в определенные моменты во время русско-польской войны группировок магнатов и шляхты, заинтересованных в сближении с Москвой⁴⁶. Сообщение Нестерова свидетельствует об ином. Зафиксированная им оппозиция королю и Короне не означала автоматической ориентации литовской шляхты на Россию. Едва ли здесь можно говорить о сепаратизме Великого княжества Литовского: противопоставление полякам выражено более резко, чем противопоставление королю, что говорит о сохранении лояльности к нему. При этом нельзя списать резкие высказывания на эмоции, кипевшие после поражения, так как со временем битвы прошло уже два месяца. Думается, зафиксированные Нестеровым и рядом других сообщений настроения свидетельствуют, что в тот момент в свободной от русской власти части великого княжества начинал формироваться зародыш «партии», ставящей себя в резкую оппозицию польской половине Речи Посполитой, однако дальнейшее развитие событий оказалось неблагоприятным для ее кристаллизации.

В приложении публикуется текст рассказа о Варшавской битве, записанный А. И. Нестеровым. Публикация осуществлена по общепринятым правилам, текст сверен с черновым статейным списком⁴⁷.

Приложение

**1656 г., сентября 17/27. Из статейного списка посланника
царя Алексея Михайловича к польскому королю
Яну-Казимиру стольнику Афанасию Ивановичу Нестерову
с изложением известий о Варшавской битве
и других событиях шведско-польской войны.**

(Л. 78) Сентября 17-го дня в местечке Каменце сказывал Офонасью староста жмоцкий (л. 79) [Юрий-Кароль Глебович: писали-де] к нему с Украины от Каменца-Подольского]⁴⁸, что⁴⁹ гетман Хмельницкой с волоским князем, и с мутьянским князем, и с Ракоцем венгерским ссылки частые имеет, договор меж себя в ссылках учинили,

46 Флоря Б. Н. Русское государство... С. 234–235, 526.

47 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 6–12.

48 Утраты по верхнему краю листа, лакуна восполнена по черновому статейному списку (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 31. Л. 6).

49 Вписано над строкой.

что им, гетману Хмельницкому, и Ракоце венгерскому, и волоскому, и мутьянскому князем быти в приятстве и в дружбе. И чтоб гетман Хмельницкий великому государю вашему, его царскому величеству, по ссылке Ракоцы венгерского, и волоского, и мутьянского князей какие изменения не учинил.

Да он же, Юрыи-Кароль Глебович, да Ян Храповицкий, которой был в Дорогобуже капитаном, да в Бресте-Литовском корлевской покоевой дворянин Оборский сказывали Офонасью. В прошлом во 164-м году, уведав свейской король, что полской король взял Варшаву, и в ююле месяце перед Ильиным днем⁵⁰ свейской король с курфистром бранденбургским пришол ис Прус под Варшаву безвестно от литовские стороны реки Вислы, а с ним было (л. 80) ратных людей: и свейских, и пруских немец, и шляхты корунной и литовской, которые з Богушевом Радивилом польскому королю изменники, всего з дватцать с пять тысяч человек. А полской король в то время с корунными ратными людьми стоял с польской стороны реки Вислы от Варшавы, а с литовские стороны реки Вислы стоял полковник литовской князь Казимер⁵¹ Полубенский, воеводич пернавский, с литовскими ратными людьми, а с ним было литовских людей 6 000 человек, да татар крымских и с обозными татары с 15 000 человек.

И уведав польский король, что свейский король с курфистром бранденбургским пришол к Варшаве, велел перейти за реку Вислу в местечко Прагу к польному гетману Станиславу Лянцкорунскому, а с ним велел перейти корунным ратным людем 6 000 человек. И после того польской король не со всеми польскими людьми перешол за реку Вислу. И под тем местечком Прагою (л. 81) у польского короля с свейским королем и с курфистром бранденбургским был бой по три дни, а бились с стороны польского короля с свейским королем литовской полковник князь Казимер Полубенский, воеводич пернавский, с литовскими людьми да крымские татары, у крымских татар начальной человек мурза Суфан Казята⁵².

И свейской король на том бою литовских людей убил с 2 000 человек да крымских татар с 3 000 человек, а гетман литовской (л. 82) Павел Сапега в то время был болен, прежде того бою упал с лошади и зломил ногу в вертлуге выше стегна⁵³. А коронные ратные люди,

50 20 июля ст. ст.

51 Ошибка: в действительности Полубенского звали Александр-Хиларий.

52 Субхан Гази-ага.

53 Это произошло 27 июля н. ст. (*Rachuba A. Sapieha Paweł Jan. S. 141*).

которые были с польским королем и з гетманы, стояли полками вправе, а литовским людем и крымским татаром на бою не помогали и с свейским королем не бились. А иные польские ратные люди стояли с польские стороны за рекою Вислою у Варшавы, а с полским королем на бой против свейского короля битися не пошли, для того что им, польским (л. 83) ратным людем, литовские ратные люди по многое время смеялись, что они, польские ратные люди, польскому королю изменяя, служили свейскому королю. И польской король о том вельми сердит был, что польские люди с свейским королем не бились и литовским людем и крымским татаром на бою не помогали. И видя полской король, что польские люди с свейским королем не бьютца, пошел за реку Вислу и хохол у себя на голове драл.

И свейской король, видя, что польские люди с ним, свейским королем, не бились и что полской король пошел за реку Вислу, велел своим людем с пушками стать у реки Вислы у мосту и ис пушек велел стрелять, чтоб полского короля и корунных ратных людей от реки Вислы отбить и мост, которой был через реку Вислу, велел роспустить. А с свейским королем привезено было семдесят пушек полковых и больших. И ис пушек полских и литовских людей и крымских татар от реки Вислы и от мосту свейские немцы отбили. А у полского короля и у литовских людей пушек не было. (л. 84) И после того бою полковник литовской князь Казимер Полубенской со всеми *литовски-ми ратными⁵⁴ людьми пошел к Брестю-Литовскому, а крымские татары пошли вверх по реке Висле к Люблину, а которые польские ратные люди остались с литовские стороны за рекою Вислою, свейские немцы тех полских ратных людей побили с 5000 человек.

И польской король хотел еще в Варшаве быть, и сенаторы польские в Варшаве быть не хотели. И польской король, видя их нерадение и что литовские люди пошли к Брестю, покиня Варшаву, пошел х Казимеру и под Казимером реку Вислу перевезся и пошел к Люблину, а с ним пошли корунные сенаторы и полских ратных людей с 5000 человек или больши. А полковник корунной Степан Чернецкий с корунными ж ратными людьми с польские стороны реки Вислы пошел (л. 85) к mestечку Варкам.

А как литовской король, покиня Варшаву, пошел к Люблину, и свейской король перешол реку Вислу и пришел в Варшаву, а в Варшаве в то время было немного мещан. И в Варшаве был король свейской

54 В рукописи «ратными польскими». Исправлено по черновику (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 31. Л. 7).

с курфистром бранденбургским недели з две и болши. И из Варшавы свейской король послал в Krakов свейских и пруских немец 3000 человек на перемену тем немецом, которые зиму и весну сидели в Krakове. А было в Krakове свейских немец 2000 человек. И как ис Krakова свейские немцы пошли к свейскому королю к Варшаве, и уведав в Люблине полской король, что свейских немец две тысячи человек ис Krakова идут, послал х корунному полковнику к Чернецкому крымских татар тысячечю человек, а велел Чернецкому и крымским татаром тех свейских немец, которые шли ис Krakова, ждать на дороге тайно. И полковник Чернецкий и крымские тата- (л. 87) ровя, дождався на дороге тех свейских немец, Krakовских сидельцов, всех побили и богатство Krakовское взяли⁵⁵. А которые свейские немцы три тысячи человек посланы в Krakов из Варшавы, и те и ныне в Krakове. А в то время в Варшаве при свейском короле почало быть моровое поветрие. И свейской король велел в Варшаве костелы и дома разорять и под городовую стену и костелы велел порох посыпать, и порохом городовую стену, и костелы, и дома многие взорвало, а сам пошол от Варшавы прочь. И уведав свейской, что корунной полковник Степан Черницкий с корунными ратными людьми стоит в местечке Варках, пошол на него с курфистром бранденбургским. И под местечком Варкою у свейского с полковником Черницким бой был по два дни, и на тех боех побито свейских немец и польских людей на обе стороны тысячи по две и больши. И после того бою свейской король и курфистр бранденбургской пошли (л. 86) от местечка Варка к городу Торуни и ко Гданьску. А Богуслав Радивил в то время был в Прусех от литовские границы, а с ним литовская корунная шляхта и пруские немцы. А крымских татар польской король призвал к себе один, без сейму и не говоря с корунными сенаторы. И им, корунным сенаторем, и литовскому гетману Павлу Sapеге, и всей Речи Посполитой то в великую досаду, и от крымских татар все опасны почали быть: только-де нам разорение будет от крымских татар, какое разоренье нам было от запорожских черкас. И татаровя крымские поляков и литву многих побивают, и грабят, и дома их разоряют и пожигают, и в полон паней и девок емлют, и наруганье большое чинят. А приказал-де крымским татаром польской король тайно, велел поляков побивать и дома их разорять, которые ему не служат и добра не хотят.

55 Речь о столкновении 24 августа при Стшемешне, в котором был разбит шведский отряд, сопровождавший обоз с добычей из Krakова (*Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów; Warszawa, [1917]. S. 74.*)

Юрии ж Глебович сказывал Офонасью, что нынешние весны [с]⁵⁶ свейским королем ратных свейских людей немного было, только (л. 90) з десять тысяч человек, потому что свейские немцы оставлены были в городах: в Кракове, Варшаве, в Торуни, в Ловичах, в Познани, в Колиже, в Ланчице, в Хойницех и в иных полских городах и в Кропивце. И по ссылке свейского короля х курфиству бранденбурскому в июне месяце изменил польскому королю он, курфистр бранденбурской, со всеми своими ратными людьми пришел в сход к свейскому королю, а ратных людей с курфистром бранденбурским у свейского короля с 12 000 человек. Да польскому же королю измения Богуслав Радивил, ныне служит свейскому королю вместе с курфистром бранденбурским. А к нему, Богуславу Радивилу, измения польскому королю, отъехали к свейскому королю служить корунные литовские шляхты и иных всяких чинов людей с 5 000 человек. И с свейским королем ратных людей, свейских и прусских немец и короля польского изменников, з 25 000 человек. Только на боех от свейского короля польским и литовским людем шкода и упадок большой чинитца от пушек, многих литовских людей ис пушек (л. 88) побивают, а стреляют ис пушек на все стороны, и некоторыми вымыслы над свейским королем от его пушек и от пушечные стрельбы большого промыслу не уметь чинить. А у польского короля пехоты мало и пушек возить некому. И с свейским королем без пехоты и без пушек битца – только ратных людей терять.

РГАДА. Ф. 79. On. 1. 1656 г. № 30. Л. 78–88, 90.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М.: Московский архив Министерства юстиции, 1853. V + 500 с.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. IX + 611 с.

Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. Т. 2. 463 с.

56 Нет в рукописи, восстановлено по смыслу.

Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.

Боярская книга 1639 г. / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 264 с.

Боярская книга 1658 г. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М: Институт российской истории РАН, 2004. 336 с.

Боярская книга 1667 года / публикация В. А. Кадика // Российская генеалогия: Научный альманах. М.: Старая Басманская, 2023. Вып. 14. С. 350–600.

Боярская книга в столбцовой форме 1630–1631 гг. / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: Научный альманах. М.: Старая Басманская, 2023. Вып. 14. С. 111–194.

Зaborowski L. B. Великое княжество Литовское и Россия во времена польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование. М.: Наука, 1994. 189 с.

Прудовский П. И. Не только пером: Отписка царского дипломата об обороне Kovna от польско-литовских войск в конце 1658 – начале 1659 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 342–347.

Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. М., 2013. Т. 1. С. 449–517.

Прудовский П. И. Трехдневная битва под Варшавой 1656 г. в русских источниках // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 9–27. DOI: 10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01

Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1. 576 с.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.

Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CX. 2003. № 2. S. 25–49.

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.

Chrapowicki J. A. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978. 664 s.

Czaplinski W. Hlebowicz Jerzy Karol // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1960–1961. Т. 9. S. 543–544.

Keckowa A. Oborski Jan // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 436–437.

Keckowa A. Oborski Jan Zygmunt // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 437–438.

Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1674) // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 445.

Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1697) // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 445–447.

Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Söder-törn: Södertörns högskola, 2006. XIV + 345 p.

Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warszawa: Gebethner i Wolf, [1917]. 439 s.

Medeksza S. F. Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy, sekretarza Jana Kazimierza, sądziego ziemskego kowieńskiego, księga pamiątkowa wydarzeń zaszych na Litwie 1654–1668 / wyd. W. Seredyński. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiełońskiego, 1875. XXV + 526 s.

Płosiński J. Potop szwedzki na Podlasiu 1655–1657. Zabrze: Inforeditions, 2006. 203 s.

Rachuba A. Konfederacje wojska litewskiego. Zabrze: Inforeditions, 2010. 311 s.

Rachuba A. Magnateria – specyfika litewska // Honestas et turpitudo: Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / pod red. E. Dubas-Urwanowicz, M. Kupczewskiej, K. Łopateckiego i J. Urwanowicza. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne, 2019. S. 55–74.

Rachuba A. Sapieha Paweł Jan // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków: FNP, 1994. T. 35. S. 138–148.

Rachuba A. Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662 // Miscellanea historico-archivistica. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1997. T. VII. S. 51–70.

Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci: Pamiętnik lekarza króla Władysława IV / oprac. E. Galos i F. Mincer pod red. naukową W. Czaplińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. 328 s.

Wasilewski T. Wstęp // Chrapowicki J. A. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978. S. 5–74.

Wasilewski T. Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła // Radziwiłł B. Autobiografia / wstępem poprzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979. S. 7–99.

References

- Belousov, M. R. *Boiarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskii istochnik.* Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'ianova-Lenina, 2009, vol. 2, 463 p.
- Bogoiavlenskii, S. K. *Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2006, 608 p.
- “Boiarskaia kniga 1667 goda. Published by V. A. Kadik.” *Rossiiskaia genealogiia: Nauchnyi al'manakh.* Moscow: Staraia Basmannaia, 2023, vol. 14, pp. 350–600.
- Boiarskaia kniga 1639 g.*, ed. by V. I. Buganov. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1999, 264 p.
- Boiarskaia kniga 1658 g.*, ed. by N. M. Rogozhin. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2004, 336 p.
- “Boiarskaia kniga v stolbtsovoi forme 1630–1631 gg. Published by E. N. Gorbatov.” *Rossiiskaia genealogiia: Nauchnyi al'manakh.* Moscow: Staraia Basmannaia, 2023, vol. 14, pp. 111–194.
- Chrapowicki, J. A. *Diarusz. Część pierwsza: lata 1656–1664.* Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978, 664 p.
- Czaplinski, W. “Hlebowicz Jerzy Karol.” *Polski słownik biograficzny.* Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1960–1961, vol. 9, pp. 543–544.
- Floria, B. N. “Ot Potopa do Vilna. Russkaia politika po otnosheniiu k Rechi Pospolitoi v 1655–1656 gg.” *Kwartalnik Historyczny*, 2003, vol. CX, 2, pp. 25–49.
- Floria, B. N. *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedи (1655–1661).* Moscow: Indrik, 2010, 656 p.
- Floria, B. N. *Vneshnopoliticheskaia programma A. L. Ordina-Nashchokina i pobytki eio osushchestvleniiia.* Moscow: Indrik, 2013, 448 p.
- Keckowa, A. “Oborski Jan Zygmunt.” *Polski słownik biograficzny.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, pp. 437–438.
- Keckowa, A. “Oborski Jan.” *Polski słownik biograficzny.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, pp. 436–437.
- Keckowa, A. “Oborski Marcin (zm. po r. 1674).” *Polski słownik biograficzny.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, p. 445.
- Keckowa, A. “Oborski Marcin (zm. po r. 1697).” *Polski słownik biograficzny.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, pp. 445–447.
- Kotljarchuk, A. *In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century.* Södertörns högskola, 2006, XIV + 345 p.

- Kubala, L. *Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657*. Lwów; Warszawa: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Gebethner i Wolf, [1917], 439 p.
- Medeksza, S. F. *Stefana Franciszka z Prószcza Medekszego, sekretarza Jana Kazimierza, sędziego ziemskego kowieńskiego, księga pamiątkowa wydarzeń zaszych na Litwie 1654–1668*. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1875, XXV + 526 p.
- Płosiński, J. *Potop szwedzki na Podlasiu 1655–1657*. Zabrze: Inforeditions, 2006, 203 p.
- Prudovskii, P. I. “Ne tol'ko perom: Otpiska tsarskogo diplomata ob oborone Ko-vna ot pol'sko-litovskikh voisk v kontse 1658 – nachale 1659 g.” *Edinorog’: Materialy po voennoi istorii Vostochnoi Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni*. Moscow: Kvadriga, 2011, vol. 2, pp. 342–347.
- Prudovskii, P. I. “Razvitie russko-brandenburgskikh diplomaticeskikh otnoshenii v seredine XVII veka.” *Rossiia i Prussiia v seredine XVII veka: Posol’skaia kniga po sviaziam Rossii s Brandenburgsko-Prusskim gosudarstvom 1649–1671 gg.* Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, vol. 1, pp. 449–517.
- Prudovskii, P. I. “Trekhdnevnaia bitva pod Varshavoi 1656 g. v russkikh istochnikakh.” *Slavianskii mir v tret’em tysiacheletii*, 2024, 19 (3–4), pp. 9–27. DOI: 10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01
- Rachuba, A. “Magnateria – specyfika litewska.” *Honestas et turpitud: Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne, 2019, pp. 55–74.
- Rachuba, A. “Sapieha Paweł Jan.” *Polski słownik biograficzny*. Warszawa; Kraków: FNP, 1994, vol. 35, pp. 138–148.
- Rachuba, A. “Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662.” *Miscellanea historico-archivistica*. Warszawa: DiG, 1997, vol. 7, pp. 51–70.
- Rachuba, A. *Konfederacje wojska litewskiego*. Zabrze: Inforeditions, 2010, 311 p.
- Radziwiłł, B. *Autobiografia*, wstępem popzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979, 381 p.
- Rossiia i Prussiia v seredine XVII veka: Posol’skaia kniga po sviaziam Rossii s Brandenburgsko-Prusskim gosudarstvom 1649–1671 gg.*, ed. by P. I. Prudovskii. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, vol. 1, 576 p.
- Vorbek-Lettow, M. *Skarbnica pamięci: Pamiętnik lekarza króla Władysława IV*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968, 328 p.
- Wasilewski, T. “Wstęp.” Chrapowicki, J. A. *Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978, pp. 5–74.
- Wasilewski, T. “Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła.” Radziwiłł, B. *Autobiografia*, wstępem popzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979, pp. 7–99.
- Zaborovskii, L. V. *Velikoe kniazhestvo Litovskoe i Rossiia vo vremia pol’skogo Potopa (1655–1656 gg.): Dokumenty, issledovanie*. Moscow: Nauka, 1994, 189 p.

The Perception of the Battle of Warsaw of 1656 by Lithuanian Nobles

Petr I. Prudovsky

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: p.prudovskiy@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-9158-7809

Citation

Prudovsky P. I. The Perception of the Battle of Warsaw of 1656 by Lithuanian Nobles // Slavic Almanac. 2025. No. 3–4. P. 12–31 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.01

Received: 25.02.2025.

Revised: 12.06.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

Russian diplomatic sources contain traces of the “Lithuanina version” of the Battle of Warsaw of July 28–30, 1656, which differ significantly from the well-known Swedish, Polish and Brandenburgian descriptions of the event. This suggests that these less-known descriptions reflect the perception of the battle by the Lithuanina nobility and its tendency to position Lithuania after 1656 in opposition to both Poland and Russia. The impossibility of following this “third way” during the ongoing war led to this attitude disappearing relatively quickly, hence its absence in other known primary sources. The article analyzes the most detailed description of the battle of Warsaw and the events following it authored by prominent Lithuanian nobles, Y. Glebovich, Y. Khrapovitsky and others. The text itself is published as an appendix.

Keywords

Seventeenth-Century Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania, Northern Wars, nobility of the Grand Duchy of Lithuania, A. I. Nesterov, J. K. Hlebowicz, J. A. Chrapowicki.

Карл Люэгер глазами австрийских социал-демократов: идеологическое противостояние в Вене эпохи *fin-de-siècle*

Баченина Валерия Вячеславовна

Аспирант

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

620002, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: v.v.bachenina@mail.ru

ORCID: 0009-0005-9052-5816

Цитирование

*Баченина В. В. Карл Люэгер глазами австрийских социал-демократов: идеологическое противостояние в Вене эпохи *fin-de-siècle* // Славянский альманах.* 2025. № 3–4. С. 32–52. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.02

Статья поступила в редакцию 28.02.2025.

Рецензирование завершено 11.03.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-28-01067, <https://rscf.ru/project/24-28-01067/>.

Аннотация

Исследование направлено на выявление динамики взаимоотношений социал-демократов и христианских социалистов во главе с бургомистром Вены Карлом Люэгером (1844–1910), а также способов отражения их взаимодействия в оценках личности и политики Люэгера в социал-демократической прессе и публичных выступлениях лидеров движения. Проведенный анализ демонстрирует, что социал-демократы последовательно деконструировали создаваемый христианскими социалистами образ «народного вождя», стремясь выявить манипулятивный потенциал его антисемитской, клерикальной и популистской риторики. Особое внимание уделяется изучению аргументации, используемой социал-демократами для критической оценки политической стратегии Люэгера, его тактических альянсов и взаимоотношений с различными социальными группами венского общества. Результаты

исследования позволяют заключить, что оценка деятельности Люэгера в социал-демократической среде отличалась выраженной неоднозначностью, внутренним напряжением и определялась не только идеологической приверженностью социал-демократическим ценностям, но и прагматическими соображениями, диктовавшимися условиями острой политической конкуренции за влияние на австрийское общество имперской столицы.

Ключевые слова

Христианско-социальная партия, Австро-Венгрия, Вена, бургомистр, антисемитизм, популизм, клерикализм, политическая оценка, социал-демократы.

«Невозможно будет представить себе этот великий город [Вену], в чью судьбу Люэгер так властно вмешался, без этого человека, который, казалось, сросся с ним [...]. И нам тоже будет не хватать этого неукротимого противника, который так возвышался над своими последователями»¹, – такими словами начиналось траурное сообщение по случаю смерти бургомистра Вены и лидера Христианско-социальной партии (ХСП) Карла Люэгера (1844–1910) в австрийской социал-демократической газете *Arbeiter-Zeitung*. Автор заметки высоко оценивал значение личности Люэгера как для истории столицы австрийской части империи, так и для ХСП и, кажется, даже выражал сожаление и скорбь по поводу его смерти. Однако, как мы увидим далее, история взаимоотношений венского бургомистра и австрийских социал-демократов являлась наиболее красноречивым примером идеологического раскола в общественно-политических реалиях *fin-de-siècle* Вены.

Политическая стратегия и наследие, а также жизненная траектория Люэгера, одного из самых влиятельных австрийских политиков конца XIX – начала XX вв., привлекала к себе взгляды как его современников², так и в дальнейшем исследователей³. Однако все их оценки и взгляды

1 *Arbeiter-Zeitung*. № 69. 11.03.1910. S. 1.

2 Connolly P. J. Karl Lueger. His rise to power // Studies: An Irish Quarterly Review. 1914. № 11. P. 280–291; Stauracz F. Dr. Karl Lueger. Zehn Jahre Bürgermeister: Im Lichte der Tatsachen und nach dem Urteil seiner Zeitgenossen, zugleich ein Stück Zeitgeschichte. Wien, 1907; Salten F. Das österreichische Antlitz: Essays. Berlin, 1910; Beskiba M. Aus meinen Erinnerungen an Dr. Karl Lueger. Wien, 1905.

3 Boyer J. Karl Lueger (1844–1910). Christlichsoziale Politik als Beruf: Eine Biographie. Vienna, 2010; Ehrlich A. Karl Lueger. Die zwei Gesichter der Macht. Wien,

объединяла та же дилемма, которая была присуща на протяжении всей жизни самому Люэгеру, «прекрасному Карлу» и «вождю маленьких людей», как называли его современники. Изучение акцентов и символов его движения и политического дискурса в понимании социал-демократических авторов позволяет определить различные стратегии конструирования образа венского бургомистра, а также пролить свет на глубокие идеологические противоречия, характерные для австро-итальянского общества в начале XX в.

Карл Люэгер, родившийся в 1844 г. в многодетной семье смотрителя зала Политехнического музея и инвалида войны, был «настоящим венцем из низов»⁴. Мать Люэгера, «мелкобуржуазка»⁵ и своеобразный «образец благочестия»⁶, обеспечила сыну возможность получить юридическое образование в университете после смерти его отца, а обучение в одном из старейших австро-итальянских учебных заведений, Терезиануме, привило Люэгеру изысканные манеры⁷. Этот приобретенный лоск позволил ему легко адаптироваться к разным социальным кругам и чувствовать себя уверенно даже в высшем обществе.

В 1872 г. Люэгер вступил в Немецкую демократическую ассоциацию, где познакомился с Игнацием Манделем (1833–1907), врачом и политиком еврейского происхождения. Под влиянием Манделя Люэгер начал формировать образ «народного трибуна», выступая с политическими речами в пивных и трактирах. Впоследствии, в 1875 г., они вместе были избраны в городской совет Вены, где сформировали оппозицию и добились отставки либерального бургомистра Каэтана фон Фелдера (1814–1894). В дальнейшем Люэгер поддерживал пангерманское движение Георга фон Шённерера (1842–1921), принимая участие в составлении «Линцской программы» (1882) и борьбе за национализацию Северной железной дороги (1883/4). Однако из-за радикализации движения Шённерера Люэгер сделал выбор в пользу присоединения к небольшому католическому антилиберальному «Христианско-социальному союзу», участники которого были известны своими крайними антисемитскими

2010; Geehr R. S. Karl Lueger. Mayor of fin de siècle Vienna. Detroit, 1990; Wistrich R. Karl Lueger and the ambiguities of Viennese Antisemitism // Jewish Social Studies. 1983. № 3–4. P. 251–262.

4 Hamann B. Hitler's Vienna. A portrait of the tyrant as a young man. London, 2014. P. 280.

5 Шорске К. Э. Вена на рубеже веков. Политика и культура. СПб., 2001. С. 185.

6 Boyer J. Karl Lueger... S. 74.

7 Джонстон У. М. Австро-итальянский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии (1848–1938 гг.). М., 2004. С. 89.

взглядами и стремлением к восстановлению ведущей роли католической церкви в общественной и частной жизни жителей Австро-Венгрии. Люэгер, вставший во главе Союза, превратил его за несколько лет во влиятельную массовую партию. В 1893 г. эта коалиция официально стала называться Христианско-социальной партией (*Christlichsoziale Partei*). И уже в 1897 г. после нескольких отказов император Франц Иосиф (1830–1916), считавший Люэгера радикальным демагогом и крайне антисемитским и антивенгерским политиком⁸, утвердил кандидатуру Люэгера на посту бургомистра Вены. Вероятно, император пошел на этот шаг по нескольким причинам. С одной стороны, из-за давления своей дочери Марии Валерии Австрийской (1868–1924) и ее духовника и активного сторонника Люэгера отца Генриха Абеля (1843–1926), выступивших в поддержку кандидатуры лидера христианских социалистов. С другой – в связи с обеспокоенностью тем, что во время процессии в день Тела Господня в 1896 г. Люэгер получил колossalную поддержку и внимание со стороны населения и христианско-социального большинства в городском совете. После своего избрания Люэгер не только сконцентрировал в своих руках партийную власть, но и установил контроль над административным городским аппаратом австрийской столицы, что позволило ему и его партии воплотить в жизнь планы по трансформации городского пространства Вены.

Заняв пост венского бургомистра, Люэгер начал более активно проводить социальные реформы, провозгласив политику «муниципального социализма». Главная публично декларируемая цель его политики – защитить малых собственников и ремесленников от конкуренции с монополями⁹. Он запретил строительство универсальных магазинов в Вене до 1900 г., требуя от торговых заведений продажу только одного товара или нескольких смежных продуктов. Также Люэгер муниципализировал похоронные компании, ввел контроль за ценами на погребение, сделав похороны более доступными. Бургомистр организовал строительство новых школ и обеспечил в них бесплатное питание для детей. Наряду с этим Люэгер открыл дом для бедных и госпиталь для неимущих. В большем масштабе Люэгер продолжил начинания Фелдера по развитию муниципальных служб, расширив их штат и инфраструктуру. В дополнение он усилил контроль над финансовыми институтами, открыл также квартирное агентство и бюро по найму слуг.

8 Boyer J. Karl Lueger... S. 90.

9 Джонстон У. М. Австрийский Ренессанс... С. 91.

Христианско-социальный бургомистр, стремясь обеспечить инфраструктурой растущую Вену, активно муниципализировал коммунальные службы, включая газо- и электростанции, водопровод, скотобойню и пивоварню. Во время его правления была построена крупнейшая в Европе трамвайная сеть (около 190 км) и второй водопровод (200 км), доставляющий воду из Хохшваба, который до сих пор снабжает Вену питьевой водой. Люэгер распорядился организовать парки и зеленые зоны, запретил застройку в «зеленом поясе» и сохранил Венский лес как место отдыха. Он также разрабатывал планы по утилизации мусора с целью выработки энергии и производства удобрений, что позволило бы снизить расходы и получить дополнительный доход. Его смерть в марте 1910 г. после продолжительной болезни не только прервала христианско-социальную политику по благоустройству столицы, но и оставила в партии «зияющую брешь»¹⁰, поскольку ХСП не смогла найти достойную замену своему лидеру.

Кратко рассмотрев политическую биографию Люэгера¹¹, обратимся к дискурсу христианских социалистов во главе с венским бургомистром. Его можно свести к простой формуле, нашедшей отражение в карикатуре в журнале *Der Floh. Politisch, humoristische Wochenschrift* в 1901 г.¹² На ней Люэгер в образе химика смешивал антисемитизм, клерикализм и патриотизм, чтобы получить новую жидкость под названием «венское гостеприимство» (*Wiener Gemütlichkeit*). Стоит отдать должное автору карикатуры, который так лаконично отобразил три столпа христианского социализма Люэгера – антисемитизм, союз с католической церковью и преданность монархии.

Как замечал биограф Люэгера Дж. Бойер, чтобы по-настоящему оценить риторику лидера христианских социалистов, нужно принять во внимание различие между символической природой слов, которые могут мобилизовать политические силы, и их использованием в качестве инструментов для ведения государственных дел¹³ – т. е. между декларативными лозунгами и тем, как Люэгер использовал антисемитизм или клерикализм для достижения реальных политических целей. В качестве примера приведем лишь одну речь, произнесенную

10 *Arbeiter-Zeitung*. № 69. 11.03.1910 S. 1.

11 Подробнее см.: Boyer J. Karl Lueger... S. 73–303.

12 Wyrra U. The Image of Antisemites in German and Austrian Caricatures // Quest. Issues in Contemporary Jewish History. Journal of Fondazione CDEC. 2012. № 3. P. 322.

13 Boyer J. Karl Lueger... S. 91.

Люэгером в феврале 1890 г., в которой были очерчены контуры его политической программы.

В этой речи члены Палаты представителей австрийского рейхсрата (Abgeordnetenhaus) обсуждали принятие закона о регулировании внешних правовых отношений еврейских религиозных объединений, в частности Венской еврейской общины. В начале своего выступления Люэгер заявил, что обвинения в том, что католическая церковь, поддерживая ХСП, «напрямую отдает дань уважения расовому антисемитизму» или «соглашается с партией, которая признает расовый антисемитизм единственно правильной концепцией антисемитизма»¹⁴, являются несостоятельными. Это было частью политического образа Люэгера, который спорадически заявлял, что он не является антисемитом, сделав своим кредо фразу «Я решаю, кто еврей!»¹⁵, т. е. положив в основу «еврейства» не происхождение, а статус, который определялся бы самим Люэгером.

Затем Люэгер отметил, что в Законе, который рассматривает Палата на заседании, слова «еврейские религиозные объединения» были изменены на «израильское религиозное общество», а слово «еврей» на «израильтянин». По его мнению, это было сделано потому, что слово «израильтянин» (Israelitisch) звучит «немного благороднее и изысканнее» и «евреи стыдятся быть евреями и предпочли бы быть израильтянами». Таким образом Люэгер подчеркнул внутреннюю борьбу внутри еврейской общины в Вене, продолжив, что он выступает «за» данный закон, поскольку «в результате слияния [всех евреев в этой общине. – В. Б.] контраст между богатыми и бедными евреями выявится с большей ясностью, и со временем бедные евреи поймут, что им не нужно быть пушечным мясом для богатых евреев»¹⁶. Этот момент является для нас особенно важным: Люэгер выступает в данной речи не против всех евреев, а лишь против «богатых» евреев, которые «полностью отождествляют себя с крупным капиталом». Это разделение евреев на «богатых» и «бедных» было частью антикапиталистической, а не расово-антисемитской риторики Люэгера.

Из этого он далее сделал вывод, что антисемитизм является «синонимом борьбы с крупным капиталом, который разрастается, подавляет

14 Stenographisches Protokoll. Haus der Abgeordneten. X Session am 13. Februar 1890 // Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Haus der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates. Wien, 1890. Bd. XI: 252–383 Sitzung. S. 13384.

15 Wistrich R. Karl Lueger... P. 255.

16 Stenographisches Protokoll... S. 13385.

и разрушает». Несмотря на то, что «евреев как песка на морском берегу», Люэгер разделяет их боль по поводу обвинений в «кровавых ритуалах и тайнах кровавых мистерий», намекая на популярный в Австро-Венгрии страх «еврейских жертвоприношений». Но, несмотря на это, страх перед антисемитизмом заставляет некоторых евреев, этих «волков, львов, пантер, леопардов и тигров», с «фанатичной ненавистью» мстить не только христианам и антисемитам, но и самим «честным евреям»¹⁷. Главным «генералом» такого антисемитизма, в его понимании, является «еврейско-либеральная пресса» и ее «развращающее влияние и чудовищный терроризм»¹⁸, которым должен противостоять любой человек, который «еще не полностью деградировал». Таким образом, вырисовывается еще один элемент политического дискурса Люэгера – его антилиберализм, направленный против союза прессы и «еврейства». Люэгер заключил, что он не может ничего сделать с тем, что «почти все журналисты – евреи», и поэтому «движение против [еврейской] журналистики неизбежно должно было принять характер антисемитизма»¹⁹.

Однако те христиане, которые «действуют сообща с евреями, грешат против своего народа, заслуживают величайшего презрения»²⁰. Остальные же являются «угнетенными» со стороны евреев (именно «богатых» евреев), которые обладают «определенными деловыми практиками или даже безнравственностью» для ущемления прав христиан – «бедных сапожников», у которых позволительно «отнимать хлеб» и которых можно «обречь на голодную смерть»²¹. Здесь мы видим, как антисемитизм, в понимании Люэгера, является не только оправданным, но еще и морально правильным, поскольку он направлен на защиту «маленьких людей», т. е. христиан-ремесленников.

С другой стороны, есть еще христиане, как замечает Люэгер, способные быть справедливыми – «учителя-христиане», которым противостоят «иудейские либеральные учителя», «приносящие в школу политику». В этом отрывке Люэгер снова противопоставляет часть своего электората – христианских учителей – еврейским по происхождению учителям. Сам же Люэгер выступал за активное строительство немецкоязычных школ, в которых христианство играло бы не последнюю роль в воспитании подрастающего поколения.

17 Ibid. S. 13387.

18 Ibid. S. 13388.

19 Ibid.

20 Ibid. S. 13389.

21 Ibid. S. 13390.

Далее Люэгер замечает, что хотя и «маленький еврей страдает от антисемитизма», однако антисемитизм является чем-то «более высоким и не направленным против бедного еврея или еврейки». Однако другая стратегия, которой, по мнению Люэгера, придерживаются «псевдолибералы и псевдодемократические филисты», – находясь вдали от евреев, тихо жаловаться на них в тавернах (*Wirtshäuser*) – заслуживает большего осуждения²². Здесь Люэгер к своему антилиберализму добавляет неприятие демократов, с которыми он разорвал связи в 1880-х гг., в частности Манделя и Фердинанда Кронаветтера (1838–1913). На контрасте с этим Люэгер добавил, что ни он, ни его партия «не кричат «Хеп-хеп!»²³, а лишь сопротивляются «превращению старой христианской империи Австрии в новую империю Палестины», потому что христианские социалисты «ненавидят гнетущий крупный капитал, находящийся в руках евреев», но это совсем не «ненависть к маленькому еврею»²⁴.

Подводя итог своей речи, Люэгер затронул тему «мирового господства евреев»: именно евреи «убедили правителей Франции отправить французских солдат в Тонкин²⁵», а в Венгрии «последний еврей имеет больше влияния, чем католический примас²⁶». В Австрии же, задается вопросом Люэгер, разве не является признаком «еврейского господства» вопрос о Северной железной дороге²⁷? Затем он напомнил депутатам, что, когда «президент

22 Ibid.

23 В 1819 г. в Бюргбурге впервые появился антисемитский лозунг «Хеп-Хеп» (Нер-Нер), и волнения, разгоревшиеся под этим боевым кличом, всего за несколько недель охватили большую часть южной Германии и даже достигли Венгрии и Дании. Поводом для этой волны протesta, переросшей в коллективное физическое насилие над евреями, стал вопрос о приеме евреев в гражданство города.

24 Stenographisches Protokoll... S. 13391.

25 Вторая франко-вьетнамская война или Тонкинская экспедиция (1881–1884) представляла собой кампанию Франции, направленную на завоевание Тонкина (северного Вьетнама) и установление там французского протектората.

26 В конце XIX в. примас был главным архиепископом в своей стране или регионе в католической церкви. Это звание, исторически связанное с определенными архиепископствами, наделяло его особым почетом и, в некоторых случаях, определенными привилегиями.

27 Северная железная дорога кайзера Фердинанда, строительство которой финансировалось основателем австрийской ветви финансовой династии Ротшильдов Соломоном Ротшильдом (1774–1855), соединяла Вену с Галицией через Моравию и Силезию. В 1884 г. правительство Эдуарда Тааффе (1833–1895) решало вопрос о продлении концессии Kaiser Ferdinand Railway Company, чьи акции принадлежали как Ротшильдам, так и членам императорской семьи. Шённерер, протестуя против привилегированного положения «железной дороги Ротшильда», потребовал

Палаты представителей назначал члена нашей [Христианско-социальной] партии, доктора [Роберта] Паттай, он просил его не говорить о Ротшильде [в рейхсрата], чтобы кредит не стал дороже на один-два процента». Но смех, который раздавался в зале после его слов, являлся для Люэгера подтверждением того, что его слушатели «преклоняются перед властью евреев», но ему это безразлично, ведь он и его партия будут продолжать свое дело несмотря ни на что²⁸. Таким образом, в этой речи Люэгер, будучи членом рейхсрата, использовал антисемитскую риторику для критики евреев, обвиняя их в стремлении к «мировому господству» и защите интересов «крупного капитала». Однако в действительности антисемитская риторика Люэгера объединяла не только неприязнь к евреям, но и декларируемую заботу о «маленьких людях», примат христианских ценностей, антикапитализм и антилиберализм; причем «евреями» для него были все противники христианских социалистов. Люэгер как антисемит ограничился политическими и экономическими проблемами и избегал примитивных суеверий или аргументов, основанных на расовой теории, как считает А. Эрлик²⁹. Кроме этого, Христианско-социальная партия четко не определяла понятие «еврей»³⁰, а по мнению Р. Вистриха, Люэгер вообще не являлся ни убежденным антисемитом, ни набожным католиком³¹.

Союз Люэгера с католической церковью, отмеченный в этой речи, по мнению австрийского писателя Феликса Зальтена (1869–1945), был закономерен для австрийцев, поскольку жители австрийской части монархии «всегда были набожным и католическим народом»³². Католическая церковь предоставила Люэгеру идеологию, объединившую различные антилиберальные течения: демократию, социальное реформаторство, антисемитизм и лояльность Габсбургам. В свою очередь Люэгер обеспечил церкви политическое лидерство, способное сплотить ее разрозненные силы в мощную организацию, адаптированную к реалиям секуляризированного мира³³.

Но была еще одна важная деталь риторики Люэгера, которая проявлялась с разной интенсивностью на протяжении его политической

национализации прибыльной магистрали и представил петицию с 30 тыс. подписей. Этую петицию также поддержал Карл Люэгер.

28 Stenographisches Protokoll... S. 13392.

29 Ehrlich A. Karl Lueger... S. 98.

30 Wien. Geschichte einer Stadt. Bd. 3: Von 1790 bis zur Gegenwart / hrsg. von P. Csendes, F. Opll. Wien, 2006. S. 218.

31 Wistrich R. Karl Lueger... P. 254.

32 Salten F. Das österreichische Antlitz... S. 137.

33 Шорске К. Э. Вена... С. 192.

карьеры, – антипатия к социал-демократам. «Социал-демократ не любит работать, – заявлял Люэгер в 1899 г., – [...] в тюрьме ли, на свободе ли, он все равно не работает, разве только споет “Гимн труду”. [...] Конечно, если при этом за него работает кто-то другой»³⁴. При этом требования социал-демократов оказать помощь бездомным и безработным он с такой же легкостью отклонял, утверждая, что это выгодно «людям, которые знают, как сесть на шею мягкосердечному народу, чтобы вести привольную жизнь, ничего не делая»³⁵. Спустя 10 лет Люэгер, наделенный на 1909 г. городским советом полномочиями принимать решения по финансовым вопросам, предложил социал-демократу Якубу Ройману выступить с обсуждением бюджета, заявив, что он не собирается уходить с поста после истечения срока: «Я не собираюсь уходить с поста. Я останусь здесь хозяином. И чем они упрямее, тем я сильнее»³⁶. Из-за противостояния между христианскими социалистами и социал-демократами, по мнению Б. Хаманн, между похожими группами их сторонников – ремесленниками, крестьянами, мелкой буржуазией и заводскими рабочими – постоянно случались стычки, когда ремесленники, прикрытые Люэгером, завышали цены, а рабочие протестовали³⁷.

Вероятно, антипатия Люэгера к социал-демократам была связана, с одной стороны, с идеологическим соперничеством двух течений австрийской политики, с другой – с неудачной попыткой христианских социалистов привлечь рабочих в свои ряды. В 1891 г. Папа Римский Лев XIII (1810–1903) принял энциклику «De Rerum Novarum», в которой призвал Церковь обратить внимание на положение рабочих и спасти их от «ига рабства»³⁸. Этот призыв не мог остаться без внимания со стороны христианских социалистов, которые начали активно создавать рабочие кружки (1892) и профессиональные организации (1897). Произошел поворот в политике ХСП. Представляя себя как защитницу «общенародных интересов», она противопоставляла себя социал-демократам, которые призывали к классовой борьбе³⁹. Например, на Первом съезде ХСП в 1895 г. была заявлена поддержка

34 Цит. по: Hamman B. Hitler's Vienna... P. 296.

35 Deutsches Volksblatt. 19.01.1908. № 6842. S. 5.

36 Illustrierte Kronen Zeitung. 31.01.1909. № 3265. S. 18.

37 Hamman B. Hitler's Vienna... P. 296.

38 Connolly P. J. Karl Lueger. Mayor of Vienna // Studies: an Irish Quarterly Review. 1915. Vol. 4. № 14. P. 233.

39 Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой. М., 2018. С. 106.

«социальной реформы на христианской основе», направленной на восстановление «общественной и экономической жизни народа», пострадавшей от либерализма⁴⁰. Впоследствии, в 1896 г., Люэгер и его сторонники предприняли попытку сформировать христианскую рабочую партию, чья программа, основываясь на «христианских принципах»⁴¹, акцентировала свое внимание на защите интересов трудящихся и мелких собственников. Однако из-за недостаточной поддержки промышленных рабочих Вены и Нижней Австрии Люэгер принял решение сохранить прежний формат ХСП. Наконец, в 1902 г. был создан общеавстрийский «Имперский союз неполитических объединений христианских рабочих Австрии», объединивший различные христианские рабочие организации. При этом наличие рабочего крыла в партии, с одной стороны, беспокоило руководство из-за возможности распространения левых идей. С другой стороны, оно давало партии возможность для политического маневра и поддержания имиджа «народной» партии. Люэгер подчеркивал, что партия стремится охватить все слои населения, от горожан и интеллигенции до крестьянства, не ограничиваясь какой-либо узкой направленностью⁴². Однако все попытки христианских социалистов расширить свою электоральную базу за счет рабочих не увенчались значительным успехом.

Активность бургомистра в общественной и политической жизни Вены не могла остаться без внимания со стороны социал-демократов. Наряду с белой гвоздикой антисемитов, знаком Христианско-социальной партии, и синим васильком пангерманистов Шёнерера красная гвоздика социал-демократов становилась все более многочисленной и навязчивой⁴³.

Несмотря на то, что социал-демократы относились к христианским социалистам крайне настороженно, в 1890-х гг. в социал-демократических газетах *Gleichheit* и *Arbeiter-Zeitung* либерализм рассматривался как наследственный враг Социал-демократической рабочей партии Австрии (СДРПА), а «еврейская» пресса считалась гораздо более опасным и изощренным противником, чем антисемиты под предводительством

⁴⁰ Programmatische Resolution der Christlichsozialen, 1895 // Österreichische Parteidokumente 1868–1966 / hrsg. von K. Berchtold. Wien, 1967. S. 168.

⁴¹ Лохова И. В. Социальный католицизм и решение рабочего вопроса в Австрии в последней трети XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 48.

⁴² Spectrum Austriae. Österreich in Geschichte und Gegenwart / hrsg. von O. Schulmeister, J. Ch. Allmayer-Beck, A. Wandruszka. Wien, 1983. S. 303.

⁴³ Frauenfeld A. Dr. Karl Lueger // Zeitschrift für Politik. № 2. 1938. S. 84.

Люэгера⁴⁴. В статье, написанной после съезда партии в Хайнфельде в 1889 г., лидер социал-демократов и основатель «умеренной с радикальным уклоном»⁴⁵ газеты *Arbeiter-Zeitung* Виктор Адлер (1852–1918) предупреждал, что «либеральные и реакционные круги», напуганные Люэгером и Шённером, заигрывают с рабочим движением, однако, по его мнению, «страх евреев перед антисемитами» и «антисемитов перед евреями» был одинаковым, поэтому однозначный выбор той или иной стороны в этом споре не представляется возможным⁴⁶.

В 1895 г. на муниципальных выборах социал-демократы Адлера даже приветствовали успехи Люэгера. В своей речи 26 декабря 1896 г. Адлер утверждал: «Социал-демократы желали победы антисемитов [т. е. христианских социалистов], чтобы последние могли публично продемонстрировать, насколько [пустыми. – В. Б.] будут выглядеть их обещания на практике»⁴⁷. Они верили, что как только Христианско-социальная партия придет к власти, противоречия в «антисемитской» платформе будут обнаружены, и разочарованная «мелкая буржуазия» упадет, как спелый плод, в объятия рабочего движения⁴⁸. Их логика заключалась, по мнению Р. Вистриха, в следующем: поскольку антисемитизм был чрезвычайно популярен среди австрийцев, защищать евреев не имело никакой политической выгоды. Напротив, любая подобная защита могла бы укрепить антисемитский миф о том, что социал-демократия – это не что иное, как возглавляемое евреями (например, такие члены СДРПА, как В. Адлер, Ф. Аустерлиц, О. Бауэр, родились в еврейских семьях) сообщество филосемитов. Поэтому СДРПА всячески пыталась отмежеваться от еврейской общины Вены, которая не только была очень многочисленной, но и обладала значительным влиянием в финансах, торговле, местной политике и прессе⁴⁹.

Стратегия австрийских социал-демократов заключалась в осуждении «еврейских либералов» как силы, стремившейся отвлечь

44 Wistrich R. Socialism and Antisemitism in Austria before 1914 // Jewish Social Studies. 1975. № 3/4. P. 325.

45 Paupié K. Handbuch der österreichischen Pressegeschichte, 1848–1959. Bd. I: Wien. Wien; Stuttgart, 1960. S. 43.

46 Adler V. Unser Parteitag und die Presse // Gleichheit. 12.01.1889. № 2. S. 2.

47 Verhandlungen des Vierten Österreichischen Sozialdemokratischen Parteitages. Abgehalten zu Wien vom 25. bis Einschließlich 31. März 1894. Nach dem Stenographisches Protokolle. Wien, 1894. S. 43.

48 Ellenbogen W. Die Gemeinderathswahlen in Wien // Die Neue Zeit. 1895–1896. № 1. XIV Jahrgang. Bd. I. S. 23.

49 Wistrich R. Socialism ... P. 326.

рабочих от классовой борьбы. *Gleichheit* напоминала, что «трусливая ложь» и «эксплуататорская» политика либералов враждебна рабочим⁵⁰. Аналогичным образом, в ноябре 1889 г. *Arbeiter-Zeitung* с явной гордостью отмечала, что социал-демократическая пресса в Австрии «принесла еврейским эксплуататорам столь же мало удовлетворения, как и антисемитская пресса»⁵¹. Газета подчеркивала, что австрийские рабочие никогда не позволят использовать себя в качестве «тарана против антисемитизма»⁵².

В лице Люэгера, по крайней мере на какое-то время, они нашли неофициального союзника. *Arbeiter-Zeitung* продолжала утверждать, что еврейская пресса и лидеры еврейской общины были загипнотизированы антисемитизмом и полностью забыли о том, что «рабочий так же враждебен антисемитам, как и они сами, пытающиеся выковать дружбу или, по крайней мере, возможность союза на основе этой общей враждебности»⁵³. Кажется, что социал-демократы поздно осознали тот факт, что антисемитизм был одним из главных рычагов в продвижении Люэгера на пост бургомистра. Открытая борьба против антисемитизма могла быть более действенным способом конкуренции между социал-демократами и христианскими социалистами. Однако социал-демократическая пресса не видела разницы между антисемитскими требованиями принятия специального законодательства против евреев и попытками «еврейских либералов» подавить антисемитскую агитацию⁵⁴.

На съезде СДРПА 1894 г. Адлер заявил, что долгом социал-демократов является защита антисемитов как «преследуемой» партии⁵⁵, подразумевая ХСП. Будучи оппозиционным движением, бросающим вызов статус-кво, антисемитская Христианско-социальная партия, по-видимому, имела право на симпатии со стороны социал-демократов Адлера, поскольку антикапиталистическая агитация партии Люэгера прокладывала путь к социализму⁵⁶.

В 1897 г. состоялся Вимбергский (Венский) съезд СДРПА, во время которого вскрылись противоречия в партии по поводу ее

50 *Gleichheit*. 29.03.1889. № 13. S. 2.

51 *Arbeiter-Zeitung*. 01.11.1889. № 10. S. 2.

52 *Arbeiter-Zeitung*. 22.04.1892. № 17. S. 1.

53 Die Liberalen und das Allgemeine Wahlrecht // *Arbeiter-Zeitung*. 31.10.1890. № 44. S. 1.

54 *Arbeiter-Zeitung*. 06.02.1894. № 11. S. 1.

55 Verhandlungen des Vierten Österreichischen Sozialdemokratischen Parteitages... S. 43.

56 Wistrich R. Socialism... P. 327.

публичной позиции по «еврейскому вопросу». Один из членов партии, Якоб Брод, обвинил руководство партии в молчаливом поощрении дискриминации евреев и безразличии партии к антисемитской агитации Люэгера. В ответ Э. Пернерсторфер (1850–1918) парировал, что антисемитское движение «смело австрийский либерализм», чем оказалось «огромную услугу» как делу рабочих, так и самой социал-демократической партии. Его поддержал Йозеф Добиаш, по мнению которого евреи из среднего класса угрожали превратить рабочее движение в «защиту» против антисемитизма, чтобы сохранить свои капиталистические интересы. Адлер поддержал традиционную на тот момент партийную политику, заключавшуюся в том, чтобы «не допускать отклонения социал-демократического движения ни в антисемитское, ни в филосемитское русло». Он повторил, что либерализм является главным врагом рабочих, и добавил, что «капиталистическая буржуазия здесь, в Вене, имеет “еврейское лицо”»⁵⁷. Таким образом, среди социал-демократов назревал конфликт по поводу официального отношения к политике и риторике Люэгера.

Однако после утверждения Люэгера в качестве венского бургомистра социал-демократы изменили свою тактику. В 1897 г. *Arbeiter-Zeitung* выступила с критикой в адрес христианских социалистов, заявив, что «ни один еврей не является для нас священным просто потому, что он еврей»⁵⁸, тем самым пытаясь убедить рабочих, что социал-демократы не отдают предпочтения богатым или бедным евреям, а стремятся к искоренению эксплуатации. Вероятно, это было связано с расширением деятельности ХСП по «рабочему вопросу», которое мы рассматривали выше.

Также подчеркивалась лицемерная двойственность Люэгера и его партии по отношению к евреям. *Arbeiter-Zeitung* представляла антисемитизм Люэгера как «дымовую завесу» для обмана народа, за которой скрывается союз христианских социалистов с Ротшильдами⁵⁹. В 1900 г. *Arbeiter-Zeitung* разочарованно заключала: «Люэгер провел всю свою жизнь среди евреев; если есть кто-то, к кому можно применить слово “иудаизированный”, так это венский бургомистр»⁶⁰. Соратник Адлера и главный редактор *Arbeiter-Zeitung* Фридрих Аустерлиц

57 Verhandlungen des Vierten Österreichischen Sozialdemokratischen Parteitages... S. 87–92.

58 Arbeiter-Zeitung. 09.04.1897. № 99. S. 1.

59 Arbeiter-Zeitung. 26.05.1897. № 144. S. 2.

60 Arbeiter-Zeitung. 04.01.1901. № 4. S. 3.

(1862–1931) утверждал, что Люэгер политизировал уже существовавший антисемитизм, связанный с недовольством «либеральной гегемонией, имеющей [...] еврейский оттенок»⁶¹, и фактически лидер ХСП лишь «“борется” с евреями», не предлагая конкретного решения вопроса⁶². С характерной ironией Аустерлиц указал на то, что ключ к пониманию популярности Люэгера лежит в знании психологии мелкой буржуазии: он «превратил демократию, умирающую от скуки», в современную демагогию, в «искусство обманывать людей лишь видимостью вместо реальных действий»⁶³.

Напоследок обратим внимание на траурную заметку, опубликованную в *Arbeiter-Zeitung* и посвященную смерти бургомистра в марте 1910 г. В этой заметке автор, который не был обозначен⁶⁴, критиковал наследие умершего главы города – «люэгеризм» (*Luegerism*), в котором «сконцентрировалось все то отвратительное и угнетающее, что отравляло политическую атмосферу в Австрии»⁶⁵. Несмотря на то, что смерть Люэгера была представлена как «конец целой эпохи» в истории Вены, акцент делался на разоблачении его «демагогических методов» и демонстрации их негативных последствий для общества⁶⁶. Хотя автор не отрицал влияния Люэгера, его оценка пронизана горечью и предостережением, а фраза «нам тоже будет не хватать этого неукротимого противника»⁶⁷, с учетом всего вышеперечисленного, звучит скорее как констатация факта, чем как выражение искреннего сожаления.

В заметке детально анализировались методы, с помощью которых Люэгер добивался народной любви, при этом обозреватель подчеркивал отсутствие конструктивных решений и акцентировал внимание на игре со страхами и предрассудками венцев. Прямыми указанием на его лицемерие и беспринципность служит цитата: «[...] искусство давать пустые обещания, притворяться тем и другим одновременно – все эти приемы были изобретены Люэгером»⁶⁸. Иными словами, в популизме Люэгера обозреватель видел не заботу о народе, а ее

61 *Austerlitz F. Karl Lueger // Die Neue Zeit.* 1900–1901. № 28. S. 40–41.

62 Ibid. S. 36.

63 Ibid. S. 38.

64 Редактором газеты был указан В. Адлер, а ответственным редактором выпуска – Макс Винтер (1870–1937), основатель «социальной журналистики» в немецкоязычном мире. Предположительно автором заметки мог быть Ф. Аустерлиц.

65 *Arbeiter-Zeitung.* 11.03.1910. № 69. S. 1.

66 Ibid.

67 Ibid.

68 Ibid. S 2.

циничное использование в своих личных целях, что являлось центральным пунктом социал-демократической критики.

Антисемитизм и клерикализм, по мнению *Arbeiter-Zeitung*, являлись лишь инструментами для мобилизации избирателей и подавления оппозиции. Об этом свидетельствует фраза: «Он освободил Вену от “господства евреев”, но передал нас во власть священников», демонстрирующая использование этих идеологий для консолидации «мелкобуржуазных слоев» вокруг фигуры лидера ХСП⁶⁹. В конечном счете подобный подход оценивался изданием как аморальный и угрожающий демократическому развитию общества. В дополнение к этому Люэгер стремился подавить рабочее движение и был враждебен к социал-демократии в целом. Подчеркивалось, что он, заимствуя методы организации масс, «извращал их», превращая политическую борьбу в «войну на уничтожение». Люэгер применял их для достижения целей, прямо противоположных целям рабочего движения: «[...] он заменил плодотворные принципы демократии беспринципной демагогией»⁷⁰.

В конце концов *Arbeiter-Zeitung* подводила читателя к мнению, что политика Люэгера, неспособного понять суть социал-демократии, отражала интересы «мелкой буржуазии» и будет обречена на провал, поскольку противоречит прогрессивному развитию общества. Об этом свидетельствует уверенное заявление: «Политику Люэгера могло бы оправдать только будущее, но она будет неизбежно уничтожена прогрессом», предрекающее исчезновение «люэгеризма»⁷¹. Этим подчеркивается трагическая ирония: талантливый и энергичный человек использовал свои способности для разрушительных целей.

В целом текст представляет собой развернутое политическое обвинение, облаченное в форму прощального слова. Автор рассматривал Люэгера как политический феномен, порожденный определенными социальными и экономическими условиями. Он анализировал его методы с точки зрения классовой борьбы, подчеркивая, что Люэгер сознательно использовал противоречия между различными слоями населения для достижения своих целей.

Подводя итоги, стоит отметить, что взаимоотношения между христианскими социалистами во главе с Люэгером и социал-демократами формировали политический ландшафт Вены, вынуждая обе стороны адаптировать свои стратегии и риторику к изменяющимся

69 Ibid.

70 Ibid.

71 Ibid.

обстоятельствам. Христианский социализм Люэгера, представлявший собой сплав антисемитизма, клерикализма и популистского консерватизма, не только противопоставлялся социал-демократическим идеалам, но и вынуждал СДРПА переосмысливать свои собственные принципы и методы работы с венским населением. Первоначальная тактика социал-демократов, видевших в Люэгеру союзника в борьбе с либерализмом, оказалась стратегической ловушкой, поскольку антисемитизм стал ключевым элементом его политического успеха.

Антисемитизм Люэгера рассматривался социал-демократами не только как проявление ненависти к евреям, но и как эффективный инструмент политической легитимации и социальной инженерии. Он позволял бургомистру и лидеру ХСП мобилизовать избирателей, отвлечь внимание от реальных проблем и создать образ врага, на которого можно было возложить ответственность за все беды. Разделение евреев на «богатых» и «бедных» было частью этой стратегии, позволяющей апеллировать к антикапиталистическим настроениям, не затрагивая при этом интересы определенных слоев населения.

Сама же фигура Люэгера отражала внутренние противоречия австрийской идентичности на рубеже веков. С одной стороны, Вена была центром космополитизма и культурного расцвета, с другой – пронизана антисемитскими настроениями, клерикализмом и имперским консерватизмом. Люэгер умело эксплуатировал эти противоречия, обращаясь к чувствам ущемленного достоинства и страхам, тем самым канализируя социальное недовольство в поддержку своей партии. Однако социал-демократическая критика Люэгера не сводилась к простому разоблачению его лицемерия и манипуляций. Социал-демократы увидели в его популизме угрозу для демократических институтов, поскольку он подменял рациональный политический дискурс эмоциональным воздействием на массы, обращался к страхам и предрассудкам венцев. Особое внимание в их критике уделялось альянсу Люэгера с крупным капиталом, что противоречило его образу защитника «маленьких людей» и раскрывало циничный характер его политической стратегии.

Взаимоотношения социал-демократов с Люэгером раскрывают сложность и противоречивость политической жизни Вены на рубеже веков, демонстрируя, как популизм, антисемитизм и политическая борьба формировали австрийское общество. Наследие Люэгера оказало существенное влияние на дальнейшее развитие Австрии, вынудив политические силы страны, в том числе социал-демократов, переосмыслить свои ценности и ориентиры, что в конечном итоге способствовало их превращению в доминирующую политическую силу в послевоенной Австрии.

Источники и литература

Джонстон У. М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии (1848–1938 гг.). М.: Московская школа политических исследований, 2004. 628 с.

Лохова И. В. Социальный католицизм и решение рабочего вопроса в Австрии в последней трети XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 44–48.

Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой. М.: Индрик, 2018. 408 с.

Шорске К. Э. Вена на рубеже веков. Политика и культура / пер. с англ. М. Рейзина. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. 520 с.

Adler V. Unser Parteitag und die Presse // Gleichheit. 12.01.1889. № 2. S. 10. Arbeiter-Zeitung. 1889; 1892; 1894; 1897; 1901.

Austerlitz F. Karl Lueger // Die Neue Zeit. 1900–1901. № 28. XIX Jahrgang. Bd. II. S. 36–45.

Beskiba M. Aus meinen Erinnerungen an Dr. Karl Lueger. Wien: Selbstverlag, 1905. 144 S.

Boyer J. Karl Lueger (1844–1910). Christlichsoziale Politik als Beruf: Eine Biographie. Vienna: Böhlau, 2010. 595 S.

Connolly P. J. Karl Lueger. His rise to power // Studies: an Irish Quarterly Review. 1914. Vol. 3. № 11. P. 280–291.

Connolly P. J. Karl Lueger. Mayor of Vienna // Studies: an Irish Quarterly Review. 1915. Vol. 4. № 14. P. 226–249.

Die Liberalen und das Allgemeine Wahlrecht // Arbeiter-Zeitung. 31.10.1890. № 44. S. 1–3.

Deutsches Volksblatt. 1908.

Ehrlich A. Karl Lueger. Die zwei Gesichter der Macht. Wien: Amalthea, 2010. 288 S.

Ellenbogen W. Die Gemeinderathswahlen in Wien // Die Neue Zeit. 1895–1896. № 1. XIV Jahrgang. Bd. I. S. 23–25.

Frauenfeld A. Dr. Karl Lueger // Zeitschrift für Politik. 1938. Vol. 28. № 2. S. 77–86.

Geehr R. S. Karl Lueger. Mayor of fin de siècle Vienna. Detroit: Wayne State University Press, 1990. 409 p.

Gleichheit. 1889.

Hamann B. Hitler's Vienna. A portrait of the tyrant as a young man. London: Tauris Parke Paperbacks, 2014. 482 p.

Illustrierte Kronen Zeitung. 1909.

Karl Lueger // *Arbeiter-Zeitung*. 11.03.1910. № 69. S. 1–2.

Programmatische Resolution der Christlichsozialen, 1895 // Österreichische Parteiprogramme 1868–1966 / hrsg. von K. Berchtold. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1967. S. 167–168.

Paupié K. Handbuch der österreichischen Pressegeschichte, 1848–1959. Bd. I: Wien. Wien; Stuttgart: Wilhelm Braumüller, 1960. 232 S.

Salten F. Das österreichische Antlitz: Essays. Berlin: Fischer Verlag, 1910. 276 S.

Spectrum Austriae. Österreich in Geschichte und Gegenwart / hrsg. von O. Schulmeister, J. Ch. Allmayer-Beck, A. Wandruszka. Wien: Molden, 1980. 439 S.

Stauracz F. Dr. Karl Lueger. Zehn Jahre Bürgermeister: Im Lichte der Tatsachen und nach dem Urteile seiner Zeitgenossen, zugleich ein Stück Zeitgeschichte. Wien: Wilhelm Braumüller, 1907. 304 S.

Stenographisches Protokoll. Haus der Abgeordneten. X Session am 13. Februar 1890 // Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates. Wien: k.k. Hof- und Staatsdruckerei, 1890. Bd. XI: 252–383 Sitzung. S. 9331–14188.

Verhandlungen des Vierten Österreichischen Sozialdemokratischen Partitages. Abgehalten zu Wien vom 25. bis Einschließlich 31. März 1894. Nach dem Stenographischen Protokolle. Wien: Verlag von Ludwig A. Bretschneider, 1894. 221 S.

Wien. Geschichte einer Stadt. Bd. 3: Von 1790 bis zur Gegenwart / hrsg. von P. Csendes, F. Oppl. Wien: Böhlau Verlag, 2006. 900 S.

Wistrich R. Karl Lueger and the ambiguities of Viennese Antisemitism // Jewish Social Studies. 1983. Vol. 45. № 3–4. P. 251–262.

Wistrich R. Socialism and Antisemitism in Austria before 1914 // Jewish Social Studies. 1975. Vol. 37. № 3/4. P. 323–332.

Wyrwa U. The Image of Antisemites in German and Austrian Caricatures // Quest. Issues in Contemporary Jewish History. Journal of Fondazione CDEC. 2012. № 3. P. 302–329.

References

Boyer, J. *Karl Lueger (1844–1910). Christlichsoziale Politik als Beruf: Eine Biographie*. Vienna: Böhlau, 2010, 595 p.

Ehrlich, A. *Karl Lueger. Die zwei Gesichter der Macht*. Wien: Amalthea, 2010, 288 p.
Frauenfeld, A. “Dr. Karl Lueger.” *Zeitschrift für Politik*, 1938, vol. 28, No 2, pp. 77–86.

Geehr, R. S. *Karl Lueger. Mayor of fin de siècle Vienna*. Detroit: Wayne State University Press, 1990, 409 p.

- Hamann, B. *Hitler's Vienna. A portrait of the tyrant as a young man*. London: Tauris Parke Paperbacks, 2014, 482 p.
- Johnston, W. *Avstriiskii Renessans. Intellektual'naia i sotsial'naia istoriia Avstro-Vengrii (1848–1938 gg.)*. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii, 2004, 628 p.
- Lokhova, I. V. "Sotsial'nyi katolitsizm i reshenie rabochego voprosa v Avstrii v poslednei treti XIX – nachale XX vv." *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, 2014, No 2, pp. 44–48.
- Paupié, K. *Handbuch der österreichischen Pressegeschichte, 1848–1959. Bd. I: Wien*. Wien; Stuttgart: Wilhelm Braumüller, 1960, 232 p.
- Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniya v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg. Ocherki*, ed. by L. A. Kirilina, A. S. Stykalin, O. V. Khavanova. Moscow: Indrik, 2018, 408 p.
- Schorske, C. E. *Vena na rubezhe vekov. Politika i kul'tura*. St Petersburg: izdatel'stvo im. N. I. Novikova, 2001, 520 p.
- Spectrum Austriae. Österreich in Geschichte und Gegenwart*, hrsg. von O. Schulmeister, J. Ch. Allmayer-Beck, A. Wandruszka. Wien: Molden, 1980, 439 p.
- Wien. Geschichte einer Stadt. Bd. 3: Von 1790 bis zur Gegenwart*, hrsg. von P. Csendes, F. Oppl. Wien: Böhlau Verlag, 2006, 900 p.
- Wistrich, R. "Karl Lueger and the ambiguities of Viennese Antisemitism." *Jewish Social Studies*, 1983, vol. 45, No 3–4, pp. 251–262.
- Wistrich, R. "Socialism and Antisemitism in Austria before 1914." *Jewish Social Studies*, 1975, vol. 37, No 3/4, pp. 323–332.
- Wyrwa, U. "The Image of Antisemites in German and Austrian Caricatures." *Quest. Issues in Contemporary Jewish History. Journal of Fondazione CDEC*, 2012, No 3, pp. 302–329.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.02

V. V. Bachenina

The Austrian Social Democrats' View of Karl Lueger: Ideological Conflict in *fin-de-siècle* Vienna

Valeriia V. Bachenina
PhD Student
Ural Federal University
620002, Mira str., 19, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: v.v.bachenina@mail.ru
ORCID: 0009-0005-9052-5816

Citation

Bachenina V. V. The Austrian Social Democrats' View of Karl Lueger:
Ideological Conflict in *fin-de-siècle* Vienna // Slavic Almanac. 2025.
No 3–4. P. 32–52 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.02

Received: 28.02.2025.

Revised: 11.03.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01067, <https://rscf.ru/project/24-28-01067/>.

Abstract

The main goal of this investigation is to reveal both the dynamic interplay between Social Democrats and Christian Socialists, headed by Vienna's Mayor Karl Lueger (1844–1910), and the specific ways in which their interaction manifested in the Social Democratic press and the public addresses of its leading voices, particularly in their evaluations of Lueger's persona and political strategies. Analysis reveals the Social Democrats' consistent deconstruction of the populist "people's leader" image cultivated by the Christian Socialists, exposing the manipulative potential of his antisemitic, clericalist, and populist rhetoric. Particular attention is given to the Social Democrats' critical evaluation of Lueger's political strategy, tactical alliances, and complex interactions with diverse social groups within Viennese society. The findings suggest that Social Democratic appraisals of Lueger were characterized by significant ambivalence and internal tensions, driven not only by ideological commitment but also by pragmatic considerations stemming from the intense political competition for influence in the imperial capital of Austria-Hungary. This study highlights the strategic role of political discourse in shaping perceptions of a pivotal figure in Austrian history and underscores the complex dynamics of ideological rivalry in a rapidly changing society.

Keywords

Christian Social Party, Dual Monarchy, Vienna, Antisemitism, Populism, Clericalism, political assessment, Social Democrats.

УДК 93/94

Н. Н. Станков

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.03

**«Дело» патриарха Тихона
и чехословацко-советские отношения
в апреле – июне 1923 г.
(по документам советского полпредства в Праге)**

Станков Николай Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: stankovnn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Цитирование

Станков Н. Н. «Дело» патриарха Тихона и чехословацко-советские отношения в апреле – июне 1923 г. (по документам советского полпредства в Праге) // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 53–76.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.03

Статья поступила в редакцию 21.04.2025.

Рецензирование завершено 05.08.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье на основе опубликованных и архивных документов автор рассматривает политику Чехословакии в отношении СССР во время подготовки судебного процесса над патриархом Тихоном весной 1923 г. Особое внимание уделено анализу сообщений в Народный комиссариат иностранных дел СССР советского полпреда в Чехословацкой республике К. К. Юрененева. В своих донесениях он указывал на выступления в чехословацкой и русской эмигрантской печати и на проведение массовых собраний в Праге в защиту патриарха Тихона. Наибольшую активность в их организации проявили Чехословацкая народная партия и Национально-демократическая партия, требовавшие от правительства ЧСР полного разрыва отношений с Советским Союзом. Юренев подчеркивал, что в связи с религиозными преследованиями в СССР в Чехословакии значительно расширился круг противников сотрудничества с советским правительством. Чехословацкая дипломатия не довела дело до разрыва отношений с Москвой, но министр иностранных дел Э. Бенеш,

ссылаясь на угрозу правительенного кризиса, отказался от своего обещания вынести на заседание Национального собрания ЧСР вопрос о ратификации советско-чехословацкого Временного договора от 5 июня 1922 г.

Ключевые слова

Выступления в Чехословакии в защиту патриарха Тихона, русская эмиграция в Чехословакии, Э. Бенеш, К. К. Юрнин, К. Крамарж, Чехословацкая народная партия.

Святителю Тихону, первому патриарху Московскому и всея России после восстановления патриаршества, посвящены многочисленные исследования, в которых детально представлены основные вехи его биографии и рассмотрены различные аспекты его деятельности. Борьба патриарха Тихона за сохранение Русской Православной Церкви в условиях репрессивной политики против нее большевистской власти отражена в ряде фундаментальных документальных публикаций¹. К настоящему времени опубликованы также документы самого патриарха и материалы о нем².

Значительное внимание и в документальных изданиях, и в научной литературе уделяется попыткам коммунистических властей организовать в 1923 г. над патриархом Тихоном судебный процесс, который должен был завершиться вынесением смертного приговора. Освобождение патриарха из-под ареста в июне 1923 г., а затем и прекращение суда историки объясняют следующими причинами: во-первых, мощным

1 Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / издание подготовили: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М., Новосибирск, 1997–1998; Конфессиональная политика советского государства, 1917–1991 гг. Т. 1: 1917–1924 гг.: в 4 кн. / отв. сост. М. И. Одинцов. М., 2017; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 гг.: документы и фотоматериалы / отв. ред. Я. Н. Щапов; отв. сост. О. Ю. Васильева. М., 1996 и др.

2 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сборник в 2-х частях / гл. ред. прот. В. Воробьев; сост. М. Е. Губонин. М., 1994; Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1. «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. М., 1999; Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н. А. Кривова. Православный Свято-Тихоновский богословский институт. М., 2000; Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 т. / сост. и автор коммент. М. Е. Губонин; отв. ред. прот. В. Воробьев. М., 2012.

международным давлением на советскую власть. В защиту патриарха выступили многие зарубежные религиозные, политические и общественные деятели. Во-вторых, нестабильным положением в стране, страхом большевистской власти перед народными выступлениями. Наконец, в-третьих, обострением борьбы в руководстве РКП(б) в связи с болезнью и фактическим отходом от управления партией и правительством В. И. Ленина³. Исследователи рассматривают эти причины как в комплексе, так и пытаясь определить среди них те, которые, по их мнению, имели решающее значение. Так, С. Г. Петров, много лет посвятивший изучению и изданию документов высшего партийного руководства и Главного политического управления (ГПУ) по церковным делам, пришел к выводу, что «освобождение патриарха произошло, конечно же, благодаря колossalному международному давлению»⁴. Протоиерей Владислав Цыпин считает, что решающее значение в освобождении патриарха имели не протесты мировой общественности и зарубежных правительств, а боязнь советского партийного руководства перед непредсказуемыми последствиями внутри страны⁵. Священник Дмитрий Сафонов помимо этой причины указывает и на изменение соотношения сил в Политбюро ЦК РКП(б) в связи с недееспособностью В. И. Ленина и усилением роли И. В. Сталина⁶.

Разрешение возникших в историографии разногласий возможно на пути расширения источниковой базы исследований. В частности, представляется важным привлечение документов Архива внешней политики Российской Федерации, которые позволили бы с большей полнотой осветить выступления за рубежом против религиозных преследований в СССР и проследить, как они повлияли на формирование внешнеполитического курса правительств отдельных стран в отношении Москвы.

3 Например, см.: *Вострышев М. И. Патриарх Тихон. 4-е изд. М., 2009. С. 266–270; Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 181–183; Одинцов М. И. Жребий пастыря. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина). М., 2021; Одинцов М. И. Русские патриархи XX века... С. 46–49; Петров С. Г. Русская православная церковь времен патриарха Тихона (Источниковедческое исследование). Новосибирск, 2013. С. 113–115; Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013. С. 288–291; Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 99–101.*

4 Петров С. Г. Русская православная церковь... С. 135.

5 Цыпин В., прот. История Русской Церкви... С. 101.

6 Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон... С. 290–291.

В настоящей статье предпринимается попытка, основываясь на документах советского полпредства в Праге, рассмотреть реакцию в ЧСР на подготовку судебного процесса над патриархом Тихоном в 1923 г., выявить, какие политические силы проявляли наибольшую активность в выступлениях против религиозных преследований в СССР, и последствия этик выступлений для чехословацко-советских отношений.

Большевистское руководство, определявшее все стороны развития советского государства и общества, рассматривало Русскую Православную Церковь как наследие царизма, с которым следовало как можно скорее покончить. Правовым прикрытием для развернувшихся гонений на Церковь явился декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (20 января 1918 г.), провозглашавший отделение церкви от государства и школы от церкви, лишавший религиозные организации прав собственности и юридического лица⁷. В проведении декрета в жизнь активное участие принимали силовые ведомства, в частности ВЧК. Именно в ее недрах был разработан план разрушения Церкви изнутри: с помощью «прогрессивных» представителей духовенства (так называемых обновленцев) предполагалось развернуть борьбу против иерархии Русской Православной Церкви во главе с патриархом Тихоном, внести «разложение» и «разрушение» «в самую гущу верующих»⁸.

Предлогом для усиления борьбы с Церковью стал разразившийся в 1921 г. небывалый голод в Поволжье и на Украине. Несмотря на послание патриарха Тихона приходским советам от 19 февраля 1922 г. с призывом передать в помощь голодающим драгоценные украшения и предметы, не имевшие богослужебного употребления⁹, ВЦИК 23 февраля издал декрет, предписывавший изъятие из храмов всех без исключения ценностей¹⁰, что привело во многих местах к столкновениям

⁷ Конфессиональная политика советского государства... Кн. 2. Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений. С. 242–243. Док. 191.

⁸ См.: Петров С. Г. Русская православная церковь... С. 61–63.

⁹ Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 1. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды. С. 240–241. Док. 78.

¹⁰ Эта дата была указана при публикации декрета в газете «Известия» 26 февраля 1922 г. Декрет был принят и утвержден на заседании Президиума ВЦИК 16 февраля. См.: Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 2. С. 84–85. Док. 69.

между верующими и представителями властей. Особенно драматический характер они приобрели в г. Шуе, и председатель Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленин счел, что наступил подходящий момент для того, чтобы нанести «самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству». В секретном письме членам Политбюро от 19 марта 1922 г. он рекомендовал в кратчайшие сроки «с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не оста[на] вливаясь», произвести изъятия ценностей. «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше[.] Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»¹¹. В соответствии с указаниями вождя в стране было организовано множество судебных процессов. Уже к середине 1922 г. состоялся 231 судебный процесс, в ходе которых было осуждено 732 человека, многие из них были расстреляны¹².

Во время процесса по делу московского духовенства и верующих в связи с изъятием церковных ценностей Политбюро ЦК РКП(б) 4 мая 1922 г. постановило: «Дать директиву Московскому трибуналу 1) немедленно привлечь Тихона к суду, 2) применить к попам высшую меру наказания»¹³. Московский революционный трибунал исправно выполнил распоряжение Политбюро. Более того, в своем приговоре 8 мая трибунал констатировал, что он «устанавливает незаконность существования, организации называемой православной иерархией тем более, что деятельность этой организации преследует и политические цели умело скрывая их своей внешностью религиозной организации»¹⁴. Таким образом, по справедливому замечанию академика Н. Н. Покровского, «было вынесено юридическое определение, ставящее вне закона всю иерархию Русской Православной Церкви – иерархию, без которой Церкви нет»¹⁵.

Патриарх Тихон «ввиду крайней затруднительности в церковном управлении» из-за привлечения к суду 12 мая временно передал свои полномочия Ярославскому митрополиту Агафангелу (Преображенскому), предписав ему без промедления прибыть в Москву. Однако ГПУ воспрепятствовало митрополиту Агафангелу покинуть Ярославль и принять переданные ему патриархом полномочия

11 Архивы Кремля... Кн. 1. С. 143. Док. 23–16; Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 1. С. 246–247. Док. 83.

12 Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. ... С. 155.

13 Архивы Кремля. ... Кн. 1. С. 199. Док. 24-4.

14 Там же. Док. 24-6. Стиль и орфография цитируемого документа сохранены.

15 Покровский Н. Н. Предисловие // Архивы Кремля... Кн. 1. С. 48.

и поспособствовало, чтобы церковное управление перехватили обновленцы (А. Введенский, В. Красницкий и др.)¹⁶. 19 мая патриарх был переведен сотрудниками ГПУ под домашний арест в Донской монастырь, а его резиденцию, Троицкое подворье, заняло обновленческое Временное церковное управление (ВЦУ).

Началась подготовка процесса над патриархом: допросы, сбор обвинительных материалов и пр. В активную фазу эта работа вступила в конце 1922 г., и 8 февраля 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об организации процесса над патриархом и его ближайшими сотрудниками в последних числах марта, предъявив обвинение по четырем пунктам: активная борьба против проведения декрета об отделении церкви от государства, противодействие вскрытию мощей, изъятию церковных ценностей и «систематическая к[онтр]-р[еволюционная] деятельность». До процесса над патриархом Тихоном было решено организовать суд над главой всех католиков в СССР Могилевским архиепископом Я. Г. Цепляком и его клириками¹⁷.

Состоявшийся 21–26 марта в Москве суд над католическими священнослужителями приговорил архиепископа Я. Г. Цепляка и префата К. Ю. Будкевича к расстрелу, что вызвало протесты Ватикана, правительства и общественности многих стран. Под их влиянием Президиум ВЦИК вынужден был смягчить приговор Цепляку, заменив смертную казнь на 10 лет лишения свободы, а Будкевич 31 марта был расстрелян¹⁸. 3 апреля в «Правде» было опубликовано официальное сообщение о приведении приговора в исполнение¹⁹.

Казнь Будкевича вызвала новые протесты за рубежом²⁰, в том числе и в Чехословакии. Советский полпред в ЧСР К. К. Юрьев 6 апреля

16 Там же. С. 50–51; *Цыгин Владислав, прот.* История Русской Церкви… С. 79. Обновленцы – представители раскольнического движения в Русской Православной Церкви в 1920-е – 1940-е годы, выступавшие за тесное сотрудничество с советской властью, за проведение радикальных реформ: отмену «привилегий» монашества, введение белого (женатого) епископата, разрешение второбрачия клирикам, преобразование монастырей в трудовые коммуны, переход на григорианский календарь.

17 Архивы Кремля… Кн. 1. С. 258–259. Док. № 25-7; С. 259–260. Док. 25-8; Конфессиональная политика советского государства… Т. 1. Кн. 1. С. 283. Док. 121.

18 Подробнее см.: *Токарева Е. С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921–1941 годы.* М., 2023. С. 90–94.

19 Там же. С. 96.

20 Подробнее см.: Там же. С. 97–103; Черная книга. («Штурм небес»). Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / сост. А. А. Валентинов. Париж, 1925. С. 190–196.

1923 г. сообщал в Народный комиссариат иностранных дел СССР: «Вся пресса, кроме коммунистической, единодушно негодует по поводу суда и казни». Официальное издание Československá Republika писало что «на шестом году своего существования советский режим имеет столь же жестокую руку, как и в первые дни своего бытия. Это – “рука палача”». Даже обычно лояльные по отношению к СССР газеты, как, например, независимая Tribuna, подчеркивала, что «казнь Будкевича не только глубокое моральное падение, но и крупная политическая ошибка [...] Сов[етское] правительство] почувствует теперь и в политическом отношении последствия казни. Всякий поймет, что утверждение, будто в России установился нормальный правопорядок, – легенда» (подчеркнуто в документе. – *H. C.*). Еще с большей резкостью, отмечал Юренев, выступала католическая печать, в частности газета Čech²¹.

6 апреля советского полпреда посетил временный поверенный в делах Польши в ЧСР К. Бадер и выразил протест против расстрела Будкевича. «Бадер доказывал, что казнь Будкевича – большая ошибка, совершенная советским правительством; что можно было обойтись и без крови», – записал Юренев в служебном дневнике. Полпред хотел обсудить с польским дипломатом целый ряд политических вопросов, но это ему не удалось, «ибо события в глазах Бадера были заслонены казнью Будкевича»²².

В тот же день Юренева посетили главный редактор газеты Tribune Ф. Peroутка и редактор Крейчи, которые «с большой горячностью доказывали, что казнь Будкевича является большой политической ошибкой сов[етского] правительства»²³. Полпред жаловался в Москву, что «из-за дела над ксендзами» у него возникли сложности в установлении контактов с чехословацкими общественными деятелями и представителями дипломатического корпуса в Праге: «Нас чуждаются»²⁴.

Многочисленные протесты за рубежом вынудили наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина 10 апреля обратиться в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением заранее принять решение «о невынесении смертного приговора Тихону». Ссылаясь на конкретные факты, нарком доказывал, какой огромный вред интересам СССР был нанесен

21 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53952. Л. 60–61.

22 Там же. П. 276. Д. 53958. Л. 24.

23 Там же. Л. 26.

24 Там же. Л. 36.

казнью Будкевича, когда в результате массовых протестов во многих странах стала невозможной деятельность сторонников сотрудничества с Москвой. Чичерин был убежден, что «вынесение смертного приговора в деле Тихона еще гораздо больше ухудшит наше международное положение во всех отношениях»²⁵.

Однако Политбюро отклонило предложение Чичерина. Более того, 12 апреля вынесло особое решение: «Поручить Секретариату ЦК дать директиву Верховному Трибуналу вести дело Тихона со всею строгостью, соответствующей объему колоссальной вины, совершенной Тихоном»²⁶. Тогда же Политбюро поручило Народному комиссариату иностранных дел (НКИД), Российскому телеграфному агентству и редакциям газет «поднять кампанию» против патриарха Тихона и «усилить необходимую контрагитацию в связи с расстрелом Будкевича»²⁷.

19 апреля патриарх был переведен во внутреннюю тюрьму ГПУ, и через четыре дня должен был начаться суд. Но 21 апреля в Политбюро поступила записка председателя ГПУ Ф. Э. Дзержинского с предложением «отложить процесс Тихона в связи с разгаром агитации за границей (дело Будкевича) и необходимостью более тщательно подготовить процесс». Предложение Дзержинского поддержало большинство членов Политбюро²⁸.

Выполняя постановление партийного руководства, НКИД в то время главным образом направил свою деятельность на организацию пропагандистской кампании и «контрагитации» за границей. Чичерин посыпал в полпредства материалы, в которых утверждалось, будто католические священнослужители осуждены за антиправительственную деятельность, «субсидированную польским правительством»²⁹, а патриарх Тихон являлся «духовным вождем контрреволюции»³⁰, его усилиями «вся церковная организация сверху донизу была превращена в один стройный механизм, который должен был служить для взрыва советской власти», он поддерживал тесную связь с белогвардейцами, с «зарубежными контрреволюционными церковниками и деятелями

25 Архивы Кремля... Кн. 1. С. 263–264. Док. № 25-13.

26 Там же. С. 267. Док. № 25-16.

27 Там же. С. 266. Док. № 25-15; Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 1. С. 285. Док. 184.

28 Архивы Кремля... Кн. 1. С. 273. Док. № 25-21; С. 274. Док. 25-22.

29 Токарева Е. С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды... С. 98.

30 Архивы Кремля... Кн. 1. С. 268. Док. 25-17.

вообще»³¹. С. Г. Петров установил источники этих писем наркома³². Одним из них был обвинительный акт по делу патриарха Тихона, который был разослан в советские представительства за рубежом, но по указанию Чичерина не подлежал публикации «раньше времени»³³.

Все попытки Юренева разместить в чехословацкой прессе присыпаемые НКИД материалы завершились неудачей. 25 апреля он сообщил Чичерину, что «о деле Будкевича и Цепляка [...] кроме “Трибуны” и коммунистической прессы ни одна из газет, с коими мы имеем связи, не рискнула напечатать наш материал»³⁴. Чехословацкая печать не публиковала присыпаемые из Москвы материалы и по делу патриарха, несмотря на все старания сотрудников полпредства и самого полпреда. Только «после моего сильного нажима на “Трибуну” она напечатала нашу информацию о Тихоне», – писал Юренев в НКИД 9 мая. Кроме того, в том же письме он сообщал, что Tribuna на своих страницах поместила «довольно подробное сообщение» о работе Всероссийского церковного собора, которое перепечатали все газеты³⁵.

Пропаганда в стране и за рубежом деяний упомянутого обновленческого собора, который проходил в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г. и претенциозно был назван Вторым Всероссийским поместным собором Русской Православной Церкви, Кремль придавал большое значение. Советское руководство считало его крупным успехом своей церковной политики. Собор, подготовка и работа которого направлялась структурами ЦК РКП(б) и ГПУ³⁶, обвинил патриарха Тихона в том, что он «вместо подлинного служения Христу служил контрреволюции», объявил его «отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви», в связи с чем лишил патриарха сана и монашества и вернул его в «первобытое, мирское положение». Более того, собор отменил восстановление патриаршества, заявив, что это было бы «актом определенно политическим, контрреволюционным». Собор восхвалял Октябрьскую революцию, советскую власть как единственную во всем мире, осуществлявшую «идеалы царства Божия», и т. д.³⁷

31 Подробнее см.: АВП РФ. Ф. 04. П. 276. Д. 53960. Л. 61–64.

32 См.: Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2004. С. 283–285.

33 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 61.

34 Там же. П. 275. Д. 53952. Л. 93.

35 Там же. Л. 125.

36 Петров С. Г. Русская православная церковь... С. 193.

37 Следственное дело патриарха Тихона... С. 349–350. Док. 176.

В чехословацкой прессе сообщения о соборе и деятельности обновленцев помещались под броскими заголовками: «Тихон осужден и отгучен от церкви», «Русский патриархат упразднен», «Живая церковь за Советы», «Молитвы в русской церкви за советскую власть» и т. п.³⁸ Причем подача материала осуществлялась в такой форме, что давала простор для самых разных интерпретаций. В католической прессе такая информация соседствовала с сообщениями о «разбойничьем ограблении храмов» (изъятии церковных ценностей) и о преследовании духовенства³⁹.

При весьма скромных достижениях в деле «контрагитации» Юренев был встревожен высокой активностью русской эмигрантской и чехословацкой прессы, выступавшей в защиту патриарха Тихона. «Враждебные нам группы уже начали шумную кампанию против нас, – писал полпред Чичерину 2 мая. – Так, “Союз русских писателей и журналистов ЧСР” (председателем его является известный Вам Питирим Сорокин, коего мы по нашей глупости выпустили за пределы России) принял резолюцию протesta против суда над Тихоном, в коей выражается негодование по поводу того, что Сов[етское] пра[вительство] посягает на свободу совести и под видом судебного преследования чинит политическую расправу с инакомыслящими»⁴⁰. Эта резолюция была перепечатана всеми чехословацкими газетами. Стараниями русского писателя-эмигранта Е. Н. Чирикова материалы в защиту патриарха Тихона появились на страницах центрального органа Республиканской партии чехословацких земледельцев и малоземельных крестьян (аграрной партии) Venkov. Юренев считал целесообразным, чтобы в московской прессе была опубликована статья, «предостерегающая любителей вмешательства во внутренние дела Советской России [...] с указанием, что Сов[етская] Россия не потерпит ни прямого, ни косвенного вмешательства, в какие бы формы оно ни облекалось»⁴¹.

Для Юренева некоторое время оставалась загадочной позиция официальной Праги в вопросе преследования католического и православного духовенства в СССР. Несмотря на разгар антисоветской кампании в чехословацкой печати после казни Будкевича, во время бесед полпреда с министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем и его заместителем В. Гирсой ни один, ни другой не поднимали вопрос о «деле ксендзов»⁴².

38 Например, см.: *Našinec*. 8. května 1923; 31. května 1923.

39 Например, см.: *Našinec*. 7.dubna 1923; 31. května 1923.

40 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53952. Л. 116.

41 Там же.

42 Там же. Л. 63.

В какой-то степени позиция МИД ЧСР прояснилась в выступлении Бенеша 25 апреля в парламентской комиссии по иностранным делам. Несмотря на то, что заседание было секретным, советский полпред узнал о нем «из вполне достоверных источников». Сообщая о выступлении Бенеша в НКИД, Юренев отметил следующие слова министра: «Когда возник вопрос прелата Будкевича и патриарха Тихона, мы обсуждали, следует ли нам выступать. Наконец решили, что президент республики должен выступить. К моменту, когда мы хотели осуществить это выступление, советскому правительству был передан протест Сикорского, который имел совершенно иной характер, нежели мы предполагали. Мы намеревались выступить только с точки зрения оскорблённого и правового человеческого чувства. Однако Варшава превратила дело Будкевича в политический вопрос польско-русского конфликта»⁴³.

Бенеш имел в виду заявление польского премьер-министра В. Сикорского в сенате 27 марта 1923 г., в котором он подчеркнул особую заинтересованность Польши в судьбе католических священнослужителей, поскольку «главой Католической церкви в России является поляк и ввиду того, что этот в данном случае вопрос касается польского национального меньшинства в Сов[етской] России, т. е. около 2-х миллионов наших соплеменников»⁴⁴. Сикорский заявил, что «приговорщен каких-нибудь признаков справедливости» и советское правительство «несет полную ответственность за приведение в исполнение этого варварского приговора»⁴⁵. Польское правительство не ограничилось сообщением своей позиции советскому представителю в Варшаве и обратилась к Ватикану и западным державам с тем, чтобы «заявить общий протест против приговора, являющегося нарушением свободы совести [и] вероисповедания и нарушением тех прав, которыми пользуются нацменьшинства в государстве, особенно [в] государстве, считающим себя передовым»⁴⁶.

По словам Бенеша (в изложении Юренева): «Форма выступления польского правительства сделала для нас невозможным выступить по делу Будкевича. По делу патриарха Тихона мы предполагаем

43 Там же. Л. 104.

44 Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 3. Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». С. 525. Док. 446.

45 Там же. С. 525–526. Док. 446.

46 Там же. С. 526. Док. 446

выступить в нашем смысле совместно со всеми государствами и надеялся, что на этот раз это выступление держав будет осуществлено⁴⁷. О готовившемся совместном выступлении чехословацкого правительства с другими странами Юренев немедленно телеграфировал в Москву⁴⁸.

Сведения о выступлении Бенеша, которыми располагал полпред, по существу подтвердились во время его беседы с Гирсой 29 апреля. Заместитель министра сам начал разговор о деле патриарха. «Доказывал мне очень пространно, сколь неблагоприятное впечатление произвел бы суровый приговор над Тихоном на все общественное мнение Европы», – записал Юренев в служебном дневнике. Гирса также, как и Бенеш, осуждал форму выступления польского правительства по делу Будкевича. Он считал, что «если бы выступление поляков было произведено под флагом гуманности, то Россия наверное не отнеслась бы к нему так резко отрицательно, как это было сделано в ответ на демонстративное выступление Польши». У Юренева сложилось впечатление, что Гирса подготовлял его к тому совместному выступлению держав, о котором говорил Бенеш на секретном заседании парламентской комиссии. Полпред ответил, что даже если бы выступление держав по делу Будкевича «носило тот характер, о котором говорит Гирса», советское правительство все равно расценило бы его как вмешательство во внутренние дела Советской России. На это заместитель министра заявил, что «не следует расценивать всякое давление Запада, особенно если речь идет о выступлении во имя гуманности, как вмешательство во внутренние дела России». Затем Гирса неожиданно для Юренева поставил вопрос об открытии чехословацких консульств в Одессе, Новороссийске, Томске и Владивостоке, всем своим видом давая понять крайнюю заинтересованность Праги в его положительном решении⁴⁹. Из беседы с Гирсой у советского полпреда могло сложиться впечатление, что позиция чехословацкого правительства в деле патриарха будет зависеть от ответа Москвы на вопрос о консульствах.

Нам неизвестны документы о переговорах представителей ЧСР с другими государствами о совместном выступлении в защиту патриарха Тихона. В документальном сборнике, составленном А. А. Ланге (псевдоним – Валентинов), есть сведения о том, что французское правительство в то время обратилось к правительствам Великобритании,

47 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53952. Л. 105.

48 Архивы Кремля... Кн. 1. С. 279. Док. 25–26.

49 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53958. Л. 56–57.

Бельгии, Италии и Югославии с предложением «совместно обсудить те меры, при помощи которых можно было бы добиться освобождения главы Русской Церкви». Однако от этой идеи пришлось отказаться из-за опасения, что такое внешнее вмешательство было бы «скорее вредным, чем полезным, и его бы использовали для доказательства солидарности буржуазных правительств с мнимыми врагами пролетариата»⁵⁰.

Среди многочисленных протестов зарубежных правительств против преследований духовенства в СССР особой категоричностью отличался меморандум британского правительства от 2 мая 1923 г. («ультиматум Керзона»), который был вручен заместителю наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинову 8 мая. В нем наряду с требованиями прекратить антибританскую пропаганду в Иране, Афганистане и Индии, выплатить денежные компенсации семьям британских подданных, подвергшихся репрессиям в СССР, и освободить арестованные британские траулеры значительное внимание уделялось преследованиям православного и католического духовенства. В меморандуме подчеркивалось, что «эти деяния вызвали глубокий ужас и негодующие протесты во всем цивилизованном мире». В случае непринятия советской стороной условий меморандума в течение 10 дней Лондон оставлял за собой право разорвать двусторонний договор от 16 мая 1921 г.⁵¹

Юренев 15 мая сообщал в Москву: «Отношение всех политических партий, кроме коммунистической и “социалистического объединения”, к акту Керзона вполне положительное»⁵². В позитивном ключе британский меморандум освещался и в официальном издании Československá Republika, где при этом подчеркивалось, что Лондон признает бесполезным советско-британский договор 1921 г. и «действительность показала, что в настоящее время торговля с Россией невозможна». Юренев считал, что «в этих строках чех[ословацкое] правительство высказывает и свое личное неудовольствие торговыми сношениями РСФСР с ЧСР»⁵³.

50 Черная книга («Штурм небес»). С. 168. О А. А. Валентинове-Ланге и указанном сборнике см.: Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х гг.). М., 2011. С. 99–102.

51 Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т. 6. С. 297–302. Док. 172. Примечание.

52 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53952. Л. 127.

53 Там же.

Полпред подозревал чехословацкое правительство в том, что оно запрещает газетам публиковать присылаемые из Москвы материалы по делу патриарха Тихона⁵⁴.

Вместе с тем появилась информация, причем из нескольких и вполне достоверных источников, будто Бенеш намерен вынести на пленум парламента вопрос о ратификации Временного договора между РСФСР и ЧСР от 5 июня 1922 г., чего советская сторона добивалась с момента его подписания⁵⁵ и что обещал министр Юреневу во время их первой встречи 9 марта 1923 г.⁵⁶

Полпред указывал и на то, что Министерство иностранных дел ЧСР воспрепятствовало проведению митинга против суда над патриархом Тихоном. Митинг должен был состояться 23 мая по инициативе «Союза русских писателей и журналистов в ЧСР». По словам полпреда, в подготовке митинга участвовало несколько десятков русских эмигрантских и чешских организаций: «Готовился митинг-монстр». Однако Министерство иностранных дел ЧСР «посоветовало» организаторам митинг не проводить. Это вызвало в национально-демократической и католической печати шквал протестов и обвинений в адрес МИД, в связи с чем заместитель министра иностранных дел В. Гирса вынужден был в прессе разъяснить позицию внешнеполитического ведомства ЧСР. Он подчеркнул, что в последнее время участились случаи, когда без ведома Министерства иностранных дел некоторые эмигрантские круги организуют «манифестации политического характера, которые, как с точки зрения внутреннего мира, так и с точки зрения международного, вызывают отклики». В интересах государства и общественного порядка, отметил Гирса, Министерство иностранных дел настаивает на своем праве по меньшей мере быть «уведомляемым о политических выступлениях и начинаниях иностранных граждан, а в особенности тех, за деятельность или организацию которых прямо или косвенно возлагается ответственность на Министерство» (подчеркнуто в документе. – Н. С.). Вместе с тем Гирса подчеркнул, что Министерство иностранных дел не запрещало запланированного собрания и не производило ни на кого никакого давления, что ему не безразлична судьба Русской Православной Церкви и ее главы патриарха Тихона, и «Министерство давно уже предприняло надлежащие шаги, которые считало

54 Там же. Л. 116.

55 Там же. Л. 112.

56 Там же. П. 276. Д. 53958. Л. 2.

нужными в интересах патриарха Тихона», и оно нисколько не возражает против выражения общественного мнения и мнения политических деятелей в подобных вопросах⁵⁷.

Юренев считал, что нажим чехословацкого правительства на эмиграцию связан с заинтересованностью Праги в открытии консульств на территории СССР. Однако, по его мнению, не стоило обольщаться достигнутым успехом. Полпред расценивал случай с митингом не как начало нового курса правительства ЧСР в отношении эмиграции, а как ловкий ход, рассчитанный на то, что после такого проявления лояльности Москва окажется более гговорчивой в вопросе об открытии чехословацких консульств⁵⁸. Следует отметить, что если такие расчеты у чехословацкой стороны и имелись, то они не оправдались. В июне 1923 г. советская сторона удовлетворила просьбу Праги о помиловании гражданина ЧСР, бывшего курьера чехословацкой торговой миссии в Москве Б. Шиндлера, обвиненного в шпионаже. В связи с этим Литвинов рекомендовал Юреневу дать понять в Праге, что «такая предупредительность с нашей стороны отчасти объясняется поведением чех[ословацкого] пра[вительства] в деле митинга протеста против процесса Тихона. Пусть два эти дела взаимно погашают друг друга, чтобы чех[ословацкое] пра[вительство] не могло требовать от нас дальнейших эквивалентов за свое однократно приличное поведение»⁵⁹.

После не состоявшегося 23 мая митинга выступления в защиту патриарха Тихона в Чехословакии не прекратились. На 28 мая христианско-демократический клуб Праги назначил новое собрание. Юренев рассчитывал, что оно вряд ли приобретет массовый характер. «Политически – предстоящий митинг сильно подорван» (подчеркнуто в документе. – *H. C.*), – писал он Литвинову. Русская эмиграция едва ли после случившегося будет в нем участвовать. Полпред не исключал, что митинг и вовсе не состоится. Но если он все-таки состоится, то «нашими друзьями уже приняты меры», рабочие-коммунисты его сорвут⁶⁰.

Вопреки ожиданиям Юренева христианское собрание 28 мая в Праге состоялось. Коммунистам сорвать его не удалось. По сведениям прессы, на собрании присутствовало около 5000 человек. Главным оратором был депутат Национального собрания ЧСР от Чехословацкой

57 Там же. П. 275. Д. 53952. Л. 139–141.

58 Там же. Л. 141.

59 Там же. П. 276. Д. 53960. Л. 102.

60 Там же. П. 275. Д. 53952. Л. 141–142.

народной партии В. Мысливец, который говорил о страданиях русского народа, в крови которого «купаются чудовища», о том, что весь цивилизованный мир протестует против террора «красных тиранов», в то время как правительство ЧСР безмолвствует. Кроме Мысливеца на собрании выступили еще два депутата от Чехословацкой народной партии: председатель Союза католических женских ассоциаций А. Розсыпалова и Ф. Яналик. Последний обращался к собравшимся от имени католиков Моравии. На собрании также выступили пражский священник А. Тылинек, редактор одного из католических изданий Касанда и гость из Югославии Дуймович. Собрание приняло резолюцию, в которой выражался протест против попрания свободы вероисповедания и жестоких преследований христианской церкви в России, скорбь, что правительство Чехословакии не сочло нужным протестовать вместе со всем цивилизованным миром против приговора и казни прелата Будкевича. В резолюции выдвигалось требование, чтобы, пока такая же участь не постигла патриарха Тихона, правительство ЧСР самым решительным образом протестовало против ареста и несправедливого суда над ним, и, для того чтобы «этот протест достиг цели, прервать все отношения с московским правительством убийц»⁶¹.

1 июня в Праге прошел еще один митинг в защиту патриарха Тихона. Он был организован союзом молодежи Национально-демократической партии. Участвовало в нем около 5000 человек. К собравшимся с пламенной речью обратился лидер партии К. Крамарж. Начало его выступления прозвучало упреком в адрес «дипломатов новой школы»⁶², который Юрнек в своем донесении в Москву определил как «атаку против Бенеша»⁶³. Речь шла о запрещенном митинге 23 мая. По словам Крамаржа, он должен был быть совместным чешско-русским выступлением в защиту патриарха Тихона и стал бы чем-то больше, чем выступление одной партии. В нем предполагалось участие представителей всех политических партий Чехословакии, которые «хотели выразить свои симпатии русским братьям и возмущение тем, как глумятся над самыми святыми чувствами русского народа». Крамарж прозрачно намекал, что митинг не состоялся по вине «дипломатов новой школы», принцип которых «всегда и повсюду договариваться» он категорически отвергал. Крамарж считал, что любые переговоры с большевиками означали бы поддержку их преступлений, совершаемых против русского

61 Našinec. 31. května 1923.

62 Národní listy. 2. června 1923.

63 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53952. Л. 160.

народа, которому чехи обязаны своей свободой. Оратор разоблачил опубликованные в *Rudé právo* материалы о патриархе Тихоне, подчеркнул величие его подвига, готовность пожертвовать жизнью во имя своей веры и убеждений. «Мы в стране мученика Яна Гуса знаем, что значит бороться за свободу совести и убеждений, и поэтому лучше других способны оценить значение подвига Тихона для нравственного развития русского народа, – говорил Крамарж. – Мы глубоко преклоняемся перед моральным величием патриарха Тихона и выражаем самое глубокое презрение его палачам». Крамарж наряду с большевистскими властями обличал так называемую «Живую церковь» и ее деятелей⁶⁴.

В принятой на митинге резолюции собравшиеся призывали правительство ЧСР выполнить свой «славянский долг и протестовать против кровавых авантюристов»⁶⁵, что Юренев расценил как требование к правительству «разрыва с нами»⁶⁶. Митинг закончился демонстративным шествием его участников по улицам Праги с пением «Гей, славяне», патриотических песен, славословиями в адрес «славянской России»⁶⁷.

По мнению Юренева, за критикой Крамаржем «дипломатов новой школы» крылось нечто большее, чем «сведение “личных счетов” с ненавистным ему Бенешем», а именно разочарование «деловых людей» Чехословакии насчет возможности серьезных экономических отношений с СССР. «Не видя пользы от договорных отношений с большевиками и учитывая рост международной реакции, н[ационал]-д[емократы] заняли крайне воинственную по отношению к нам позицию», – писал Юренев 8 июня Литвинову. Полпред подчеркивал, что Крамарж был не только главой партии, которая имела в чехословацком правительстве двух министров, но и в качестве ее представителя входил в так называемую «Пятерку» – неконституционный, но очень влиятельный орган, состоявший из лидеров ведущих чехословацких политических партий. По словам Юренева, именно «Пятерка» и была «настоящей властью, а кабинет министров исполнителем ее предначертаний»⁶⁸.

По сведениям, которыми располагал Юренев, Национально-демократическая и Чехословацкая народная партии, выступая в защиту патриарха Тихона, не ограничивались только организацией митингов и кампанией в прессе. Представители этих партий поднимали вопрос

⁶⁴ Národní listy. 2. června 1923.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53952. Л. 159–160.

⁶⁷ Národní listy. 2. června 1923.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53953. Л. 14.

о деле патриарха на заседаниях совета министров и сенатской комиссии по иностранным делам, предлагая чехословацкому правительству предпринять соответствующие меры в отношении СССР. «Во всяком случае для меня ясно, — писал полпред Литвинову, — что осуждение Тихона на смерть, а тем паче казнь будет иметь самые пагубные с точки зрения нашего международного положения последствия»⁶⁹.

27 июня 1923 г. патриарх был освобожден из тюрьмы. 5 августа Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (так называемая Антирелигиозная комиссия), которая руководила всей репрессивной работой против религиозных организаций, пришла к выводу, что «судить Тихона сейчас несвоевременно», чтобы суд не придал ему ореол мученика, но «необходимо, чтобы над Тихоном продолжала висеть угроза суда»⁷⁰. Только 13 марта 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о прекращении дела патриарха Тихона и о «высылке за пределы СССР» католического архиепископа Я. Г. Цепляка⁷¹.

После освобождения патриарх Тихон 15 июля 1923 г. обратился с посланием к пастве, в котором обличал «самозваное и самочинное» ВЦУ обновленцев и объявлял: «Мы снова вопримлем Наши святынильские полномочия, временно переданные заместителю Нашему, митрополиту Агафангелу, но им по независящим обстоятельствам не использованные, и приступаем к исполнению своих пастырских обязанностей»⁷². Вплоть до своей кончины 7 апреля 1925 г. патриарх Тихон вел борьбу против раскола, за единство Русской Православной Церкви, за легализацию ее высших и епархиальных органов управления, установленных Поместным собором 1917–1918 гг.⁷³ Он выступал в защиту духовенства, ставшего жертвой внесудебных репрессий, ходатайствовал об освобождении многих архиереев⁷⁴.

69 Там же. П. 275. Д. 53952. Л. 160.

70 Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 1. С. 481–482. Док. 299.

71 Архивы Кремля... Кн. 1. С. 290. Док. 25-40.

72 Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 4. Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране. С. 464–466. Док. 248.

73 См.: Там же. Кн. 2. С. 530–535. Док. 458; С. 535. Док. 459; С. 536. Док. 460; 536–538. Док. 461; Акты Святейшего Тихона... С. 318–319, 354–355.

74 Конфессиональная политика советского государства... Т. 1. Кн. 3. С. 786. Док. 604, 605; Там же. Кн. 4. С. 479–480. Док. 259.

Сложно определить, насколько выступления в защиту патриарха Тихона в небольшой Чехословакии повлияли на его освобождение и прекращение судебного процесса. Но репрессии против духовенства и конкретно дело патриарха Тихона в 1923 г. непосредственно оказались на чехословацко-советских отношениях. На это указывал в своем донесении в НКИД Юренев: «Если полгода тому назад нашим заключенным врагом была главным образом партия Крамаржа (национально-демократы), то теперь к ней присоединились клерикалы и аграрии». Он также подчеркивал, что позиция этих трех правительственные партий (национально-демократической, народной и аграрной) по отношению к СССР «становится все более и более враждебной»⁷⁵.

Таким образом, религиозные преследования в СССР вызвали массовые протесты в Чехословакии, круг противников признания советского правительства существенно расширился. К Национально-демократической партии, которая во главе со своим лидером Крамаржем была изначально противницей большевистского режима⁷⁶, присоединились Республиканская партия земледельцев и малоземельных крестьян и Чехословацкая народная партии, до этого не выступавшие с какими-либо протестами против СССР. Следует учитывать, что Республиканская партия земледельцев и малоземельных крестьян занимала ведущие позиции на политической сцене ЧСР. Как отмечал Юренев, неуклонно росло и влияние «клерикалов» – Чехословацкой народной партии. Представители аграрной, национально-демократической и народной партий составляли почти половину совета министров ЧСР, который возглавлял лидер аграриев А. Швегла. Три партии имели достаточно многочисленное представительство в Национальном собрании ЧСР.

22 июня 1923 г. Бенеш предупредил Юренева, что ему крайне неприятно выступать «в роли человека, не исполняющего своих обещаний», но вынесение на голосование парламента 28 июня вопроса о ратификации советско-чехословацкого договора невозможно, так как это приведет к правительльному кризису⁷⁷. Поэтому, когда депутат от Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) К. Крайбих, выступая в палате депутатов 28 июня, в очередной раз обрушился с критикой в адрес правительства ЧСР и поднял вопрос

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53952. Л. 156.

⁷⁶ См. подробнее: Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 274, 281–286, 350, 356–360, 380–381, 384, 389–391, 395, 404.

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53958. Л. 96.

о ратификации советско-чехословацкого договора 1922 г. и признании СССР⁷⁸, рассчитывать на успех, как и предупреждал Юренева Бенеш, он не мог. В тех условиях не могло быть и речи ни о ратификации договора, ни о признании СССР *de jure*.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сборник в 2 ч. / гл. ред. прот. В. Воробьев; сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. 1064 с.

Архивы Кремля. В 2 кн. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / издание подготовили: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Кн. 1. 599 с.; 1998. Кн. 2. 648 с.

Вострышев М. И. Патриарх Тихон. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 383 с.

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 6. 672 с.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1977. Т. 2. 636 с.

Конфессиональная политика советского государства, 1917–1991 гг.: Документы и материалы в 6 т. Т. 1: 1917–1924 гг.: в 4 кн. / отв. сост. М. И. Одинцов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. Кн. 1. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды. 646 с.; Кн. 2. Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений. 670 с.; Кн. 3. Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 892 с.; Кн. 4. Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране. 798 с.

78 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т. 2. С. 50–53. Док. 31.

Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х гг.). М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2011. 280 с.

Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.

Одинцов М. И. Жребий пастыря. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2021. 631 с.

Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1. «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. М.: Изд-во РАГС, 1999. 334 с.

Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 408 с.

Петров С. Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (Источниковедческое исследование). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 407 с.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 гг.: документы и фотоматериалы / отв. ред. Я. Н. Щапов; отв. сост. О. Ю. Васильева. М.: Изд-во Библейско-богословского института святого апостола Андрея, 1996. 328 с.

Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», 2013. 701 с.

Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н. А. Кривова. Православный Свято-Тихоновский богословский институт. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.

Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 т. / сост. и автор comment. М. Е. Губонин; отв. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. Т. 1. 720 с.; Т. 2. 719 с.

Токарева Е. С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921–1941 годы. М.: Изд-во «Весь мир», 2023. 784 с.

Цытин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 832 с.

Черная книга («Штурм небес»). Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / сост. А. А. Валентинов. Париж: Издание Русского национального студенческого объединения, 1925. 295 с.

Národní listy. 1923.

Našinec. 1923.

References

Akty Sviatogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskem preemstvye vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943. In 2 Parts, ed. by Vladimir Vorob'ev; compl. by M. E. Gubonin. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii Bogoslovskii Institut, Bratstvo vo Imia Vsemilostivogo Spasa, 1994, 1064 p.

Arkhivy Kremlia. In 2 Books. *Politbiuro i Tserkov'.* 1922–1925 gg., ed. by N. N. Pokrovskii, S. G. Petrov. Book 1. Moscow, Novosibirsk: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopedia (ROSSPEN), «Sibirskii khronograf», 1997, 599 p.; Book 2. Moscow, Novosibirsk: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopedia (ROSSPEN), Sibirskii khronograf, 1998, 648 p.

Chernaia kniga («Shturm nebes»). Sbornik dokumental'nykh dannykh, kharakterizuiushchikh bor'bu sovetskoi kommunisticheskoi vlasti protiv vsiakoi religii, protiv vsekh ispovedanii i tserkvei, compl. by A. A. Valentinov. Paris: Izdatie Russkogo natsional'nogo studencheskogo ob"edineniya, 1925, 295 p.

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechhoslovatskikh otnoshenii. Moscow: Nauka, 1977, vol. 2, 636 p.

Dokumenty vnesheini politiki SSSR. Moscow: Gospolitizdat, 1962, vol. 6, 672 p.

Konfessional'naia politika sovetskogo gosudarstva, 1917–1991 gg.: Dokumenty i materialy, in 6 Vols. Vol. 1: 1917–1924 gg.: in 4 Books, compl. by M. I. Odintsov. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopedia (ROSSPEN), 2017. Book 1. *Tsentral'nye rukovodящie organy RKP(b): ideologiya veroispovednoi politiki i praktika antireligioznoi propagandy.* 646 p.; Book 2. *Tsentral'nye organy gosudarstvennoi vlasti i upravleniya v RSFSR: sozdanie normativno-pravovoi bazy deiatel'nosti religioznykh ob"edinenii.* 670 p.; Book 3. *Narodnye komissariaty SNK RSFSR (1917–1924) i SNK SSSR (1922–1924): provedenie v zhizn' dekreta «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi».* 892 p.; Book 4. *Religioznye ob"edineniya, dukhovenstvo i veru-iushchie, obshchestvennye organizatsii i grazhdane o veroispovednoi politike sovetskogo gosudarstva i religioznoi situatsii v strane.* 798 p.

Kosik, O. V. *Golosa iz Rossii: Ocherki istorii sбora i peredachi za granitsu informatsii o polozhenii Tserkvi v SSSR (1920-e – nachalo 1930-kh gg.).* Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2011, 280 p.

Krivova, N. A. *Vlast' i tserkov' v 1922–1925 gg.: Politbiuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva.* Moscow: AIRO-XX, 1997, 247 p.

Národní listy. 1923.

Našinec. 1923.

Odintsov, M. I. *Zhrebii pastyria. Zhizn' i tserkovnoe sluzhenie patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii Tikhona (Bellavina)*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2021, 631 p.

Odintsov, M. I. *Russkie patriarkhi XX veka: Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov. Ch. 1. «Delo» patriarkha Tikhona; Krestnyi put' patriarkha Sergiia*. Moscow: Izdatel'stvo RAGS, 1999, 334 p.

Petrov, S. G. *Dokumenty deloproizvodstva Politbiuro TsK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoi tserkvi (1921–1925 gg.)* Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2004, 408 p.

Petrov, S. G. *Russkaia pravoslavnnaia tserkov' vremeni patriarkha Tikhona (Istochnikovedcheskoe issledovanie)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2013, 407 p.

Russkaia Pravoslavnnaia Tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941 gg.: dokumenty i fotomaterialy, ed. by Ia. N. Shchapov; compl. by O. Iu. Vasil'eva. Moscow: Izd-vo Bibleisko-bogoslovskogo instituta sviatogo apostola Andreia, 1996, 328 p.

Safonov, D., sviazhch. *Sviazitel' Tikhon, Patriarkh Moskovskii i vseia Rossii, i ego vremia*. Moscow: Fond sokhraneniia duchovno-nravstvennoi kul'tury «Pokrov», 2013, 701 p.

Serapionova, E. P. *Karel Kamarzh i Rossiiia. 1890–1937 gody: Ideinyye vozzreniya, politicheskaiia aktivnost', sviazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deiateliami*. Moscow: Nauka, 2006, 512 p.

Sledstvennoe delo Patriarkha Tikhona: sbornik dokumentov po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF, compl. by N. A. Krivova. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2000, 1016 p.

Sovremenniki o Patriarkhe Tikhone, compl. and comm. by M. E. Gubonin; ed. by V. Vorob'ev. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2012. Vols. 1–2.

Tokareva, E. S. *Vatikan v fokuse sovetskoi politiki i propagandy. 1921–1941 gody*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2023, 784 p.

Tsypin, V., prot. *Istoriia Russkoi Tserkvi. 1917–1997*. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja, 1997, 832 p.

Vostryshev, M. I. *Patriarkh Tikhon*. 4th izd. Moscow: Molodaia gvardiia, 2009, 383 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.03

N. N. Stankov

The “Case” of Patriarch Tikhon and Czechoslovak-Soviet Relations in April-June 1923 (According to the Documents of the Soviet Plenipotentiary Representation in Prague)

Nikolay N. Stankov

Doctor of History, professor, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: stankovnn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Citation

Stankov N. N. The “Case” of Patriarch Tikhon and Czechoslovak-Soviet Relations in April-June 1923 (According to the Documents of the Soviet Plenipotentiary Representation in Prague) // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 53–76 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.03

Received: 21.04.2025.

Revised: 05.08.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

Based on published and archival documents, the author examines Czechoslovakia's policy towards the USSR during the preparation of the trial of Patriarch Tikhon in the spring of 1923. Special attention is paid to the analysis of the dispatches of the Soviet plenipotentiary representative in Prague Konstantin K. Yurenev to the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR. In his reports he mentioned the publications in the Czechoslovak and Russian emigrant press and the mass meetings in Prague in defense of Patriarch Tikhon. The Czechoslovak People's Party and the National Democratic Party showed the greatest activity in organizing them, demanding that the Czechoslovak government completely break off relations with the USSR. Yurenev emphasized that due to religious persecution in the USSR, the circle of opponents of cooperation with the Soviet government in Czechoslovakia had significantly expanded. Czechoslovak diplomacy did not bring matters to a complete break in relations with Moscow, but Foreign Minister E. Beneš, citing the threat of a government crisis, reneged on his promise to bring to the meeting of the National Assembly of the Czechoslovak Republic the question of ratification of the Soviet-Czechoslovak Provisional Treaty of June 5, 1922.

Keywords

Activities in Czechoslovakia in defense of Patriarch Tikhon, Russian emigration to Czechoslovakia, E. Beneš, K. K. Yurenev, K. Kramář, the Czechoslovak People's Party.

**Чехословакия и словацкие венгры-кальвинисты:
от противоречий межвоенного периода
к кризисным явлениям 1945–1948 гг.**

Слоистов Сергей Михайлович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Слоистов С. М. Чехословакия и словацкие венгры-кальвинисты: от противоречий межвоенного периода к кризисным явлениям 1945–1948 гг. // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 77–105.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.04

Статья поступила в редакцию 13.01.2025.

Рецензирование завершено 21.01.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Кризисные явления в жизни общины чехословацких кальвинистов, с которыми она столкнулась в 1945–1948 гг., нельзя рассматривать в отрыве от динамики национальной эмансипации словацкой ее части в межвоенный период. Сложившиеся в то время между словацким меньшинством и венгерским большинством внутри Реформатской церкви на территории Чехословакии противоречия стали исходной точкой для последующей конфронтации в период после Первого Венского арбитража до окончания Второй мировой войны, а затем и переломного 1948 г. Восстановление контроля чехословацких властей над южными районами Словакии и интеграция этих земель в рассматриваемый послевоенный период велась с помощью системы антивенгерских дискриминационных мер, анализ которых приводится в данной работе. Однако общая антивенгерская политика чехословацкого государства имела и свои особенности. Ее реализация зависела от конкретной специфики той или иной группы внутри венгерского меньшинства. В статье особое внимание уделено существованию в эти критические для словацких венгров времена

Кальвинистской церкви. Кроме определявших ее функционирование причин антивенгерского характера, затрагивается важный для понимания ее положения фактор развития противостояния левых сил в стране с Католической церковью. Тем самым исследуются значимые для части словацких венгров обстоятельства, в первую очередь связанные со сферой церковно-государственных отношений, но одновременно повлиявшие и на результаты этнонациональной политики Чехословакии по отношению к венгерскому национальному меньшинству. Автором активно использовались архивные материалы, в том числе ранее не опубликованные и выявленные за рубежом.

Ключевые слова

Венгры в Словакии, кальвинисты, Реформатская церковь, национальная политика, дискриминация, государственно-церковные отношения, венгеро-словацкие отношения, Чехословакия.

Проблематика истории венгерского национального меньшинства в первые годы после окончания Второй мировой войны имеет много аспектов. Один из ракурсов – это этнонациональные отношения (взаимодействие титульных национальностей и меньшинства), которые можно рассматривать через призму воздействия представлявшего интересы чехов и словаков государства на проживавших на юго-востоке его территории венгров. Другой – подробное рассмотрение церковно-государственных отношений, определение тех факторов, которые влияли на положение конфессиоанальных меньшинств, в частности венгров, исповедовавших кальвинизм. Второй подход может служить важным дополнением к первому и дать более рельефную картину положения венгров на юге Словакии в 1945–1949 гг.

Тема конфессиональной политики Чехословакии в эти годы – очень обширная и достаточно глубоко изученная¹. Не менее богата и историография венгерского вопроса в Словакии².

1 О чешской и словацкой историографиях церкви и религиозных сообществ данного периода см., например: Zouhar J. Prehľad cirkevnéj historiografie v Českej republike v novom tisícročí // Konštatínove listy. 2014. R. 7. S. 85–88; Pácha M. Možnosti výzkumu katolické církve v českých zemích v raném období komunistické diktatury // Soudobé dejiny. 2019. Č. 2–3. S. 350–362; Petranský I. Dějiny církví a náboženských společností na Slovensku v 20. století. Trnava, 2017. S. 209–222. Об исследовательской литературе, посвященной венграм-кальвинистам, см.: Kis B. (*összeáll.*) Szlovákiai magyar református vonatkozású könyvek válogatott bibliográfiája (1990–2007) // Fórum Társadalomtudományi Szemle. 2008. 10. évf. 2. sz.

Словаки внутри кальвинистской общины в межвоенный период и годы Второй мировой войны

Обладающая значительным влиянием на венгеро-словацком пограничье Реформатская церковь была неоднородна по этнонациональному составу своих членов, среди которых словаки составляли меньшинство при абсолютном доминировании венгров. Однако с образованием Чехословакии у кальвинистов-словаков появилось больше возможностей добиваться учета своих интересов на уровне церкви как отдельной группы верующих, объединенных не только общим вероучением, но и специфическими культурными запросами.

Приводимые в литературе данные о деятельности кальвинистов-словаков в межвоенный период³ свидетельствуют о большом потенциале данной группы верующих, их организованности, наличии у их лидеров собственной стратегии и тактики. Они действительно стремились обеспечить верующим словацкой национальности возможность развивать свою религиозную жизнь, активно используя словацкий язык и существовавшие достижения словацкой нематериальной культуры. Их активность была направлена на обеспечение поддержки этих начинаний соответствующими церковными институтами: как отдельными (сеньорат, печать, дополнительное общественное объединение), так и общими (руководящие органы церкви, образовательные организации, финансовые и хозяйствственные учреждения).

147–158. old. О церковно-государственных отношениях в Чехословакии (в 1945 – начале 1950-х гг.) на русском языке см. соответствующие главы монографии: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церкви в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в.: Очерки истории. М., 2008. 807 с.

2 Так, библиография исторических работ по данному вопросу только за 1990–2002 гг. насчитывает более 200 позиций (см.: Simon A. (*összeáll.*). A szlovákiai magyarok történetének válogatott bibliográfiája (1990–2002). Somorja; Dunaszerdahely, 2004. 104–129. old.), а за последние два десятилетия историки продолжали также активно обращаться к данной теме, еще больше расширив список связанных с ней публикаций. О положении венгров в Словакии в рассматриваемый период см., например: Popély Á. Fél évszázad kisebbségben. Fejezetek a szlovákiai magyarság 1945 utáni történetéből. Somorja, 2014. 31–178. old.; на русском языке: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М., 2004. С. 211–309; Желицки Б. Й. Венгрия новейших времен. Очерки политической истории 1944–1994 гг. М., 2017. С. 68–161.

3 Svátková I. Reformovaná cirkev na Slovensku v rokoch 1918–1938 // Národ – cirkev – štát. Bratislava, 2007. S. 144–153.

Таким образом, мы можем говорить о наличии еще в 1930-е гг. внутри самой церкви значительной группы сторонников упрочнения позиций словацкой культуры среди местных кальвинистов. Характеризуя требования словацкой части общины реформатов, необходимо обратить внимание на следующие особенности их предложений: 1. они относились практически ко всем важным сферам церковной жизни; 2. осуществление этих пожеланий должно было затронуть в первую очередь верующих словацкой национальности (хотя косвенно касалось и венгров: например, в общинах, где они были в меньшинстве, до этого полностью направленный на реализацию церковной жизни в венгерских культурных формах ресурс подлежал сокращению); 3. они не предусматривали разделения и создания полностью отдельной словацкой Реформатской церкви, церковь в целом должна была получить различные механизмы, обеспечивающие нормальное существование двух групп ее верующих – венгров (большинства) и словаков (институционально защищенного меньшинства).

Присоединение территории южной Словакии к Венгрии в 1938 г. уменьшило численность Реформатской церкви на оставшейся словацкой территории, к кальвинистам теперь принадлежало около 14 тыс. человек⁴. По данным на октябрь 1943 г., кальвинисты в Словакии имели 27 пасторов⁵. Учитывая весь период государственного надзора с осени 1938 г. до конца 1944 г., количество провенгерски настроенного духовенства можно оценить в 15 пасторов⁶. При поддержке словаков-кальвинистов был образован новый орган управления церкви – Организационный комитет (был признан государством 10 ноября 1939 г.⁷). Словацкое государство пыталось различными методами сдерживать провенгерскую активность представителей всех традиционных христианских конфессий, в полной мере эта политика затронула и Реформатскую церковь.

После окончания войны и включения южной Словакии снова в состав Чехословакии сложилась ситуация, когда абсолютное большинство верующих Реформатской церкви было венграми, а руководство было представлено созданным в Словацкой республике Организационным комитетом.

⁴ Pešek J. Slovensko-maďarské spory v reformatkej kresťanskej cirkvi na Slovensku po druhej svetovej vojne // Národ – cirkev – štát. Bratislava, 2007. S. 185.

⁵ Hetényi M. Promaďarské duchovenstvo a náboženské pomery na pozadí vzťahu štátneho aparátu a maďarskej menšiny 1938–1945 // Studia Historica Nitriensia. 2005. R. 12. S. 116.

⁶ Ibid. S. 138.

⁷ Ibid. S. 116.

Положение словацких венгров в первые годы после окончания Второй мировой войны

Такое положение внутри Реформатской церкви в Словакии было очень выгодно властям, которые согласно Кошицкой программе первого послевоенного правительства ЧСР стремились создать государство двух равноправных славянских народов – чешского и словацкого. В рамках поддерживавшейся всеми легальными политическими силами в стране политики был взят курс на ликвидацию венгерского меньшинства в стране.

Другими словами, после окончания Второй мировой войны перед Чехословакией всталась проблема интеграции Южной Словакии, которая в 1938 г. по решению Первого венского арбитража была передана Венгрии. Возвращение чехословацкими властями контроля над указанной территорией в очередной раз меняло положение проживавшего на ней достаточно значительного венгерского населения, которое с распадом Австро-Венгрии стало гражданами инонационального государства, затем по решению арбитража вернулось в лоно исторической родины, а вслед за этим снова оказалось в границах ЧСР⁸.

Большинство проживавших на венгеро-словацком этническом пограничье венгров можно было отнести к местному населению, то есть, с их точки зрения, при смене государственных образований они становились заложниками глобальных процессов и, естественно, чувствовали себя более комфортно в стране, где их национальная культура была доминирующей. Иное мнение превалировало у чешских и словацких политиков, которых поддерживали в этом вопросе народные массы: такое ожидаемое отношение к Венгрии словацких венгров, которые прожили в новом чехословацком государстве относительно небольшое количество лет, воспринималось как предательство, поставившее Чехословакию под удар, сыгравшее важную роль в потере ею своей независимости.

Важно также отметить главные причины, по которым, с позиции чехов и словаков, эти земли никак не могли быть переданы венгерской

⁸ О проблеме словацких венгров в этот период на русском языке см., например: Желицки Б. Й. Проблемы выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика... С. 211–284; Носкова Х. Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое – в Венгрии: решение участия // Там же. С. 285–309; Мурашко Г. П. Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов) // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.; СПб., 2014. С. 243–256.

стороне. Дело не только в сложностях размежевания территории со смешанным населением. ЧСР не могла бы уступить южные районы Словакии, так как они имели стратегическое значение для ее безопасности. Их передача привела бы к критической уязвимости в этой фундаментальной для каждой страны сфере.

В своих планах по выстраиванию послевоенной политики правительство ЧСР отводило Словакии особую роль (как стратегической с точки зрения безопасности страны территории). Если в межвоенный период из-за серьезного противостояния чехов с немецким меньшинством для чешских элит большое значение играло близкое в этноязыковом плане словацкое население (отсюда и концепция единого чехословацкого народа), то теперь особую важность приобретали сами лежащие на востоке страны словацкие земли. Через них Прага могла бы получить своеевременную, в том числе и военную, помощь со стороны СССР. Именно поэтому ЧСР, руководствуясь собственными интересами, передала Советскому Союзу Подкарпатскую Русь, ставшую советским военным плацдармом за Карпатами⁹.

Исходя из военно-стратегических соображений, было необходимо, чтобы территория Словакии обеспечивала достаточную продовольственную базу для собственного населения (южные районы – наиболее плодородные земли), имела связывающие разные части страны и не прерываемые другими государствами транспортные коммуникации, обороны которых могла быть эффективной, а ее граница с соседями опиралась на наиболее благоприятные с точки зрения безопасности естественные характеристики местности. Без Южной Словакии достичь приемлемого уровня защищенности было крайне затруднительно¹⁰.

Для властей ЧСР в международно-правовом плане также важное значение играло признание ничтожности всех предыдущих договоренностей и соглашений, разрушивших территориальную

⁹ Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 142–145; Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty / edd. J. Němeček, H. Nováčková aj. Díl 2 (červenec 1943 – březen 1945). Praha, 1999. S. 521. Zápis o jednání E. Beneše, J. Masaryka a Z. Fierlingera s V. M. Molotovem a V. A. Zorinem o Zakarpatské Ukrajině, 23. března 1945.

¹⁰ Подробнее см.: Мурашко Г. П., Слоистов С. М. К вопросу о некоторых внешнеполитических факторах, определивших послевоенную политику правящих кругов ЧСР в отношении венгерского национального меньшинства в Словакии (1944–1949) // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы. Вып. 3 / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск, 2014. С. 197–200.

целостность страны. В чешских властных кругах хорошо осознавали опасность хотя бы одного исключения из этой стратегии. Признание справедливости требований венгров (как прецедент) неминуемо ставило вопрос о правах немцев. В дополнение к этому политическому и правовому аспекту существовал и другой: добавление к антимецким юридическим нормам антивенгерских сглаживало, по крайней мере в пропагандистском плане, их националистический характер (в таком случае формально речь шла о предателях и пособниках оккупантов разных национальностей).

В итоге Чехословакия проводила по отношению к приграничным с Венгрией районам следующую политику: 1. Пыталась обеспечить безоговорочный правовой статус этих территорий на международной арене. 2. Там, где существовала крайняя необходимость, добивалась их приращения (незначительные по площади, но важные с точки зрения обеспечения безопасности участки вблизи Братиславы). 3. Осуществляла различные меры по искоренению венгерского населения.

На практике связанная с последним пунктом политика проводилась различными средствами: выселение венгров в Венгрию, обмен проживающих на территории Словакии венгров на словаков из Венгрии, принудительное перемещение венгров из Словакии в Чешские земли, препятствование возвращению в Словакию из плена военнослужащих венгерской национальности, проведение так называемой ресловакизации.

Чехословацкое руководство, проводя в пограничных с Венгрией районах антивенгерскую политику, ставило перед собой задачу полностью избавиться от венгерского национального меньшинства, искоренить все то, что было с ним связано. Исходя из этого, создание какой-либо даже полностью лояльной и подконтрольной чехословакскому государству организации для представительства интересов словацких венгров не предусматривалось, хотя бы и временно, с тактическими и пропагандистскими целями. Ставка делалась на быстрое решение венгерского вопроса. Деятельность любой институции, которая в той или иной форме могла бы поддерживать венгерскую общину в Словакии, с точки зрения власти была крайне нежелательна.

Положение Реформатской церкви в ЧСР (май 1945 – февраль 1948 г.)

Антивенгерская политика относилось и к Реформатской церкви, где венгры доминировали не только среди рядовых верующих, но и среди духовенства. Изменить данную ситуацию было непросто. Несмотря на все антивенгерские акции, по данным на конец 1947 г.

из общего количества 166 действовавших священнослужителей только 21 были словацкой национальности¹¹. В то же время построение церковно-государственных отношений на данном этапе, например, по советскому образцу вызвало бы еще больший международный резонанс и негативную реакцию среди проживавших на Западе кальвинистов. Венгры получили бы в отстаивании своих интересов в лице этих реформатских общин дополнительного надежного союзника.

Однако благодаря новой организационной структуре, сформированной ранее и действовавшей еще в союзном нацистской Германии Словацком государстве, власти ЧСР получили уникальную возможность рассчитывать на словакизацию религиозной жизни кальвинистов через руководство самой церкви.

Уже 24 мая 1945 г. Организационный комитет определил порядок функционирования церкви в новых условиях. Предусматривалось создание 9 сеньоратов, причем из них трех словацких. Из венгерского Гемерского сеньората также в дальнейшем могли выделить еще один словацкий сеньорат. Общины приписывались к ним в административном порядке, какие-либо отклонения от принятой Оргкомитетом структуры допускались только в исключительных случаях и могли быть произведены только его председателем. Во главе всех сеньоратов могли быть только владеющие устно и письменно словацким языком лица. Все делопроизводство во взаимоотношениях Оргкомитета как с сеньоратами, так и с отдельными пасторами переводилось на словацкий язык¹².

Как констатировал Оргкомитет, на освобожденной территории Словакии имелось много словацких общин, однако служба в них проводилась на венгерском языке. Этим объяснялось решение Комитета о переводе венгерских пасторов в чисто венгерские общины и назначение на их место служителей Реформатской церкви, которые владели словацким языком. Желающие получить новое назначение должны были иметь чехословацкое гражданство, а также соответствующее образование и опыт. Несогласных с этим распоряжением ждало дисциплинарное взыскание и немедленное отстранение от службы¹³.

11 Pešek J. Slovensko-maďarské spory... S. 185.

12 Szabó A. A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház története – I. rész // Regio – Kisebbségtudományi Szemle. 1. évf. 3.sz. (1990. július). 139–141. old. A Csehszlovákiai Egyet. Ref. Egyház szervező bizottságának szabályrendeletei.

13 Ibid. 141–142. old. Szabályrendelet a parochus-lelkészek áthelyezéséről.

Все церковные должности, которые ранее занимали служители, добровольно или по распоряжению чехословацких властей покинувшие территорию страны, считались вакантными. Они не могли быть замещены пасторами, которые решили бы вернуться в Чехословакию. Руководство церкви могло отстранить от службы любого из представителей своего духовенства в связи с деятельностью, приносящей ущерб интересам чехословацкого государства. Если кто-либо из них, будучи снятым со своего поста из-за такой провенгерской позиции, не желал покидать его добровольно, то церковные власти допускали, что данное их решение будет реализовано при помощи соответствующих государственных органов¹⁴.

Особое внимание Организационный комитет уделил языковому вопросу. Поскольку, как было сказано ранее, все делопроизводство в отношениях между Оргкомитетом и сеньоратами, а также между ним, сеньоратами и отдельными пасторами переводилось на словацкий язык, то предполагалось административными мерами обеспечить изучение представителями духовенства государственного языка. Принятая Оргкомитетом нормативная база содержала положение о том, что все пасторы и пасторы-адъюнкты должны владеть государственным языком. На его изучение отводилось три года для служителей старшего возраста и два года для молодых пасторов и пасторов-адъюнктов. По истечении данного срока не овладевшие в должной мере государственным языком могли быть уволены. Важно также то, что контроль за исполнением данного положения поручался комиссии, состоявшей не только из представителей церкви, но и из светских чиновников, которых в том числе мог делегировать Словацкий национальный совет¹⁵.

Несмотря на достаточную оперативность принятия Оргкомитетом данных управленческих решений, их реальное воплощение в жизнь объективно не могло быть произведено быстро, требовалось преодолеть различные трудности на местах. Сказывалась и общая разруха послевоенного времени, когда имевшиеся скромные ресурсы церкви необходимо было направить на восстановление основ пострадавшей инфраструктуры, в которой первично нуждались верующие. Описывая ситуацию в сеньорате Барш, исследователь А. Сабо приводит многочисленные примеры разрушения кальвинистских храмов.

14 Ibid. 142–143. old. Szabályrendelet namely lelkészi állások megüresedettnek nyilvání tásáról.

15 Ibid. 143. old. Szabályrendelet az államnyelv elsajátításáról.

Часть церквей взорвала отступающая немецкая армия, другие пострадали непосредственно в результате боевых действий¹⁶. Чувствовался и кадровый голод. В том же сеньорате Барш самым крупным недостатком в работе его руководителя П. Чегледи, хотя пастора и высоко ценили в своей среде, стало незнание им словацкого языка¹⁷. Ведь теперь духовенство должно было не только обладать авторитетом среди своей паствы, но и быть более мощно поддержано гражданскими властями – поскольку в условиях столь существенных разрушений и бедственного положения нормализовать деятельность общин без диалога с чехословацкой администрацией и определенной помощи со стороны государства было бы трудно.

Это во многом объясняет, что в данном сеньорате майские распоряжения Оргкомитета стали реализоваться только во второй половине июля 1945 г., когда новый руководитель сеньората пастор Я. Сирмаи 16 июля 1945 г. обратился к своим собратьям с посланием. В нем он предлагал не отказываться от майских директив, мотивируя это сложившейся ситуацией, видя в их исполнении пользу для сеньората: «Мы ходим среди руин! Мы должны строить!»¹⁸

Кроме приведения чисто практических доводов, свою новую политику руководство церкви объясняло и в идейном ключе. Церковные власти опирались на определенную систему аргументации. В качестве интересного для того времени примера обоснования своей позиции можно указать на одно из обращений духовенства и церковных работников к верующим¹⁹. Среди изложенных в нем тезисов, подтверждавших правоту выбранной линии, были как чисто церковные, так и носящие более светский характер. Ко вторым можно отнести необходимость создания свободной народно-демократической Чехословацкой Республики, в которой верующие будут патриотами, верными Чехословакии гражданами, достойными членами семьи народа мира, где словацкий патриотизм являл бы пример чехословацкой взаимности, славянского самосознания и всечеловеческого братства. Парадоксальным образом такого типа тезисы, реализация которых

16 Ibid. 137. old.

17 Ibid.

18 Ibid. 139. old. A barsi ref. egyházmegye esperesi hivatala. 5/1945. sz. Körlevél. Kelt, 1945. júl. 16.

19 Fórum Kisebbségkutató Intézet levéltára (далее – FKIL). Somorjai Református Egyház (далее – SRE). 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16 – 17. t. Ohlas porady duchovných a svetských pracovníkov ref. cirkvi na Slovensku k veriacim a k slovenskému narodu, 26. júla 1945 r.

на практике вела к перестройке национального характера церкви в сторону одной национальной культуры (словацкой) в ущерб другой (венгерской), обосновывались уже исходя из чисто религиозной аргументации равенства представителей всех народов перед Богом и необходимости миссии среди тех, кто был менее затронут влиянием вероучения кальвинистов, то есть большинства словаков.

Такая декларация патриотизма, понимаемого как преданность чехословацкому государству, а не только чешскому и словацкому народам, допускала инкорпорацию словацких венгров в выстраиваемую новую систему общественных отношений, и, следовательно, церковь считала необходимым заботиться также о своих членах венгерской национальности – тех из них, кому государственные власти позволяют остаться на территории республики. Почему венграм Словакии нужно было принять данные условия, то есть систему государственных ценностей, основанную на доминирующем учете интересов титульных наций, становится ясно, если учесть отсылку авторов послания к Пс. 127:1 («*Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж*»)²⁰. Отсюда и убежденность, что именно так «наша Реформатская церковь наиболее полно исполнит заповедь Христову, послужит народу, государству, славянству и человечеству»²¹. Ведь она независимо от национальности своих верующих воспитывает в них в первую очередь сыновье чувство послушания Богу²².

В этом контексте вполне логичны и обоснованны следующие призывы: действовать исходя из Слова Божиего, воли народа, программы правительства, с соблюдением действующих законов, исторически сложившейся автономии церкви²³. Для кальвинистского мировосприятия, с его подчеркиванием предопределения Божия, сам результат человеческой деятельности мог свидетельствовать о воле Господа, поскольку все труды без его благословения тщетны. Поэтому и поражение Венгрии в войне вполне можно оценивать как провал не только государства, но и системы ценностей, за которые боролась Германия со своими союзниками (соответственно, в послании чехословацкая взаимность, славянское самосознание, всечеловеческое братство и т. д. оцениваются позитивно).

20 В принятой в русской православной традиции Библии – *Пс. 126:1*.

21 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Ohlas porady...

22 Ibid.

23 Ibid.

Как и в случае с сеньоратом Барш, учитывая необходимость обеспечить руководство сеньоратов подходившими для новых условий кадрами, Оргкомитет во главе них стремился поставить пасторов, владевших словацким языком и являвшихся гражданами Чехословакии. Во главе Комарнянского сеньората, в который входила и Братислава, был назначен пастор Б. Сабо²⁴. Это был деятельный лидер, служивший в 1939–1948-х гг. в братиславской общине кальвинистов. Характеризовать его может, например, факт, что еще в период Словацкой республики, взаимодействуя с Министерством образования и Торговой палатой, он смог организовать вечернюю школу – «Профессиональные курсы торговли»²⁵. Такой опыт был важен не только в контексте продолжения межвоенных традиций помощи со стороны братиславской общины студентам-кальвинистам, но свидетельствовал также о способностях пастора успешно взаимодействовать с властями в государстве, ориентированном на поддержку в первую очередь социальных институтов титульной национальности.

В качестве первого административного лица в сеньорате Б. Сабо, естественно, проводил обозначенную выше линию Оргкомитета. Как свидетельствуют архивные документы реформатской общины г. Шаморин, он выступил с письменным обращением к пасторам сеньората, где в сжатой форме доводил до них майские директивы Оргкомитета. Мотивируя адресатов подчиниться выдвигаемым требованиям, он подчеркивал, что в сложившейся ситуации своей враждебностью и неуступчивостью они нанесут непоправимый ущерб церкви, семьям и самим себе. С точки зрения нового главы сеньората, если у таких представителей духовенства возникнут проблемы во взаимодействии как с Оргкомитетом, так и с представителями власти, то ответственными за это будут они сами, поскольку не проявили мудрость и послушание. Он же со своей стороны будет стараться действовать в интересах всей церкви и конкретных настоителей, при условии, что в данной тяжелой ситуации они окажут ему поддержку²⁶.

Содержание рассматриваемого обращения подтверждает, что такой подход Б. Сабо не был только проявлением давления сверху, прикрытым обычной в таких случаях риторикой. С одной стороны,

24 Szabó A. A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház... 144. old. Szabályrendelet adminisztrátorok megbízásáról Csehszlovákia területén levő ref. Egyházmegyék vezetésére.

25 Peres I. A pozsonyi református gyülekezet története. Bratislava – Pozsony, 2004. 5. old.

26 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 11/89. cs., 48. t. List poverenca Komárnanského ref. Seniorátu B. Szabó Ref. farskému úradu v Šamoríne, [1945 r.]

он довел до сведения подчиненных ему приходов болезненную для многих информацию о требовании вести делопроизводство на словацком языке и в дальнейшем сдать по нему экзамен, сообщил про необходимость каждому фактически заново ходатайствовать о своей уже занимаемой должности, причем при этом предоставить целый пакет документов, в первую очередь подтверждавших чехословацкое гражданство и политическую благонадежность, информировал о создании в Братиславской, Нитранской и Зволенской областях словацких миссионерских общин. С другой – установил нормы денежного вознаграждения духовенства, просил как можно скорее сообщить о причиненном в результате войны ущербе²⁷.

Приступая к исполнению своих обязанностей, пастор мог рассчитывать на 75–100 крон ежемесячно за административную работу, за богослужения – 50–100 крон, при этом за служение Вечери Господней – 75–100 крон, за катехизацию – 20 крон в час, за совершение крещения, венчания, погребения – 40–100 крон и т. д.²⁸ Сравнивая примерный доход администратора кальвинистской общины с минимально установленной словацкими властями в марте 1945 г. зарплатой (7–12 крон в час²⁹) и ценами того времени (например, за 320–350 крон можно было снять отдельную комнату, за 66 крон купить 1 м³ древесины на отопление, за 9 крон пообедать в заводской столовой³⁰), видно, что новое руководство Кальвинистской церкви с самого начала стремилось не допустить обнищания настоителей общин. Регулирование зарплаты и пожертвований в условиях часто бедственного положения населения создавало правовую базу для достаточного финансирования их деятельности.

Оргкомитету также удалось договориться с властями о содержании для духовенства. Условием его было перемещение венгерских пасторов на словацкие приходы³¹. Сохранение постоянных выплат от государства для части из них можно расценивать как относительный успех, платой за который была полная лояльность его политике.

27 Ibid.

28 Ibid.

29 Barnovský M. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944–1948. Bratislava, 1978. S. 38.

30 Šustek Z. Hospodárenie mladej Bratislavčanky v rokoch 1944–1949: príjmy, výdavky, ceny, štruktúra spotreby a stratégia zaobchádzania s peniazmi – prípadová štúdia // Numizmatika. 2014, 24 Supplementum. S. 62.

31 Šutaj Š. Problémy vo vzťahu československého štátu a protestantských cirkví po roku 1945 (menšinová politika a cirkví) // Annales historici Prešoviensis. Anno 2005. Prešov, 2005. S. 226–227.

В то же время было заметно старание смягчить неизбежные затруднения, возникавшие на пути реализации нового курса по ускоренной словакизации. По крайней мере, об этом говорит характер исходящих директивных документов по Комарнянскому сеньорату. Знание реальной ситуации с уровнем владения словацким языком у большинства пасторов, по-видимому, мотивировало Б. Сабо не высылать написанные на государственном языке все директивы Оргкомитета целиком, а подготовить на их основе свое более краткое обращение. В пользу данного тезиса свидетельствует то, что некоторые слова в нем продублированы различными синонимами. Это было не лишним, так как местами в данном документе, поступившем в Шаморинский приход, над словацким текстом имеются карандашные пометы с переводом на венгерский язык³². Естественно, что проблема понимания венграми неродного им языка этим не снималась. В дальнейшем большинство сообщений от руководителя сеньората в Шаморин уже были на венгерском языке.

Возникшее резкое сужение критерииев, определявших минимальные требования к духовенству, вело к кадровому голоду. Это не могло не скорректировать политику церковной администрации. Когда возникла необходимость в достаточно короткий срок предоставить документы о принесении присяги в присутствии представителей Районного национального комитета, то не все пасторы могли быть к ней допущены, так как для принесения присяги было необходимо иметь (подтвердить) чехословацкое гражданство.

Для представителей венгерского национального меньшинства наличие гражданства страны своего постоянного проживания, естественно, было базовым условием для нормальной жизни. Сделав ставку на дискриминационную антивенгерскую политику, ведущие политические силы договорились лишить всех венгров гражданства (за исключением активных участников антифашистского движения). Согласно Кошицкой программе правительства предполагалось, что антифашистами будут считаться те из венгров, кто еще до войны боролся против венгерских ирредентистских партий, преследовался венгерской государственной властью, был заключенным или участвовал в борьбе за освобождение ЧСР в эмиграции³³. Соответственно,

32 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 11/89. cs., 48. t. List poverenca...

33 Cestou Května: dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: duben 1945 – květen 1946 / sest. J. Soukup. Praha, 1975. S. 37–38. Program nové československé vlády Národní fronty Čechů a Slováků, 5. dubna 1945.

у абсолютного большинства словацких венгров чехословацкое гражданство автоматически аннулировалось. У них оставалась лишь возможность заново ходатайствовать о получении гражданства Чехословакии. Однако принятая официально в апреле 1945 г. программа правительства была актом политическим, четкие правовые механизмы ее реализации складывались постепенно и в первые летние месяцы 1945 г. еще не были ясно сформулированы в законодательстве.

В этих условиях правового вакуума руководству церкви было выгодно так или иначе легализовать в глазах властей, хотя бы и на местном уровне Районного комитета, свое духовенство венгерской национальности, что создало бы предпосылки для нормализации их статуса в дальнейшем. Об этом свидетельствует и сам текст присяги, который содержал обязательства быть верным Чехословацкой республике и Словацкому национальному совету, подчиняться правительству, соблюдать все принятые ими законы и распоряжения, каждым своим действием стараться принести пользу Чехословакии³⁴. В Комарнянском сенаторате распоряжение Оргкомитета принять присягу было направлено по приходам 3 августа 1945 г.; данную процедуру необходимо было пройти до 22/25 августа в приходской канцелярии в Комарне или в Братиславе³⁵. Однако 2 августа был принят Декрет президента ЧСР о наведении порядка в вопросе чехословацкого гражданства лиц немецкой и венгерской национальностей, который был опубликован и вступил в силу только 10 августа³⁶. А уже 14 августа последовало новое указание церковных властей отложить принятие присяги духовенством до нормализации ситуации с гражданством³⁷.

Декрет президента о гражданстве начинается имеющей определенную правовую логику нормой об утрате гражданства ЧСР лицами, которые ранее получили немецкое или венгерское гражданство (§ 1, п. 1). Тем не менее волонтаристский в правовом плане и дискриминационный характер этого акта вскрывается уже в следующем пункте. Там было определено, что свое гражданство также теряли и все граждане Чехословакии немецкой и венгерской национальностей (по факту из-за признания за ними коллективной ответственности).

³⁴ FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Slúžobná prísaha. Zápisnica.

³⁵ FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 11/89. cs. 48. t. Obežník reformovaným farským úradom Komárňanského ref. Seniorátu, 3. augusta 1945.

³⁶ Němci a Maďaři v dekretech prezidenta republiky. Studie a dokumenty 1940–1945 / uspořádal K. Jech. Brno, 2003. S. 314, 316.

³⁷ FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Obežník reformovaným farským úradom Komárňanského ref. Seniorátu, 14. augusta 1945.

Исключение делалось только для активных антифашистов³⁸. Несмотря на это, декрет был принят к исполнению.

Например, настоятель Шаморинского кальвинистского прихода Арпад Парайш, по-видимому, еще в декабре 1946 г. имел не урегулированный в вопросе гражданства статус³⁹. Это было достаточно типично. По данным на 1952 г., 145 818 венгров стало гражданами ЧСР по закону от 25 октября 1948 г. о гражданстве лиц венгерской национальности⁴⁰. Соответственно, до его принятия их положение оставалось неопределенным. К ним стоит добавить перемещенных в Венгрию бывших граждан ЧСР (в первую очередь это около 90 тыс. переехавших по венгеро-чехословацкому договору об обмене населением от 1946 г.⁴¹). Однако, находясь даже в такой нестабильной ситуации, настоятель прихода мог вести продуктивный диалог с властью по важным для общины вопросам, особенно проблемам, связанным с оказанием помощи.

Показательным является пример с просьбой кальвинистской и лютеранской церквей в Шаморине к местной администрации о дотации. 24 мая 1946 г. они выступили с ходатайством о выплате и индексации субсидии. Дело в том, что в 1938 г. кальвинистский приход получал 2800 крон. Когда Шаморин вновь оказался на территории Венгрии, была произведена конвертация данной суммы в 400 пенгё. В 1942 г. ее повысили до 800 пенгё (стоит подчеркнуть, что, с точки зрения чехословацких властей, повышение было произведено оккупационным режимом). 3 марта 1946 г. управлявшая Шаморином Комиссия приняла решение произвести выплату церкви, рассчитав ее с 1 мая 1945 г. по установленной в 1938 г. ставке. В майском же обращении приход просил перечислить средства и на 1946 г., причем со 100% надбавкой (по факту признать произведенное венгерскими

³⁸ Němci a Maďaři v dekretech... S. 314. Ústavní dekret presidenta republiky č. 33/1945 Sb., o úpravě československého státního občanství osob národnosti německé a maďarské, 2. srpna 1945.

³⁹ FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Salamon Ferenc levele Parais Árpádhoz, 1946. december 2.

⁴⁰ Šutaj Š., Olejník M., Gabzdilová-Olejníková S. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch. I. Prešov, 2005. S. 14.

⁴¹ Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / сост. Г. П. Мурашко, С. М. Слоистов. М., 2017. С. 349. Справка Н. Г. Новикова заведующему 4-м Европейским отделом МИД СССР С. П. Кирсанову о положении венгерского национального меньшинства, 25 ноября 1949 г.

органами двукратное увеличение)⁴². Комиссия сначала отклонила данную просьбу, мотивировав такое решение необходимостью дождаться окончания процедуры проверки духовенства (7 июня). Однако уже через неделю оперативно отменила его, полностью поддержав прошение общины. Перемена позиции Комиссии аргументировалась формальным уточнением, что средства получал не пастор, а лишь приход, представителем которого он был. 17 июня 1946 г. секретарем Комиссии была подготовлена выписка об этом постановлении для кассира г. Шаморина и канцелярии кальвинистского прихода⁴³.

Другие архивные материалы о контактах шаморинского прихода с различными организациями и органами власти также свидетельствуют, что в данный период община как церковная институция в целом, хотя и была венгерской в этнонациональном плане, не была активно дискриминируема. Государство вмешивалось как регулятор в те ее функции, которые уже ранее, в процессе секуляризации, стали частично или полностью переходить в сферу ответственности его чиновников. Здесь не могла не присутствовать и общая линия на словакизацию и ущемление прав венгров. В первую очередь речь идет о записи актов гражданского состояния. Так, 14 октября 1946 г. в канцелярию прихода из исполняющей функции местной власти Комиссии поступило указание принять к исполнению распоряжение Уполномоченного внутренних дел от 20 марта 1946 г.⁴⁴ В нем разъяснялись особенности заключения брака между лицом словацкой или другой славянской национальности и представителем немецкого или венгерского меньшинства. Если имелись подозрения о том, что целью данного союза было стремление избежать последствий дискриминационных законов, то разрешение на него давать запрещалось⁴⁵.

Определенная двойственность политики властей по отношению к кальвинистам проявлялась по-разному. Дискриминируя венгерское население, государство одновременно допускало содействие организации церковью помощи для оказавшихся в трудной ситуации венгров. Так, в ноябре 1946 г. Венгерский комитет помощи в Словакии

42 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Žiadost v mene protestantské cirkve v Šamoríne na Obecný Národný Výbor v Šamoríne, 24. mája 1946 r.

43 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Výpis zo zápisnice, spísanej o schôdzke Miestnej správnej komisie v Šamoríne konanej dňa 14. júna 1946 r., 17. júna 1946 r.

44 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Nariadenie Úradu Miestnej správnej komisie v Šamoríne pre Kalvinský farský úrad v Šamoríne, 14. októbra 1946 r.

45 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Odpis výnosu Povereníctva vnútra zo dňa 20. marca 1946 r., 14. októbra 1946 r.

начал предрождественскую акцию в поддержку нуждавшихся соотечественников. Сбор средств проводился через канцелярию Реформатской церкви в Братиславе⁴⁶.

Приведенные примеры важны не только как свидетельства дифференцированного подхода в проведении антивенгерских мер на практике, когда при определенных условиях их удавалось смягчать благодаря активности Реформатской церкви (институции, традиционно воспринимаемой как венгерской), но и как факты из социальной истории словацких венгров в тот период времени, позволяющие более полно понять весь контекст эпохи социально-политических преобразований и то место, которое отводилось в них представителям венгерского меньшинства.

Общий контекст церковно-государственных отношений в первые годы после окончания Второй мировой войны и Реформатская церковь

Для понимания положения венгров-кальвинистов необходимо рассмотреть динамику взаимодействия власти со всеми верующими, при этом постараться выявить специфику условий существования конфессиональных меньшинств в стране. Общие рамки развития позиции власти по отношению к кальвинистам на юге Словакии были заданы совокупностью факторов. В первую очередь требуется обратить внимание на влияние одной из главных тем в политической повестке того времени – нараставшего противоречия между доминировавшими в руководстве страны левыми силами и сторонниками правых, традиционно имевших сильные позиции среди представителей Римско-католической церкви. Этот конфликт определял политику государства по более локальным вопросам в сфере религии, в частности отношения государства с другими христианскими конфессиями (также и Реформатской церковью). Затем следует попытаться этот общий контекст диалога государства и верующих соотнести с параллельной политикой Чехословакии по отношению к венграм.

В рассматриваемый нами период религия и деятельность религиозных организаций наряду с другими факторами играла в жизни вступившего на путь перемен чехосlovakского общества определяющую роль. С одной стороны, они традиционно определяли мировоззрение и глубинные основы культуры народов Чехословакии, что неминуемо сказывалось на развитии наиболее популярных политических концепций

46 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. A Szlovákiai Magyar Segélybizottsága felhívás, 1946 november.

и текущей политической ситуации в стране. С другой, один из самых актуальных вопросов того времени – национальный – часто был тесно увязан с вопросом религиозным. Под этим углом зрения деятельность религиозных организаций привлекала особое внимание политиков Чехословакии, независимо от их личного религиозного выбора. Причем, как правило, в политической практике доминировал инструментальный подход, когда собственно установки и ценности религиозных сообществ отходили на второй план. Проиллюстрировать это можно разговором президента ЧСР Э. Бенеша с председателем Совета по делам РПЦ при Совмине СССР Г. Г. Карповым 17 июня 1946 г., во время которого чехословацкий лидер отметил: «Советское правительство правильно и лучше всех разрешило церковный вопрос. А церковный вопрос есть почти национальный вопрос, и Вы, г-н Карпов, умело осуществляете большое государственное дело»⁴⁷.

В Чешских землях тенденция на секуляризацию общественной жизни, воспринимавшаяся многими в межвоенный период как продолжение эмансиpации чешского народа, была продолжена и после изгнания немецких оккупантов в 1945 г. Правда, Католическая церковь, существенно пострадавшая в период Протектората Богемии и Моравии, продолжала пользоваться авторитетом у значительной части чешского общества. Оттеснение ее на периферию общественной жизни происходило не столько в результате конструктивной полемики, сколько под воздействием прямого государственного давления, когда у Церкви отбиралась возможность активно участвовать в системе образования, изымались ее экономические активы, участие верующих в крупных церковных мероприятиях искусственно противопоставлялось акциям по восстановлению хозяйственной жизни страны.

Антикатолическая направленность секуляризационных процессов открывала потенциальные возможности для тактического союза воевавших против религии как таковой и выступавших скорее с антиклерикальных позиций, то есть сторонников более демократичных и национальных форм религиозной жизни. В результате Католическая церковь вынуждена была противостоять широкому фронту своих оппонентов, стремившихся политически изолировать католиков. К сторонникам единства с Римом предъявлялись различные исторические

⁴⁷ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2 т. / сост.: Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. Т. 1. 1944–1948. М., 2009. С. 290–291. Записи сотрудника Совета по делам РПЦ Н. И. Блинова о пребывании Г. Г. Карпова в Чехословакии (10–24 июня 1946 г.).

претензии, одновременно поддерживались представители различных чешских национальных религиозных объединений.

В качестве ответной реакции крупнейшая в стране религиозная организация должна была действовать в этой борьбе сразу на двух стратегических направлениях. Во-первых, стараться не допустить какого-либо разъединения среди католиков в стране, чтобы исторически сложившиеся территориальные особенности функционирования Церкви – различные в Чешских землях и Словакии – не стали основой для ослабления католицизма в целом. Во-вторых, пытаться уменьшить последствия церковных расколов и отток верующих в другие, отделившиеся от Католической церкви конфессии⁴⁸.

В этом противостоянии особое место отводилось церковно-государственной политике в Словакии. Левые силы фактически использовали риторику против словацкого католицизма для разобщения прокатолических сил в стране. Удар по сторонникам политического католицизма в Словакии увязывался с борьбой против словацкого сепаратизма, что сковывало маневр чешских католиков. Опасность же взаимодействия чешских и словацких правых на почве общей католической идеологической платформы крайне тревожила Компартию. О беспокойстве коммунистов по поводу возможности такого союза свидетельствует полемика в чешской печати⁴⁹.

Левые активно эксплуатировали в своей пропагандистской кампании неоднозначное положение Церкви в союзническом с нацистской Германией независимом Словацком государстве. Факт использования его руководством идеологии политического католицизма отрывал возможность представить борьбу против участившихся в политике католиков как ликвидацию остатков прежних реакционных политических сил при полном сохранении свободы вероисповедания.

На первом этапе противостояния соперничавшей со словацкими левыми Демократической партии по-своему удалось использовать традиционную антикатолическую направленность политики КПС. Демпартия выиграла выборы 1946 г. При этом поражение словацкой

48 В Чешских землях в 1930 г. к Католической церкви латинского обряда принадлежало 8 378 119 чел., к образованной в результате отделения от Католической церкви в 1920 г. Чехословацкой церкви – 779 672 чел., к созданной в процессе объединения чешских лютеран и кальвинистов в 1918 г. Чешскобратской церкви – 290 994 чел. (*Sčítání lidu v Republice československé ze dne 1. prosince 1930. Praha, 1934. Dil I. Tab. 11. S. 100.*)

49 *Vaško V. Dům na skále. Církev zkoušená (1945 – začátek 1950). Kostelní Vydří, 2004. Díl 1. S. 28.*

компартии сильно обострило политическую обстановку в Словакии. В 1947 г., когда реально пытавшаяся представлять чаяния большинства населения Словакии, то есть и католиков, Демпартия даже в символическом вопросе о помиловании Й. Тисо потерпела поражение, ситуация могла начать развиваться по дестабилизирующей траектории. Однако использовавшийся с целью сгладить процесс поляриизации общества в Чешских землях прием поддержки некатолических конфессий не мог быть в полной мере реализован в словацких условиях. Вторая после католиков конфессия – Лютеранская церковь – хотя традиционно и имела большой авторитет в словацком обществе, в том числе среди политической и культурной элиты Словакии, однако была сильно связана с Демпартией. Среди распространенных на востоке страны грекокатоликов и православных доминировало восточнославянское население. Обладающая же значительным влиянием на юге и юго-востоке страны Реформатская церковь была также неоднородна по этнонациональному составу своих членов.

В то же время Реформатская церковь являлась достаточно укоренившимся в части регионов Словакии социокультурным институтом и при условии усиления в ней словацкого культурного компонента, ведущего к ее большему восприятию остальными гражданами в качестве одной из традиционных и лояльных чехословацкому государству христианских конфессий, объективно становилась потенциальным партнером для сил, выстраивающих политику сдерживания католицизма. Для центральной власти, которая тогда в качестве государствообразующих народов видела исключительно чехов и словаков, было выгодно укрепление в кальвинистской среде словацкого начала. Причем такой позиции придерживались как на уровне Братиславы, так и Праги.

Одновременно, в плане практической церковной политики, пражский центр был склонен поддерживать идею об объединении всех евангелических церквей Чехословакии. Тем более что подобные проекты существовали и ранее, только теперь основой этой новой конфессии должны были стать отечественные, с точки зрения сторонников Чехословакии, традиции реформации.

Проведенный в 1918 г. эксперимент по объединению чешских лютеран и кальвинистов в единую Чешскобратскую церковь уже доказал свою жизнеспособность. Возникало естественное желание его расширить. Так, 18 мая 1945 г. Силезский национальный совет в Остраве издал распоряжение, по которому вся собственность лютеранских общин в чехословацкой части Силезии переходила под контроль Чешскобратской церкви. Все лютеранские общины на данной

территории также должны были подчиниться чешскобратскому пастору А. Винклеру. Историк Й. Шимечек полагает, что скорее всего такой проект решения вопроса лютеран Силезии (а в национальной политике центра – вопроса чехословацких поляков-лютеран) не исходил напрямую от руководства Чешскобратской церкви, а был инициирован политиками национально-социалистической партии⁵⁰.

Идеи объединения затронули и кальвинистов в Словакии. Руководство Реформатской церкви серьезно рассматривало вопрос включения своих общин в единую церковь при условии сохранения определенной автономии. В частности, этот вопрос должен был дебатироваться в декабре 1945 г. в общинах Комарнянского сеньората. Примечательно также то, что указание начать данное обсуждение на приходах церковные власти увязывали с пожеланиями президента Э. Бенеша⁵¹. Эти планы в Словакии, так же как и объединительные тенденции в Чешских землях, имели уже определенную предысторию. В 1921 г. кальвинистский пастор Михай Петер, обсуждая требования чехословацкого государства к реформатам, в том числе критиковал идею присоединения словацких кальвинистских общин на Земплине к Чешскобратской церкви, так как духовенство данной церкви, по его мнению, не смогло бы приспособиться к земплинскому диалекту верующих, чем бы был нарушен важный принцип реформации – проповедовать на понятном для верующих языке⁵². Кальвинисты-словаки в начале 1930-х среди своих требований поднимали и вопрос о возможности неограниченных контактов с другими протестантскими конфессиями⁵³. В этом плане важно и то, что, по данным венгерского МИДа, в 1947 г., когда чехословацкие власти активно принудительно перемещали венгерское население в Чешские земли, Чешскобратская церковь была там открыта к принятию венгров-протестантов в свои общины⁵⁴. Как видим, все

50 Szymeczek J. Augsburski Kościół Ewangelicki w czechosłowackiej części Śląska Cieszyńskiego w latach 1945–1950. Cieszyn, 2008. S. 43–44.

51 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. A komáromi egyházmegye mb. esperesi adminisztrátorától. 8. sz. körlevél. 1945.XII.1.

52 Búza Zs. Slovensko-maďarské vzťahy v Reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku v rokoch 1918–1952 // Jednota v mnohosti: Zborník z Teologickej konferencie mladých vedeckých pracovníkov / zost.: A. Biela, R. Schön, J. Badura. Bratislava, 2012. S. 303.

53 Svátková I. Reformovaná cirkev... S. 151.

54 Венгерское национальное меньшинство... С. 242. Вербальная нота МИД Венгрии по поводу депортации венгерского населения из Словакии, направленная правительству СССР через советскую миссию в Венгрии, 19 февраля 1947 г. (Интересующие нас сведения в ноте приводятся по данным протестантской печати.)

эти факты свидетельствуют о реальности рассмотрения кальвинистов как одного из важных элементов политики по усилению сплоченности чехословацкого протестантизма, который был традиционной альтернативой католицизму.

Обострение противостояния входивших в Социалистический блок партий с Католической церковью объективно усиливало благоприятные для ускорения процессов словакизации в Реформатской церкви условия. Кроме чисто этнонационального мотива проводить государственную политику в этом направлении, новое значение приобретал и фактор антикатолической деятельности сторонников широкой коалиции левых сил, которые тогда занимали различные должности в системе государственного управления, в том числе и высшие. Причем если для нейтральной в отношении католицизма власти теоретически была приемлема форма словакизации посредством уменьшения общего количества кальвинистов за счет верующих венгерской национальности, то объективно для антикатоликов наиболее благоприятным было сохранить сравнительно большую численность реформатской конфессии и, следовательно, ее статус в стране. По этой же причине для них было выгодно способствовать сохранению единства Реформатской церкви. Образование двух противоборствующих между собой на этнонациональной почве структур при благоприятных условиях возможно и усилило бы словацкую организацию кальвинистов (при ее поддержке со стороны государства в неизбежном конфликте с единоверцами-венграми), но одновременно ослабило бы позиции кальвинизма в стране в целом, что также не отвечало интересам антикатоликов.

В этом плане антикатолицизм левых задавал определенные рамки в целом прословацкой государственной политике в отношении кальвинистов, фактически способствовал тому, что так называемая ресловакизация становилась наиболее приемлемой тактикой по повышению роли словаков в Реформатской церкви. Другими словами, исходя из таких предпосылок, антикатоликам необходимо было создать ситуацию, при которой венгры не просто бы потеряли свои позиции в среде кальвинистов Словакии, но, наоборот, сохранили бы их, но при этом поменяли бы свою этнонациональную идентичность, стали бы считать себя словаками (или, с точки зрения сторонников единства чешского и словацкого народов, чехословаками).

Такой формат словакизации Реформатской церкви в Словакии был выгоден для придерживавшихся левой ориентации ведущих политических сил в стране.

Источники и литература

Fórum Kisebbségkutató Intézet levéltára (FKIL).

Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / сост. Г. П. Мурашко, С. М. Слоистов. М.: РОССПЭН, 2017. 464 с.

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2 т. / сост.: Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. Т. 1. 1944–1948. М.: РОССПЭН, 2009. 888 с.

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в.: Очерки истории. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 807 с.

Желицки Б. Й. Венгрия новейших времен. Очерки политической истории 1944–1994 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 648 с.

Желицки Б. Й. Проблемы выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2004. С. 211–284.

Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Мурашко Г. П. Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов) // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е.П. Серапионова. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 243–256.

Мурашко Г. П., Слоистов С. М. К вопросу о некоторых внешнеполитических факторах, определивших послевоенную политику правящих кругов ЧСР в отношении венгерского национального меньшинства в Словакии (1944–1949) // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы. Вып. 3 / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2014. С. 196–212.

Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2004. 552 с.

Носкова Х. Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое – в Венгрии: решение участия // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2004. С. 285–309.

Barnovský M. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944–1948. Bratislava: Veda, 1978. 228 s.

Búza Zs. Slovensko-maďarské vzťahy v Reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku v rokoch 1918–1952 // Jednota v mnohosti: Zborník z Teologickej konferencie mladých vedeckých pracovníkov / zost.: A. Biela, R. Schön, J. Baďura. Bratislava: Evanjelická bohoslovecká fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, 2012. S. 293–313.

Cestou Května: dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: duben 1945 – květen 1946 / sest. J. Soukup. Praha: Svoboda, 1975. 496 s.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty / edd. J. Němeček, H. Nováčková aj. Díl 2 (červenec 1943 – březen 1945). Praha: Státní ústřední archiv v Praze, 1999. 664 s.

Hetényi M. Promaďarské duchovenstvo a náboženské pomery na pozadí vzťahu štátneho aparátu a maďarskej menšiny 1938–1945 // Studia Historica Nitriensis. 2005. R. 12. S. 109–147.

Kis B. (összeáll.). Szlovákiai magyar református vonatkozású könyvek válogatott bibliográfiája (1990–2007) // Fórum Társadalomtudományi Szemle. 2008. 10. évf. 2. sz. 147–158. o.

Němcí a Maďaři v dekretech prezidenta republiky. Studie a dokumenty 1940–1945 / uspořádal K. Jech. Brno: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR; Doplněk, 2003. 688 s.

Pácha M. Možnosti výzkumu katolické církve v českých zemích v raném období komunistické diktatury // Soudobé dějiny. 2019. Č. 2–3. S. 350–362.

Peres I. A pozsonyi református gyülekezet története. Bratislava – Pozsony: Pozsonyi Református Keresztyén Egyház, 2004. 8. o.

Pešek J. Slovensko-maďarské spory v reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku po druhé svetovej vojne // Národ – cirkev – štát. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007. S. 185–199.

Petranský I. Dejiny církví a náboženských spoločností na Slovensku v 20. storočí. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2017. 227 s.

Popély Á. Fél évszázad kisebbségen. Fejezetek a szlovákiai magyarság 1945 utáni történetéből. Somorja: Fórum Kisebbségtudományi Intézet, 2014. 328. o.

Sčítání lidu v Republice československé ze dne 1. prosince 1930. Praha: Státní úřad statistický, 1934. Dil I. 208 s.

Simon A. (összeáll.). A szlovákiai magyarok történetének válogatott bibliográfiája (1990–2002). Somorja; Dunaszerdahely: Fórum Kisebbségtudományi Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2004. 194. o.

Svátková I. Reformovaná cirkev na Slovensku v rokoch 1918–1938 // Národ – cirkev – štát. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007. S. 144–153.

Szabó A. A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház története – I. rész // Regio – Kisebbségtudományi Szemle. 1. évf. 3. sz. (1990. július). 133–162. o.

Szymeczek J. Augsburski Kościół Ewangelicki w czechosłowackiej części Śląska Cieszyńskiego w latach 1945–1950. Cieszyn: Księźnica Cieszyńska; Kongres Polaków w Republice Czeskiej, 2008. 184 s.

Šustek Z. Hospodárenie mladej Bratislavčanky v rokoch 1944–1949: príjmy, výdavky, ceny, štruktúra spotreby a stratégia zaobchádzania s peniazmi – prípadová štúdia // Numizmatika. 2014, 24 Supplementum. S. 59–72.

Šutaj Š. Problémy vo vzťahu československého štátu a protestantských cirkví po roku 1945 (menšinová politika a cirkvi) // Annales historici Prešoviensis. Anno 2005. Prešov, 2005. S. 215–237.

Šutaj Š., Olejník M., Gabzdilová-Olejníková S. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch. I. Prešov: UNIVERSUM, 2005. 260 s.

Vaško V. Dům na skále. Církev zkoušená (1945 – začátek 1950). Kostelní Vydrí: Karmelitánské nakladatelství, 2004. Díl 1. 256 s.

Zouhar J. Prehľad cirkevnej historiografie v Českej republike v novom tisícročí // Konštatínove listy. 2014. R. 7. S. 73–89.

References

Barnovský, M. *Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944–1948*. Bratislava: Veda, 1978, 228 p.

Búza, Zs. "Slovensko-maďarské vzťahy v Reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku v rokoch 1918–1952." *Jednota v mnohosti. Zborník z Teologickej konferencie mladých vedeckých pracovníkov*, zost.: A. Biela, R. Schön, J. Badura. Bratislava: Evanjelická bohoslovecká fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, 2012, pp. 293–313.

Cestou Května: dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: duben 1945 – květen 1946, sest. J. Soukup. Praha: Svoboda, 1975, 496 p.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty, edd. J. Němeček, H. Nováčková aj. Díl 2 (červenec 1943 – březen 1945). Praha: Státní ústřední archiv v Praze, 1999, 664 p.

Hetényi, M. "Promaďarské duchovenstvo a náboženské pomery na pozadí vzťahu štátneho aparátu a maďarskej menšiny 1938–1945." *Studia Historica Nitriensis*, 2005, r. 12, pp. 109–147.

Kis, B. (összeáll.). "Szlovákiai magyar református vonatkozású könyvek válogatott bibliográfiája (1990–2007)." *Fórum Társadalomtudományi Szemle*, 2008, 10. évf., 2. sz., pp. 147–158.

Mar'ina, V. V. *Zakarpatskaia Ukraina (Podkarpatskaia Rus')* v politike Benesha i Stalina. 1939–1945 gg. Moscow: Novyi khronograf, 2003, 304 p.

Murashko, G. P. "Kak i gde reshala's sud'ba vengerskogo men'shinstva v Slovakií posle Vtoroi mirovoi voyny (po materialam rossiiskikh arkhivov)." *Sotsial'nye posledstviia voin i konfliktov XX veka: istoricheskaiia pamiat'*, ed. by E. P. Serapionova. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, pp. 243–256.

Murashko, G. P., Sloistov, S. M. "K voprosu o nekotorykh vneshnopoliticheskikh faktorakh, opredelivshikh poslevoenniu politiku praviaslavchikh krugov ChSR v otnoshenii vengerskogo natsional'nogo men'shinstva v Slovakkii (1944–1949)." *Migratsionnye posledstviia Vtoroi mirovoi voiny: deportatsii v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy*. Vol. 3, ed. by N. N. Ablazhei, A. Blum. Novosibirsk: Nauka, 2014, pp. 196–212.

Natsional'naia politika v stranakh formiruiushchegosia sovetskogo bloka. 1944–1948, ed. by V. V. Mar'ina. Moscow: Nauka, 2004, 552 p.

Němci a Maďari v dekretech prezidenta republiky. Studie a dokumenty 1940–1945, uspořádal K. Jech. Brno: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR; Doplněk, 2003, 688 p.

Noskova, Kh. "Vengerskoe men'shinstvo v Chekhoslovakii i slovatskoe – v Vengrii: reshenie uchasti." *Natsional'naia politika v stranakh formiruiushchegosia sovetskogo bloka. 1944–1948*, ed. by V. V. Mar'ina. Moscow: Nauka, 2004, pp. 285–309.

Pácha, M. "Možnosti výzkumu katolické církve v českých zemích v raném období komunistické diktatury." *Soudobé dějiny*, 2019, No 2–3, pp. 350–362.

Peres, I. *A pozsonyi református gyülekezet története*. Bratislava – Pozsonyi Református Keresztyén Egyház, 2004, 8 p.

Pešek, J. "Slovensko-maďarské spory v reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku po druhej svetovej vojne." *Národ – cirkev – štát*. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007, pp. 185–199.

Petranský, I. *Dejiny cirkví a náboženských spoločností na Slovensku v 20. storočí*. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2017, 227 p.

Popély, Á. *Fél évszázad kisebbségen. Fejezetek a szlovákiai magyarság 1945 utáni történetéből*. Somorja: Fórum Kisebbségekutató Intézet, 2014, 328 p.

Sčítání lidu v Republice československé ze dne 1. prosince 1930. Praha: Státní úřad statistický, 1934, vol. I, 208 p.

Simon, A. (összeáll.). *A szlovákiai magyarok történetének válogatott bibliográfiája (1990–2002)*. Somorja; Dunaszerdahely: Fórum Kisebbségekutató Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2004, 194 p.

Svátková, I. "Reformovaná cirkev na Slovensku v rokoch 1918–1938." *Národ – cirkev – štát*. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007, pp. 144–153.

Szabó, A. "A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház története – I. rész." *Regio – Kisebbségtudományi Szemle*, 1. évf. 3. sz. (1990. július), pp. 133–162.

Szymeczek, J. *Augsburski Kościół Ewangelicki w czechosłowackiej części Śląska Cieszyńskiego w latach 1945–1950*. Cieszyn: Księżnica Cieszyńska; Kongres Polaków w Republice Czeskiej, 2008, 184 p.

Sustek, Z. "Hospodárenie mladej Bratislavčanky v rokoch 1944–1949: príjmy, výdavky, ceny, štruktúra spotreby a stratégia zaobchádzania s peniazmi – prípadová štúdia." *Numizmatika*, 2014, 24 Supplementum, pp. 59–72.

Sutaj, Š. "Problémy vo vzťahu československého štátu a protestantských cirkví po roku 1945 (menšinová politika a cirkvi)." *Annales historici Prešoviensis. Anno 2005*. Prešov, 2005, pp. 215–237.

Sutaj, Š., Olejník, M., Gabzdilová-Olejníková, S. *Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch*, I. Prešov: UNIVERSUM, 2005, 260 p.

Vaško, V. *Dům na skále. Cirkev zkoušená (1945 – začátek 1950)*. Kostelní Vydří: Karmelitánské nakladatelství, 2004, vol. 1, 256 p.

Vengerskoe natsional'noe men'shinstvo v Chekhoslovakii v kontekste mezhgosudarstvennykh otnoshenii. Dokumenty i materialy. 1944–1951 gg., compl. by G. P. Murashko, S. M. Sloistov. Moscow: ROSSPEN, 2017, 464 p.

Vlast' i tserkov' v Vostochnoi Evrope. 1944–1953. Dokumenty rossiiskikh arkhivov: in 2 Vols., compl. by T. V. Volokitina, G. P. Murashko, A. F. Noskova. Vol. 1. 1944–1948. Moscow: ROSSPEN, 2009, 888 p.

Volokitina, T. V., Murashko, G. P., Noskova, A. F. Moskva i Vostochnaia Evropa. *Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40–50-kh gg. XX v.: Ocherki istorii.* Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2008, 807 p.

Zhelitski, B. I. *Vengriia noveishikh vremen. Ocherki politicheskoi istorii 1944–1994 gg.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2017, 648 p.

Zhelitski, B. I. “Problemy vyseleniiia vengrov iz Chekhoslovakii.” *Natsional'naya politika v stranakh formiruiushchegosia sovetskogo bloka. 1944–1948*, ed. by V. V. Mar'ina. Moscow: Nauka, 2004, pp. 211–284.

Zouhar, J. “Prehľad cirkevnnej historiografie v Českej republike v novom tisícročí.” *Konštatínove listy*, 2014, r. 7, pp. 73–89.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.04

S. M. Sloistov

Czechoslovakia and the Slovak Calvinist Hungarians: from the Contradictions of the Interwar Period to the Crisis Phenomena of 1945–1948

Sergei M. Sloistov

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Sloistov S. M. Czechoslovakia and the Slovak Calvinist Hungarians: from the Contradictions of the Interwar Period to the Crisis Phenomena of 1945–1948 // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 77–105 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.04

Received: 13.01.2025.

Revised: 21.01.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The crisis the Czechoslovak Calvinist community faced in 1945–1948 cannot be considered in isolation from the dynamics of the national emancipation of its Slovak part in the interwar period. The contradictions that developed at that time between the Slovak minority and the Hungarian majority within the Reformed Church in Czechoslovakia became the starting point for the subsequent confrontation in the period from the First Vienna Award to the end of World War II, and then during the critical year of 1948. The restoration of the Czechoslovak authorities' control over the southern regions of Slovakia and the integration of these lands in the post-war period under analysis were carried out with the help of a system of anti-Hungarian discriminatory measures, which are considered in this paper. However, the general anti-Hungarian policy of the Czechoslovak state also had its own characteristics. Its implementation depended on the specific features of a particular group within the Hungarian minority. The paper pays special attention to the existence of the Calvinist Church during this critical period for the Slovak Hungarians. In addition to the anti-Hungarian reasons that determined its functioning, the author touches upon the development of the confrontation between the left forces in the country and the Catholic Church, which is important for understanding its position. Thus, the circumstances that are significant for some Slovak Hungarians are studied, primarily related to the sphere of church-state relations, but at the same time influencing the results of the nationalities policy of Czechoslovakia in relation to the Hungarian national minority. The author used archival materials, including some previously unpublished and discovered abroad.

Keywords

Hungarians in Slovakia, Calvinists, Reformed Church, nationalities policy, discrimination, state-church relations, Hungarian-Slovak relations, Czechoslovakia.

УДК 811.16

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.05

B. С. Ефимова

**К изучению передачи греческой научной лексики
в старославянских текстах:
комплексные лексические единицы**

Ефимова Валерия Сергеевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом
Института славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5921-8475

Цитирование

*Ефимова В. С. К изучению передачи греческой научной лексики
в старославянских текстах: комплексные лексические единицы //
Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 106–129. DOI: 10.31168/2073-
5731.2025.3-4.05*

Статья поступила в редакцию 29.05.2025.

Рецензирование завершено 22.08.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье рассматриваются механизмы передачи греческой научной лексики комплексными лексическими единицами (композитами и несколькословными наименованиями). Основным способом передачи греческих научных терминов являлись разные виды калькирования. Образование старославянских композитов и несколькословных наименований путем калькирования имеет много общего. Для калькирования греческих комплексных научных терминов славянские книжники использовали поморфемное калькирование, фразеологическое калькирование, а также особый род поморфемного калькирования, когда корни греческого композита передаются отдельными словами словосочетания. При этом использовался «строительный материал» славянской обыденной лексики. Для греческой «номинационной идеологии» характерно образование двукорневых композитов даже в сфере обыденной лексики. Славянская «номинационная идеология» выражалась в очень редком образовании композитов. Однако в сфере научной лексики требовалась точность в передаче значения термина, поэтому славянские книжники стремились к возможно

более точной передаче семантики обоих корней или слов греческих комплексных лексических единиц. Выявление нескольких словесных единиц научного лексикона в старославянских текстах представляет собой культурологическую и лингвистическую проблему. В настоящее время среди исследователей нет согласованного единого подхода к анализу старославянских текстов в данном аспекте. Автор полагает, что несколькословное наименование в качестве лексической единицы должно номинировать один-единственный лингвистический концепт (одно понятие). Для установления номинируемых лингвистических концептов необходимо ориентироваться на научные представления авторов греческих оригиналов старославянских текстов, а затем на их интерпретацию славянскими книжниками.

Ключевые слова

Старославянские тексты, научная лексика, комплексные лексические единицы, композиты, несколькословные наименования, калькирование.

1. Греческие оригиналы древнейших славянских переводов эпохи старославянского языка¹ содержат лексику, обслуживавшую полный спектр наук того времени. Первым славянским переводчикам пришлось решать задачу создания собственно славянского научного лексического инвентаря, способного к адекватной передаче греческой научной лексики византийского периода. Большой вклад в создание фонда славянской научной лексики внес, как известно, Иоанн Экзарх Болгарский (особенно своими знаменитыми трактатами «Шестоднев» и «Богословие»), но научная лексика встречается также и в других текстах этой эпохи.

Научная терминология в славянском рукописном наследии вызывала интерес палеославистов с середины XIX в. Уже А. В. Горский и К. И. Невоструев в «Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» отмечали переводческое искусство Иоанна Экзарха при создании славянской терминологии². Язык произведений

1 Придерживаемся концепции Н. И. Толстого, в соответствии с которой старославянский язык является ранним этапом (IX–XI вв.) древнеславянского языка – литературного языка, общего для всех славян. См.: Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 34–52.

2 Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 2. М., 1859. С. 298–306.

Иоанна Экзарха изучался несколькими поколениями ученых разных стран³. В настоящее время научная лексика в произведениях Иоанна Экзарха находится в центре внимания болгарских ученых – особенно Татьяны Илиевой, а также авторов «Терминологического словаря Иоанна Экзарха»⁴. В данной статье предполагается сосредоточиться на комплексных лексических единицах (композитах и несколькословных наименованиях) в старославянском научном лексиконе и используемых славянскими книжниками механизмами передачи греческой научной лексики этими языковыми средствами.

Фонд греческой научной лексики складывался в течение веков и включал в себя и однословные лексические единицы (как слова с одним корнем, так и композиты), и несколькословные лексические единицы. Рассматривая несколькословные наименования в качестве лексических единиц фонда научной лексики, мы исходим из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и несколькословных наименований, номинирующих в качестве лексической единицы один лингвистический концепт⁵. Такая трактовка понятия лексического фонда восходит к идеям Ш. Балли, высказанным уже более ста лет тому назад в труде 1909 г. «*Traité de stylistique française*»⁶. В отечественной лингвистике признание несколькословных наименований лексическими единицами, требующими в качестве единиц-обозначений фиксации в словарях, было сформулировано в начале века Е. С. Кубряковой⁷. Так же как и греческая научная лексика, научная лексика ранних славянских переводов представлена

³ Обширная библиография работ, посвященных творчеству Иоанна Экзарха, приводится в статье болгарской исследовательницы Татьяны Илиевой. См.: Илиева Т. Приносът на Йоан Екзарх към изграждането на старобългарската естественонаучна терминология // *Bulgaria mediaevalis*, 10/2019. 2022. С. 135–171.

⁴ Илиева Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на «De Fide Orthodoxa». София, 2013; Терминологичен речник на Йоан Екзарх / под ред. А. Тотоманова и И. Христов. София, 2019; Илиева Т. Приносът... и др.

⁵ Лингвистический концепт – это некая дискретная единица ментального лексикона человека, которая может быть вербализована. «Конкретные» лингвистические концепты более традиционно можно было бы определить как стоящие за словами понятия – ср.: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005. С. 43–62.

⁶ Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Heidelberg, 1921. Vol. 1. 2nd ed. P. 66–87.

⁷ Кубрякова Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 2000. S. 24–31.

и словами с одним корнем, и композитами, и несколькословными наименованиями.

2. Основным способом пополнения старославянского фонда научной лексики, помимо заимствований типа *εφερъ*, *κέδρъ*, *κέντρονъ*, *планнътъ* и т. п., являются разные виды калькирования греческой научной лексики. Франческа Широни в работе 2019 г. разделила естественные науки древнегреческого и византийского периода на описательные (*descriptive sciences*) и точные (*deductive sciences*)⁸, что весьма существенно для изучения стиля и языка греческих естественнонаучных текстов. Греческие оригиналы старославянских естественнонаучных текстов (как и реминисценций из них) принадлежат к жанру *descriptive sciences*. Ф. Широни показала, что в языке описательных наук использовались общепринятые слова, «прозрачные» неологизмы и «говорящие» метафоры, которые были просты для понимания⁹. Для создания греческих естественнонаучных терминов использовались единицы обыденной лексики с изменением их значения тем или иным путем¹⁰. Образование старославянской научной терминологии шло подобным образом на базе славянской обыденной лексики, но в большой мере было инициировано необходимостью перевода греческих научных текстов. В рамках изучения семантического калькирования греческой лексики образование старославянской терминологии на базе славянской обыденной лексики было рассмотрено уже давно. Е. М. Верещагин называл такое калькирование «транспорзией», Р. Вечерка – случаем эксцессивной семантической идентификации (*«a case of excessive semantic identification»*) старославянского эквивалента греческому соответствуию¹¹. Однословные славянские научные термины («простые», *simplicia*) типа *вещь*, *свѣтъ*, *тьма*, *ѹннъ* и многие другие образованы путем семантического калькирования соответствующих греческих слов.

8 Schironi Fr. Naming the Phenomena: Technical Lexicon in Descriptive and Deductive Sciences // Formes et fontions des langues littéraires en Grèce ancienne entretiens sur l'antiquité classique. T. LXV. Vandoeuvres, 2019. P. 227–278.

9 Cp.: «As we have seen, descriptive sciences like medicine, botany, zoology, and mechanics used common words, ‘transparent’ neologisms, and ‘speaking’ metaphors, which were rather easy to understand». – Schironi Fr. Naming... P. 251.

10 Schironi Fr. Naming... P. 243–245.

11 Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 40–41; Večerka R. The Influence of Greek on Old Church Slavonic // Byzantinoslavica. Praha, 1997. Т. LVIII. Fasc. 2. P. 368.

3. Создание старославянской научной лексики в виде комплексных лексических единиц (композитов и несколькословных наименований) изучено пока очень мало. Есть основания рассматривать образование старославянских композитов и несколькословных наименований путем калькирования как словосложение (*compounding*) в широком смысле слова¹². Практику передачи греческих композитов старославянскими словосочетаниями, как и, наоборот, передачи греческих словосочетаний старославянскими композитами отмечала еще Р. М. Цейтлин¹³. Как уже было показано нами ранее, эти «сфера пересечения» были обусловлены прежде всего основной и наиболее трудной задачей, которую решали славянские книжники при переводе как греческого композита (или деривата от композита), так и греческого несколькословного наименования, – задачей передачи семантики знаменательных корней (как правило, двух)¹⁴. При калькировании греческих комплексных научных терминов, как и при создании новых комплексных наименований в других сегментах старославянского лексикона, славянские книжники использовали поморфемное калькирование, фразеологическое калькирование, а также особый род поморфемного калькирования, когда корни греческого композита (или деривата от композита) передаются отдельными словами словосочетания. При этом, как и при семантическом калькировании, использовался «строительный материал» славянской обыденной лексики.

3.1. Передача греческих научных терминов-композитов путем поморфемного калькирования опиралась на сходство моделей образования именных композитов в греческом и славянском¹⁵. Следует, однако, отметить, что выбор модели славянскими книжниками при калькировании мог не совпадать с моделью греческого образца, например:

ταλιγγενεσία [[Adv-StN]-Suf-FI]¹⁶ ‘возрождение’

12 Ефимова В. С. Старославянские несколькословные номинации *versus* композиты // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 171–190.

13 Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. С. 187–188.

14 Ефимова В. С. Старославянские несколькословные номинации...

15 Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации при калькировании греческих композитов // Славянское и балканское языкознание. Вып. 20: Палеославистика-3. Международная коллективная монография / отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2020. С. 93–118.

16 Греческий текст здесь и далее приводится по изданиям: Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Joannes // Editiones monumentorum slavicorum veteris dialecti. Graz, 1958–1971. Vol. I–VI; Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes /

— пакърожьство [Adv-N] (*παλιγγενεσία* — пакърожьство Бог 244а5).

Также уже ранее нами было замечено, что при калькировании композитов славянские книжники по большей части использовали продуктивные деривационные суффиксы, указывающие на частеречную принадлежность старославянских калек адъективам или субстантивам, в то время как их греческие образцы таких суффиксов могли не иметь¹⁷. Например, композит *ώροσκόπος* ‘асцендент – знак или градус, восходящий в момент рождения’, не имеющий суффикса, указывающего на его частеречную принадлежность адъективам или субстантивам¹⁸, калькируется как *ψασοβλούδыць* с суффиксом, указывающим на его принадлежность к существительным:

ώροσκόπος [[StN- cop-StV]-Fl]

— *ψасоблюдьць* [[StN- cop-StV]-Suf-Fl] Шест 129с7–8.

3.2. Кроме того, передача греческих научных терминов-композитов осуществлялась путем особого рода поморфемного калькирования, когда корни греческого композита (или деривата от композита) передаются отдельными словами словосочетания. Ср., например, передачу *ἀστρολογία* [[StN-cop-StV]-Suf-Fl] как *ζετεζδыноє ψнсма* в «Богословии» Иоанна Экзарха:

Οἱ μὲν οὖν Ἐλληνες διὰ τῆς τῶν ἀστρων τούτων... συγκρούσεώς φασὶ πάντα διοικεῖσθαι τὰ καθ’ ἡμᾶς. Περὶ τὰῦτα γὰρ ἡ ἀστρολογία καταγίνεται.

— елини же звѣздамн симн ... съразъ рѣша все странть же ся еже въ насъ . о томъ бъ звѣздыноє ψнсма бъіваетъ . Бог 139б4.

Здесь семантика корней композита *ἀστρολογία* передается обычной славянской лексикой: корня *ἀστρ-* — прилагательным *звѣздынїн*, корня *-λογ-* глагола *λέγειν* в значении ‘причислять, считать’ — сущ. *ψнсма*.

Или ср., например, калькирование таких наименований душевных недугов, как *γυναικομανία* [StA-cop-N] ‘безумное влечение

Monumenta linguae slavicae. T. V. Wiesbaden, 1967; T. XIV. Freiburg i. Br.; 1981; T. XVI. Freiburg i. Br. 1983; Frček J. Euchologium Sinaiticum // Patrologia orientalis. Paris, 1933. Vol. XXIV. P. 612–801; 1939. Vol. XXV. P. 490–612; Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София, 2015. Т. 3: Гръцки извори; Заимов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2. В формулах здесь и далее используем обычные обозначения: А — адъектив, Н — имя (субстантив), В — глагол, Adv — адверб, St — основа, Suf — суффикс, Fl — флексия, cop — соединительный элемент.

17 Ефимова В. С. О роли...

18 Ср. в Словаре Лидделя-Скотта: «the sign or degree rising at the time of birth, ascendants». Словарь Лидделя-Скотта также указывает на возможность использования композита *ώροσκόπος* как в качестве прилагательного, так и в качестве существительного. — Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 2037.

к женщинам’ – женскн бέсъ и είδολομανία [StN-cop-N] ‘безумство идолопоклонничества’¹⁹ – κούμηρьскоиε ненстовниe:

Καὶ τίς ἡ ὠφέλεια τῆς πολλῆς φρονήσεως ἐκείνης καὶ ἡ προλαβοῦσα τοσαύτη ἔννοια εἰς θεὸν ὅστερον ἐκ γυναικομανίας εἰς εἰδωλομανίαν ἐκπεπτωκότος;

— наи кын оуспехъ многааго разоума того и прѣдн быввшаа мысль къ бѹг . послѣже же отъ женскааго бѣса въ коумирыскоиє ненстовниe отпадвшоу . Изб1073 10–11 и 11–12.

Передача композитов несколькословными наименованиями была довольно характерна для ранних славянских переводов, что подтверждается сохранением таких примеров в движении текстов по спискам разных изводов со старославянских протографов. Так, например, принадлежность старославянскому протографу перевода Апостола передачи композита δικαιοκρισία [[StA-cop-StN]-Suf-FI] несколькословным наименованием праведынзин сѫдъ в Рим 2:5 подтверждается наличием такой передачи в списках разных изводов: δικαιοκρισίας – праведынааго соуда в Христинопольском, Слепченском, Шишатоватском списках; неоднократно встречается такая передача греческого композита и в Изборнике Святослава: δικαιοκρισίας – праведынааго сѫда Изб1073 74b20, δικαιοκρισίαν – праведынзин соудъ Изб1073 100d2–3, катà δικαιοκρισίαν – по праведыноуому соудоу Изб1073 100d12–13, ётò тѣс... δικαιοκρισίας – отъ ... праведынааго соуда Изб1073 101c25–26, δικαιοκρισία – праведынзин соудъ Изб1073 109a9–10. Однако уже в «Богословии» Иоанна Экзарха (древнейший из сохранившихся – древнерусский список XII/XIII в.) встречаем передачу δικαιοκρισία композитом правосѫдъство (тѣн ... δικαιοκρισίαн – по ... правосоудьству Бог 222a4), которая может принадлежать старославянскому протографу. Вместе с тем Татьяна Илиева насчитывает в тексте «Богословия»

19 Cp. в Словаре Дж. Лампе: γυναικομανία «madness for women» (*Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon...* P. 363), είδολομανία «idol-madness, madness of idolatry» (*Ibid. P. 408*). Видимо, в греческом слова γυναικομανία и είδωλομανία композитами не являлись, т. е. направление деривации было γυναιкоманής ‘с ума сходящий по женщинам’ → γυναιкоманία (дериват от композита), είδωλоманής ‘идолопоклоннический; идолопоклонник’ – είδωλομανία (дериват от композита). Однако, как справедливо отмечал Эрик Фэльт, для переводчика на старославянский язык не имело значения, какое сложное греческое слово ему нужно перевести – композит или дериват от композита. См.: *Fält E. Compounds in Contact: A Study in Compound Words with Special Reference to the Old Slavonic Translation of Flavius Josephus’ Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 28. Uppsala, 1990. P. 13.*

Иоанна Экзарха 53 случая перевода греческих композитов словосочетаниями (Т. Илиева в это число включает и греческие композиты-субстантивы, и композиты-адъективы). Среди приведенных Т. Илиевой примеров есть как примеры рассматриваемого нами особого рода поморфемного калькирования, так и примеры передачи значений композитов весьма приблизительно, «по смыслу»²⁰. Таким образом, наряду с использованием славянскими книжниками этого особого рода поморфемного калькирования композитов отдельными словами словосочетания, прослеживается тенденция к предпочтению передачи греческих композитов композитами, особенно в более поздних переводах²¹. Примечательно, что М. О. Новак отмечает появление в Рим 2:5 в Чудовском Новом Завете вместо наименования *правдънън соудъ* композита *правосоудъе*²².

3.3. Славянская языковая концептуализация мира отличалась от греческой в том числе и «номинационной идеологией». Если для греческой номинационной идеологии вполне обычным является образование двукорневых композитов для номинаций даже в сфере обыденной лексики, то славянская номинационная идеология выражалась в очень редком образовании композитов, что было подмечено уже В. Ягичем²³. Эту черту славянской речи тонко чувствовали первые славянские переводчики свв. Кирилл и Мефодий, и есть основание считать такое предпочтение однокорневых слов первоначальной переводческой установкой св. Кирилла²⁴. Показательно в этом смысле словоупотребление в Прологе «Шестоднева», где Иоанн Экзарх

20 Илиева Т. Терминологичната лексика... С. 134. Образование такого композита, как *воджлѣн* ‘Водолей (созвездие)’, зафиксированного в «Терминологическом словаре Иоанна Экзарха» (Терминологичен речник... С. 67), следует рассматривать в качестве сращения также на базе изначального нескользкословного наименования с причастием: *ὑδροχόος* [StN-cop-N] – *водж лѣн* → *воджлѣн* (*Үдро-хъоц* – *водулѣн* Бог 138б5–6). Здесь второй компонент греческого композита *-χόος* представляет собой существительное, соотносительное с глаголом *χέειν*, – см.: *Chantre P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots.* Paris, 1980. Т. IV-2. Р. 1255.

21 Об этом см.: Ефимова В. С. К изучению переводческих решений славянских книжников при передаче греческих композитов: место нескользкословных номинаций // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74, № 4. С. 109.

22 Новак М. О. Апостол в истории русского литературного языка: лингвостилистическое исследование. Казань, 2014. С. 34.

23 Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Aufreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 538–542.

24 Ефимова В. С. О роли... С. 94–102.

принадлежащие к слою обыденной лексики греческие двукорневые композиты передавал однокорневыми славянскими словами. Ср.:

χαλκοτύπος ‘медник, кузнец’ – мѣдъиңкѣ (χαλκοτύποι – мѣдъиңңиң Шест 1d9);

χρυσοχόος ‘золотых дел мастер’ – златаръ (χρυσοχόοι – златарн Шест 1d10);

σκυτοτόμος ‘кожевник, сапожник’ – оусмаřь (σκυτοτόμοι – оусмаřиң Шест 1d11–12);

φυτουργός ‘садовник’ – сади (той φυτουργοῦ – съден Шест 2a11);

οἰκοδόμος ‘строитель’ – зижди (οἰκοδόμου – зижъушааго Шест 2a19–20).

Использовал Иоанн Экзарх и метод «описательного» перевода композита целым предложением. Ср.:

ύλοτόμος ‘лесоруб’: ύλοτόμου – нже дрѣво стѹен Шест 2a8;

πιττουργός ‘производитель смолы’²⁵: – питтуургоû – нже пъкољ твօрнти Шест 2a8–11.

В сфере научной лексики требовалась, однако, точность в передаче значения термина, чем обусловливается стремление славянских переводчиков к возможно более точной передаче семантики обоих корней или слов греческих комплексных лексических единиц. Однокорневые слова (*simplicia*) использовались здесь для передачи композитов в редких случаях – там, где это было возможно без потери семантических нюансов. Например, двукорневой композит δημιουργός ‘мастер, ремесленник’ и образованные от него глагол δημιουργεῖν и сущ. δημιουργία, изначально относившиеся к сфере обыденной лексики²⁶, в греческих оригиналах старославянских естественнонаучных текстов используются как термины космогонии. В старославянских переводах этих текстов композит δημιουργεῖν передается симплексом сътвօрнти, который обретает значение космогонического термина (назовем это явление, согласно Е. М. Верещагину, «транспозицией»). Ср.:

Ἐξορκίζω σε κατὰ τοῦ Θεοῦ... τοῦ τὴν ἀόρατον καὶ ὄρατὴν κτίσιν δημιουργήσαντος...

— заклннаӣ та бѓомъ ... сътвօрьшнмъ невндиңмжӣ և вндиңмжӣ в'снк тваръ ... Евх 52a16–17.

25 Ср. значение πιττουργός в словаре Лидделя и Скотта: «maker of pitch». – *Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon...* P. 1407.

26 Ср. значение δημιουργός в Этимологическом словаре П. Шантрена: «artisan, spécialiste». – *Chantraine P. Dictionnaire...* Paris, 1968. T. I. P. 273.

Приведем также некоторые примеры перевода греческих научных терминов-композитов (или дериватов от композитов) славянскими симплексами, изначально относившимися к сфере обыденной лексики и получившими значения научных терминов в разных областях знания:

ο Ἔωσφόρος ‘планета Венера – букв. носящий рассвет, зарю’ – **ДЫНЬНИЦА**:

Ἀφροδίτην δέ φασι τὸν ποτὲ μὲν Ἐωσφόρον

– αφροδίтъ же ғлють нже овзгда **дынинца** Бог 123б5–6;

ή ὄρτυγομήτρα ‘перепел или коростель’ – **крастѣль**:

οὐρανόθεν τὸ μάννα ἐπομβρεῖ... καὶ ἐκ τοῦ ἀέρος ὄρτυγομήτραν
αὐτοῖς ἔκομιζεν.

– съ нѣсѣ **маньноу** дѣжднѣтъ ... и отъ вѣздоука **крастѣлан** нмѣ даіаше . Изб 90а19;

ἀλμυρότης ‘соленость (одно из качеств, распознаваемых вкусовым восприятием)’ – **сланость**

Αἱ δὲ καλούμενοι γευστικὰ ποιότητες εἰσὶν αἴται· γλυκύτης... **ἀλμυρότης...**

– а нже сѧ **нарнчоутъ** вѣкоусынаѧ творнтива н҃ланвомъ . то сie соуть .
сладѣство ... **сланость** ... Бог 191а3;

οἰκονομία – **стронтельство**

Περὶ τῆς θείας **οἰκονομίας** καὶ περὶ τῆς πρὸς ἡμᾶς κτηδемονίας καὶ τῆς
ἡμῶν σωτηρίας.

– ω бжѣствынѣмъ **стронтельствѣ** и о нашемъ ဇастоупѣ и ω спѣсенни .
Бог 221а10.

Однако в сфере научной лексики передача греческого композита однокорневым словом (симплексом) – скорее исключение.

4. Для передачи греческих несколькихсловных наименований чаще всего использовалось фразеологическое калькирование²⁷, даю-

27 В свое время Нандор Молнар в монографии 1985 г. определил старославянские фразеологические кальки как словосочетания и фразы (word groups and phrases), возникающие путем калькирования словосочетаний и фраз языка-источника («For reproducing foreign word groups and phrases by means of loan translation some word groups and phrases may be established in the adopting language as well. Betz presents them as “Lehnwendungen”, the English and French authors know as “phraseological loan translations”, “calques phraséologiques”. These solutions are well-applicable in English as *phraseological calques*». – Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985. P. 66).

щее результатом старославянские несколькословные наименования. Надо полагать, что фразеологическое калькирование научных терминов также было обусловлено стремлением славянских переводчиков к возможно более точной передаче научного термина и семантики слов (как правило, двух) греческой комплексной лексической единицы: τῶν ὑδάτων ἡ φύσις – не вода, а водяное существо; ἡ τοῦ πυρὸς φύσις – не огнь, а огненное существо и т. п.

Как и при семантическом калькировании однокорневых научных терминов, при фразеологическом калькировании греческих несколькословных научных терминов использовалась обыденная славянская лексика, имеющая в семантических структурах славянского и греческого слова «точки соприкосновения». Например: ζῳδιακός κύκλος – жицвотынзын кржгъ (Ζῳδιακὸν κύκλον – жицвотынзын кржгъ Шест 16б22–23). Прил. ζῳδιακός изначально имело значение ‘звериный’²⁸, что и обусловило его передачу в составе астрономического термина прилагательным жицвотынзын. В состав этого астрономического термина вошло и слово κύκλος ‘круг’, принадлежащее к обыденной лексике.

4.1. Выявление несколькословных единиц научного лексикона среди употребляющихся в старославянских текстах словосочетаний представляет собой культурологическую и лингвистическую проблему. Очевидно, что в настоящее время среди исследователей-палеославистов нет единого подхода к анализу старославянских текстов в данном аспекте. Так, «Терминологичен речник на Йоан Екзарх» под редакцией Анны-Марии Тотомановой и Ивана Христова (София, 2019) насчитывает 77 несколькословных единиц («терминов-словосочетаний» по терминологии редактора Ивана Христова) в произведениях Иоанна Экзарха²⁹, тогда как в работе Татьяны Илиевой 2022 г. только естественнонаучных терминов и только в «Шестодневе» Иоанна Экзарха приведено 289 несколькословных единиц³⁰. Возьмем, например, словосочетания со словом **оутварь**, номинирующие ключевые понятия космологии, космогонии и теологии рассматриваемой нами эпохи. По каким критериям следует определять, являются ли научными терминами и единицами старославянского научного лексикона следующие словосочетания со словом **оутварь**: **невидимая оутварь** – ó ἀόρατος κόσμος (Шест 17б2–3), **мала оутварь** – μικρὸς κόσμος (Бог 182а4–5), **ó κόσμος – оутварь си(я)** (Шест 17с2), **ή**

28 Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. I. С. 738.

29 Терминологичен речник... С. 11.

30 Илиева Т. Приносът... С. 159–163.

τριαδικὴ διακόσμησις – τρονύскаѧ оутварь (Бог 113а1–2)? Или эти словосочетания являются свободными словосочетаниями с определениями, где термином является только слово оутварь?

Полагаем, что для решения этого вопроса следует использовать тот же критерий, что и для определения статуса как самостоятельных либо несамостоятельных лексических единиц любых встречающихся в древних славянских текстах нескользкословных наименований. Эта проблема была рассмотрена еще в 2014 г. в совместной статье В. С. Ефимовой и Веселки Желязковой. В ней было показано, что, учитывая особенность старославянского лексического инвентаря, создававшегося по мере выполнения переводов и буквально в процессе этих переводов, для идентификации старославянских нескользкословных наименований в качестве лексических единиц можно полагаться только на единственный критерий: нескользкословное наименование-обозначение в качестве лексической единицы должно номинировать один - единственный лингвистический концепт³¹.

Этот достаточно четкий критерий имеет, однако, свои «подводные камни», обусловленные отличной от славянской греческой языковой концептуализацией мира. Для установления того, один или более лингвистических концептов номинирует какое-либо нескользкословное наименование, требуется достаточно глубокое проникновение в содержание древних текстов – прежде всего греческого, а затем и старославянского³². Для установления того, какие лингвистические концепты номинируют словосочетания со словом оутварь в старославянских текстах, необходим учет содержания прежде всего греческих текстов, т. е. необходимо ориентироваться прежде всего на космологические, космогонические и теологические представления авторов греческих оригиналов старославянских текстов, а затем на их интерпретацию славянскими переводчиками. Слово оутварь само по себе (как однословная лексическая единица) предстает научным термином средневековой космологии, переводящим греч. κόσμος со значением ‘(созданный Богом) мир’. Например:

31 Ефимова В. С., Желязкова В. Нескользкословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 38. 2014. № 3. С. 33–48. Более традиционно можно сказать, что нескользкословное наименование в качестве лексической единицы должно номинировать одно понятие.

32 Ефимова В. С. О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 16]: Палеославистика / отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2017. С. 71–77.

Οὐ σὺ μόνον, ὃ Πιλάτε, ἀλλ’ οὐδὲ Ἰουδαῖοι, ἀλλ’ οὐδὲ τυφλά, ἀλλ’ οὐδὲ νεκροί, οὐδὲ ἥλιος, οὐδὲ σελήνη, οὐδὲ ὁ κόσμος...

— ΝΕ ΤΖΙ ΤΖΥΙΚ Ω ΠΗΛΑΤΕ. ΝΖ ΝΗ ΖΗΔΟΒΕ ΝΖ ΝΗ ΣΑἘΠΗΗ. ΝΗ ΜΡΤΒΗΗ ΝΗ ΣΛΗΝЦЕ ΝΗ ΛΟΥΝΑ. ΝΗ ΟΥΤΒΑΡЬ ... Супр 433:20–21;

или: ἀρχὴ δὲ τοῦ κόσμου τὸ φῶς ἦν

— ΝΑΥΕΛΟ ΖΕ ΟΥΤΒΑΡΪ ΣΒ[†] ΒΈΑΣΗ Шест 15a27.

Вместе с тем греч. κόσμος – термин очень многозначный³³. В оригиналах старославянских текстов κόσμος встречается также в значении ‘наш (видимый) мир’ и переводится словосочетанием оутварь сн(иа). Например:

Εἰ οὖν καὶ ἀρχὴν ἔχει ὁ κόσμος

— ΔΑ ΙΕΛΥΜΑ ΖΕ ΝΑΥΕΛΟ ΗΜΑΤΖ ΟΥΤΒΑΡЬ СН Шест 9b20.

Нижеследующий контекст из «Шестоднева» показывает, что Бог может сотворить множество ‘наших миров’:

Ῥάδιον μὲν γὰρ ἦν αὐτῷ καὶ μυρίους καὶ δισμυρίους δημιουργῆσαι κόσμους

— 8ДОБЬ БО ΙЕМОУ ΒΈΑΣΗ УТВАРЕН СНХЗ. ρεκше . МИФОВ . СТВОРНTH . Н ТЬМОУ . Н ДВЕ ТЬМЕ Шест 2b20–21.

В «Шестодневе» Иоанна Экзарха находим и указание на то, что, согласно космогоническим представлениям его автора (не рассматривая сейчас их истоки), до сотворения ‘нашего мира’ был какой-то другой мир, «нечто иное»:

Ὕν γάρ τι, ως ἔοικε, καὶ πρὸ τοῦ κόσμου τούτου, ὁ τῇ μὲν διανοίᾳ ἡμῶν ἔστι θεωρητὸν, ἀνιστόρητον δὲ κατελείφθε...

— ΤΟ ΒΈΑΣΗ ΝΗΟ ΝΕΥΤΟ ΠΡΕЖΕ УТВАРΗ СЕΙΕ. ιέχε ΝΑШЕМОУ ΟУМОУ ΤΖΥΝЮ ΡАЗОУМНО ΙЕСΤΖ . ΝΖ ΝΕВНДΗМО ΝАМН ΩСТА . Шест 16d15.

Несколькословное наименование оутварь сн(иа) используется для перевода не только термина κόσμος, но и «описательных» наименований в греческом соответствующего лингвистического концепта ‘нашего мира’:

τὰ τῆς δημιουργίας (букв. ‘то, что явилось результатом творения’):

οὕτως οὐδὲ τὰ τῆς δημιουργίας κάλλη λάμψαι, μὴ τῆς δημιουργίας τὴν ἀρχὴν ἀπολαβούστης.

— ΤАКОЖЕ Η ΟУТВАРН СЕИЕ ДОБРОТАМН . ΝΕΛΖЕ ΠРОСНЛATH АЩЕ ΖДАННIA СЕГО ΝΑΥЕЛО ΝЕ СНЯЛЕΤΖ Шест 7d9–10;

или: ὁ ἐν τῷ κόσμῳ τόπος (букв. ‘определенное (наше) место в космосе’):

Ποίου τοίνυν φωτὸς ἄμοιρος αἰφνιδίως ὁ ἐν τῷ κόσμῳ τόπος εὑρέθη, ὅστε τὸ σκότος ἐπάνω εῖναι τοῦ ὑδατος;

33 Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon... P. 771–772.

— *коего оубо свѣта не имѣаше ѹтварь сн*. напрасно якоже тмѣ врѣху воды бытн помышляемъ убо . Шест 31а6.

Таким образом, несколькословное наименование *ѹтварь сн(я)* следует считать самостоятельной лексической единицей, номинирующей свой собственный лингвистический концепт (понятие).

Поскольку наш мир (*ѹтварь сн(я)*) противопоставлен миру невидимому, номинированному несколькословным наименованием *невидимаѧ ѹтварь*, последнее словосочетание, переводящее греч. ἀόρατος κόσμος, также следует считать лексической единицей, номинирующей свой собственный лингвистический концепт (понятие):

τὰς λογικὰς καὶ ἀοράτους φύσεις... Ταῦτα τοῦ ἀοράτου κόσμου συμπληροὶ τὴν οὐσίαν...

— *бесплотнаѧ и мъсльнаѧ и невидимаѧ юства ... тѣмн вѣсѣмн невидимаѧ ѹтварь испльнена юстъ* Шест 17б2–3.

Самостоятельной лексической единицей в научном старославянском лексиконе следует считать также и словосочетание *мала ѹтварь*, переводящее греч. μικρὸς κόσμος, поскольку оно, как и в греческих оригиналах, номинирует самостоятельный лингвистический концепт ‘микрокосмос, т. е. человек’³⁴. Ср.:

Σήμερον Ἀδάμ ἐπλάσθη... σήμερον μικρὸς κόσμος ἐν κόσμῳ συνέστη...

— *дѣнесъ адамъ създанъ бъистъ ... дѣнесъ мала ѹтварь въ ѹтвари състави сѧ*. Супр 429:10–11;

или: *καὶ τῶν ἀρετῶν τὸν κολοφῶνα τὴν εὐσέβειαν ἀσπαζόμενος · διὸ καὶ μικρὸς κόσμος ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος.*

— *и еже въгожденю върхъ есть добровѣрство любия . тѣмъ мала ѹтварь улвкъ есть . Бог 182а4–5.*

Полагаем также, что самостоятельной лексической единицей в научном старославянском лексиконе следует считать и словосочетание *тронъскаѧ ѹтварь*, переводящее греч. ἡ τριαδικὴ διακόσμησις, поскольку оно, как и в греческом тексте «Богословия» Иоанна Экзарха, номинирует самостоятельный лингвистический концепт ‘тричный разряд (небесных сил)’³⁵. Ср.:

— *Пᾶσα ἡ θεολογία ἥγουν ἡ θεία γραφὴ τὰς οὐρανίους οὐσίας ἐννέα κέκληκε· ταύτας ὁ θεῖος ἱεροτελεστὴς εἰς τρεῖς ἀφορίζει триадиκὰς διακοσμήσεις.*

34 Словосочетание *мала ѹтварь* со значением «микрокосмос» (т. е. человек) отмечает и «Терминологичен речник на Йоан Екзарх» (с. 234).

35 Ср. в Словаре Дж. Лампе на τριαδικός: «threefold; ... ternary» (*Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon...* P. 1403); на διακόσμησις: «order, rank, class» (*Ibid. P. 354*).

— ВС БОГОСЛОВЕСЬНА ЕЖЕ ЙЕСТЬ БОЖЬСТВЫНА ПИСАНИЯ НЕБЕССКА СОУЩСТВА
—³⁶ ФИНАРЕНЕ . ТА ЖЕ СОУЩСТВА БЖЬСТВЫНІН ЧИСТОДЕТЕЛЬ ПРЕДА НА ТРОЮ РАЗ-
ЛОУЧАЮА ТРОНЧУСКІЮ ФУТВАРФ . Бог 113а1–2.

Отметим, однако, что слово футварф может иметь и другие значения и входить при этом в свободные словосочетания. Ср., например, словосочетание футварф зданнія в контексте, где слово футварф, переводящее греч. ἡ διακόσμησις ‘устройство, порядок’, противопоставлено слову вещи (мн. ч.), переводящему греч. αἱ ὕλαι ‘вещество, материя’:

Τῇ μὲν οὖν πρώτῃ ἡμέρᾳ ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὰς ὑλὰς τῶν κτισμάτων· ταῖς δὲ ἄλλαις ἡμέραις τὴν μόρφωσιν καὶ τὴν διακόσμησιν τῶν κτισμάτων.

— ВЪ ПРВЗИИ БО ДНЯ СТВОРН ЕЗ вещи всего зданнія . А ВЪ АФОУГЫИЕ ДНН
ОБРАЗЗИ и утварь зданнія . Шест 11d18.

4.2. Характерно, что в определении статуса географических названий, представляющих собой несколькословные лексические единицы, среди палеославистов, изучающих научную лексику, расхождений нет, так как географические названия исследователями определяются в тексте, как правило, однозначно. Такие наименования, как аравніцкая поустынн (Ἀραβικὴ ἔρημος), асфалитнтьскою іедро (Ἄσφαλτίτις λίμνη), земля іегуптьська (γῆ Αἰγύπτου) и под., фиксируются и в упомянутом выше «Терминологическом словаре Иоанна Экзарха», и в работе Т. Илиевой 2022 г. в качестве несколькословных наименований³⁶. Такое единодущие легко объяснимо: контекст, как правило, однозначно указывает на номинацию этими словосочетаниями определенных географических объектов (во всяком случае, очевидно определенных для автора текста, хотя, возможно, и не всегда очевидно определенных для наших современников), т. е. на номинацию определенных (и цельных) лингвистических концептов. Не вызывает сомнений также и определение статуса несколькословных лексических единиц таких рассмотренных в статьях Веселки Желязковой ветхозаветных топонимов, как кладаџъ клатвзы / кладаџъ ротынзін, стоуденьцъ клатвынзін, кладынцъ клатвынзін (φρέαρ τοῦ ὄρκου) и под., в которых славянским переводчикам удавалось к тому же сохранять и их этиологическое и символическое значение³⁷.

36 Терминологичен речник...; Илиева Т. Приносът... С. 102.

37 Желязкова В. Вирсавия или Колодец клятвы? К вопросу о наименованиих мест в древнеболгарском переводе ветхозаветных книг // Славянское и балканское языкознание. Вып. 21: Палеославистика: Лексикология и текстология. К 100-летию Р. М. Цейтлин / отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2021. С. 178–191; Желязкова В. Перевести непереводимое: о рецепции имен собственных в древнеболгарском переводе Ветхого Завета // Славянское и балканское языкознание. Вып. 22: Палеославистика-4 / отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2022. С. 354–376.

4.3. Вследствие того, что фразеологические кальки греческих научных терминов, как и многие номинации в других сегментах старославянского лексикона, создавались книжниками по мере необходимости в процессе переводов, часть таких наименований оставалась окказионализмами. Однако часть несколькихсловных научных терминов «укоренялась» в лексиконе, о чем свидетельствует их употребление в разных произведениях и в разных рукописях. Очевидно, что славянский книжник в ряде случаев не калькировал заново греческий несколькословный научный термин, а извлекал из памяти уже встречавшееся ему, созданное ранее наименование³⁸. Например, в «Шестодневе» Иоанна Экзарха многократно встречается термин *водъноє ієстъство / ієстъство водъноє*, передающий греческий термин со словом ἡ φύσις: τῶν ὑδάτων τὴν φύσιν – *водъноє ієстъство* Шест 3d15; τῶν ὑδάτων ἡ φύσις – *водъноє ієстъство* Шест 5d25–26; τῶν ὑδάτων... τὴν φύσιν – *водъноє ієстъство* Шест 6a7–8; τῶν ὑδάτων... τὴν φύσιν – *водъноє ієстъство* Шест 40b13–14; без греч. – *водъноє ієстъство* Шест 52c26; без греч. – *водъноє ієстъво* Шест 53c23; ἡ τῶν ὑδάτων... φύσις – *водъноє ієстъство* Шест 65a23–24; ἡ τοῦ ὑδατος φύσις – *водъноє ієстъство* Шест 65b14–15; без греч. – *ієстъва воднааго* Шест 73a25–26; без греч. – *ієстъво водною* Шест 74b1–2; τῶν ὑδάτων ἡ φύσις – *водномоу ієстъву* Шест 91a15 и др. Но Иоанн Экзарх использует его и для передачи греческого термина со словом ἐπιφάνεια:

Οὐδὲν γὰρ οὕτω χωρίον ισόπεδον, ως ἡ τοῦ ὑδατος ἐπιφάνεια.

— Νὲ βο ηηγтоже тол'ма равно . иако же *водноє ієстъство* Шест 90c23–24.

Используется термин *ієстъство водъноє* (видимо, как уже готовый) и в Супрасльской рукописи:

ποταμοὶ δὲ ἀένναα ρέοντες, τῷ κρυστάλλῳ δεθέντες, τῶν ρείθρων ἔστησαν, ἡ τε ἀπαλή τοῦ ὑδατος φύσις πρὸς τὴν τῶν λίθων ἀντιτυπίαν μετεποιήθη

— ρѣкzi же прѣсно текжшта сташа помрѣзаша . макъко же *ієстъство водъноє* . каменни подражнво прѣтвори са . Супр 90:10;

ώσπερ νότος θερμὸς ἐπιπνεύσας τὰ παγωθέντα ὕδατα εἰς τὴν προτέραν φύσιν τοῦ ὑδατος ἐπανάγει... .

— иакоже югъ . топатъ възвѣиа помрѣзаша водзі . на прѣво же *ієстъство водъноє* прѣводнtz... Супр 349:7–8.

38 Об этой черте старославянских переводов в отношении любых нескольких словенных наименований см.: Ефимова В. С. Старославянские фразеологические кальки в аспекте их дальнейшей фразеологизации // Славяноведение. 2023. № 3. С. 47–48.

5. Основу корпуса старославянских научных терминов в виде не сколькословных наименований составляют именные словосочетания³⁹. По большей части они хорошо «славянизируются»⁴⁰ и, как отмечалось выше, в результате неоднократных употреблений «укореняются» в старославянском лексиконе. Однако еще одним следствием того, что старославянские не сколькословные научные термины создавались книжниками по мере необходимости в процессе переводов, является образование научных терминов-словосочетаний, не соответствующих «славянской природе» именных словосочетаний. Такие научные термины-словосочетания, как *τὸ πῶς εἶναι – κακὸ βγῖτη* ‘наличное бытие’⁴¹, появлялись в попытке следовать буквально структурам греческих терминов. Ср.:

Ὥν γὰρ τὸ εἶναι ἐναντίον, τούτων καὶ ὁ τοῦ πῶς εἶναι λόγος ἐναντίος, ἥγουν αἱ ἴδιότητες.

— *εμού же есть бытие соупротивно того и κακὸ βγῖτη слово соупротивно речьше свойства Бог 26а 5–8.*

Видимо, научная лексика в виде комплексных лексических единиц должна быть рассмотрена в понятиях «центра» («ядра») и «периферии» номинативных процессов в результате калькирования греческих образцов⁴². Их «ядром» является образование композитов и именных словосочетаний, соответствующих «славянской природе»

39 Например, из указанных Т. Илиевой 289 естественнонаучных терминов в виде не сколькословных единиц в «Шестодневе» Иоанна Экзарха 213 представляют собой именные словосочетания.

40 В переводах наблюдается тенденция к образованию именных конструкций в соответствии с их «славянской природой»: греческая конструкция с Gen. нередко заменялась конструкцией с прилагательным, конструкцией с прилагательным заменялась и конструкция с наречием. Ср.: *ἡ βίβλος τῶν Κριτῶν – кнгы соуднины* Изб1073 69д27; *τὸ ἄνω πῦρ – горннн ѡгнь* Шест 12д14; *τὸ πῦρ τὸ ἄνω – горннн օгнь* Шест 13а2; *τὸ ἄνω πῦρ – горыннн օгнь* Шест 13а5. Об этом см. также: Ефимова В. С. Старославянские фразеологические кальки... С. 46–48; Ефимова В. С. О некоторых процессах при формировании лексического фонда первого литературного языка славян: не сколькословные номинации, фразеологические кальки, фразеологизмы // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 289–291.

41 Термин фиксирует «Терминологичен речник...», с. 122.

42 Идею «центра» процессов номинации в лингвистической системе, обозначенного как «la position “adéquate” du signe», впервые высказал Сергей Карцевский в статье «Du dualisme asymétrique du signe linguistique» 1929 г. См.: Karcevski S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // Karcevski S. Inédits et introuvables / Textes rassemblés et établis par Irina et Gilles Fougeron. Paris, 2000. Р. 7. Впоследствии понятия «центра» и «периферии» языковых явлений стали широко использоваться лингвистами.

словосочетаний. Такие научные термины имеют потенциал к закреплению в лексиконе. Окказионализмы, образованные по необходимости в процессе перевода, но не повторяющиеся в дальнейших переводах (возможно, в отсутствие обстоятельств к их повторению) и, особенно, следующие буквально структурам греческих терминов вопреки «славянской природе» словосочетаний, составляют «периферию» рассматриваемых нами номинативных процессов.

6. Высказанные в настоящей статье соображения следует считать скорее предварительными. Однако без обсуждения этих положений невозможен анализ в нужном направлении обширного и пока еще мало изученного славянского рукописного наследия. С другой стороны, очевидно, что без изучения комплексных лексических единиц в сфере научной лексики невозможно составить адекватного представления об этом важнейшем сегменте старославянского лексикона.

Сокращения названий рукописей

Бог – Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/XIII вв.

Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Изб1073 – Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.

Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.

Источники и литература

Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 316 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 509 с.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1859. 687 с.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. I–II.

Ефимова В. С. К изучению переводческих решений славянских книжников при передаче греческих композитов: место несъюзомальных номинаций // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74. № 4. С. 100–114.

Ефимова В. С. О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 16]: Палеославистика / отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2017. С. 60–80.

Ефимова В. С. О некоторых процессах при формировании лексического фонда первого литературного языка славян: несъюзомальные номинации, фразеологические кальки, фразеологизмы // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 284–299.

Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации при калькировании греческих композитов // Славянское и балканское языкознание. Вып. 20: Палеославистика-3. Международная коллективная монография / отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения, 2020. С. 93–118. DOI: 10.31168/2658-3372.2020.1.06

Ефимова В. С. Старославянские несъюзомальные номинации *versus* композиты // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 171–190. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

Ефимова В. С. Старославянские фразеологические кальки в аспекте их дальнейшей фразеологизации // Славяноведение. 2023. № 3. С. 44–54. DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1

Ефимова В. С., Желязкова В. Несъюзомальные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // Palaeobulgarica. 38. 2014. № 3. С. 33–48.

Желязкова В. Вирсавия или Колодец клятвы? К вопросу о наименованиях мест в древнеболгарском переводе ветхозаветных книг // Славянское и балканское языкознание. Вып. 21: Палеославистика: Лексикология и текстология. К 100-летию Р. М. Цейтлин / отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2021. С. 178–191. DOI: 10.31168/2658-3372.2021.21.11

Желязкова В. Перевести непереводимое: о рецепции имён собственных в древнеболгарском переводе Ветхого Завета // Славянское и балканское языкознание. Вып. 22: Палеославистика-4 / отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2022. С. 354–376. DOI: 10.31168/2658-3372.2022.22.19

Заимов Й., Каналдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София: Изд-во БАН, 1982–1983. Т. 1–2.

Илиева Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на «De Fide Orthodoxa». София: Печатница Славейков, 2013. 406 с.

Илиева Т. Приносът на Йоан Екзарх към изграждането на старобългарската естественонаучна терминология // Bulgaria mediaevalis, 10/2019. Изд-во «Bulgarian historical heritage foundation», 2022. С. 135–171.

Кубрякова Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. S. 24–31.

Новак М. О. Апостол в истории русского литературного языка: лингвистическое исследование. Казань: Отечество, 2014. 315 с.

Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София: Изд-во БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. Т. 3: Гръцки извори. 1243 с.

Терминологичен речник на Йоан Екзарх / под ред. А. Тотоманова и И. Христов. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2019. 254 с.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 237 с.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977. 336 с.

Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Joannes // Editiones monumentorum slavicorum veteris dialecti. Graz: Akademische Druck – u. Verlaganstalt, 1958–1971. Vol. I–VI.

Bally Ch. Traité de stylistique française. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921. T. 1. 2nd ed. 331 p.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris: Éditions Klincksieck. Paris, 1968. T. I; 1970. T. II; 1974. T. III; 1977. T. IV; 1980. T. IV-2.

Fält E. Compounds in Contact: A Study in Compound Words with Special Reference to the Old Slavonic Translation of Flavius Josephus' Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 28. Uppsala, 1990. 171 p.

Frček J. Euchologium Sinaiiticum // Patrologia orientalis. Paris: Firmin-Didot et C°; Imprimeurs-Editeurs, 1933. T. XXIV. P. 612–801; 1939. T. XXV. P. 490–612.

Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Aufreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 516–556; 1899. Bd. 21. S. 28–43.

Karcevski S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // Karcevski S. Inédits et introuvables / Textes rassemblés et établis par Irina et Gilles Fougeron. Paris: Peeters, 2000. P. 3–8.

Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1570 p.

Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2362 p.

Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien: Böhlau Publ., 1985. 347 p.

Sadnik L. Des HI. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβὴς τῆς ὄρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes // Monumenta linguae slavicae. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Publ., 1967. Vol. V; Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1981. Vol. XIV; 1983. Vol. XVI.

Schironi Fr. Naming the Phenomena: Technical Lexicon in Descriptive and Deductive Sciences // Formes et fontions des langues littéraires en Grèce ancienne entretiens sur l'antiquité classique. Vandoeuvres: Fonration hardt pour l'étude de l'antiquité classique, 2019. T. LXV. P. 227–278.

Večerka R. The Influence of Greek on Old Church Slavonic // Byzantino-slavica. 1997. T. LVIII. Fasc. 2. P. 363–386.

References

Aitzetmüller, R. “Das Hexaemeron des Exarchen Joannes.” *Editiones monumentorum slavicorum veteris dialecti*. Graz: Akademische Druck -u. Verlagsanstalt, 1958–1971. Vol. I–VI.

Bally, Ch. *Traité de stylistique française*. T. 1. 2nd ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921, 331 p.

Charnraine, P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Paris: Éditions Klincksieck. T. I. Paris, 1968; T. II. Paris, 1970; T. III. Paris, 1974; T. IV-1. Paris, 1977; T. IV-2. Paris, 1980.

Dvoretzkii, I. Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'*. Moscow: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958. Vols. I–II.

Efimova, V. S. “K izucheniiu perevodcheskikh reshenii slavianskikh knizhnikov pri peredache grecheskikh kompozitov: mesto neskol'koslovnykh nominatsii.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2024, Vol. 74, No 4, pp. 100–114.

Efimova, V. S. “O granitse mezhdu staroslavianskimi leksicheskimi edinitsami i slovosochetaniiami.” *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie [Vyp. 16]: Paleoslavistika*, ed. by V. S. Efimova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia, 2017, pp. 60–80.

Efimova, V. S. “O nekotorykh protsessakh pri formirovaniu leksicheskogo fonda pervogo literaturnogo iazyka slavian: neskol'koslovnye nominatsii, frazeologicheskie kal'ki, frazeologizmy.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, Vol. 69, pp. 284–299.

Efimova, V. S. “O roli staroslavianskoi suffiksatsii pri kal'kirovaniu grecheskikh kompozitov.” *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Vyp. 20: Paleoslavistika-3. Mezhdunarodnaia kollektivnaia monografija*, ed. by V. S. Efimova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2020, pp. 93–118. DOI: 10.31168/2658-3372.2020.1.06

- Efimova, V. S. "Staroslavianskie neskol'koslovnye nominatsii versus kompozity." *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 3–4, pp. 171–190. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08
- Efimova, V. S. "Staroslavianskie frazeologicheskie kal'ki v aspekte ikh dal'neishei frazeologizatsii." *Slavianovedenie*, 2023, No 3, pp. 44–54. DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1
- Efimova, V. S., Zheliazkova, V. "Neskol'koslovnye nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh." *Palaeobulgarica*. 38, 2014, No 3, pp. 33–48.
- Fält, E. *Compounds in Contact: A Study in Compound Words with Special Reference to the Old Slavonic Translation of Flavius Josephus'* Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 28. Uppsala, 1990, 171 p.
- Frček, J. "Euchologium Sinaiticum." *Patrologia orientalis*. Paris: Firmin-Didot et Co; Imprimeurs-Editeurs, 1933, vol. XXIV, pp. 612–801; Paris: Firmin-Didot et Co; Imprimeurs-Editeurs, 1939, vol. XXV, pp. 490–612.
- Ilieva, T. *Terminologichnata leksika v Ioan-Ekzarhoviia prevod na "De Fide Orthodoxa"*. Sofia: Pechatnitsa Slaveikov, 2013, 406 s.
- Ilieva, T. "Prinosut na Ioan Ekzarh kum izgrazhdaneto na starobulgarskata estestvenonauchna terminologija." *Bulgaria mediaevalis*, 10/2019. Izd-vo «Bulgarian historical heritage foundation», 2022, pp. 135–171.
- Karcevski, S. "Du dualisme asymétrique du signe linguistique." Karcevski, S. *Inédits et introuvables*, textes rassemblés et établis par Irina et Gilles Fougeron. Paris: Peeters, 2000, pp. 3–8.
- Kubriakova, Ie. S. "O raznostrukturnykh edinitsakh nominatsii i meste proizvodnogo slova sredi etikh edinits." *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000, pp. 24–31.
- Lampe, G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1961, 1570 p.
- Liddell, H. G., Scott, R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1996, 2362 p.
- Molnár, N. *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices*. Köln; Wien: Böhlau Publ., 1985, 347 p.
- Novak, M. O. *Apostol v istorii russkogo literaturnogo iazyka: lingvostilisticheskoe issledovanie*. Kazan': Otechestvo, 2014, 315 p.
- Sadnik, L. *Des Hl. Johannes von Damaskus* Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Monumenta linguae slavicae. Vol. V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Publ., 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1983.
- Schironi, F. "Naming the Phenomena: Technical Lexicon in Descriptive and Deductive Sciences." *Formes et fontions des langues littéraires en Grèce ancienne entretiens sur l'antiquité classique*. Vol. LXV. Vandoeuvres: Fonration hardt pour l'étude de l'antiquité classique, 2019, pp. 227–278.
- Simeonov sbornik (po Svetoslavoviia prepis ot 1073). Sofia: Izd-vo BAN "Prof. Marin Drinov", 2015. Vol. 3: Gr"tski izvori. 1243 p.
- Terminologichen rechnik na Ioan Ekzarh*, ed. by A. Totomanov i I. Khristov. Sofia: Universitetsko izd-vo "Sv. Kliment Okhridski", 2019, 254 p.
- Tolstoi, N. I. *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*. Moscow: Nauka, 1988, 237 p.
- Tseitlin, R. M. *Leksika staroslavianskogo iazyka: Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisei X–XI vv.* Moscow: Nauka, 1977, 336 p.

Večerka, R. "The Influence of Greek on Old Church Slavonic." *Byzantinoslavica*, 1997, T. LVIII, Fasc. 2, pp. 363–386.

Vereshchagin, E. M. *Istoriia vozniknoveniiia drevnego obshcheslavianskogo literaturnogo iazyka. Perevodcheskaia deiatel'nost' Kirilla i Mefodiia i ikh uchenikov*. Moscow: Martis, 1997, 316 p.

Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapijentemy*. Moscow: Indrik, 2005, 509 p.

Zaimov, I., Kapaldo, M. "Supras"lski ili Retkov sbornik". Sofia: Izd-vo BAN, 1982, Vol. 1, 564 p.; Sofia: Izd-vo BAN, 1983, Vol. 2, 603 p.

Zheliazkova, V. "Perevosti neperevodimoe: o retseptsii imen sobstvennykh v drevnebulgarskom perevode Vetkhogo Zaveta." *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Vyp. 22: Paleoslavistika-4*, ed. by V. S. Efimova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia, 2022, pp. 354–376. DOI: 10.31168/2658-3372.2022.22.19

Zheliazkova, V. "Virsaviia ili Kolodets kliaty? K voprosu o naimenovaniakh mest v drevnebulgarskom perevode vetkhozavetnykh knig." *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Vyp. 21: Paleoslavistika: Leksikologija i tekstologija. K 100-letiu R. M. Tseitlin*, ed. by V. S. Efimova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia, 2021, pp. 178–191. DOI: 10.31168/2658-3372.2021.21.11

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.05

V. S. Efimova

To the Study of Rendering Greek Scientific Vocabulary in the Old Church Slavonic Texts: Complex Lexical Units

Valeriya S. Efimova

Doctor of Letters, leading research fellow, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5921-8475

Citation

Efimova V. S. To the Study of Rendering Greek Scientific Vocabulary in the Old Church Slavonic Texts: Complex Lexical Units // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 106–129 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.05

Received: 29.05.2025.

Revised: 22.08.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The article discusses the mechanisms of rendering Greek scientific vocabulary through complex lexical units (composites and multi-word names). The main way of rendering Greek scientific terms were through various types of calquing. The formation of Old Church Slavonic composites and multi-word names by calquing have a lot in common. To calque Greek complex scientific terms, Slavic bookmen used morpheme-by-morpheme calquing and phraseological calquing, as well as a special kind of morpheme-by-morpheme calquing, in which the roots of the Greek composite are rendered by separate words of the phrase. At the same time, the “building material” of Slavic everyday vocabulary was used. The Greek “nominalional ideology” was characterized by the formation of two-root composites even in the sphere of everyday vocabulary. The Slavic “nominalional ideology” was expressed in the very rare formation of composites. However, in the sphere of scientific vocabulary, accuracy was required in rendering the meaning of a term, so Slavic bookmen strove to render the semantics of both roots or words of Greek complex lexical units as accurately as possible. The identification of multi-word scientific lexical units in Old Church Slavonic texts is a culturological and linguistic problem. Currently, there is no agreed-upon unified approach among researchers to the analysis of Old Church Slavonic texts in this aspect. The author believes that a multi-word name as a lexical unit should nominate a single linguistic concept. To establish the nominated linguistic concepts, it is necessary to focus on the scientific conceptions of the authors of the Greek original texts of the Old Church Slavonic texts, and then on their interpretation by Slavic bookmen.

Keywords

Old Church Slavonic texts, scientific vocabulary, complex lexical units, composites, multi-word names, calquing.

Суперлатив в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа

Изотов Андрей Иванович

Доктор филологический наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российской Федерации

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6985-7000

Морозов Даниил Александрович

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российской Федерации

E-mail: mda1998@yandex.by

ORCID: 0009-0004-2654-8477

Цитирование

Изотов А. И., Морозов Д. А. Суперлатив в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 130–148. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.06

Статья поступила в редакцию 07.09.2024.

Рецензирование завершено 23.03.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье представлен опыт корпусного анализа форм пре-восходной степени в современном чешском письменном дискурсе. В качестве источника фактического материала был использован корпус Synek, представляющий собой десятикратно пропорционально редуцированный корпус SYN2000 (120 908 724 токена), задуманный его составителями как адекватно отражающий современный чешский письменный дискурс. На материале корпуса Synek показано, что в современном чешском дискурсе, в отличие от дискурса русского, в абсолютном большинстве случаев используется простая форма превосходной степени типа *nejpopulárnější* ‘наипопулярнейший’ (контекстов употребления подобных форм было обнаружено приблизительно в 200 раз больше, чем контекстов

употребления аналитических форм типа *nejvíce populární* ‘самый популярный’). Описываются алгоритмы построения таблицы употребительности простых форм превосходной степени в современном чешском письменном дискурсе по данным корпуса Synek и приводится первая четверть данной таблицы (первые 250 строчек от формы *největší* ‘самый большой / величайший’, употребленной в 3 764 контекстах, до формы *nejpestřejší* ‘самый пестрый’, употребленной в 5 контекстах).

Ключевые слова

Корпусные исследования, чешский национальный корпус, чешский язык, чешский письменный дискурс, превосходная степень.

1. На последующих страницах представлен опыт корпусного анализа форм превосходной степени в современном чешском письменном дискурсе. В качестве источника фактического материала нами был взят корпус Synek¹, представляющий собой десятикратно пропорционально редуцированный корпус SYN2000 (120 908 724 токена), отличающийся от других входящих в состав Чешского национального корпуса частных корпусов прежде всего принципами отбора входящих в его состав текстов. Составители Чешского национального корпуса исходили из того, что письменный текст не только отражает (с той или иной степенью адекватности) современную автору данного текста языковую ситуацию, но и формирует эту ситуацию, звука в сознании читателя всякий раз, когда он читается, и тем самым влияя на идиолект этого читателя (а через совокупность идиолектов читателей – и на язык нации в целом). Поэтому для отбора текстов для ставшего доступным лингвистической общественности к рубежу тысячелетий корпуса SYN2000 они опирались на данные социологических исследований о читательских предпочтениях своих современников, что обусловило как наличие, так и степень представленности в SYN2000 тех или иных текстов, в результате чего основную часть языкового материала SYN2000 образуют публицистические тексты (60 %), на втором месте оказались специальные тексты – справочники, энциклопедии и т. д. (25 %), и лишь на третьем – беллетристика

1 Составители Чешского национального корпуса в данном случае явно обывают лексическое значение слова *synek* ‘сынок, сынишка’.

(15 %). В других охватываемых проектом «Чешский национальный корпус» электронных корпусах, в том числе в серии корпусов современных письменных чешских текстов SYN, соотношение стилей иное². При составлении корпуса Synek на основе корпуса SYN2000 были использованы те же принципы пропорциональной представленности текстов, что и в «материнском» корпусе, так что Synek также может рассматриваться как адекватно отражающий чешский письменный дискурс рубежа тысячелетий. При этом корпус Synek достаточно велик (запрос на простые суперлативы [(tag="AA.....3.*") & (word="[Nn]ej.*")] дал 22 983 контекста употребления), чтобы адекватно представить, хотя бы в первом приближении, функционирование данных единиц в современном чешском письменном дискурсе.

2. В отличие от русского языка, продуктивно образующего форму превосходной степени (суперлатив) тремя способами, а именно посредством двух аналитических форм «*наиболее* + положительная степень» и «*самый* + положительная степень (позитив)³» и простой формы превосходной степени, образованной с помощью суффикса $<=ej\check{s}>/<=aj\check{s}>$, после которого следуют флексии положительной степени⁴, в современном чешском языке «степени сравнения прилагательных представлены системой простых форм», а «превосходная степень образуется посредством присоединения приставки *nej-* к форме сравнительной степени [которая, в свою очередь, образуется посредством суффиксов $<=ej\check{s}>/<=aj\check{s}>$ и $<=\check{s}>$]: *nejnovější*»⁵. Для случаев, когда «по формально-техническим причинам [чешское] прилагательное не образует простых форм сравнительной / превосходной степени», авторы пражской «Русской грамматики» отмечают возможность образования «*кописательных сочетаний* *více* / *nejvíce* (или же *silněji* / *nejsilněji*) + положительная степень: *více* / *nejvíce překvapující*»⁶.

2 Подробнее см. сайт Чешского национального корпуса (URL: <https://korpus.cz>).

3 «В разговорной речи *самый* сочетается с простой формой превосходной степени *самый младший*, *самый старейший*, *самый наиважнейший*», см.: Barnetová V., Bělčová-Křížková H., Leška O., Zkoumalová Z., Straková V. Русская грамматика. Díl 1. Praha, 1979. S. 346–347.

4 «Формы с суффиксом $<=ej\check{s}>/<=aj\check{s}>$ отчасти допускают присоединение приставки *наи*: *наипростейший*, *наиполезнейший*. В качестве простой формы превосходной степени в единичных случаях выступают формы с суффиксом $<=\check{s}>$: *старший*» (Ibid. S. 347).

5 Ibid. S. 349–350.

6 Ibid. S. 350.

2.1. Впрочем, о малой употребительности подобных аналитических суперлативов (коль скоро мы будем данные образования рассматривать в качестве таковых) говорит тот факт, что в то время как в корпусе Synek запрос на простые суперлативы ([tag="AA.....3.*"] & (word="["Nn]ej.*")) дал 22 983 контекста употребления, запрос на сочетания «*nejvíce* + положительная степень» ([word="["Nn]ejvíce"] [tag="AA.....1.*"]) дал в том же корпусе всего 162 контекста, в 57 из которых квантификатор *nejvíce* относился отнюдь не к прилагательному, ср. *<Nejvíce správných> odpovědě zaznamenala agentura...* «Больше всего правильных ответов зафиксировала агентура...», *vložit do systému co <nejvíce české> práce* «вложить в систему как можно больше чешской работы», *v těchto profesích je však také <nejvíce nabízených> volných míst* «этим профессиям соответствует больше всего предлагаемых вакантных мест» и т. п.

При этом среди 105 контекстов, которые могли интерпретироваться как примеры на употребление аналитических суперлативов, были и такие, в случае с которыми можно было говорить о конкуренции аналитических чешских суперлативов с простыми, ср. следующую таблицу, иллюстрирующую употребительность соотносительных подобных аналитических и простых суперлативов в современном чешском письменном дискурсе по данным корпуса Synek (в третьей колонке указано число обнаруженных обслуживающей данный корпус программой аналитических конструкций, а в пятой – число соотносимых с ними простых суперлативов). Во второй колонке данной таблицы (как и в третьей колонке приводимой на последующих страницах Таблицы 2) указывается русское лексическое соответствие согласно данным классического чешско-русского словаря, подготовленного пражским «Государственным педагогическим издательством» в сотрудничестве с московским «Просвещением»⁷. Из предлагаемых в данном словаре русских лексических эквивалентов чешскому слову выбирались те, которые максимально соответствовало обнаруженным контекстам.

7 См.: Чешско-русский словарь / под ред. Л. В. Копецкого и Й. Филиппца: в 2 т. Прага, 1976.

Таблица 1. Употребительность соотносительных аналитических и простых суперлативов в современном чешском письменном дискурсе по данным корпуса Synek

nejvíce postižený	самый пострадавший	13	nejpostiženější	4
nejvíce ohrožený	самый угрожаемый	4	nejohroženější	18
nejvíce používaný	самый используемый	4	nejpoužívanější	19
nejvíce diskutovaný	самый обсуждаемый	3	nejdiskutovanější	10
nejvíce žádaný	самый востребованный	3	nejžádanější	44
nejvíce kritický	самый критический	2	nejkritičtější	19
nejvíce obchodovaný	самый продаваемый	2	nejobchodovanější	14
nejvíce otevřený	самый открытый	2	nejotevřenější	4
nejvíce poškozený	самый поврежденный	2	nejpoškozenější	1
nejvíce problematický	самый проблемный	2	nejproblematictější	15
nejvíce viditelný	самый видимый	2	nejviditelnější	8
nejvíce využívaný	самый используемый	2	nejvyužívanější	2
nejvíce bídň	самый бедный	1	nejbídň	1
nejvíce citlivý	самый чувствительный	1	nejcitlivější	29
nejvíce destruktivní	самый деструктивный	1	nejdestruktivnější	1
nejvíce dostupný	самый доступный	1	nejdostupnější	1
nejvíce důvěryhodný	самый надежный	1	nejdůvěryhodnější	1
nejvíce milovaný	самый любимый	1	nejmilovanější	3
nejvíce navštěvovaný	самый посещаемый	1	nejnavštěvovanější	28
nejvíce nebezpečný	самый опасный	1	nejnebezpečnější	48
nejvíce nenáviděný	самый ненавидимый	1	nejnenáviděnější	1
nejvíce neutrální	самый нейтральный	1	nejneutrálnejší	1
nejvíce obletonaný	самый популярный	1	nejobletonější	3
nejvíce oblíbený	самый излюбленный	1	nejoblíbenější	183
nejvíce ocenovaný	самый оцененный	1	nejocenovější	1
nejvíce očekávaný	самый ожидаемый	1	nejočekávanější	5
nejvíce odpovědný	самый ответственный	1	nejodpovědnější	1
nejvíce patrný	самый очевидный	1	nejpatrnější	3
nejvíce populární	самый популярный	1	nejpopulárnější	127
nejvíce potřebný	самый необходимый	1	nejpotřebnější	15
nejvíce preferovaný	самый предпочитаемый	1	nejpreferovanější	1
nejvíce prodávaný	самый продаваемый	1	nejprodávanější	83
nejvíce pyšný	самый гордый	1	nejpyšnější	3
nejvíce rozšířený	самый распространенный	1	nejrozšířenejší	40
nejvíce sklonovaný	самый склоняемый	1	nejsklonovanější	1
nejvíce trestaný	самый наказываемый	1	nejtrestanější	3
nejvíce uctíváný	самый почитаемый	1	nejuctívanejší	2
nejvíce vytrvalý	самый настойчивый	1	nejvytrvalejší	5
nejvíce zanedbaný	самый пренебрегаемый	1	nejzanedbanější	2
nejvíce ziskový	самый выгодный	1	nejziskovější	4
nejvíce zkompromitovaný	самый скомпрометированный	1	nejzkompromitovanější	1

Как мы видим, вопреки приведенному выше мнению весьма уважаемых нами авторов пражской «Русской грамматики», аналитические суперлативные конструкции в чешском языке могут образовываться и в тех случаях, когда вполне допустимо образование простых форм превосходной степени, хотя чешский язык этой возможностью, как показывает приведенная таблица, не злоупотребляет.

2.2. В академической грамматике чешского конца прошлого века в томе «Морфология» суперлативу (чешский термин *superlatív*) посвящен один абзац, в котором отмечается, что данные формы прилагательного противопоставлены формам компаратива (чешский термин *komparatív*) и позитива (чешский термин *pozitív*) как выражющие максимальную степень обозначаемого данным прилагательным качественного признака в контекстах с этими формами компаратива и позитива типа *Jan je vysoký, Jiří vyšší a Zdeněk nejvyšší* «Ян высокий, Иржи выше, а Зденек самый высокий», а также в контекстах без данных форм типа *nejkrásnější léta mého života* «лучшие годы моей жизни», *nejvyšší hora světa* «высочайшая гора мира», *nejupřímnější slova díku* «самые искренние слова благодарности», *nejuvýznamnější objev* «величайшее открытие»⁸.

2.3. В современной «Большой академической грамматике литературного чешского языка» суперлативу, как и компаративу, уделено существенно больше внимания. В частности, отмечается ограниченность образования форм компаратива и суперлатива качественными прилагательными, а встречающиеся в текстах примеры образования подобных форм от прилагательных относительных рассматриваются как случаи (окказионального?) перехода относительного прилагательного в качественное, ср. *písek stříbrnější a květy mimóz zlatější* «песок более серебряный и цветы мимоз более золотые»⁹. Авторы грамматики отмечают и то, что основа сравнения компаратива ('качество более интенсивное *по сравнению с кем / чем*') и суперлатива ('качество максимально интенсивное *среди кого / чего*') определяется *ad hoc* в зависимости от контекста, что делает не только возможными, но и вполне нормально звучащими (в том числе и по-русски, в отличие от примеров типа *písek stříbrnější* «песок более серебряный») примеры типа *Pan Tomášek byl čtyřikrát starší, než jeho nejstarší*

⁸ См.: Komárek M., Kořenský J., Petr J., Veselková J. et al. Mluvnice češtiny. Díl 2. Tvarosloví. Praha, 1986. S. 80.

⁹ См.: Štícha Fr. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I., Morfologie. Druhy slov, творение слов. Praha, 2018. S. 54.

dcera «Господин Томашек был в четыре раза **старше** своей **самой старшей** дочери»¹⁰. В приведенном примере максимальность выражаемого суперлативом *nejstarší* качества ограничена небольшой группой носителей этого качества (дочери господина Томашека), а потому некто за пределами данной группы (в том числе и сам господин Томашек) может обладать тем же качеством большей интенсивности, чем у любого члена упомянутой группы.

2.4. Как отмечается в «Грамматике современного чешского языка», формы сравнительной и/или превосходной степени образуют лишь около 6 % прилагательных, при этом формы всех трех степеней в современном чешском языке представлены лишь у 3 % чешских прилагательных, что составляет около 2 тысяч лексем¹¹.

3. Обслуживающая корпус Synek программа Manatee позволяет осуществлять поиск по словоформе, по лемме, по грамматической матрице и по их комбинациям.

3.1. Запрос [(tag="AA.....3.*") & (word="[Nn]ej.*")] дал 22 983 контекста употребления 1 041 прилагательного в форме суперлатива. Уточнение (word="[Nn]ej.*") было необходимо для исключения из автоматически полученных результатов примеров на словацком языке¹² типа *Z <najznámejších> televíznych relácií*, а также контекстов, обусловленных опечатками в использованных для корпуса исходных печатных текстах¹³, когда в качестве формы суперлатива предлагалось сочетание букв, представляющее собой суперлатив или компаратив (!), слитый с предыдущей словоформой типа *přesvědčen, že mohu zažít <ilepší> sezónu*.

3.2. Каждое полученное таким образом прилагательное проверялось с помощью запроса типа [(tag="AA.....3.*") & (lemma="velký")]

10 См.: Štícha Fr. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II. Morfologické kategorie, flexe. Praha, 2021. S. 854.

11 Cvrček V., Kodýlek V., Kopřivová M., Kováříková D., Sgall P., Šulc M., Táborský J., Volín J., Waclawičová M. Mluvnice současná čeština 1. Jak se píše a jak se mluví. Praha, 2010. S. 205.

12 Одним из следствий сложившегося за время исторического существования Чехословакии и, судя по всему, все еще актуального пассивного чешско-словацкого двуязычия стало использование в чешском дискурсе словацкого языка без перевода, что не могло не найти отражения и в текстах, формирующих корпуса SYN2000 и Synek.

13 Составители Чешского национального корпуса, исходя из того, что опечатки в письменном тексте также являются заслуживающим внимания потенциальным объектом корпусного анализа, сознательно оставили в корпусе SYN2000, как и в созданном на его основе корпусе Synek, представленные во входящих в его состав письменных текстах допущенные там опечатки.

и визуального контроля полученных в результате такого запроса контекстов, а откорректированные данные заносились в таблицу, начало которой (первые 250 лексических единиц, что приблизительно соответствует четверти общего количества) приводится на последующих страницах.

3.3. В результате данной проверки количество лексем в списке, первоначально автоматически сгенерированном обслуживающей корпус Synek программой, значительно сократилось за счет ликвидации дублетов¹⁴ – до 933, а число контекстов употребления большинства рассматриваемых суперлативов, наоборот, увеличилось. В частности, общее число примеров употребления первых 250 наиболее частотных суперлативов увеличилось с 18 779 до 21 719, то есть на 15,66 %.

3.4. Речь шла о следующих необходимых корректировках автоматически сгенерированной таблицы:

3.4.1. В корпусе Synek нами обнаружено шесть контекстов с огласовкой *exkluzívnejší* и один контекст с *exkluzivnější*, из которых обслуживающая данный корпус программа в шести случаях восстановила форму позитива *exkluzívní* ‘эксклюзивный’, в одном случае – *exkluzivní*. Однако речь идет об одной и той же лексеме, приведенной в соответствии со старой орфографической нормой (*exkluzívní*, *exkluzivnější*) или же в соответствии с новой орфографической нормой (*exkluzívní*, *exkluzívnejší*). Встроенная в чешский Word97 проверка орфографии от Microsoft выделяет формы с долгим *i* как ошибочные, одобряя при этом формы с кратким *i*.

3.4.2. Обслуживающая корпус программа вполне корректно опознала формы *nejzazší*, *nejzazším*, *nejzazšímu*, *nejzazších* (всего 22 контекста) в качестве форм суперлатива и восстановила связанный с ними позитив *poslední* ‘последний’, однако не смогла связать с этим же позитивом корректно опознанные ею в качестве форм суперлатива формы *nejposlednější* (6 контекстов), *nejposlednějšího* (2 контекста), *nejposlednějším* (1 контекст), образованные авторами соответствующих

14 Речь идет о дублетах, возникших в результате того, что обслуживающая корпус Synek программа, корректно идентифицировав в качестве форм суперлатива некоторые представленные в текстах корпуса формы с нарушениями орфографических норм, не смогла соотнести их с нужным позитивом и включила в таблицу в качестве самостоятельной лексемы. Например, помимо суперлатива *nejlepší*, соотносимого с позитивом *dobrý* ‘хороший’, в корпусе Synek представлены также контексты с формами *nejlepšejší*, *nejlepčím*, *nejlepšííí*, *nejlep-ším*, *nejlepšách*, и эти формы оказались представлены в автоматически сгенерированной таблице отдельными строками.

входящих в корпус Synek текстов по общей модели, однако с нарушениями правил современного чешского литературного языка.

3.4.3. Программа не смогла корректно связать с соответствующим позитивом формы *nejinfantilnější*¹⁵ (*nejinfantilnější* < *infantilní* ‘инфантильный’), *nejpustší*¹⁶ (*nejpustší* < *pustý* ‘пустой’), *nejhořejší*¹⁷, *nejhořejším*¹⁸ (*nejhořejší* < *horní* ‘верхний’), *nejčersvějšího* (*nejčersvější* < *čerstvý* ‘свежий’), *nejmaličkatější* (*nejmaličkatější* < *maličkatý* ‘малосенький’), *nejnabitějšího* (*nejnabitější* < *nabity* ‘заряженный’), *nejsprostší* (*nejsprostší* < *sprostý* ‘вульгарный’), *nejřásnatějších* (*nejřásnatější* < *řasnatý* ‘складчатый’).

3.4.4. С позитивом *šťastný* ‘счастливый’ обслуживающая корпус Synek программа соотнесла не только формы суперлатива *nejšťastnější* (59 контекстов обнаружено в результате запроса `[(tag="AA.....3.*") & (lemma="šťastný")]`, еще 2 контекста добавлено после визуального контроля нераспознанных программой форм), но и формы суперлатива *nejnešťastnější* (6 контекстов в корпусе Synek), безусловно связанные с другим позитивом, а именно позитивом *nešťastný* ‘несчастный’. Сходная ситуация произошла и с позитивом *bezpečný* ‘безопасный’, с которым программа соотнесла не только формы суперлатива *nejbezpečnější* (21 контекст в корпусе Synek), но и формы суперлатива *nejnebezpečnější* (48 контекстов в корпусе Synek), связанного с позитивом *nebezpečný* ‘опасный’.

3.4.5. Обслуживающая корпус Synek программа не смогла соотнести с исходным позитивом формы суперлативов, приведенных с опечатками.

3.4.5.1. Например, в корпусе Synek нами обнаружены два контекста с формой *nejvýznamější*, два контекста с формой *nejvýznamějšího* и один контекст с формой *nejvýznamějších*, которые должны были бы выглядеть как *nejvýznamnější*, *nejvýznamnějšího* и *nejvýznamnějších*¹⁹ соответственно и включаться в статистику употребления суперлатива *nejvýznamnější* и позитива *významný* ‘значительный’.

3.4.5.2. Не соотнесенными с формой позитива оказались формы с лишними буквами *nejvyssší* (*nejvyssší* < *vysoký* ‘высокий’), *nejnižších*

15 В Synek обнаружено 2 контекста.

16 В Synek обнаружено 2 контекста.

17 В Synek обнаружено 2 контекста.

18 В Synek обнаружено 2 контекста.

19 В современном чешском языке сочетания букв *mně* и *tmě* читаются одинаково [mn'ě], что создает определенные проблемы для людей, не очень хорошо учившихся в школе. В данном конкретном случае проверочным словом является содержащая сочетание букв *mn* форма *významný*.

(*nejnižší* < *nízký* ‘низкий’), *nejlepšííí* (*nejlepší* < *dobrý* ‘хороший’), *nejznámnejším*²⁰ (*nejznámější* < *známý* ‘известный’).

3.4.5.3. Не соотнесенными с формой позитива оказались формы с пропущенными буквами *nejcitlivější* (*nejcitlivější* < *citlivý* ‘чувствительный’), *nejhoši* (*nejhořší* < *špatný* ‘плохой’), *nejexkluzivnější* (*nejexkluzivnější* < *exkluzivní* ‘эксклюзивный’), *nejčastější* (*nejčastější* < *častý* ‘частый’), *nejvyšší* (*nejvyšší* < *vysoký* ‘высокий’), *nejstaši* (*nejstarší* < *starý* ‘старый’), *nejblibenějším* (*nejblibenější* < *oblíbený* ‘любимый’), *nejoriginálnějšího* (*nejoriginálnější* < *originální* ‘оригинальный’), *nejoptimistictejší* (*nejoptimistictejší* < *optimistický* ‘оптимистичный’), *nejzavednější* (*nejzavedenější* < *zavedený* ‘популярный’), *nejdůžitějších* (*nejdůležitější* < *důležitý* ‘важный’), *nejcharakterictějším* (*nejcharakterictější* < *charakterický* ‘характерный’), *nejextrémější* (*nejextrémější* < *extrémní* ‘экстремальный’), *nevýkonejší* (*nevýkonnější* < *výkoný* ‘производительный’).

3.4.5.4. Не соотнесенными с формой позитива оказались формы с употребленным вместо знака мягкого переноса дефисом *nejvyš-ších* (*nejvyšší* < *vysoký* ‘высокий’), *nejlep-ším* (*nejlepší* < *dobrý* ‘хороший’).

3.4.5.5. Не соотнесенными с формой позитива оказались формы с переставленными буквами *nejstrašich* (*nejstarší* < *starý* ‘старый’), *nevýznamnějším* (*nevýznamnější* < *významný* ‘значительный’).

3.4.5.6. Не соотнесенной с формой позитива оказалась форма с пропущенной долготой *nejmenších* (*nejmenší* < *malý* ‘маленький’).

3.4.5.7. Не соотнесенными с формой позитива оказались формы с пропущенным диакритическим значком *nejobyčejnejší* (*nejobyčejnejší* < *obyčejný* ‘обычный’), *nejštastnější* (*nejštastnější* < *štastný* ‘счастливый’).

3.4.5.8. Не соотнесенными с формой позитива оказались формы с лишним диакритическим значком *nejoblíběnějším* (*nejoblíbenější* < *oblíbený* ‘любимый’), *nejzažší* (*nejzažší* < *poslední* ‘последний’), *nejprítážlivějším* (*nejprítážlivější* < *přítážlivý* ‘привлекательный’).

3.4.5.9. Не соотнесенной с формой позитива оказалась форма с неверным диакритическим значком *nejúspěšnější* (*nejúspěšnější* < *úspěšný* ‘успешный’).

20 В случае с написанием *nejznámnejší* причина ошибки та же, что описывалась в предыдущей сноской, а именно одинаковое прочтение сочетаний букв *tmě* и *mě*, только если в случае с написанием *nevýznamnější* ошибка состояла в пропуске нужной буквы *n* перед *ě*, то в случае с написанием *nejznámnejší* ошибка обратная – в ненужной постановке буквы *n* перед *ě*.

3.4.5.10. Не соотнесенными с формой позитива оказались формы с перепутанными буквами *nejlepšách*²¹ (вм. *nejlepších*; *nejlepší* < *dobrý* ‘хороший’), *nejzákladnějím* (вм. *nejzákladnějším*; *nejzákladnější* < *základní* ‘основной’), *nejrazavější* (*nejrezavější* < *rezavý* ‘ржавый’).

3.4.5.11. Не соотнесенной с формой позитива оказалась форма с языковой игрой²² *nejlepšejší* (*nejlepší* < *dobrý* ‘хороший’).

3.4.5.12. Не соотнесенной с формой позитива оказалась форма с фиксацией нелитературной речи *nejlepčím* (лит. *nejlepším*; *nejlepší* < *dobrý* ‘хороший’).

3.4.6. В результате внесенных в автоматически сгенерированную таблицу уточнений принцип расположения форм в порядке убывания их частотности²³ оказался отчасти нарушен. Например, форма *nejedenodušší* (110 визуально подтвержденных контекстов) приводится после форм *nejhlubší*, *nejširší*, *nejsepnější* (93, 81 и 93 визуально подтвержденных контекста соответственно), ср. следующую таблицу:

Таблица 2. Употребительность суперлативов в современном чешском письменном дискурсе по данным корпуса Synek (первые 250 лексем)

	позитив	русское лексическое соответствие	суперлатив	число контекстов
1.	<i>velký</i>	большой	<i>největší</i>	3 764
2.	<i>dobrý</i>	хороший	<i>nejlepší</i>	3 069
3.	<i>vysoký</i>	высокий	<i>nejvyšší</i>	1 942
4.	<i>bлизký</i>	близкий	<i>nejblížší</i>	865
5.	<i>různý</i>	разный	<i>nejrůznější</i>	675
6.	<i>důležitý</i>	важный	<i>nejdůležitější</i>	675
7.	<i>malý</i>	маленький	<i>nejmenší</i>	529

21 Cp.: ...hostuje nyní přehlídka <nejlepšách> prací 2. ročníku soutěže v Pražském planetáriu a poté bude putovat na dalších místech «...выставка лучших работ второго курса находится сейчас в Пражском планетарии, а потом отправится в другие места».

22 Cp.: ...jako kdyby řekli česky <nejlepšejší>. Jako kdyby jim to *nejlepší* = optimální nestačilo «...это как сказать по-чешски “лучайший”. Как будто просто лучший = оптимальный для них было недостаточно». Окказионализмом *лучайший* в русской озвучке фильма «Цыпочка» (*The Hot Chick*, 2002) был переведен суперлатив *the bestest*.

23 В приводимой таблице мы сохранили порядок расположения прилагательных, автоматически созданный управляющей корпусом Synek программой Manatee (Verze 1.10.ucnk), откорректировав, однако, данные по употребительности каждой формы.

8.	špatný	плохой	nejhorší	566
9.	starý	старый	nejstarší	488
10.	krásný	красивый	nejkrásnější	390
11.	silný	сильный	nejsilnější	348
12.	nový	новый	nejnovější	381
13.	nízký	низкий	nejnízší	347
14.	významný	значительный	nejvýznamnější	318
15.	mladý	молодой	nejmladší	305
16.	známý	известный	nejznámější	293
17.	úspěšný	успешный	nejúspěšnější	276
18.	slavný	славный	nejslavnější	230
19.	oblíbený	любимый	nejoblíbenější	183
20.	těžký	тяжелый	nejtěžší	182
21.	bohatý	богатый	nejbohatší	158
22.	rychlý	быстрый	nejrychlejší	159
23.	vhodný	подходящий	nejvhodnější	142
24.	drahý	дорогой	nejdražší	169
25.	zajímavý	интересный	nejzajímavější	146
26.	častý	частый	nejčastější	153
27.	populární	популярный	nejpopulárnější	127
28.	moderní	современный	nejmodernější	112
29.	dlouhý	длинный	nejdelší	111
30.	hluboký	глубокий	nejhlubší	93
31.	široký	широкий	nejširší	81
32.	cenný	ценный	nejcenější	93
33.	jednoduchý	простой	nejjednodušší	110
34.	hezký	хорошенький	nejhezčí	92
35.	výrazný	выразительный	nejvýraznější	90
36.	levný	дешевый	nejlevnější	97
37.	slabý	слабый	nejslabší	74
38.	prodávaný	продаваемый	nejprodávanější	83
39.	krátký	короткий	nejkratší	74
40.	milý	милый	nejmilejší	70
41.	bezpečný	безопасный	nejnebezpečnější	69
42.	prestižní	престижный	nejprestižnější	60
43.	mocný	могучий	nejmocnější	65
44.	vážný	серьезный	nejvážnější	74
45.	štastný	счастливый	nejštastnější	61
46.	nutný	необходимый	nejnutnější	52
47.	náročný	трудоемкий, сложный, требовательный	nejnáročnější	49
48.	vlivný	влиятельный	nejvlivnější	47
49.	účinný	действенный	nejúčinnější	49
50.	vzácný	редкий	nejvzácnější	48
51.	kvalitní	качественный	nejkvalitnější	45

52.	tvrď	жесткий	nejtvrdší	45
53.	chudý	бедный	nejchudší	43
54.	vyspělý	развитый	nejvyspělejší	40
55.	sledovaný	наблюдаемый	nejsledovanější	43
56.	dokonalý	совершенный	nejdokonalejší	40
57.	přísný	строгий	nejpřísnější	37
58.	běžný	обычный	nejběžnější	41
59.	zádaný	требуемый	nejzádanější	44
60.	závažný	значительный	nejzávažnější	43
61.	rozšířený	широкий	nejrozšířenější	40
62.	výhodný	выгодный	nejvýhodnější	36
63.	věrný	верный	nejvěrnější	36
64.	základní	основной	nejzákladnější	33
65.	atraktivní	привлекательный	nejatraktivnější	34
66.	úzký	узкий	nejužší	32
67.	produktivní	продуктивный	nejproduktivnější	34
68.	obtížný	трудный	nejobtížnější	32
69.	rozsáhlý	обширный	nejrozsáhlejší	38
70.	citlivý	чувствительный	nejcitlivější	29
71.	podstatný	существенный	nejpodstatnější	34
72.	jemný	нежный	nejjemnější	28
73.	čistý	чистый	nejčistší	27
74.	navštěvovaný	посещаемый	nejnavštěvovanější	28
75.	pravděpodobný	правдоподобный	nejpravděpodobnější	33
76.	složitý	сложный	nejsložitější	30
77.	příjemný	приятный	nejpříjemnější	29
78.	příznivý	благоприятный	nejpříznivější	25
79.	schopný	способный	nejschopnější	25
80.	těsný	тесный	nejtěsnější	24
81.	pozoruhodný	примечательный	nejpozoruhodnější	27
82.	temný	темный	nejtemnější	24
83.	chytrý	умный	nejchytrější	26
84.	snadný	легкий	nejsnadnější	25
85.	černý	черный	nejčernější	23
86.	vzdálený	дальний	nejvzdálenější	24
87.	uznávaný	признанный	nejuznávanější	22
88.	poslední	последний	nejzazší, nejposlednější	32
89.	spolehlivý	надежный	nejspolehlivější	22
90.	početný	многочисленный	nejpočetnější	25
91.	aktivní	привлекательный	nejaktivnější	26
92.	rozmanitý	разнообразный	nejrozmanitější	20
93.	přitažlivý	привлекательный	nejpřitažlivější	23
94.	lehký	легкий	nejlehčí	19
95.	strašný	страшный	nejstrašnější	26

96.	proslulý	известный	nejproslulejší	19
97.	intimní	интимный	nejintimnější	19
98.	luxusní	роскошный	nejluxusnější	18
99.	typický	типичный	nejtypičtější	20
100.	čerstvý	свежий	nejčerstvější	24
101.	používaný	используемый	nejpoužívanější	19
102.	smutný	грустный	nejsmutnější	23
103.	vlastní	собственный	nejvlastnější	18
104.	čtený	читаемый	nejčtenější	21
105.	kritický	критический	nejkritičtější	19
106.	radikální	радикальный	nejradikálnější	17
107.	podivný	странный	nejpodivnější	16
108.	lidnatý	многолюдный	nejlidnatější	17
109.	nádherný	прекрасный	nejnádhernější	17
110.	vyhledávaný	популярный	nejvyhledávanější	18
111.	ohrožený	находящийся в опасности	nejohrozenější	18
112.	přirozený	естественный	nejpřirozenějším	18
113.	zdravý	здоровый	nejzdravější	16
114.	úplný	полный	nejúplnějším	16
115.	frekventovaný	частотный	nejfrekventovanější	19
116.	rozumný	разумный	nejrozumnější	16
117.	talentovaný	талантливый	nejtalentovanější	15
118.	úžasný	удивительный	nejúžasnější	18
119.	potřebný	необходимый	nejpotřebnější	15
120.	efektivní	эффективный	nejefektivnější	18
121.	užitečný	полезный	nejužitečnější	15
122.	kontroverzní	противоречивый	nejkontroverznější	16
123.	posvátný	священный	nejposvátnější	16
124.	výkonný	производительный	nejvýkonnější	21
125.	přesný	точный	nejpřesnější	15
126.	hloupý	глупый	nejhloupější	15
127.	zdařilý	удачный	nejzdařilejší	16
128.	obchodovaný	продаваемый	nejobchodovanější	14
129.	laciný	дешевый	nejlacnéjší	16
130.	obecný	общий	nejobecnější	14
131.	přední	передний, ведущий	nejpřednější	13
132.	jižní	южный	nejjižnější	13
133.	význačný	выдающийся	nejvýznačnější	13
134.	ostrý	острый	nejostřejší	13
135.	vznešený	величественный	nejvznešenější	15
136.	rušný	шумный	nejrušnější	14
137.	obyčejný	обычный	nejobyčejnější	15
138.	jasný	ясный	nejjasnější	16
139.	dramatický	драматический	nejdramatičtější	17

140.	světlý	светлый	nejsvětlejší	13
141.	vnitřní	внутренний	nejvnitřejší	13
142.	problematický	проблематический	nejproblematictější	15
143.	roztodivný	престранный	nejroztodivnější	12
144.	sympatický	симпатичный	nejsympatičtější	15
145.	zářivý	сияющий	nejzářivější	11
146.	mírný	спокойный	nejmírnější	11
147.	originální	оригинальный	nejoriginálnější	13
148.	odvážný	отважный	nejodvážnější	12
149.	hrozný	грозный	nejhroznější	11
150.	elegantní	элегантный	nejelegantnější	11
151.	hodnotný	доброкачественный	nejhodnotnější	12
152.	pilný	прилежный	nejpilnější	12
153.	žhavý	жгучий	nejžhavější	11
154.	ušlechtilý	благородный	nejušlechtilejší	10
155.	útlý	хрупкий	nejútlejší	10
156.	nápadný	брюзгливый	nejnápadnější	11
157.	nákladní	дорогостоящий	nejnákladnější	10
158.	jistý	определенный	nejjjistější	14
159.	špinavý	грязный	nejšpinavější	10
160.	přijatelný	приемлемый	nejpřijatelnější	12
161.	pěkný	милый	nejpěknější	11
162.	palčivý	жгучий	nejpalčivější	10
163.	krvavý	кровавый	nejkrvavější	11
164.	podrobný	подробный	nejpodrobnější	9
165.	krutý	жестокий	nejkrutější	9
166.	schůdný	проходимый	nejschůdnější	10
167.	spodní	нижний	nejspodnější	10
168.	naléhavý	настойтельный	nejnaléhavější	10
169.	působivý	убедительный	nejpůsobivější	11
170.	pevný	прочный	nejpevnější	9
171.	příhodný	подходящий	nejpříhodnější	11
172.	hrubý	грубый	nejhrubší	9
173.	prostý	простой	nejprostší	11
174.	renomovaný	знаменитый	nejrenomovanější	9
175.	veselý	веселый	nejveselejší	10
176.	lukrativní	привлекательный	nejlukrativnější	8
177.	správný	правильный	nejsprávnější	9
178.	diskutovaný	обсуждаемый	nejdiskutovanější	10
179.	perspektivní	перспективный	nejperspektivnější	9
180.	objektivní	объективный	nejobjektivnější	8
181.	vážený	уважаемый	nejváženější	8
182.	přístupný	доступный	nejpřístupnější	8
183.	výnosný	прибыльный	nejvýnosnější	9
184.	choulostivý	чувствительный	nejchoulostivější	9

185.	sladký	сладкий	nejsladší	9
186.	vybraný	отборный	nejvybranější	8
187.	tajný	тайный	nejtajnější	8
188.	přesvědčivý	убедительный	nejpřesvědčivější	8
189.	obvyklý	обычный	nejobvyklejší	11
190.	půvabný	прелестный	nejpůvabnější	8
191.	inteligentní	умный	nejinteligentnější	8
192.	zásadní	принципиальный	nejzásadnější	8
193.	lákavý	привлекательный	nejlákavější	9
194.	odporný	отвратительный	nejodpornější	7
195.	hnusný	гнусный	nejhnusnější	7
196.	optimální	оптимальный	nejoptimálnější	7
197.	senzační	сенсационный	nejsenzačnější	7
198.	osklivý	безобразный	nejosklivější	8
199.	smělý	смелый	nejsmělejší	7
200.	důvěrný	интимный	nejdůvěrnější	7
201.	moudrý	мудрый	nejmoudrejší	7
202.	kříklavý	крикливый	nejkřiklavější	9
203.	pokročilý	продвинутый	nejpokročilejší	7
204.	skvělý	замечательный	nejskvělejší	7
205.	fantastický	фантастический	nejfantastičtější	7
206.	vydařený	удавшийся	nejvydařenější	7
207.	mohutný	могучий	nejmohutnější	10
208.	zdatný	развитой	nejzdatnější	7
209.	stabilní	стабильный	nejstabilnější	9
210.	brutální	брutальный	nejbrutálnější	7
211.	vzdělaný	образованный	nejvzdělanější	7
212.	spokojený	довольный	nejspokojenější	8
213.	viditelný	видимый	nejviditelnější	8
214.	osobitý	своеобразный	nejosobitější	7
215.	aktuální	актуальный	nejaktuálnější	8
216.	hledaný	популярный	nejhledanější	7
217.	likvidní	ликвидный	nejlikvidnější	6
218.	bolestný	болезненный	nejbolestnější	6
219.	měkký	мягкий	nejměkčí	6
220.	exkluzívni ²⁴	экслюзивный	nejexkluzívnejší	8
221.	markantní	заметный	nejmarkantnější	8

24 В корпусе Synek нами обнаружено шесть контекстов с огласовкой *exkluzívni* и один контекст с *exkluzívnejší*, из которых обслуживающая данный корпус программа в шести случаях восстановила форму позитива *exkluzívni*, в одном случае – *exkluzivní*. Речь идет о новой и старой орфографической норме. Встроенная в чешский Word97 проверка орфографии от Microsoft выделяет формы с долгим *i* (*exkluzívni*, *exkluzívnejší*) как ошибочные, одобряя при этом формы с кратким *i* (*exkluzivní*, *exkluzivnější*).

222.	rizikový	рискованный	nejrizikovější	6
223.	masový	массовый	nejmasovější	7
224.	pravdivý	правдивый	nejpravdivější	6
225.	strašlivý	страшный	nejstrašlivější	7
226.	štědrý	щедрый	nejštědřejší	7
227.	raný	ранний	nejranější	7
228.	zábavný	занимательный	nejzábnější	6
229.	ideální	идеальный	nejideálnější	6
230.	pohodlný	удобный	nejpohodlnější	7
231.	seriozní	серъезный	nejserioznější	6
232.	intenzívní	интенсивный	nejintenzivnější	6
233.	praktický	практический	nejpraktičtější	6
234.	zapadlý	захолустный	nejzapadlejší	6
235.	báječný	сказочный	nejbáječnější	7
236.	chutný	вкусный	nejchutnější	6
237.	úsporný	экономный	nejúspornější	6
238.	zvučný	звукочный	nejzvučnější	5
239.	západní	западный	nejzápadnější	5
240.	kouzelný	волшебный	nejkouzelnější	5
241.	odlehлý	далекий	nejodlehlejší	5
242.	příznačný	типичный	nejpříznačnější	5
243.	zranitelný	ранимый	nejzranitelnější	6
244.	konzervativní	консервативный	nejkonzervativnější	5
245.	výmluvný	красноречивый	nejvýmluvnější	7
246.	horlivý	усердный	nejhorlivější	5
247.	komplexní	комплексный	nejkomplexnější	6
248.	krajní	крайний	nejkrajnější	6
249.	užívaný	используемый	nejužívanější	5
250.	pestrý	пестрый	nejpestřejší	5

3.5. Будучи перенесенной в Excel, полученная таблица может стать источником информации об относительной употребительности в современном чешском письменном дискурсе как отдельных форм превосходной степени, так и лексико-грамматических групп. Все это может быть использовано как в дальнейших исследованиях по проблемам изучения средств квантификации признака, так и в практическом преподавании чешского языка.

Источники и литература

Чешско-русский словарь / под ред. Л. В. Копецкого и Й. Филиппа: в 2 т. Прага: Государственное педагогическое издательство, 1976. Т. 1. 580 с.; Т. 2. 864 с.

Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška O., Zkoumalová Z., Straková V. *Русская грамматика*. Díl 1. Praha: Academia, 1979. 664 s.

Cvrček V., Kodýlek V., Kopřivová M., Kováříková D., Sgall P., Šulc M., Táborský J., Volín J., Waclawičová M. *Mluvnice současná češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví*. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010. 353 s.

Komárek M., Kořenský J., Petr J., Veselková J. et al. *Mluvnice češtiny*. Díl 2. Tvarosloví. Praha: Academia, 1986. 536 s.

Štícha Fr. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I. Morfologie. Druhy slov, tvoření slov*. Praha: Academia, 2018. [dva svazky] 1148 s.

Štícha Fr. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II. Morfologické kategorie, flexe*. Praha: Academia, 2021. [dva svazky] 977 s.

References

- Barnetová, V., Běličová-Křížková, H., Leška, O., Zkoumalová, Z., Straková, V. *Russkaia grammatika*. Díl 1. Praha: Academia, 1979, 664 p.
- Cvrček, V., Kodýlek, V., Kopřivová, M., Kováříková, D., Sgall, P., Šulc, M., Táborský, J., Volín, J., Waclawičová, M. *Mluvnice současná češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví*. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010, 353 p.
- Komárek, M., Kořenský, J., Petr, J., Veselková, J. et al. *Mluvnice češtiny*. Díl 2. Tvarosloví. Praha: Academia, 1986, 536 p.
- Kopetskii, L. V., Filipets, J. (Eds.), *Cheshsko-russkii slovar'*. In 2 Vols. Praha: Gosudarstvennoe pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1976. Vol. 1, 580 p.; Vol. 2, 864 p.
- Štícha, Fr. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I. Morfologie. Druhy slov, tvoření slov*. Praha: Academia, 2018, [dva svazky] 1148 p.
- Štícha, Fr. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II., Morfologické kategorie, flexe*. Praha: Academia, 2021, [dva svazky] 977 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.06

A. I. Izotov, D. A. Morozov

Superlatives in Contemporary Czech Written Discourse: Corpora Studies

Andrey I. Izotov

Doctor of Letters, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6985-7000

Daniel A. Morozov

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: mda1998@yandex.by

ORCID: 0009-0004-2654-8477

Citation

Izotov A. I., Morozov D. A. Superlatives in Contemporary Czech Written Discourse: Corpora Studies // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 130–148 (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.06

Received: 07.09.2024.

Revised: 23.03.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Absrtract

The article presents the experience of corpus analysis of superlative forms in modern Czech written discourse. As a source of factual material, the Synek corpus was used, which is a tenfold proportionally reduced SYN2000 corpus (120 908 724 tokens), intended by its compilers as adequately reflecting modern Czech written discourse. Based on the material of the Synek corpus, it is shown that in modern Czech discourse, in contrast to Russian discourse, in the vast majority of cases a simple superlative form of the type *nejpopulárnější* ‘most popular’ is used (approximately 200 times more contexts for the use of such forms were found than contexts for the use of analytical forms type *nejvice populární* ‘most popular’). Algorithms for constructing a table of the use of simple superlative forms in modern Czech written discourse are described according to the Synek corpus. The first quarter of this table is presented (the first 250 lines from the form *největší* ‘largest/greatest’, used in 3764 contexts, to the form *nejpestřejší* ‘the most motley’, used in 5 contexts).

Keywords

Corpora studies, Czech National Corpus, Contemporary Czech, Czech written discourse, superlative.

УДК 811.14

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

И. И. Казаков, А. И. Чиварзина

**Современное состояние мегленорумынского языка
в условиях славяно-неславянских контактов
(Северная Македония)**

Казаков Иван Игоревич

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7601-3287

Чиварзина Александра Игоревна

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российской Федерации

E-mail: a.chivarzina@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-0365-3723

Цитирование

Казаков И. И., Чиварзина А. И. Современное состояние мегленорумынского языка в условиях славяно-неславянских контактов (Северная Македония) // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 149–167.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-П/>.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025.

Рецензирование завершено 03.08.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье анализируются особенности мегленорумынского идиома на основе диалектных текстов, записанных от носителя из г. Гевгелия (родом из с. Ума) в Северной Македонии. Эти тексты были собраны во время этнолингвистической экспедиции, посвященной изучению похоронно-поминальной традиции, а также обслуживающей ее терминологии в языке балканороманского населения Македонии, в частности мегленорумын. Документация речи немногих оставшихся носителей

исчезающего мегленорумынского является первостепенной задачей для сохранения свидетельств о современном состоянии языка. Исследователи всегда отмечали существенное славянское влияние на мегленорумынский язык. Тем не менее, в условиях формирования национальных языков и языковой политики государств, на территории которых расположены мегленорумынские поселения, наблюдается усиление воздействия соответствующих языков на идиом. Данная работа концентрируется на ситуации в Северной Македонии. Представленный анализ также включает в себя сравнение мегленорумынского на территории Северной Македонии с более ранними описаниями языка. В статье подчеркивается уникальность собранного материала, отражающего живую речь носителя в конкретном этнокультурном контексте. Таким образом, собранный материал представляет значительную ценность не только для романского языкознания, но и для славистики, поскольку отражает языковые явления, обусловленные тесным контактом со славянами и славянскими диалектами.

Ключевые слова

Мегленорумынский идиом, мегленорумыны, языковые контакты, славяно-неславянские пограничья, Северная Македония.

Мегленорумыны, известные также как меглениты, вместе с арумынами составляют юго-восточную ветвь романских народов. Их язык, наряду с арумынским и истрорумынским, относится к балканороманским языкам (согласно точке зрения большинства румынских диалектологов, один из диалектов проторумынского языка наряду с дакорумынским, арумынским и истрорумынским) (Алисова и др. 2007: 49; Guia 2014: 184). В отличие от других балканских романских народов, мегленорумыны утратили этноним, происходящий от латинского слова *romanus* (ср. румынское *român*, арумынское *armân*, истрорумынское *rumeri / rutuni*)¹. Соседние народы, такие как южные славяне и греки, называют мегленорумынов и арумынов влахами (Kahl 2002). Термин «влах» применяется не только к романским народам Южной Славии, но и ко всем восточным романским сообществам

1 Исконная форма этнонима характеризуется ротацизмом *n > r*. Форма *rutuni* имеет научное происхождение и распространилась среди истрорумын посредством хорватских СМИ, а также через контакты с румынскими учеными.

в целом (Русаков 2006). Название «мегленорумын» имеет научное происхождение и не используется самими носителями языка. Этот термин был введен исследователями по аналогии с названиями «дакорумынский» и «истрорумынский», основываясь на географическом распространении различных групп балканороманских народов (Wiegand 1892; Черняк 1990: 221).

Мегленорумынское население сосредоточено вокруг долины Меглен, расположенной к северу от Салоникского залива, на правом берегу р. Вардар вдоль горной цепи. В этом преимущественно славяноязычном регионе ранее существовали несколько компактно расположенных мегленорумынских поселений: крупное и наиболее хорошо изученное исследователями село Нотия, а также Лунгута, Бирислав, Ошаны, Лумница, Црнарека и др. Населенные пункты на территории современной Северной Македонии – Ума, Серменин и Конско – опустели. Значительные общины мегленорумын проживают в городах Гевгелия и Скопье (Северная Македония), а также в Салониках, Аридее и Аксюполисе (Греция) (Capidan 1925; Kahl 2002; Κουκούδης 2001).

На сегодняшний день точное количество носителей мегленорумынского языка остается неопределенным, поскольку данные переписей населения не содержат специфических обозначений для этой группы. Например, согласно переписи 2021 г., в Гевгелии зарегистрировано 260 человек, указанных как влахи. Поскольку этнонимы «мегленец» или «мегленорумын» в списке отсутствовали, на основе свидетельств информантов² можно предположить, что все эти люди принадлежат к мегленорумынской общине. По оценкам ученых, общее количество мегленорумын не превышает 5 000 человек (Guia 2014: 186).

Село Ума (или Хума) – единственное сохранившееся мегленорумынское поселение на территории Северной Македонии. Его название связано с глинистой почвой в этом районе (мак. *ума* ‘белая глина’), однако существует предание, что изначально село называлось Шаптифрац (*Shaptifrats*) в честь семерых братьев, основавших деревню (Стамков 2019: 11). Село расположено на склонах горы Кожув, а его жители традиционно занимались овцеводством. Многочисленные старые топонимы, сохранившиеся в Уме или зафиксированные в документах, указывают на влияние

² См. MAKSTAT database. URL: https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/mk/MakStat/MakStat_Popisi_Popis2021_NaselenieVkupno_PodatociNaselenie/T1503P21.px (дата обращения: 20.06.2025).

восточнороманского языка в данной местности: *Порта ал Ванти* «южные ворота», *Виньори* «виноградники», *Круци* «крест, место, где совершались церковные ритуалы», *Р'панца Пата* «вбитый камень», *Цитати* «крепость, место сторожевой вышки», *Брего Алба* «белый берег; место, где добывалась белая глина», *Трапо ди Луњ* «место, где растет фундук» и др.

Примечательно, что в 1950-е гг. жители Умы, как и других мегленорумынских поселений на территории бывшей Югославии, были организованно переселены в Гевгелию (Стамков 2019: 27–29). В настоящее время в Уме постоянно проживают только 4 человека, из которых 3 числятся влахами, согласно данным переписи³.

Статус мегленорумынского языка вызывает споры как среди ученых, так и среди самих носителей. В лингвистике мегленорумынский рассматривается как отдельный от арумынского, что связано с исследованиями Г. Вейганда, который впервые описал этот язык в 1892 г. (Wiegand 1892). Однако его статус, как и других балканорумынских языков, зависит от традиций конкретной научной школы. Так, большинство румынских лингвистов считают мегленорумынский диалектом проторумынского языка⁴, в то время как в российской лингвистике он часто определяется как самостоятельный (малый) балканороманский язык, см. (Guia 2014; Черняк 1990).

Несмотря на то, что в науке разграничиваются понятия «арумыны» и «мегленорумыны», «арумынский язык / диалект» и «мегленорумынский язык / диалект», для носителей данное разграничение нерелевантно. По свидетельствам информантов, собранным во время экспедиции к мегленорумынам Северной Македонии, мегленорумынский воспринимается носителями как разновидность арумынского языка: *Îo štîu vlăşéşte. Armănéşte, nu vlăşéşte* [Я знаю влашский. Арумынский, не влашский]; *Nój im armă'nî-machedónî. Armă'nî!* Македонски власи [Мы арумыны-македонцы. Арумыны! Македонские влахи]. Таким образом, носители чаще идентифицируют себя как часть арумынского сообщества, называя себя македонскими арумынами или влахами.

³ См. MAKSTAT database.

⁴ Существует и иной взгляд на мегленорумынский диалект: согласно мнению ряда исследователей, в том числе О. Денсушяну, П. Атанасова, мегленорумыны имеют северодунайское происхождение. Соответственно мегленорумынский является более архаичной стадией дакорумынского диалекта, и его, согласно данной точке зрения, следует рассматривать как его поддиалект, см. (Guia 2014: 185).

В связи со стремительно сокращающимся числом носителей, отсутствием государственной поддержки в популяризации языка мегленорумынский на сегодняшний день находится на грани исчезновения на территории Республики Северная Македония.

В ходе этнолингвистического исследования в г. Гевгелия и с. Ума были опрошены пять человек мегленорумынского происхождения. Однако только один из информантов владел языком на уровне, достаточном для общения без перехода на македонский язык⁵. Речь этого информанта представляет особый интерес из-за наличия заимствований из македонского и итальянского языков⁶, а также их взаимодействия с системой мегленорумынского идиома.

В данной статье будут представлены ключевые лингвистические особенности мегленорумынского языка на основе записей речи информанта из г. Гевгелия (родом из с. Ума), сделанных авторами в экспедиции 2023 г. Особое внимание уделяется выявлению и описанию актуальных языковых процессов, происходящих на современном этапе, в сопоставлении с диахроническими данными, зафиксированными в XX в.

Фонетические особенности

Вокализм:

Сохранение дифтонга *ea* после губных вне зависимости от тембра гласного в последующем слоге, как в общерумынском: *vęáră* ‘лето’ (ср. с рум. *vară* < лат. *vera*). В иных позициях, например после *r*, *t*, Т. Капидан отмечает регулярную монофтонгизацию (Capidan 1925: 107). У нашего информанта она имеет спорадический характер: *gărſescă* ‘греческая’ (ср. *bugărăscă* ‘болгарская’).

В речи информанта отмечается звук *a*, реализующийся как более закрытый *a* или средний между *a* и *ă* в этимологической группе *á + n, m +* взрывной согласный (Capidan 1925: 97): *an* ‘в’, *amvîșeái* ‘учил’, *antręábă* ‘спрашивает’, *apárój* ‘назад’. В то же время в большинстве мегленорумынских населенных пунктов в данной этимологической группе имеет место переход в носовой *ə*: *tópnă* ‘рука’. В сс. Ума и Црнарека данный феномен не отмечается, у информанта также отсутствует (Capidan 1925: 97).

Фиксируется регулярная афереза в формах глагола *iri* ‘быть’ в имперфекте и в формах указательных местоимений: *ra* ‘был’, *ráu*

5 Вопросы информантам задавались на македонском и румынском языках.

6 См. ниже краткую биографию информанта.

‘были’, *tel* ‘тот’, *teá* ‘та’, отмечающаяся и в иных населенных пунктах (Capidan 1925: 153, 172). В речи информанта встречаются и иные случаи спорадической аферезы: *mo < sto* ‘сейчас’, *ángă < lángă* ‘возле’. Наречие *atún̄tea* ‘тогда’ было зафиксировано как в полной форме, так и с аферезой (*tún̄tea*).

В речи информанта отмечается удлиненное произнесение *a* в контекстах *a + n* и *a + r*: *ánu* ‘год’, *păl'árră* ‘разделилась’. Примечательно, что, хотя данный феномен описывается Т. Капиданом, исключается его распространение в с. Ума и Црнареца (Capidan 1925: 97).

У /i/ в позиции конца слова фиксируются несколько вариантов реализации. После согласных *r*, *p*, *m* (в речи нашего информанта – после *f*) происходит апокопа конечного /i/ и предыдущий согласный произносится велярно: *šájzé́t* ‘шестьдесят’. В остальных случаях отмечается афонизация *i*: *machedóni* ‘македонцы’, *vláši* ‘влахи’, *sórí* ‘сестры’.

В ряде случаев было зафиксировано произнесение слогового *i*: *ńinti* ‘пять’, *límbi* ‘языки’. Отмечается также и веляризация конечного *i*: *láită* ‘другие’, *capitalistă* ‘капиталисты’. Подобный феномен описывается Капиданом как вероятный результат влияния арумын-грамостян. В то же время отмечается, что данная особенность характерна только для с. Црнареца (Capidan 1925: 114).

Консонантизм:

Сохранение этимологического палатализованного *l'* в консонантных группах *cl'*, *gl'*, прошедшего в дакорумынском ареале процесс полной палатализации: *vécl'ă* ‘старая’.

Велярные взрывные *c*, *g* в сочетании с гласными *e*, *i* развивались в аффрикату *t*: *tel* ‘тот’, *ti* ‘что’, *teré́t* ‘хотите’ (ср. с рум. *čel*, *če*, *čereči*). В то же время общерумынские препалатальные аффрикаты, развившиеся из латинских сочетаний *c*, *t + io*, *iu* / *d + io*, *iu*, сохраняются в мегленорумынском: *fičjór* ‘сын, мальчик’.

/l/ в позиции конца слова произносится велярно. В случае бессарабского ареала, где также наблюдается данный феномен (*jél*, *tel*), это объясняется влиянием русского и украинского языков (Ştefănescu 2017: 62). Представляется, что веляризация /l/ в случае мегленорумынского ареала также обуславливается славянским влиянием. При этом происходит апокопа конечного *-l* в форме определенного артикля мужского рода единственного числа *-ul* так же: *ghijítu* ‘жизнь’, *vózu* ‘поезд’.

/ʃ/ в начале слова палатализируется в /h/, а затем происходит его афереза: *im* ‘мы есть’.

Палатализация /m/ > /ń/: *q'ńi* ‘мне’, а также палатализация в конечной стадии в случае прочих губных: *v* > *g'*: *gijitu* ‘жизнь’ (< лат. *vita*).

Апокопа -*c* в глаголах с суффиксом -*esc*: *sirbés* ‘работаю’ (< лат. *servire*), *naťartés* ‘нарисую’ (< мак. *нацрта*). Апокопе также подвергается *d* в позиции конца слова перед носовым согласным: *cən* ‘когда’.

Морфологические особенности

Определенный artikelъ мужского рода единственного числа (за исключением с. Црнареца) имеет апокопированную форму -*u* (< -*ul*): *gijitu* ‘жизнь’.

В речи информанта встречается употребление македонского определенного artikelъ -*to* в слове, образованном от общерумынского корня *mic-* с македонской флексией -*čco*: *míčcoto* ‘маленький’, а также -*ta* с порядковым числительным – *patrata* ‘четвертая’.

Неопределенный artikelъ женского рода сохраняет архаическую форму *únă* (< лат. *unam*): *únă mil'ă* ‘тысяча’, *únă vále* ‘долина’.

При употреблении указательного местоимения в препозиции к существительному отмечается редундантное выражение определенности: *tel tutúni* ‘ тот табак’.

В области употребления притяжательных местоимений для мегленорумынского характерны две особенности, которые отличают его от остальных балкано-романских идиомов, – препозиция притяжательного местоимения и отсутствие определенного artikelъ у имени: *meá bábă* ‘моя бабушка’, *meá mátre* ‘моя мать’. Для прилагательных также характерно употребление в препозиции: *angličéánsca grupă* ‘английская группа’, *u álbă căciúlă* ‘белая шапка’. Препозиция как притяжательных местоимений, так и прилагательных, согласно Капидану, однозначно объясняется славянским влиянием (Capidan 1925: 204).

Примечательны особенности употребления порядковых числительных в речи информанта. Формы, образуемые с предлогом *la* и artikelем -*li* (*la douli* ‘второй’), приводимые Капиданом (Capidan 1925: 156), не характерны для информанта. В речи информанта встречается использование македонских порядковых числительных *десети век* ‘десятый век’, *terza* <*grupă*> ‘третья <группа>’, а также гибридные славяно-романские формы по типу *pátrăta* <*grupă*> ‘третья <группа>’ (с использованием македонского определенного члена), а также сочетание количественного числительного и предлога *di*: *zéáti di vek* ‘десятый век’.

Формы презенса первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа глагола *íri* ‘быть’ имеют в меглено-

румынском форме *sam* (*săm*), *sa* (*să*), восходящие, согласно Г. Вейганду и Т. Капидану, к болг. съм, съ (Capidan 1925: 171). Капидан отмечает, что в его полевых исследованиях не удалось зафиксировать формы *săm* и *să*, упоминаемые Вейгандом, и допускает, что они могут встречаться в с. Лумница. Заметим, что в речи нашего информанта встречаются исключительно формы *săm* (*să'*) и *să*, что свидетельствует не только об их бытовании наряду с *sam* и *sa*, но и о широте географического распространения (ср. мак. *сам*, *се*). Для с. Црнарека также характерна форма *esci*, заимствованная от арумын-грамостян. В речи нашего носителя, как и других информантов из г. Гевгелия, вступающих в контакт с арумынами, последняя зафиксирована не была. В третьем лице единственном числе отмечаются и полная форма, и краткие: *jásti*, *je*, (*ă*)*i* (Capidan 1925: 171).

Для выражения аористных значений в мегленорумынском преимущественно отмечается употребление простого перфекта: *qmvíteái* ‘учил’, *pál’á’rā* ‘разделилась’, *fuzí* ‘бежал’. Наряду с простым перфектом, хотя и в значительно реже, в речи нашего информанта встречается употребление сложного перфекта от глаголов *véári* и *íri*. В сложном перфекте с *veári* Капидан описывает постпозицию вспомогательного глагола (*cántat-am* ‘пел’) как единственную возможную (Capidan 1925: 166). В исследуемой речи нами было зафиксировано употребление вспомогательного глагола исключительно в препозиции к основному: *uá a fost frónți* «здесь проходил фронт». Возможность употребления вспомогательного глагола как в препозиции, так и в постпозиции к основному глаголу отмечается и в более поздних исследованиях (Atanasov 2002: 243–244; 2011: 484).

В ряде глагольных форм отмечаются префиксы славянского происхождения *na-*, *du-* для образования форм совершенного вида: *nařáťeš* ‘нарисую’, *duspíš* ‘досказал’. Подобный феномен отмечает П. Атанасов, описывая их как морфемы, отражающие полное завершение действия (Atanasov 1977: 50). Имеющийся материал не позволяет сделать выводов о степени грамматикализации оппозиции «совершенный / несовершенный вид» в мегленорумынском. В то же время симптоматичны иные способы, описываемые В. Фридманом и Б. Джозефом, используемые в мегленорумынском для формирования видовой оппозиции. Так, отмечаются формы *lăpăjiri* ‘глотать’ – *lăpníri* ‘проглотить’ (ср. мак. *лана* – *ланне*), где показателем видовой оппозиции является инфикс *-n-*. Как отмечают исследователи, хотя более продуктивным для мегленорумынского оказывается префиксальный способ образования совершенного вида, подобный репертуар морфем свидетельствует о высокой продуктивности образования видовых оппозиций в мегленорумынском (Friedman, Joseph 2025: 652).

Во всех языках балкано-романского ареала, кроме мегленорумынского, присутствует будущее время, образованное с помощью вспомогательного глагола от лат. *volere*⁷. В мегленорумынском для образования будущего времени используются формы, идентичные презенсу конъюнктива: *s-ubid'ém lucru*. Разница между значениями будущего времени и конъюнктива, таким образом, исходит из контекста, при этом не исключается и смешение модальных значений: *чтобы найти работу / я найду работу*.

Лексические особенности

Изолированность мегленорумынского от остального балкано-романского ареала обусловила сохранение ряда лексем латинского происхождения, утраченных в других языках. Среди них отметим *corp*⁸ < лат. *corpus* ‘тело’, *dărtçári* < лат. *dolatoria* ‘топорик’, *gijíri* < лат. *vivere* ‘жить’, *sirbíri* < лат. *servire* ‘работать’.

Наиболее сильное иноязычное влияние мегленорумынский испытал со стороны славянских языков (в настоящее время – македонского). Более того, как отмечает Капидан, степень этого влияния превосходит греческое влияние на арумынский (Capidan 1925: 86). В то же время влияние греческого и турецкого на мегленорумынский, по сравнению со славянским, незначительно (Atanasov 1977: 48).

В исследуемой речи информанта встречается множество вкраплений из македонского языка⁹ как славянского, как и тюркского происхождения: славизмы – *ded* ‘дед’, *voz* ‘поезд’, *fărtári* ‘рисовать’, *ubidíri* ‘искать’, *páliri* ‘жжение’; тюркизмы – **măubetári*¹⁰, *lăfíri* ‘говорить’. При этом отмечаются многочисленные случаи использования неадаптированных македонских лексем, в особенности союзов и междометий: *и, или, нели* и т. д.

7 В дакорумынском и истрорумынском ареалах вспомогательные глаголы имеют полную парадигму форм и сопровождают инфинитив (рум. *voi chëma*, истрорум. *voi cl'ëma* «позову»). В арумынском сохранилась только форма третьего лица единственного числа, сопровождающая форму конъюнктива (арум. *va s-cântu* ‘спою’).

8 Употребление румынской лексемы *corp*, бытующей наряду со славянской лексемой *trup*, возникло относительно недавно посредством ее введения в научный дискурс.

9 В речи носителя встречаются и обратные случаи заимствований – из мегленорумынского в македонский, хотя это число незначительно: *ако сте аузиле* «если вы слышали».

10 Форма *măubetu* ‘говорю, беседую’, зафиксированная в речи информанта, восходит к мак. *муабети*. Поскольку данный глагол не обнаруживается в словаре Т. Капидана, мы указываем предполагаемую форму инфинитива.

Для нашего информанта, ввиду биографии, связанной с его длительным проживанием в Италии, характерны окказиональные заимствования (в терминологии Ш. Поплак) из итальянского, что сближает его речь с исторорумынской: *parola* ‘слово’, *lingua* ‘язык’, *carabinieri* ‘карабинеры’.

Географические названия, встречающиеся в речи информанта, преимущественно представлены в македонской (реже – итальянской) форме: *Македонија, Скопје, Југославија, Швајцарија, Svizzera, Zurigo, Trieste*.

Отдельно отметим, что в области терминологии похоронно-поминальной обрядности, основного объекта нашего полевого обследования, практически полностью утрачены лексемы латинского происхождения. Были зафиксированы единичные лексемы, имеющие общероманский характер и встречающиеся во всех разновидностях балканороманской речи: *muri* (покойник), *plāndzi* (оплакивание), *angropari* (похороны), *luminare* (свеча). Для прочих пунктов анкеты мегленорумынские информанты использовали термины на македонском языке.

Как свидетельствуют приведенные выше особенности, мегленорумынский язык занимает особое положение среди восточнороманских идиомов, демонстрируя значительные отличия от других их представителей. Указанные отличия в значительной степени обусловлены интенсивным влиянием славянских языков, в первую очередь македонского. Элементы последнего прослеживаются на всех уровнях языковой структуры мегленорумынского – фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом, что позволяет говорить о глубокой степени языкового взаимодействия. Показательно, что в спонтанной речи информантов фиксируются регулярные случаи переключения на македонский язык, в том числе внутри одного коммуникативного акта: *Nu štīj macedonéšt – ãñi zípi. Nu štīj македонска límbă. Сит ни štīu? Štīj. Ништо! На полагање, нeli?* [Ты не знаешь македонский – он мне говорит. Ты не знаешь македонский язык. Как не знаю? Знаю. Ничего! На пересдачу].

Приведенный выше пример демонстрирует интенсивное языковое взаимодействие, характеризующееся как активным заимствованием лексических единиц, так и устойчивыми формами кодового переключения в повседневной коммуникативной практике. Воздействие македонского языка, таким образом, выступает не только отражением длительных историко-культурных контактов, но и значимым фактором, способствующим ускоренной языковой ассимиляции мегленорумынского.

Тем не менее, несмотря на выраженное влияние македонского, структурная база мегленорумынского языка – в частности, его фонетическая,

морфологическая и лексическая система – сохраняет общерумынский характер, аналогично тому, что наблюдается в арумынском и исторорумынском идиомах (подробнее см.: Kazakov, Chivarzina 2024).

В то же время материалы, полученные в ходе полевых исследований, в том числе результаты анализа спонтанной речи информанта, позволяют говорить о выраженной тенденции к полной языковой ассимиляции мегленорумынского македонским. Указанная тенденция актуализирует проблему сохранения мегленорумынского как отдельного южнодунайского идиома и свидетельствует о реальной угрозе его исчезновения.

Сведения об информанте

Владо Танов, 1941 г. р.¹¹, родился и получил начальное образование в с. Ума (на территории бывшей Югославии). В молодости он отправился на заработки в Европу, где освоил итальянский и немецкий языки, влияние которых проявляется в его мегленорумынской речи. Владение языком у информанта свободное: он уверенно отвечает на вопросы, не переключаясь на македонский язык, за исключением редких лексических заимствований. Однако при обсуждении специфической лексики, связанной с похоронно-поминальными традициями, у него возникали трудности.

В статье приведены избранные отрывки из часовой беседы с Владо Танова, которые позволяют составить общее представление о мегленорумынском идиоме. Эти примеры иллюстрируют ключевые особенности языка на современном этапе, подтверждая вышеизложенные тезисы о его фонетической, морфологической и лексической структуре, а также о влиянии других языков.

Транскрипты избранных отрывков беседы¹²

Îo štiu vlăşeşte. Armăneşte, nu vlăşeşte. Męá límbă je múltu věcl'ă límbă. Îo ămviţeají límbă di la męá bábă. Şi méu ded, toť să di Úmă... Áma măybétu cu mę mátre și pátre, *neli*¹³? Toť să vlás. A límba ę štiu, di la bába ę ămviţeají ... ąn Gevgelija, di kolku ... şáse meş, di şáse meş. Amó sám şaptăzéci și nónă di ánji. Arám ąn Svizzera. Sirbí ąn Şvítera, zéte ánji. Cum electričeár,

11 Сведения даны со слов информанта; в процессе интервью он дважды называл другой возраст, что отражено в приведенных ниже текстах.

12 Для записи текстов были использованы принципы транскрипции ALR (Atlasul Lingvistic Român).

13 Иноязычные вкрапления (македонские и итальянские) в речи информанта здесь и в дальнейшем мы выделяем курсивом.

електрикар, нели? Сакаш само влашки да ти лафам? Cló ămvițeái límba italjánă, lingua lătínă, italjánă și límba tedescă, немачки. [...] Ho imparato lingua italiana, perche italiani non sapevano tedesco. А јо, come macedonico, нели, límba vlășescă álfă u și límba makedonéscă și mó și límba tedescă, tréi límbi, și límba l'italiana – pátru límbi. Nu să' bun, нели? [Я знаю влашский. Арумынский, не влашский. Мой язык – очень старый язык. Я выучил язык от моей бабушки. И мой дед, все из Хумы... И с мамой и отцом говорил. Все влахи. А язык я знаю, у бабушки учился. В Гевгелии, со скольки... с шести месяцев, шести месяцев. А мне шестьдесят девять лет. Работал в Швейцарии. В Швейцарии десять лет работал. Электриком. Хочешь, чтобы я с тобой только по- влашски говорил? Там я выучил итальянский язык, латинский язык, итальянский и немецкий. [...] Я выучил итальянский, потому что итальянцы не знали немецкого. А я, македонец, по- влашски говорил и по- македонски, еще и по- немецки, три языка, и по- итальянски – четыре языка. Разве я не хороший?]

Ți terét s-vă spun? Méu cătún, Úmă, patărdzăț și tînti de ánu, cän säm jo nät cló ạn Úmă, nu veá lálță, să di vlás. Tot cătunu ra vlás. A biséárică-i di únă mil'a nuáuă súti... nu... săpti súti și săzízét di ánu. Di túnțea ie téa biséárică ạn Úmă, vécl'a. Ió la am un cádru, cádru am. Un fićior ți sirbeáu cum ... ca mál'ar, ți tărtă, néli, mál'ar. Iél víni ă'ngă míni ạn Svizzera, ió ram ạn Zuri-go. Zurigo știi iú-i? ạn Швайцаруа. Si cló sirbeám, jél víni ă'ngă míni, zíti: «Vládu, io s-mi duc ạn Úmă, să-ă naťartés téa biséárică vúastră, iu iěști tu nät și să-ă dáu cádru, нeli?» Si jé'l si dúsí ạn Австралија, să ghięască. [Что вы хотите, чтобы я вам рассказал? Мое село, Ума, так, теперь он 1945-го, никого не было, кроме влахов. Все село было влашским. А церковь с тысяча девятьсот... нет, семьсот шестьдесят девятого года. С того времени та церковь в Уме, старая. У меня есть картина с ней, есть у меня картина. Парень, который работал маляром, который рисовал, маляр. Он подходит ко мне в Швейцарии, я тогда был в Цюрихе. Цюрих знаешь, где? В Швейцарии. Там я работал, он подходит ко мне и говорит: «Владу, я поеду в Уму, чтобы нарисовать ту вашу церковь, где ты родился, и отдам тебе картину». И уехал он жить в Австралию.]

Şi ţeă... ţel cădru iō l-am, ámă, biséárică cum ăi, crûti d'esúpră, crûte, nu v  . C   t   pat  rz  t   t  n  t di   nu, Machedonia c  n p  l'  r   la tr  j parti,   n  a parti ra g  rt  sc  , lal  lt   ra bug  re  sc  ,   t   n  astr     n Jугославија, нeli? At  nt  a   á a fost fr  ntu. Pat  rz  t   t  n  t. Di t  nt  a noj im myku   n Jугославија, нeli, n  j ram. Ám   i     amvi  te  i   sc  l   makedon  sc  ,   n Jугославија. Si tot gi  jitu n  -i la m  ni   á   n G  vgelija. Cu   ptespr  t di an  , di   á, zic, s-mi duc si sirbes   n Evr  opa. Cu d  d  u   m  n  i. Di   á cu v  z  u, mi d  s  i p  n di C  ronje, di C  ronje – Belgrad, di Belgrad an Italia. Pr  st  i

grániťa mi fuzí. Viní ąn *Trieste*, ąn Trăst. ąn Trăst... Zic, mó ju s-mi duc nă-trebuiăști dóuă límbi [...] să ubid'ém lúcru, tri s-sirbészti, *neli*? Tri si scót *naru*. Că noi im tréi frát și dóuă sóri. Tínț. Méu tátă, uá ąn Gévgeliјa, sirbeá mozăiíc. [...] Si tot giíitu ăl trecú, patrudzăt di áni sirbí uá, ąn *Jugoslaviјa*, că ra... túntea nu v   capitalistă și l  lt  . T  t r  u, *neli*, sirbeá l  m  a. [И та картина есть у меня, а на церкви креста, сверху креста не было. Потому что в сорок пятом году, когда Македония разделилась на три части, одна часть была греческой, другая болгарской, а наша – в Югославии. Тогда здесь проходил фронт. В сорок пятом. С того момента мы здесь в Югославии, мы были. А я учился в македонской школе в Югославии. И вся жизнь у меня прошла в Гевгелии. В семнадцать лет я решил поехать отсюда работать в Европу. Двумя руками. Отсюда на поезде я поехал до Скопье, Скопье – Белград, из в Белграда в Италию. Через границу я бежал. Приехал в Триест. Думаю, там, куда я сейчас еду, мне нужно два языка [...], чтобы найти работу, чтобы работать. Чтобы зарабатывать деньги. Ведь нас три брата и две сестры. Пятеро. Мой отец занимался плиткой (?). [...] И всю жизнь провел, сорок пять лет работал здесь, в Югославии, потому что было... тогда не было капиталистов и остальных. Все, работали люди.]

M  u c  t  n, eu l   zic la l  m  a, m  u c  t  n,   m  , n  i c   nu-   fost an lal  lt   dr  sava. Ni ąn *Griju*, ni ąn... Tuju ąn Machedónia, *neli*? Machedónia a fost u   ánc   di vr  m  a Alex  ndar *Gran*. Alex  ndar M  nt  .   t  j   -i m  nt  ? M  nt  ! O fost cu m  ntili om, *neli*? *Tue* s   pr  mili om di vl  ši, di   ea vr  me. Ántru n  astr  ... ántru H  rist  .   ea vr  mi. La p  tru *vek* ántru n  astr   nou   er  . Значи, di túntea ánc   au fost vl  ši u  . Machedónia nu a fost   ea di... An *decesemti vek*, ze  ti di *vek* vin slov  nij u  , македонски   i l  f  s, a no  i vl  ši im. N   st  m di c  n.   m   ąn *Evrона*,   re pátru límbi. Úna i  é словенска límb  , clo s   *Јugoslávia*, Чешкска, Польска, Словачка, Хрватска, Бугарија, Русија, Украина. *Tue* s   slov  n  c   gr  p  ,   i zic.   i l  f  s словенски. A lal  lt   gr  p   e roman  sc   gr  p  . Roman  sc   gr  p   s   fran  t  zi, itali  ni, spani  lt  , rum  ni. Cáre-s l  lt  ? Arm  ni, arm  ni-machedóni. Ter  ta – s   ... ánglo-saxónsca: *Англија*, *Германија*, *Холандија*, *Svizzera*, *Аустрија*. *Tue* s   angli  c  ansca grup  , *neli*? Ánglo-saxónsca. Si p  tr  ta-  ... dóuă dr  savi, gr  pa, *Griji* i *Ma  ari*. *Шиптару* s   a n  astr   gr  p  . An rum  n  c   gr  p  . Arm  n  sc   gr  p  .   m   nu s   *Шиптару*. Tie s   Alb  ni. Alb  ni.   t  i a   avut u   álb   c  ci  l  . [Мое село, я так всем говорю, мое село, Ума, никогда и не было в другой стране. Ни в Греции, ни в... Здесь, в Македонии. Македония здесь была еще со временем Александра *Gran*. Александр Мудрый. Знаешь, что такое *mint  *? Он мудрым ведь был человеком? Это – первые влахи, с того времени. До нашей... До нашей эры. То время. Четвертый век до нашей эры. Так вот, с того

времени были влахи здесь. Македония не была такой... В десятом веке пришли сюда славяне, которые говорят на македонском, а мы влахи. Не знаем, с какого времени. А в Европе четыре языка. Один – славянский язык, там, где Югославия, Чехия, Польша, Словакия, Хорватия, Болгария, Россия, Украина. Это – славянская группа, на котором говорят. Которые говорят на славянском. А другая группа – романская. Романская группа – это французы, итальянцы, испанцы, румыны. Кто еще? Арумыны, арумыны-македонцы. Третья – это... англо-саксонская: Англия, Германия, Голландия, Швейцария, Австрия. Это английская группа. И четвертая... две страны, группа, греки и венгры. Шиптары в нашей группе. В румынской группе. Арумынской группе. Только они не шиптары. Они албанцы. Албанцы. Знаешь, потому что у них была белая шапка.]

Cu săptă di ánī, *pochnaa*, cătără si-ní zícă fićorij: «Vlădă je vlah. Vlădă je vlah. Vlădă je vlah». Io zic: «Nu stiu tî je téla, vlah, neli? Vlaş...». Di míćoto săm dus, săm vinít lă Gévgelije, și io-i zic, la meá mátră-i zic: «Tî je tel, vlah, ma?». Nói că avém laláltă límbă, *neli?* Noi lăfim, amă tel... téa *parolă*, vlah, nû-i búnă. Nû-i búnă, că nu im nój vlăși. Nói im armăni-makedóni. Armăni! *Македонски власи.* [В семь лет начали мне говорить дети: «Владу – влах. Владу – влах. Владу – влах». Я думаю: «Не знаю, что это такое, влах. Влахи...». Еще маленьkim я приехал в Гевгелию и говорю моей маме: «Что это такое этот влах, мам?» У нас ведь другой язык? Мы говорим, но тот... то слово, влах, нехорошее. Нехорошее, потому что мы не влахи. Мы македонские румыны. Румыны! Македонские влахи.]

A meá mátră zíti noj si sâdím tutún. Tutún, amă tel tutúnu, sabáilea s-mi scol, că nu ghijém jo uă, téastă cásă u dărăi di cän vení din Sviitaria. Io dărăi ... Sabáilea cän ram níc, di şase-sápte ánī, mătă zíti: Vladu, scuólă-ti, că-s ni-dútem la tutúnu, si dunám tutúnu, *neli?* Io di la téastă párti tórmu la láltă párté ...s-dórmu. Dút-vă voi, jo s-vin. [Мама говорила нам сажать табак. Табак, а тот табак, приходилось вставать рано с утра, потому что я жил не в этом доме, этот дом я построил, как вернулся из Швейцарии. Я построил... С утра, когда я был маленький, шесть-семь лет, мама говорит: «Владу, вставай, пойдем на табак, собирать табак». Я с одной стороны переворачиваюсь на другую... чтобы дальше спать. «Вы идите, а я приду».]

Si végá únă véle ua än Ghevghelije. Di téa párti di la véle e Gârchie. A di la téastă párti-i Gevgelije, än Jugoslávia. Si cän mi-duțeám míćico tu clo, än véle végá péste. Štiț ce-i péste, *neli?* Si io [...] si caț vrin péste, si-l turés națuără, cu măni. Vrinăuără s-u caț vrină *жасба*... Nu stiu cum aji zic la *жасба*... năpărtiți végá, зми, *neli?* Amă téa vréme nu ram páznic. [И была река здесь в Гевгелии. А с той стороны реки – Греция. С этой стороны – Гевгелия, в Югославии. И когда я маленький ходил туда, в реке

была рыба. Знаешь ведь, что такое *pește*? И я пытался поймать какую-нибудь рыбку, вытащить наружу, руками. Иногда, бывало, ловил лягушек... Не знаю, как сказать «лягушка» <по-мегленорумынски>... змеи были, змии, так ведь? Но тогда я не был осторожен.]

Io nu vă duspăr. Cătăi să zic [...] di Italia până di Frânta viní. Cu săptisprăț di ánă. Fuzi prísti grániță, viní an Trieste, di Trieste an Venezia, di Venezia – Padova, Savona, Milano, Turino. Vení până di Frânta. Mi cătără, cu vózu mi duțém, mi cătără carabineri italiani. Si mi tornără anapój, an Македонија. Că-ní antrébă: «Ți iéști tu, catolic ili ... ? Ți iéști?». Nu, io zic: Sám ortodox. [...] Vlăși să православни, нели? Di țea vréme. Si mi tornará anapój. Mi tornáră, uá, an Југославија. [Я вам недорассказал. Я начал говорить [...] из Италии во Францию приехал. В семнадцать лет. Бежал через границу, приехал в Триест, из Триеста в Венецию, из Венеции – Савона, Милан, Турин. Добрался до Франции. Забрался, на поезде поехал, меня задержали итальянские карабинеры. И вернули меня обратно, в Македонию. Спрашивают у меня: «Кто ты, католик или...? Кто ты?» «Нет, – говорю, – я православный». [...] Влахи православные. Еще с тех времен. И вернули меня. Вернули меня сюда, в Югославию.]

Víni vréame, anviéam gimnázia. Gimnázia... nuástră генерација ráu dóa clásuri. Únă ra македонски, laláltă ra tri matemática. Matemática jó ní pišíi. Tel prófesor te ra la македонски mi lásă la полагање. Туáte ráu tréi și pátru, tréi și pátru. Să' di iéu si căt și dóuă túnțea an țea vréme. «Nu štii machedonéște» – ánă zíti. «Nu štii македонска límbă». Cum nu štii? Штиу. Ништо! На полагање, нели? Туátă veárá trăbuíá sá anvét, ál anviéam Kocsta Raçin. Si cătata nu șirbít la cásă, iel ra majstor méu tátă. Si nu șirbít ti s-sirbeáscă și tel prófesor mi кутне цел an... Trăbuíá s-anvét áncă un an. [Пришло время, я учился в гимназии. Гимназия... в нашем потоке было два класса. Один македонский, в другом занимались математикой. Я в математический поступил. А преподаватель по македонскому оставил меня на пересдачу. У всех было три и четыре, три и четыре. Только мне случалось и двойку схватить в то время. «Ты не знаешь македонский, – говорит он мне. – Ты не знаешь македонский язык». Как не знаю? Знаю. Ничего! На пересдачу. Все лето мне пришлось учиться, изучал Косту Рацина. И отец не работал дома, он был мастером, мой отец. И ему было негде работать, и тот преподаватель целый год мне убил. Пришлось учиться еще целый год.]

An Ckonje si dișclisi, земјотпесом cän ra, şajzéci și tréi de ánă, prima поплава, нели. Dúpă земјотпес si dișclisi scólă tri електроапарата, радио, телевизија, tári lúcri. Io mi pišíi doj ani tri electričist, нели. Si am lálta diplomă și di clo cu vózu cän mi duțeam an Ckonje, ánă pisiám concurs, veá gazéti

din *Gručija*. Concúrs ári tri lúcru. Pisiám ən *Германија*, pisiám ən Fránța. Cu *речник* pisiám. [...] Mai ănapoî ăńi vini ună cărti, zíti... Si ăńi víni din Zürich si zíti. Zíti: Vlado, lásă documénti, tî aî diplomă tri électro. [...] Du-ti ən consulát, ən Belgrad. Scuăti-ț *nacoui* și o lăsă si-ț da stâmbil din Sveitária că pótî si sribéști. Åăă, zic, tri míni je mo bun. Si jo lă zic lă máträ zic, lă pátră s-mi duc ən Sveitária. Tî si făti clo ən Sveitária? Fecióri? Mi duş ən Belgrád. Vinij. Dărără clo țeá víză, nem? Cătă bucurós ram! Nú štiu! [В Скопье открылась, когда было землетрясение, в 63 году, сначала наводнение, так. После землетрясения открылось первое училище по электроаппаратуре, радио, телевидению, такие вещи. И два года я учился на электрика. У меня есть диплом, и оттуда, когда я на поезде ездил в Скопье, участвовал в конкурсе, были газеты из Греции. Конкурс на работу. Подавался в Германию, подавался во Францию. Через газету подавался. [...] А потом приходит письмо, говорит... Приходит из Цюриха и говорит: Влад, подавай документы, у тебя есть диплом электрика. [...] Поезжай в консульство, в Белград. Сделай паспорт и оставь, чтобы тебе поставили штамп из Швейцарии, чтобы ты мог работать. Аах, говорю, для меня это очень хорошо. И говорю матери, говорю отцу, что поеду в Швейцарию. Что ты будешь там делать, в Швейцарии? Детей? Я поехал в Белград. Приехал. Сделали там ту визу. Как я был рад! Не знаю!]

Источники и литература

Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2007. 453 с.

Русаков А. Ю. Влахи. Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 5 (Великий князь – Восходящий узел орбиты). М.: Большая российская энциклопедия, 2006. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (дата обращения: 22.05.2025).

Стамков Р. Селото Ума од постанокот до иселувањето на неговите жители. Богданци: Софија, 2019. 216 с.

Черняк А. Б. Мегленорумынский язык // Основы балканского языкоznания. Языки балканского региона. Ч. 1. (Новогреческий, албанский, романские языки). Л.: Наука, 1990. С. 221.

Atanasov P. Meglenoromâna astăzi. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2002. 408 p.

Atanasov P. Observații cu privire la unele aspecte ale influenței slave asupra meglenoromânei // Radovi Simpozijuma. Pančevo – Zrenjanin: Liberatea, 1977, P. 47–55.

Atanasov R. M. Valorile perfectului compus în meglenoromână // Limba română, LX (4). Bucureşti: Editura Academiei, 2011. P. 484–490.

Capidan T. Meglenoromâni. Vol. I. Istoria și graiul lor. Bucureşti: Cultura Națională, 1925. 225 p.

Friedman V., Joseph B. The Balkan Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 1052 p.

Guia S. Elemente de dialectologia română. Iași: Vasiliana'98, 2014. 382 p.

Kahl T. Мегленските Власи (Мегленоромани) и Исламот: Селото Ноти (Н’оти / Нотија) во Меглен и Нотијците во денешна Турција // Зборник на трудови од Меѓународниот научен симпозиум «Власите на Балканот», одржан на 09–10 ноември 2001 во Скопје. Скопје: Унија за Култура на Власите од Македонија; Институт за национална историја, 2002. С. 56–82.

Kazakov I., Chivarzina A. The stage of Megleno-Romanian nowadays in North Macedonia // Intercultural Diversity in the 21st Century Education: Inclusion and Social Equity / eds. R. Mihailă, G. T. Sipos, O. Botezat. Bucureşti: Pro Universitaria, 2024. P. 131–145.

Poplack Sh. What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // Bilingualism: Language and Cognition. 2012. No 15 (3). P. 644–648.

Ştefănescu A. Variație și unitate în limba română standard din Basarabia. Bucureşti: Editura Universității din Bucureşti, 2017. 368 p.

Wiegand G. Vlacho-Meglen. Eine ethnographisch-philologische Untersuchung. Leipzig: J. Barth, 1892. 78 s.

Κουκούδης Αστέριος I. Οι Ολύμπιοι Βλάχοι και τα Βλαχομογλενά. Μελέτες για τους Βλάχους – 3ος τόμος. Θεσσαλονίκη: Ζήτρος, 2001. 408 σ.

References

- Alisova, T. B., Repina, T. A., Tariverdieva, M. A. *Vvedenie v romanskuiu filologiju: Textbook*. Moscow: Vysshiaia shkola, 2007, 453 p.
- Atanasov, P. *Meglenoromâna astăzi*. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2002, 408 p.
- Atanasov, P. “Observații cu privire la unele aspecte ale influenței slave asupra meglenoromânei.” *Radovi Simpozijuma*. Pančevo – Zrenjanin: Libertatea, 1977, pp. 47–55.
- Atanasov, R. M. “Valorile perfectului compus în meglenoromână.” *Limba română, LX (4)*. Bucureşti: Editura Academiei, 2011, pp. 484–490.
- Capidan, T. *Meglenoromâni. Vol. I. Istoria și graiul lor*. Bucureşti: Cultura Națională, 1925, 225 p.
- Chernyak, A. B. “Meglenorumynskii iazyk.” *Osnovy balkanskogo iazykoznaniiia. Iazyki balkanskogo regiona. Chast' I. (Novogrecheskii, albanskii, romanskie iazyki)*. Leningrad: Nauka, 1990, p. 221.
- Friedman, V., Joseph, B. *The Balkan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2025, 1052 p.

Guia, S. *Elemente de dialectologia română*. Iași: Vasiliana'98, 2014, 382 p.

Kahl, T. "Meglenoskite Vlasi (Meglenoromani) i Islamot: Seloto Noti (N'oti / Notija) vo Meglen i Notijcите vo denešna Turcija." *Zbornik na trudovi od Medjunarodnot naučen simpozium "Vlasite na Balkanot"*, održan na 09–10 noemvri 2001 vo Skopje. Skopje: Unija za Kultura na Vlasicite od Makedonija; Institut za nacionalna istorija, 2002, pp. 56–82.

Kazakov, I., Chivarzina, A. "The stage of Megleno-Romanian nowadays in North Macedonia." *Intercultural Diversity in the 21st Century Education: Inclusion and Social Equity*, ed. by R. Mihailă, G. T. Sipos, O. Botezat. Bucureşti: Pro Universitaria, 2024, pp. 131–145.

Koukoudis, Asterios I. *Oi Olympioi Vlachoi kai ta Vlachomoglena. Meletes gia tous Vlachous – 3os tomos*. Thessaloniki: Zitros, 2001, 408 p.

Poplack, Sh. "What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize?" *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, No 15 (3), pp. 644–648.

Rusakov, A. Iu. Vlakhi. *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia*, in 35 vols. Vol. 5. 2006. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (accessed: 22.05.2025).

Stamkov, R. *Seloto Uma od postanokot do iseluvanjeto na negovite žiteli*. Bogdanci: Sofia Publ, 2019, 216 p.

Ştefănescu, A. *Variatie și unitate în limba română standard din Basarabia*. Bucureşti: Editura Universităţii din Bucureşti, 2017, 368 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

I. I. Kazakov, A. I. Chivarzina

The Current State of Megleno-Romanian Language in the Context of Slavic – Non-Slavic Contacts (North Macedonia)

Ivan I. Kazakov

PhD Student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskiye Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7601-3287

Alexandra I. Chivarzina

Candidate of Letters, junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.chivarzina@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-0365-3723

Citation

Kazakov I. I., Chivarzina A. I. The Current State of Megleno-Romanian Language in the Context of Slavic – Non-Slavic Contacts (North Macedonia) // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 149–167 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00484-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-P/>.

Received: 22.05. 2025.

Revised: 03.08.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

This article examines the characteristics of the Megleno-Romanian idiom, drawing on dialectal texts recorded from a native speaker in Gevgelija, North Macedonia (originally from the village of Uma). These texts were gathered during an ethnolinguistic field trip focused on the funerary and commemorative traditions, and related terminology, among the Balkan Romanian-speaking population of North Macedonia, with a particular emphasis on the Megleno-Romanians. Documenting the speech of the few remaining speakers of endangered Megleno-Romanian is the primary means of preserving evidence of the language's current state. Researchers have always noted a significant Slavic influence on the Megleno-Romanian. Nevertheless, with the emergence of national languages and the language policies of the states in which Megleno-Romanian communities are located, an intensified impact of the respective languages on the idiom is being observed. This work focuses on the situation in North Macedonia. The analysis also includes a comparison of Megleno-Romanian in North Macedonia with earlier descriptions of the idiom. The article emphasizes the unique nature of the collected material, reflecting a speaker's spontaneous language in a specific ethnocultural context. Consequently, the gathered material is of significant value not only for Romance linguistics but also for Slavic studies, as it showcases linguistic phenomena resulting from close contact with the Slavic populations and Slavic dialects.

Keywords

Megleno-Romanian idiom, Megleno-Romanians, linguistic contacts, Slavic-non-Slavic contact zones, North Macedonia.

Традиция «хатир» в похоронно-поминальной обрядности понтийских греков России: семантика, ритуальные функции и этнокультурные параллели

Климова Ксения Анатольевна

Кандидат филологических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Цитирование

Климова К. А. Традиция «хатир» в похоронно-поминальной обрядности понтийских греков России: семантика, ритуальные функции и этнокультурные параллели // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 168–184. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.08

Статья поступила в редакцию 11.08.2025.

Рецензирование завершено 12.08.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-П/>.

Аннотация

В статье рассматривается комплекс значений слова «хатир» ‘память, уважение, одолжение, соболезнования’ (тур. *hatır*, понтийск. *χατίρ*) и его концептуализация в похоронно-поминальной и свадебной обрядности понтийских греков России. На основе полевых материалов, собранных в греческих общинах Грузии, Северного Кавказа и Краснодарского края, проводится анализ семантической трансформации термина: от бытового значения «уважение, одолжение» к специализированному ритуальному термину в контексте похоронно-поминальной практики. Особое внимание уделяется функционированию «хатира» как сложного элемента ритуальной коммуникации, включающего не только вербальные формулы выражения соболезнований семьи умершего, но и комплекс ритуальных действий, предметный код (символические дары, траурные атрибуты)

и строгие поведенческие предписания. Детально рассматриваются три основных ритуальных контекста реализации концепта «хатир»: как акта выражения соболезнований семье умершего, как механизма испрашивания разрешения на проведение свадьбы в период траура и как практики демонстрации уважения к предкам на кладбище. В работе подчеркивается уникальный характер обряда, сформировавшегося в условиях длительного межкультурного взаимодействия греческого, тюркского и кавказского населения. «Хатир» выступает одним из ключевых маркеров этнической идентичности понтийских греков, объединяя эллинофонов-ромеев и тюркофонов-урумов.

Ключевые слова

Понтийские греки, хатир, похоронно-поминальная обрядность, ритуальная лексика, языковые заимствования, этнолингвистика, межкультурное взаимодействие.

Введение

В греческой традиционной культуре проявление уважения к значимым членам сообщества, демонстрация особого внимания к старшим и сохранение памяти о предках занимает важное место в общей системе фундаментальных социальных ценностей, поддерживающих коллективную идентичность. Это выражается не только в особых вербальных формулах, но и в ритуальных действиях: нормах поведения, канонах гостеприимства, обмене дарами и пр. В этот контекст попадает и особый греческий концепт *φιλότιο* ‘честь, любовь к чести’, регламентирующий правильное поведение внутри сообщества, побуждающий к ответственности, гостеприимству, проявлению уважения к старшим (подробнее см. Vassiliou & Vassiliou 1973). В рамках понтийской традиции эти явления усиливаются под влиянием восточных и кавказских культурных моделей, для которых концепт «уважение» особенно важен.

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу понятия «хатир» (тур. *hatır*, понтийск. *χατίρ* ‘память, уважение, одолжение, соболезнования’) и его значения в ритуальной культуре понтийских греков России. Особое внимание уделяется функционированию «хатира» в похоронно-поминальном и свадебном обрядах, а также семантическим трансформациям, происходившим под влиянием межязыковых и межкультурных контактов с народами Кавказа. Методология работы основана на комплексном подходе,

сочетающем элементы этнолингвистического, сравнительно-исторического и лексико-семантического анализа. Материалы собраны автором в 2022–2025 гг. в ходе полевых этнолингвистических исследований в греческих общинах Сочи, Анапы, Геленджика, Новороссийска, Краснодара и их окрестностей, населенных пунктов Кавказских Минеральных Вод, Карачаево-Черкесской Республики (Спарты, Хасаут-Греческий, Черкесск), Северной Осетии (Владикавказ и Беслан), Адыгеи (Майкоп, Белореченск), Кабардино-Балкарии (Нальчик, Прокладный), а также Грузии, Армении и Казахстана. Греческое население исследованных регионов представлено двумя языковыми группами: греками-эллинофонами (самоназвание *Ρωμαίοι* ‘ромеи’, букв. ‘кримляне’, таким же самоназванием пользовались жители Византийской империи), говорящими на понтийском диалекте греческого языка (эндолингвоним *ρωμαΐκα* (ромеика) ‘ромейский язык’), и греками-туркофонами (самоназвание *urumlar* ‘греки’, происходящее от турканизированного варианта того же корня, что и *Ρωμαίοι*), говорящими на северо-восточном диалекте турецкого языка (эндолингвонимы *musulmanca* ‘мусульманский язык’, *osmanca* ‘османский язык’, *bizim dilca* ‘наш язык’). На русском обе языковые группы называют себя греками, а в мировой научной практике применительно к ним используется термин *понтийские греки*, по области *Πόντος* ‘Понт’, месту их изначального проживания на малоазийском побережье Черного моря. Миграция понтийских греков на обследованные нами российские территории осуществлялась в несколько этапов в XIX–XX вв. Наиболее масштабный исход с исторических земель в Малой Азии пришелся на период после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Грекоговорящие ромеи начинают заселение уголков Ставропольского и Краснодарского края России еще в XIX в., в то время как тюркоговорящие урумы изначально концентрируются в Грузии, где формируется компактная этническая зона в Цалкинском районе, а затем, уже в конце XX в., в результате социально-экономических и политических трансформаций значительная часть урумского населения осуществила вторичное переселение в Ставропольский край, преимущественно в регион Кавказских Минеральных Вод.

Экспедиционные записи велись на разных языках: греческом, турецком и русском, при этом в процессе интервью информанты сами переключались с одного языка на другой, как они привыкли делать и в процессе повседневной коммуникации. Слово «хатир» известно как ромеям, так и урумам, оно может интерпретироваться разными способами, в том числе как ритуальное поминование умерших родственников или друзей,

регламентированное определенными правилами и устойчивыми формулами поведения. Концепт «хатир» не находит прямых соответствий в культурных представлениях славянского окружения, среди которого проживают греки, и является специфическим явлением понтийской культуры. Русское население в исследованных регионах не знает о «хатире», так что можно утверждать, что греки полностью автономны в этом отношении, а само слово и сопутствующий обряд характеризуют лишь внутриобщинные взаимоотношения.

Этимология и семантическая эволюция

Греческая лексема *χατίρι* ‘уважение, одолжение’ восходит к турецкому *hatır* ‘память, уважение’, в свою очередь заимствованному из арабского *khāṭir* (حاتم) ‘сознание, память, расположение, настроение’ (Nişanyan Sözlük). Первоначально в турецком языке слово имело общее значение «память, уважение», но в различных региональных и этнокультурных традициях оно претерпело заметную семантическую эволюцию. В «Турецко-русском словаре» для *hatır*¹ фиксируются значения ‘память’, ‘уважение, почтительное отношение, почтение’ (Турецко-русский словарь 1977: 391). По мнению И. Козеры-Славомирской, в современном турецком языке лексема *hatır* ‘память, уважение’ и производный от нее глагол *hatırlamak* ‘помнить’ составляют ядро концепта «память²» (Kozera-Slawomirska 2024: 30).

1 Примечательно, что в турецком языке существует большое словообразовательное гнездо с этим же корнем: *hatıra* ‘память, воспоминание’, *hatıralık* ‘памятный подарок, сувенир’, *hatırat* ‘воспоминания, мемуары’, *hatırlamak* ‘помнить, вспоминать’, *hatırlatma* ‘предупредительный’, *hatırlatmak* ‘заставлять вспомнить, напоминать’, *hatırlı* ‘уважаемый, почетный, влиятельный, авторитетный’, *hatırmalı* ‘обиженный, с обидой в душе’, *hatırnevaz*, *hatırçınaz* ‘оказывающий уважение, уважительный, услужливый, любезный, предупредительный, вежливый’, *hatırşinasane* ‘любезно, учтиво, деликатно’, *hatırşinaslık* ‘уважительность, любезность, предупредительность, вежливость, обходительность’ (Турецко-русский словарь 1977: 391).

2 Помимо этих двух лексем, И. Козера-Славомирска приводит множество устойчивых выражений со значением ‘помнить’ (*hatırda tutmak* ‘держать в памяти’, *hatırında olmak* ‘помнить, не забывать’, *hatırından uzak tutmamak* ‘то же’, *hatırından çıkmamak* ‘не забывать’), ‘запомнить’ (*hatırında kalmak* ‘остаться в памяти, держать в памяти, запомниться’), ‘вспомнить’ (*hatırına gelmek* ‘прийти на ум, вспомниться’), *hatırından geçmek* ‘припомнить, вспомнить’, *hatırına getirmek* ‘припомнить, вызывать в памяти, напоминать’), ‘забыть’ (*hatırından geçmemek* ‘не приходить в голову’, *hatırından çıkarmak* ‘забыть, не помнить’, *hatırından çıkmak* ‘вылететь из головы’) и др. (Kozera-Slawomirska 2024: 33–34).

В современном греческом языке лексема *χατίρι*³ имеет значения ‘удовлетворение желания, милость, уважение’ (Χρηστικό Λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας), а также ‘быть предвзятым’, например, в контексте *πέρασε την τάξη με χατίρι* «он перешел в другой класс по милости (учителя), незаслуженно» (Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής). Поскольку словари не всегда фиксируют все оттенки значений, приведем цитату из интервью с носителем стандартного новогреческого языка⁴:

Η λέξη χατίρι έχει τρεις μάλλον σημασίες. Η πρώτη και η βασική της σημασία είναι αντίστοιχη με την ρωσική λέξη *одолжение*. Παράδειγμα: Κάνε μου σε παρακαλώ ένα χατίρι, πάρε αυτό και δώσ’ το εκεί! Η δεύτερη έχει σημασία *исключительно ради тебя* – για το χατίρι σου μόνο! Δε θα το έκανα αυτό, αλλά για το χατίρι σου μόνο το κάνω. Και η τρίτη είναι... αρνητικό, λέμε «δε θα σου κάνω το χατίρι!», με την έννοια «δε θα περάσει το δικό σου!» «Όχι, δε θα σου κάνω το χατίρι! Не будет так, как хочешь ты!» Υπάρχει και μια άλλη έκφραση, αλλά έχει σχέση με το επίρρημα, λέμε «χατιρικά». «Αυτός πέρασε την τάξη χατιρικά», το есть по блату (ЯДА, м., 1960 г. р., г. Афины, зап. г. Москва).

Слово *χατίρι* имеет, скорее всего, три значения. Первое и основное значение соответствует русскому слову *одолжение*. Пример: «Сделай мне, пожалуйста, одолжение – возьми это и отнеси туда!» Второе значение – «исключительно ради тебя». Например: «Я бы этого не сделал, но только ради тебя делаю». И третье – отрицательное: мы говорим «δε θα σου κάνω το χατίρι!» – в смысле «не будет по-твоему». Например: «Нет, я тебе не сделаю это одолжение! Не будет так, как хочешь ты!» Есть ещё одно выражение, но оно связано с наречием, – мы говорим *χατιρικά*. Например: «Он перешёл в следующий класс *χατιρικά*», то есть по блату.

В понтийском диалекте греческого языка и в урумском варианте турецкого лексема *hatır / χατίρ'* приобрела дополнительные оттенки значений, выходящие за рамки стандартной семантики. По данным наших полевых исследований у лексемы выделяются следующие значения:

3 Словообразовательное гнездо от этого корня в новогреческом языке сравнительно небольшое: *χατιρικός* ‘услужливый, сделанный в виде одолжения’, *χατириκá* ‘щедро, в виде одолжения’ (Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής).

4 Здесь и далее расшифрованные тексты интервью с информантами приводятся на том языке, на котором они были записаны. Все греческие тексты и лексемы дублируются заключенным в квадратные скобки переводом на русский язык, выполненным автором статьи.

1. В повседневной речи *hatir / χατίρ'* – ‘уважение, одолжение, услуга, каприз’. Употребляется преимущественно в устойчивых коллокациях: *κάνω / εντάγω το χατίρ(i)* ‘делать одолжение’, (*δεν*) *χαλ(v)άω το χατίρ(i)* ‘(не) отказывать в одолжении’, *για το χατίρ(i) εσόν / εμόν* ‘ради твоего / моего каприза’ и др. Эти значения подтверждаются данными печатных словарей (Хатζόпулос, Иоакимиду: 233; Νικοπολιτίδης: 901) и совпадают с данными новогреческого литературного языка. При этом в словаре Хадзопулоса и Иоакимиду приводятся однокоренные слова *χατιρλής* ‘почтенный, уважаемый’, *χατιρσοπαιζαίνα* ‘почтенная, уважаемая’ и дается пример использования лексемы: *Ξάι χατίρ' κ' εχ'* ‘*ς σο χωρίον* «Его в деревне совсем не уважают» и поговорка: «*Αν 'κ' εχ'* о *σκύλον χατίρ'*, о *σαστής ατ' εχ'*» «Если у собаки нет уважения, оно есть у ее хозяина» (Хатζόпулос, Иоакимиду: 233). В «Русско-понтийском словаре» Д. И. Зимова в лемме «уважение» приводится соответствие *χατίρ'* и мн. *χατίρα* с примерами: меня уважают – *έχω χατίρ'* / я его уважаю (я исполняю его желания) *εντάγω (χτίζω) το χατίρν ατ'* / удовлетворять желание – *χτίζω χατίρ'* (Зимов 2022: 359).

По свидетельствам наших информантов, это слово активно используется и по сей день:

У нас вот это вот слово, оно произносится как, вот, желание, вот если я что-нибудь прошу или, там, говорю, давайте пойдём туда, а ты говоришь – нет, я хочу туда идти. У нас: *Κι χαλάνω το χατίρι σ'*. *Πώς λες, αρέτο' πα εν* [Не буду тебе отказывать в одолжении. Вот как говоришь, так и есть]. Мне кажется, оно ещё чуть-чуть как бы в иронической, что ли, форме. И в то же время как бы остаёшься при своём мнении. (Соб.: Как одолжение делаешь.) Да, как одолжение (ВЛЧ, м., 1950 г. р., с. Греческое, зап. г. Краснодар).

Вот мы иногда говорим: «*Κι χαλάνω το χατίρι σ'*». Не... разрушу твои надежды. Ну, не надежды... желания. Или говорим иногда: «*Χατίρ' τ' εσόν εφτάγω ατό*». Ради тебя сделаю это. Как-то так (BBC, м., 1967 г. р., г. Ессентуки, зап. г. Краснодар).

2. «Хатир» в контексте понтийского похоронно-поминального обряда. В народной традиции лексема может использоваться в контексте похоронно-поминального обряда, в этом случае «хатир» – либо акт выражения соболезнований родственникам умершего теми, кто не смог присутствовать на похоронах; либо часть общего поминального обряда, в этом случае на «хатир» ходят все родственники

и друзья умершего, вне зависимости от их присутствия на похоронах. Дополнительное значение появляется в контексте свадебного обряда, где «хатир» – либо ритуал испрашивания согласия у соблюдающих траур родственников умершего на организацию свадьбы, либо ритуал демонстрации уважения к умершим предкам жениха и невесты, проводившийся на кладбище.

Сам обряд дословно называется «хатир» или «получение хатира» (понт. *χατιρόπαρμαν* / *χατιρέπαρμαν* ‘получение уважения, уважение’, или (πάω) со *χατιρόπαρμαν* ‘иду на получение хатира’; тюрк. *hatır alma* ‘получение уважения’ или *hatır almaya gidiyom* ‘иду на получение хатира’), а ритуальное действие обозначается через устойчивое выражение с буквальным значением «брать / получать хатир» (понт. *παίρω χατήρ*, тур. *hatır almak*⁵). В с. Цихисджвари (Грузия), где проживает грекоговорящее население, бытует также сложносоставное слово *χατιραβλαζμან* ‘исправление хатира’ (от *χατήρ* ‘уважение’ и *აბლაჟი* ‘просить, искать’).

Весь комплекс значений лексемы *hatır* / *χατήρ*, связанных с похоронно-поминальной обрядностью, фиксируется только в одной локальной традиции – в регионах проживания понтийских греков; при этом грекоговорящие греки-ромеи и тюркоговорящие греки-урумы демонстрируют завидное единство, в то время как в остальных местах широкого греческого мира лексема известна только в общем значении «одолжение, уважение», не имеющем связи с ритуальными поминальными практиками.

2.1. «Хатир» как выражение соболезнований. Практика «хатир» как способа выражения соболезнований особенно ярко проявляется в речи и поведении понтийских греков Закавказья и Северного Кавказа. Употребление этой лексемы в ритуальном контексте фиксирует не просто жест сострадания, но и восстановление социальной связи между семьей умершего и остальной общиной, демонстрацию уважения к покойному и членам его семьи:

5 Подобные словообразовательные модели с компонентом в виде глагола со значением ‘брать, получать’ (понт. *παίρω*, тур. *almak*) и существительного в целом характерны для понтийской обрядовой терминологии, при этом в греческом и турецком внутренняя форма этих конструкций полностью совпадает: pont. *παίρω λόγου* / тур. *söz almak* ‘совершать уговор о помолвке’, дословно «брать слово», и пр. Также распространены отглагольные существительные, объединяющие эти два компонента (понт. *λογόπαρμαν* / тур. *söz almaya* ‘уговор о помолвке’, дословно «получение слова»; pont. *νυφόπαρμαν* / тур. *gelin almaya* ‘выкуп невесты (как часть свадебного обряда)’, дословно «получение невесты» и пр. (Подробнее о лексике понтийского свадебного обряда см.: Климова, Никитина, Пелевинова 2024: 16–17.)

У нас, у цалкинских греков, что такое хатыр? Точного перевода нет, в переводе с турецкого это означает наличие авторитета, [...] уважение, отдать дань уважения. И [...] именно в контексте поминок, когда человек покидает этот бренный мир наш, мы обязаны прийти и выразить свое уважение и почтение его семье. Именно семье, не ему. Ему мы отдаём дань уважения, когда приходим проводить в последний путь. Но обязательно мы должны прийти к его семье, показать, что мы с ними рядом, мы уважаем именно семью ушедшего. Ну, и у нас в традиции... это уже, наверное, какие-то суеверия... уделяется много внимания каким-то мелочам. Уход близкого из дома – это горечь, а ты должен прийти со сладким, чтобы несколько эту горечь, так сказать, завуалировать. Обязательно мы несём в дом конфеты и сладкое вино. Это непременно. (Соб.: Не водку?) Нет. В принципе у нас, у цалкинских греков, по крайней мере в моей деревне, и не поминали. Это пришло уже с цивилизацией. Это было вино, тогда и покупного вина-то и не было, это было домашнее вино, поминали только вином (МПЛ, ж., 1969 г. р., с. Ахалык (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Некоторые информанты отмечают, что на «хатир» могут приходить все родственники, соседи и знакомые в течение сорокадневного траурного периода.

Ходят в течение 40 дней, каждый день после похорон, обычно берут с собой бутылку вина или бутылку водки и идут. В первые дни обычно ходят близкие родственники, а потом все знакомые, кумовья... (BBC, м., 1967 г. р., г. Ессентуки, зап. г. Ессентуки).

После поминок идут *σο χατιραβλάζμαν* [на «испрашивание хатира】. В течение сорока дней идут со своими... как соболезнованиями. [...] В течение сорока дней, как похоронили. (Соб.: А кто ходит на «хатир-равляема»?) Фактически ходят и соседи, и родственники, и знакомые. Кто пожелает. До сорока дней родные не должны готовить, а кормят их соседи. Приходят с едой. (Соб.: А водку несут?) Вино. (КМХ, ж., 1946 г. р., с. Цихисджвари (Грузия), зап. г. Краснодар).

Согласно другим свидетельствам, на «хатир» приходили только те, кто не смог присутствовать на похоронах и поминках:

(Соб.: Вот ходили только в день после похорон или могли в другие дни тоже приходить?) Нет, именно в похоронах, в этот день вечером

приходили к ним, посидели там, а в результате там уже чай поставили. (Соб.: Ну а если, например, человека какого-нибудь долго не было в селе, и он вернулся, и вот узнал, что там умер кто-то, он мог прийти потом?) Конечно, конечно, это да. (Соб.: Это тоже, да, хатир? Пáш со җатíр? [Иду на хатир]). Да, пáш со җатíр, может быть, да (ВИК, м., 1959 г. р., с. Мерчанское, зап. с. Мерчанское).

Вот здесь, во Владикавказе, было принято, что на следующий день очень многие шли в эту семью, оказать, так сказать, почтение, но моя мама рассказывала – я сама отсюда (Краснодарский край. – К. К.), а во Владикавказе я с этим столкнулась – когда я у мамы спросила, она говорит, почему у вас, говорит, так ходят? У нас, говорит, кто пришёл на похороны – выразили соболезнования. На следующий день идут те, кто был в отъезде, не успел попрощаться (НКД, ж., 1956 г. р., Карагату, Казахстан, зап. г. Краснодар).

А вечером [...] накрывают, приходят «со хатир». Кто-то не слышал, не мог прийти на похороны, не знал, не пришёл, он может до сорока дней спокойно в этот дом прийти и выразить свое соболезнование. [...] Приходили с бутылкой водки почему-то. И сейчас ходят с бутылкой водки (ПАН, ж., 1958 г. р., Владикавказ, зап. г. Владикавказ).

А в целом приходили те люди, кто на поминках не был. Отдельно уже. Кто, например, не смог посетить. Если я не смог, не попал на похороны, приехал в эту деревню, конечно, это тоже хатиропарман. Если я человека не уважал, я бы не пришёл. Это все хатиропарман (ИКЛ, ж., 1958 г. р., с. Ирага (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Лексема *җатирóпарман* со значением ‘посещение с целью выразить соболезнования’ зафиксирована также в словаре Хадзопулоса-Иоакимиду (Хατζόπουλος, Ιωακείδηον: 233), а в «Русско-понтийском словаре» Д. И. Зимова в лемме «соболезновать» приводится только один вариант перевода – *πάρω το җатíр'* ‘брать хатир’ (Зимов 2022: 323).

У греков-туркофонов для выражения соболезнований используется еще одна синонимичная конструкция, характерная и для литературного турецкого языка, – *baş sağlıyı* ‘соболезнования’:

(Соб.: А про хатыр как говорят?) *Hatır almaya*. (Соб.: Hatır almak?) Да... Да... Ещё по-другому этот обычай называется, ну, так

как мы туркоговорящие, ещё называлось *baş sağlıyi*. Ну, как вот «здравие головы». Такое вот, «о здравии головы». Потому что головы уже нет, кто-то другой назначается головой. (Соб.: То есть это говорят «о здравии головы», если умер глава семьи? А если умер не глава семьи, так не говорят?) Тоже так говорят, но в каждом случае индивидуально рассматривается, [...] *baş sağlıyi, sağlıyi* – это «здравие». Я думаю, что в данном случае мы рассматриваем как главу семьи, а если в контексте просто обычая, *baş*, наверное, рассматривается просто как живая «единица человека», «голова живая» (МПЛ, ж., 1969 г. р., с. Ахалык (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

2.2. «Хатир» как часть свадебного обряда. Интересный пласт значений *хатир* раскрывается в свадебной обрядности pontийцев, когда в общине одновременно или почти одновременно происходили радостные и траурные события⁶. Перед свадьбой необходимо было получить разрешение на нее в те дни, когда кто-то в селе соблюдал траур. Для этого старшие родственники со стороны жениха и невесты отправлялись в гости к тому, у кого в семье держали траур, приносили с собой бутылку вина или водки и просили одобрения на проведение свадьбы. Данный обряд исполнялся в качестве жеста сострадания и уважения к чужому несчастью, поэтому отказ от его соблюдения мог считаться оскорблением.

Если у кого-то случилось горе такое, не дай бог, а у кого-то намечалась свадьба [...]. Приходили в эту семью, ну, как бы просили их простить, что у них вот такое радостное событие, и, если они разрешали, делали свадьбу. (Соб.: И это тоже хатир?) Да, это тоже хатир. [...] Да-да, и это тоже у нас было. Мы шли на поклон. Ну, не мы, а семья. [...] Ну, мы не просили, а говорили, что вот, у нас в семье вот такое событие, а те говорили, что делайте. Хатир – это и авторитет, и почтение, и уважение, какого-то дословного перевода нет, какой-то собирательный (МПЛ, ж., 1969 г. р., с. Ахалык (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

⁶ В таких случаях использовалась характерная pontийская поговорка «Ο Χάρον και η χαρά αντάμα πάνε» [Харон (смерть) и радость (свадьба) идут вместе], где Харон – восходящий к античному Харону персонаж современной греческой народной демонологии, персонификация смерти, а лексема *χαρά* имеет два значения: ‘радость’ и ‘свадьба’.

Допустим, в деревне все родственники собрались играть свадьбу. А у кого-то там человек умер недавно. Недавно даже. Там даже в нашей деревне были все родственники. Вот, бывало, что даже умер кто-то последний, кто умер, надо к ним пойти на *va páme so ხატიროლარца* [идем на «получение хатира】]. [...] Уважение к ним. Мы играем свадьбу, а у них были похороны. [...] Я пришёл. У кого-то, допустим, умер. А мы идём с уважением просить прощения. Мы пришли. Уважили вас. Мы собираемся играть свадьбу. Соответственно, они скажут... Это уже они с уважением... Мы с уважением... Идем к ним с уважением... (ИКЛ, ж., 1958 г. р., с. Ирага (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Жених и невеста или их родственники также могли посетить кладбище перед свадьбой, если у кого-то из них прошел год после смерти близкого, либо жених посещал кладбище с музыкантами и кумом перед тем, как идти забирать невесту. В этом случае подходили к могиле умерших родственников, чтобы «навестить» покойников и ритуальным образом попросить у них прощения за то, что они готовятся к радостному событию.

И обязательно идут молодые. Перед свадьбой идут на кладбище. Это тоже «хатиравляеман». Это разрешение на свадьбу. То есть как они идут на кладбище? [...] На кладбище вот то, что мы говорили, перед свадьбой идут. «Хатиравляеман». Это идут жених и невеста на кладбище. Не обязательно жених и невеста. (Соб.: А кто?) Родственники. Кому поручат родители, идут туда. [...] Идут к могиле родных и говорят *va σχωράτε μας, ἔχουμε χαράν* [простите нас, у нас свадьба] (КМХ, ж., 1946 г. р., с. Цихисджвари (Грузия), зап. г. Краснодар).

Ритуальная коммуникация в контексте похоронно-поминального обряда «хатир»

В традиционной культуре pontийских греков *хатир* функционирует как инструмент ритуальной коммуникации, то есть как вербальный и поведенческий акт, направленный на восстановление или сохранение социальных связей в контексте жизненных переходов – смерти, траура, брака и т. д. Ритуальная коммуникация в контексте похоронно-поминального обряда «хатир» выполняет интегративную, трансформационную и психотерапевтическую функции.

«Хатиропарман»... вот, например, умер человек. Умер человек, и после смерти родственниками мы собирались в фамилию⁷ на «хатиропарман». Идём как бы уважение к этой семье... оказать. Да, оказать в семье «хатиропарман». (Соб.: Как делали «хатиропарман?») Именно что делали? Как шли? С чем шли? Что-то с собой несли? Водку? Вино? Сладкое?) Вино может быть, пирог, это что-то пекли, там что-то такое. Но водку, по-моему, нельзя было. [...] Водку не ставили, только вино можно было. Может быть, хозяева и могли ставить, но с водкой, по-моему, не ходили. (Соб.: Вот когда приходили, что говорили? Заходили, что-то говорили же?) Нет, по-моему, ничего не говорили, просто садились и начинали, этот «хатиропарман» делали в плане того, что отвлечь человека от тяжелых мыслей [...] Когда уже садятся и тосты какие-то идут. (Соб.: Ну вот какие-то фразы устойчивые, помните, что могли говорить?) То есть να συχωρά ατόν, να συχωρά ατόν, να συχωρά τον αποθαμένον [(бог) простит его, простит умершего], а больше такие, что та χώματά να ‘ναι λαφρά [пусть земля будет ему легкой]. [...] Ναι, ναι, та χώματά να ‘ναι λαφρά, να ευρεί κακές καλόν τόπον [Да-да, пусть земля будет ему легкой, пусть найдет там хорошее место], вот такое, να συχωρά [пусть простит]. [...] Να ρούς’ εκές σ’ σον καλόν τόπον [Пусть упадет он там в хорошее место] (ИКЛ, ж., 1958 г. р., с. Ирага (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Этнолингвистический анализ позволил выделить следующие ключевые аспекты практики ритуальной коммуникации в обряде «хатир»:

1) элементы вербального кода: формулы выражения соболезнования (*Αἰωνία η μνήμη!* (Вечная память!), *Τα χώματά να ‘ναι λαφρά!* (Земля ему пусть будет легкой!), *Καλόν Παράδεισον!* (Хорошего рая! (ср. Царствие небесное!)), *Να ἔχετε υπομονήν!* (Пусть будет у вас терпение!), *Ο Θεγός να δίει σας υπομονήν!* (Пусть Бог даст вам терпение!)); замена имени умершего на конструкции типа *αποθαμένος* ‘умерший’ / *αποθαμέντζα* ‘умершая’, *σχωρεμένος* ‘умерший, покойный’ / *σχωρεμέντζα* ‘умершая, покойная’, *μακαρίτης* ‘покойник’ / *μακαρίτισσα* ‘покойница’;

2) элементы предметного кода: сладости и напитки (водка, вино), отрез черной ткани для пошива траурного платья, деньги (знак поддержки и солидарности), которые зачастую преподносят ритуальным способом – на подносе; полевые материалы показывают,

⁷ Словом «фамилия» в среде pontийских греков обозначается семья в широком смысле слова.

что *хатир* – это еще и сообщение в форме утешительного дара: привести алкоголь, сладости, хлеб, деньги означает вступить в ритуальный диалог, выразить соболезнования, эмпатию;

3) акциональный код обряда: посещение дома родственников / посещение кладбища молодоженами, ритуальное дарение (напитки ставят на стол, деньги передают в конверте), ритуальное испрашивание разрешения на свадьбу или крестины у соблюдающих траур родственников или соседей.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что понятие «*хатир*» в культуре pontийских греков Закавказья и Северного Кавказа представляет собой уникальный пример лексико-ритуальной трансформации, возникающей в условиях длительного межкультурного взаимодействия. Слово, имеющее тюркское происхождение и бытовое значение «память», «расположение», «уважение», в pontийском контексте приобретает дополнительную ритуально-коммуникативную функцию, становясь важным элементом погребальной и свадебной обрядности.

Лексемой *χατίρ’ / hatir* в системе похоронно-поминальной и свадебной обрядности pontийских греков обозначается большой комплекс специфических понятий. При этом внутри pontийской культурной общности лексема обрела уникальные значения, нехарактерные для остальных греческих диалектных зон.

Во-первых, в повседневной речи *χατίρ’ / hatir* означает ‘уважение, одолжение, услуга, каприз’ и употребляется преимущественно в устойчивых коллокациях: *κάνω / εφτάγω το χατίρ(i)* ‘делать одолжение’, *(δεν) χαλ(v)άω το χατίρ(i)* ‘(не) отказать в одолжении’, *για το χατίρ(i) εσόν / εμόν* ‘ради тебя / меня’. Эти значения, зафиксированные нами в ходе полевых обследований pontийских греков, совпадают с новогреческим литературным языком.

Во-вторых, в ритуальной культуре *χατίρ’ / hatir* может использоваться в разных контекстах: 1) в контексте собственно похоронно-поминального обряда «*хатир*» фиксируется как особая форма ритуального уважения, направленная прежде всего не на умершего, а на его семью и род, таким образом, «*хатир*» – это выражение соболезнований родственникам умершего либо со стороны тех, кто не смог присутствовать на похоронах, либо как часть общего поминального обряда (в тех случаях, когда на «*хатир*» ходят все родственники и друзья умершего вне зависимости от того, были ли они на похоронах); 2) в контексте

свадебного обряда – как ритуал испрашивания согласия или одобрения у соблюдающих траур родственников умершего на организацию праздничного мероприятия, то есть свадьбы, либо как ритуал оказания чести, демонстрацииуважения к умершим предкам жениха и невесты, проводившийся на кладбище.

Ритуализированное использование лексемы *hatir / χatíρ'* всегда сопряжено с похоронно-поминальным обрядом. Весь комплекс значений, связанных с похоронно-поминальной обрядностью, фиксируется только в одной локальной традиции – в регионах проживания pontийских греков, при этом грекоговорящие греки-ромеи и тюркоговорящие греки-урумы демонстрируют завидное единство. Для обеих групп ритуал «хатир» выступает важнейшей формой воспроизведения культурных ценностей, объединяющей коллективные представления о смерти, памяти и социальной солидарности.

Представления о «хатире» отражают устойчивые модели социального поведения в среде pontийских греков, он является важным маркером этнической идентичности. Ритуал исполняется по сей день в местах компактного проживания греков на территории России, хотя многие информанты отмечают, что в настоящее время он исполняется уже не так регулярно, как раньше, поскольку члены общины переезжают из сельской местности в большие города, что затрудняет повседневную коммуникацию. К сожалению, подробное описание обряда «хатир» сейчас могут дать только представители старшего и – гораздо реже – среднего поколения, в то время как молодежь, даже если и говорит на родном языке, знает только самое первое значение слова ‘уважение, одолжение’ и может вспомнить контексты из популярных песен, но не ассоциирует лексему с похоронно-поминальной обрядностью. Дальнейшее изучение этого элемента обрядовой культуры позволит глубже понять процессы этнокультурных трансформаций pontийской общины в современном мире, выявить внутренние механизмы адаптации традиционной обрядности к современным социальным условиям и проследить, каким образом происходит языковая и культурная репрезентация концептов уважения, памяти и солидарности.

Источники и литература

Баскаков А. Н., Голубева Н. П., Кямилева А. А., Любимов К. М., Салимзянова Ф. А., Юсипова Р. Р. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 968 с.

Зимов Д. И. Русско-понтийский словарь. Пятигорск: ИП Кобызев, 2022. 400 с.

Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4

Климова К. А., Никитина И. О., Пелевинова М. В. Особенности семейной обрядности греков России: родины, свадьба, похороны (по материалам этнолингвистических экспедиций 2022–2024 гг.) // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2024. № 18. С. 9–31. DOI: 10.52607/26587157_2024_18_9

Kozera-Sławomirska I. Концепт ПАМЯТЬ в русско-турецком сравнительном аспекте // Językoznawstwo. 2024. № 2 (21). С. 27–38. DOI: 10.25312/j.8646

Nişanyan Sözlük. URL: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/hat%C4%B1rl1> (дата обращения: 09.08.2025).

Vassiliou V. G., Vassiliou G. The Implicative Meaning of the Greek Concept of Philotimo // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1973. Vol. 4. № 3. P. 369–378. DOI: 10.1177/002202217300400305

Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής / Ιδρυμα Μ. Τριανταφυλλίδη, Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?dq=&lq=%CF%87%CE%B1%CF%84%CE%AF%CF%81%CE%B9 (дата обращения: 09.08.2025).

Νικολοπολίτης Δ. Λεξικό της Ποντιακής Διαλέκτου. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2011. 951 σ.

Χατζόπουλος Γ. Κ., Ιωακειμίδου Π. Ζ. Χρηστικό λεξικό. Δάνειες λέξεις στην ποντιακή διάλεκτο. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2022. 272 σ.

Χρηστικό Λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας / Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας. URL: https://dictionaries.greeklanguage.gr/index.php?chronoform=ShowLima&limaID=18099&option=com_chronoforms5 (дата обращения: 09.08.2025).

References

Baskakov, A. N., et al. *Turetsko-russkii slovar'*. Moscow: Russkii iazyk, 1977, 967 p.

Chatzopoulos, G. K., Ioakeimidou, P. Z. *Christiko lexiko. Daneies lexeis sti pontiaki dialektos*. Thessaloniki: Malliaris Paideia, 2022, 272 p.

Christiko Lexiko tis Neoellinikis Glossas. Kentro Ellinikis Glossas. URL: https://dictionaries.greeklanguage.gr/index.php?chronoform=ShowLima&limaID=18099&option=com_chronoforms5 (accessed: 09.08.2025).

Klimova, K. A., Nikitina, I. O. "Traditsionnaia kul'tura romeev i urumov (po materialam etnolingvisticheskoi ekspeditsii k grekam Kavkazskikh Mineral'nykh Vod)." *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 3–4, pp. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4

Klimova, K. A., Nikitina, I. O., Pelevinova, M. V. "Osobennosti semeinoi obriadnosti grekov Rossii: rodiny, svad'ba, pokhorony (po materialam etnolingvisticheskikh ekspeditsii 2022–2024 gg.)." *Kafedra vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii*, 2024, No 18, pp. 9–31. DOI: 10.52607/26587157_2024_18_9

Kozera-Sławomirska, I. "Kontsept PAMIAT' v russko-turetskom sravnitel'nom aspekte." *Językoznawstwo*, 2024, vol. 2, No 21, pp. 27–38. DOI: 10.25312/j.8646

Lexiko tis Koinis Neoellinikis. Idryma M. Triantafyllidi, Kentro Ellēnikēs Glōssas. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?dq=&lq=%CF%87%CE%B1%CF%84%CE%AF%CF%81%CE%B9 (accessed: 09.08.2025).

Nikopolitis, D. *Lexiko tis Pontiakis Dialetkou*. Thessaloniki: Ekdotikos Oikos Adelfon Kyriakidi, 2011, 951 p.

Nişanyan Sözlük. URL: Nisanyansozluk.com. <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/hat%C4%B1rl> (accessed: 09.08.2025).

Vassiliou, V. G., Vassiliou, G. "The Implicative Meaning of the Greek Concept of Philotimo." *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1973, vol. 4, No 3, pp. 369–378. DOI: 10.1177/002202217300400305

Zimov, D. I. *Russko-pontiiskii slovar'*. Piatigorsk: IP Kobyzev, 2022, 400 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.08

K. A. Klimova

The Tradition of *Hatir* in the Funerary and Commemorative Rites of the Pontic Greeks of Russia: Semantics, Ritual Functions, and Ethnocultural Parallels

Ksenia A. Klimova

Candidate of Letters, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Citation

Klimova K. A. The Tradition of *Hatir* in the Funerary and Commemorative Rites of the Pontic Greeks of Russia: Semantics, Ritual Functions, and Ethnocultural Parallels // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 168–184 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.08

Received: 11.08.2025.

Revised: 12.08.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00484-II, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-P/>.

Abstract

The article examines the complex semantics of the word “*khatir*” (‘memory’, ‘respect’, ‘favor’, ‘condolences’; Turk. *hatır*, Pontic *χατίρ*) and its conceptualization within the funeral, memorial, and wedding rites of the Pontic Greeks in Russia. Based on field materials collected in Greek communities across Georgia, the North Caucasus, and Krasnodar Krai, the study analyzes the semantic transformation of the term from its original everyday meanings of “respect” and “favor” into a specialized ritual term within the context of funeral and memorial practices. Particular attention is paid to the functioning of “*khatir*” as a complex element of ritual communication, encompassing not only verbal formulas for expressing condolences to the bereaved family but also a set of ritual actions, a material code (symbolic gifts, mourning attributes), and strict behavioral prescriptions. The paper details three primary ritual contexts for the realization of the “*khatir*” concept: an act of expressing condolences to the family of the deceased, a mechanism for seeking permission to hold a wedding during a period of mourning, and a practice of demonstrating respect for ancestors at the cemetery. The study emphasizes the unique nature of this rite, which developed under conditions of prolonged intercultural interaction among Greek, Turkic, and Caucasian populations. “*Khatir*” is presented as a key marker of the ethnic identity of the Pontic Greeks, serving as a unifying factor for both Hellenophone-Romaioi and Turkophone-Urum communities.

Keywords

Pontic Greeks, hatır, funerary and commemorative rites, ritual vocabulary, language borrowings, ethnolinguistics, intercultural interaction.

УДК 821.162.3
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

A. V. Грасько

Изображение коммунистической стройки в романе И. Вайля «Деревянная ложка»

Грасько Анна Васильевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Цитирование

Грасько А. В. Изображение коммунистической стройки в романе И. Вайля «Деревянная ложка» // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 185–203. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

Статья поступила в редакцию 01.08.2025.

Рецензирование завершено 10.09.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Впервые вводится в российский научный оборот роман чешского писателя и публициста Иржи Вайля (1900–1959) «Деревянная ложка» (1937), где главной темой и местом действия становится стройка медеплавильного комбината на озере Балхаш – Балхашстрой. Масштабное коммунистическое строительство Вайль старается оценить человеческой меркой – изобразить сквозь призму жизненных судеб четырех персонажей, каждый из которых представляет собой определенный типаж: оказавшиеся в ссылке советский чиновник, чешский интеллигент-коммунист, квалифицированный рабочий-иностранец, мобилизованная на стройку комсомолка. Судьбы этих персонажей дают автору возможность показать разные стороны советского строительства – бытовые, психологические, идеино-политические. Пространство Балхашстроя осмыслиивается писателем как место суровых испытаний, где против человека оказываются и безличная государственная машина, направленная на достижение своих грандиозных целей, и природа – суровая пустыня, не приспособленная для жизни людей. Интересно, что лишенная персонификации воля государства приравнивается автором к року древнегреческих трагедий, а его антропоцентристическая позиция сближает роман «Деревянная ложка» с произведениями таких советских

писателей, как А. Платонов, Б. Пильняк, Ю. Олеша. Вместе с тем роман включает в себя не только эзистенциально-философскую оценочность, но и пафос героического строительства, преодоления природы и своего «я», и в этом соотносится с советским производственным романом 1930-х гг.

Ключевые слова

Чешская литература, Иржи Вайль, коммунистическое строительство, советские стройки первых пятилеток, СССР 1930-х гг., литература об СССР, образ советской России, Балхашстрой.

Тема коммунистического строительства является одной из центральных в публицистических и художественных текстах чешского писателя и корреспондента Иржи Вайля об СССР 1930-х гг. Она существует и в его репортажах, и в художественных романах – «Москва-граница» (1937), «Деревянная ложка» (1937). Это не удивительно – 1930-е гг. стали пиком советской индустриализации и строительного энтузиазма в обществе и отражения его в культуре: создавались промышленные гиганты в рамках первых пятилеток¹; проходила индустриализация Средней Азии; строилось московское метро; одним из главных жанров в литературе стал производственный роман², героем которого был «человек, организуемый процессами труда»³; в 1931 г. по инициативе М. Горького издавалась серия сборников «История заводов»⁴; на пяти языках выходил журнал «СССР на стройке» (1930–1949), призванный информировать мировую общественность о важнейших советских достижениях⁵. Именно эти процессы

1 За первую (1928–1932) и вторую (1933–1937) пятилетки было построено более 6 тыс. новых промышленных предприятий, были созданы новые отрасли промышленности – в том числе автомобильная, тракторная, химическая и др.

2 См. о производственном романе: Гаганова А. А. Производственный роман. Стадиальное развитие жанра. Монография. М., 2022; Земскова Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2016.

3 Из доклада М. Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 183.

4 См.: Об издании «Истории Заводов». (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 10 октября 1931 г.). Приложение № 2 к п. 52/18 пр. ПБ № 68. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 853. Л. 12. URL: <https://istmat.org/node/53693> (дата обращения: 28.08.2025).

5 См. выпуски журнала: URL: https://books.totalarch.com/magazines/ussr_in_construction?ysclid=mdem7pvdi0759004429 (дата обращения: 28.08.2025).

Вайль мог наблюдать в течение своего пребывания в СССР с лета 1933 по ноябрь 1935 г. При этом, в отличие от многих других европейских визитеров, которым показывали «витрину» советского эксперимента⁶ – образцово-показательные учреждения, стройки, тюрьмы, – Вайль имел возможность более длительного и внимательного наблюдения за советской реальностью и ее внутренними процессами: с лета 1933 г. по январь 1935 г. он работал в московском отделении Коминтерна, затем в результате «чистки» был сослан в Среднюю Азию, работал в многотиражке в чехословацком Интергельпо⁷ в Киргизии, потом, предположительно, до середины октября 1935 г. был корреспондентом на стройке медеплавильного комбината Балхашстрой в Казахстане, после чего вернулся в Москву и дальше в Чехословакию. Таким образом, во время обстоятельств Вайль провел в СССР два года, которые совпали со временем начала второй пятилетки, ему довелось наблюдать строительство метро в Москве и масштабное строительство в Средней Азии. Однако кроме строительного «жара» второй пятилетки на Вайля повеяло и отрезвляющим «холодом» – чешский писатель на своем опыте ощутил обратную сторону советской реальности 1930-х гг., связанную с нездоровой атмосферой «чисток», усилением государственной идеологической машины, функционированием исправительно-трудовых лагерей и в целом – обострением конфликта человека и государства, который вызывал скрытую полемику внутри Советского Союза и открытую – за его пределами⁸. Именно этот сложный спектр впечатлений (от веры в коммунистическое строительство

⁶ О механизмах приема иностранных гостей в СССР см.: Кулкова Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. М., 2013; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.

⁷ Кооператив Интергельпо был основан близ города Фрунзе в 1925 г. и являлся единственным откликом на резолюцию о пролетарской помощи СССР, принятую Коминтерном на IV съезде в 1922 г. и поддержанную в 1923 г. чехословацкой компартией, направившей в Советский Союз пять кооперативов. Об истории Интергельпо подробнее см.: Шульц И. Стакановцы из Европы. Почти забытая история о переселении чехословацкой коммуны в СССР // Пражский экспресс. URL: <https://www.praha-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (дата обращения: 28.08.2025); Lukáš O. Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo. Žilina, 2023; Marek J. Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu. Brno, 2020.

⁸ Так, например, широкая мировая дискуссия разгорелась после выхода критической книги А. Жида «Возвращение из СССР» (1936).

до экзистенциальных сомнений) отразился в «советских» произведениях Вайля – «Москва-граница» и «Деревянная ложка». При этом если в романе «Москва-граница» герои обладают относительной свободой и правом выбора, живут в Москве, где познают механизмы советского мироустройства, то в «Деревянной ложке» главной и сюжетообразующей становится тема стройки гиганта второй пятилетки медеплавильного комбината Балхашстроя, который как магнит притягивает людей, уже не принадлежащих себе. В данной статье речь пойдет именно об этом втором романе Вайля, где в пределах изображения топоса одной из громадных советских строек еще острее, чем в «Москве-границе», ставится проблема оценки советской действительности.

Роман «Деревянная ложка» был написан в 1937 г. вслед за «Московой-границей», однако, по словам А. Едличковой, Вайль не решился его публиковать, когда «каждое критическое слово в адрес Советского Союза могло бросить тень на государство, к которому с надеждой обращались взгляды многих в условиях наступления фашизма»⁹. В послевоенное время роман считался антисоветским, не случайно попытка его опубликовать даже в период «оттепели» в 1960-е гг. в издательстве «Чехословацкий писатель» (*Československý spisovatel*) не увенчалась успехом. Первая его публикация состоялась в Италии в 1970 г., затем в 1977 и 1980 гг. в самиздате в издательствах «Кварт» (*Kvart*) и «Экспедице» (*Expedice*). Официально в Чехии роман вышел только в 1992 г. с комментарием Я. Вишковой и обширной рецензией литературоведа А. Едличковой.

По своей литературной специфике роман сочетает в себе документальное и художественное начало и является отражением реальных впечатлений Вайля от пребывания в Средней Азии: кроме Балхашстроя, в нем есть описание Турксиба и движения по нему, суровой азиатской природы, города Алма-Ата, чехословацкой коммуны Интергельпо. Пребывание писателя непосредственно на Балхашстрое подвергается сомнению некоторыми чешскими исследователями, поскольку его не подтверждают архивные данные, нет также и газетных репортажей Вайля об этой стройке. Однако свидетельством того, что Вайль все же работал на Балхашстрое в качестве корреспондента (вероятно, с августа по октябрь 1935 г.), является его анкета, приведенная в мемуарах Я. Вондрачковой: «В колонии [Интергельпо. – A. Г.] я работал в редакции “многотиражки”, а затем корреспондентом на Балхаше»¹⁰.

⁹ Jedličková A. Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí // Weil J. Dřevěná lžíce. Praha, 1992. S. 199.

¹⁰ Vondračková S. Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi). Praha, 2014. S. 46.

Так или иначе, само строительство медеплавильного комбината на Балхаше является историческим фактом, это действительно была одна из масштабных строек второй пятилетки. Упоминание о ней есть в журнале «СССР на стройке» в номере, посвященном строительству в Казахстане (№ 11, 1935), а в 1963 г. была опубликована целая документальная книга о строительстве на Балхаше – «Медный гигант», где автор Л. А. Пинегина так обозначает его значимость: «Балхаш явился ключом к разрешению важнейшей для страны проблемы. Стране нужна была медь. Об остроте проблемы можно судить по тому, что В. И. Ленин в 1920 году писал Г. М. Кржижановскому о необходимости начать со сбора колоколов, медных ручек и чайников, чтобы затем перейти к созданию медеплавильных гигантов. Этот путь, указанный Лениным, и проделала наша страна. А создание Балхашского горнometаллургического комбината – одна из наиболее примечательных вех на этом пути»¹¹. Таким образом, в своем романе Вайль показал одну из самых крупных строек второй пятилетки, на которую советское правительство не жалело средств¹².

Сравнивая художественный текст Вайля с книгой «Медный гигант», можно также сказать, что все реалии, изображенные Вайлем, находят в ней отражение в разделе о «подготовительном» этапе стройки, завершившемся в 1935 г.: это проблемы водоснабжения, электрификации, дефицит продовольствия, связанный с отсутствием железной дороги и непроходимостью пустыни, цинга, свирепствующая зимой, напряженное ожидание сдачи ветки Караганда – Балхаш, которая должна решить проблему снабжения и соединить Балхашстрой с Коунрадским месторождением, мобилизация рабочих для помощи строительству, привлечение к стройке киргизского и казахского населения, приезд комиссии представителей Наркомтяжпрома СССР. Какие-то из этих фактов, по-видимому, Вайль знал и видел лично, о каких-то читал, о каких-то слышал от других – все это переплетается в «Деревянной ложке» в единый авторский текст и становится частью художественного мира, через который просвечивает документальная

11 Пинегина Л. А. Медный гигант: Ист. очерк [о Балхашском горнometаллургич. комбинате] / Акад. наук Каз. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1963. С. 4.

12 См: Там же. С. 44: «Союзное правительство отпускало на строительство основных промышленных объектов Балхашского комбината громадные капиталовложения. Если с начала работ, с 1929 года, до 1 января 1935 года на строительстве было освоено 149 миллионов рублей, то ассигнования на один только 1935 год составили 70 миллионов, а на 1936 год – около 130 миллионов рублей».

основа. При этом строительство, развернутое посреди пустыни, приобретает и символический характер – это пространство, враждебное человеку, связанное с тяжелыми испытаниями.

Изнутри стройка воспринимается героями как хаотическое пространство, не до конца реальное: «Небо без облаков над лагерем, песчаные берега, далекая гладь соленого озера Балхаш. Копошение людей, нелепое и лихорадочное беганье без цели. Скрип несмазанных колес тачек, ритмичное пыхтение грейферов, медленное падение песка, звуки соединяются в неопределенный гул» (103)¹³; «Фишеру лагерь показался похож на беспорядочный лагерь кочевников. Он был заглушен и подавлен адским шумом и бессмысленным движением, ему казалось все нереальным, будто придуманным. Нигде будто не было порядка, у него под ногами все время мешались тачки, и он запинался о доски» (101). Вид сверху на стройку с высоты сторожевой вышки также подчеркивает ее бесконечность и нечеловеческий масштаб – стройка тянется до горизонта, и отдельные люди на ней теряются, превращаются в хаотичную человеческую массу: «Внизу свистели и гудели грейферы, длинными цепями вились фигурки людей, вывозящих глину. Из полевых кухонь валил дым, щиплющая гарь неслась от кочевых лагерей местных жителей. Глубоко внизу в больших ямах копошились люди. И далеко до горизонта можно было увидеть только работу» (162).

Однако Вайль показывает, что внешняя необъятность и видимая хаотичность пространства организована кем-то, и доказательство тому – карта, которую видит герой Ян Фишер в кабинете начальника ОГПУ: «Это была огромная карта, и на ней были только кружочки – синие, зеленые, красные, черные – кружочки росли, уменьшались, разветвлялись, соединялись и разъединялись – это был план большой стройки и оценки человеческого материала – учет копателей и квалифицированных рабочих, баланс стройматериалов и расчеты будущих работ. Все было ясно и точно обозначено кружочками, машина пришла в движение, и не было такой человеческой силы, которая бы ее могла остановить. Сто тысяч людей былоброшено в пустыню, некоторые пришли по своей воле, другие недобровольно, некоторые были мобилизованы, чтобы заслужить честь, другие сюда были посланы, чтобы отбывать наказание. Карта – это был трезвый учет, оценка равновесия сил» (101).

¹³ Здесь и далее цитаты из романа «Деревянная ложка» будут приводиться в нашем переводе, страницы указываются в круглых скобках по изданию: Weil J. Dřevěná lžíce. Praha, 1992.

Среди героев романа «Деревянная ложка» трудно выделить одного главного. Несмотря на то, что в нем продолжается история Яна Фишера, одного из центральных персонажей «Москвы-границы», Вайль с самого начала ведет четыре параллельные сюжетные линии, связанные с разными персонажами, в силу тех или иных обстоятельств попадающими на Балхашстрой. Кроме Яна Фишера, это Александр Александрович, Лида Раисова и Тони Штрикер. От этих четырех основных линий, в свою очередь, отходят периферийные, связанные с воспоминаниями героев или с другими персонажами, благодаря которым создается более полное представление о социальном, бытовом, историческом, психологическом контексте. Отталкиваясь зачастую от реальных прототипов, Вайль создает определенные характерные для своего времени типажи, образ мышления которых отражает не только и не столько индивидуальность, сколько стереотипы мышления определенной социальной группы. Органичным художественным средством рассказа о разных судьбах людей внутри сложной советской реальности становится для Вайля техника монтажа: роман построен на чередовании разных линий повествования, при этом переключение от одного персонажа к другому происходит довольно резко, сюжетные линии могут перебивать друг друга на небольшом отрезке текста, как бы создавая несколько одновременных «картинок» в одном большом кадре, иногда сюжеты наплывают друг на друга, один переходит в другой.

Наиболее близким самому Вайлю является чешский интеллигент, коммунист, работник печати **Ян Фишер**. Этот герой, как мы уже сказали, перешел в роман «Деревянная ложка» из романа «Москва-граница». И если в «Москве-границе» его судьба обрывается на «чистке» и исключении из партии, то в «Деревянной ложке» мы видим продолжение: одинокие блуждания Фишера по Москве в ожидании отъезда, его отправка в Алма-Ату (на обычном пассажирском поезде под видом корреспондента), приезд в Алма-Ату, распределение его на Балхашстрой, после чего ему обещано возвращение в Чехословакию, жизнь Фишера на Балхаше, его отъезд домой.

На протяжение всего романа Вайль старается показать те испытания, которые преодолевает Фишер, его психологические колебания. Так, в Алма-Ате ему предлагают выбор – остаться жить в этом городе в хороших условиях или поехать на Балхашстрой и таким образом заслужить возвращение на родину в Чехословакию. На прямой вопрос сотрудника ГПУ Фишер сначала боится ответить, что хотел бы вернуться домой, однако советский функционер ожидает услышать именно этот естественный ответ, в его вопросе, вопреки ожиданиям Фишера,

нет подтекста. Распределение на Балхашстрой Фишер парадоксально воспринимает как новое право на жизнь в советском обществе: «Тише воды, ниже травы, он пришел, чтобы его снова включили в ряды коллектива, чтобы ему снова было дано право на жизнь. Нет, сейчас он уже не последний в колонне на похоронах Рудольфа Герцога, сейчас он в ряду врагов, но у него есть свое место, он получит бумагу с резолюциями, ему будет распределена работа, он уже не мертвый среди живых» (83). На Балхашстрое Фишер узнает, что на стройке ему предстоит не копать землю в числе других заключенных, а заниматься культурно-просветительской работой, которую ему определил начальник лагеря: «Культурная работа. На другое вы не годитесь. Она так же нужна, как любая другая» (102). Фишеру поручают готовить материалы для настенной газеты, писать репортажи о ходе строительства, соревновании строительных бригад, следить за посещением кружков. Смысл его работы начальник культурно-воспитательного отдела объясняет так: «Это обычайная работа массовика. Но здесь мы на Балхаше. И работа будет вестись среди заключенных. Разница здесь именно в месте, но не в самой работе, понимаете. Здесь *другие* люди, это элементы, исключенные из общества, которых мы должны вернуть в общество» (105).

Таким образом чешский интеллигент, коммунист Ян Фишер становится одним из участников строительства Балхашстроя, получает паек категории инженерно-технических работников (ИТР), ордер на койку в бараке. Будучи сотрудником газеты, он общается с самыми разными людьми, слушает их истории, видит их отношение к стройке, труду. Так, Фишер замечает, что уголовные преступники сохраняют свою иерархию, но порой становятся хорошими работниками; инженеры, бывшие противники коммунистического режима, ведут себя равнодушно, хотя и могут оценить важность освоения азиатских месторождений; кулаки категорически сопротивляются работе на стройке и коммунистическим порядкам, ведут себя настороженно и недоверчиво; кочевые жители Казахстана и Киргизии не способны привыкнуть к тяжелому труду и ограничению свободы, теряют интерес к жизни. Именно среди этих людей Фишер должен распространять советскую риторику, в которой, в общем, старается убедить и себя: «Разве можно зимой отступиться от этого дела? Разве ничего не означает – 64 % всех залежей меди в Советском Союзе, 75 % олова и 50 % цинка? Сто тысяч людей устоят в пустыне, и в заливе Бертыс будет построен медеплавильный комбинат, железная дорога соединит шахты Караганды с Балхашом. Что такое пятьсот километров? Хотя это пустыня, засуха, снежные бури, твердо-каменная земля, растрескивающаяся летом и глубоко промерзающая

зимой, но ведь был построен Турксиб, Туркестано-Сибирская железная дорога. Кони падали и люди умирали, но люди выдержат больше, если они знают, над чем они работают» (151).

Несмотря на понимание цели строительства, его необходимости и масштаба, Фишера мучает тот же внутренний конфликт, что и в Москве, – он чувствует себя «лишним» человеком в советском обществе, не может понять своей роли, значимости своей работы, которая требует напряжения всех его сил, но не связана с настоящим коммунистическим строительным трудом: «Все безразлично и похоже на московское учреждение. [...] Но где-то внизу, так же, как и на московском заводе, живая настоящая работа. В работе люди создают свое будущее, становятся квалифицированными рабочими, избавляются от плохих привычек, воровского прошлого. Задача Фишера – писать об этом статьи канцелярским языком, сокращать и дополнять, добавлять звучные фразы, как необходимый аккомпанемент. [...] Живая, быстрая, страстная жизнь превращается в печатные чернила. Ничего, все в порядке, словесный аккомпанемент не может быть другим. Но писать о геройстве других, собирать новости, сокращать и дополнять, создавать из человеческих судеб строчки – такова работа Фишера. Он ее выполняет потому, что не умеет копать глину и мешать бетон, потому что он не на своем месте, как Тони Штрикер, у которого есть его токарный станок и мастерская» (167).

Выжить, не отчаяться в чужой стране, в тяжелых условиях Фишеру помогает мысль о Европе и о скором возвращении на родину: «Как вышло, что он выдержал голод на Балхаше? Ведь умерло столько людей... [...] Но Фишер хотел жить. Здесь была надежда, крепкая надежда, хотя он и не хотел о ней думать, хотя он уже свыкся с Балхашом и стал дисциплинированным, ответственным сотрудником газеты. Где-то далеко, даже нельзя угадать, за сколько километров, была Европа. Он вернется, вернется, потому что был на Балхаше. Его простят, и он вернется. Тише воды, ниже травы» (167). Думая о Европе, Фишер прежде всего думает о природе, не враждебной по отношению к человеку: «В Европе есть высокая трава, берега текущих рек, вода, пресная вода. Когда-нибудь будет вода и на Балхаше, но никогда на Балхаше не будет реки, тихой реки» (167). В конце романа Фишера отпускают, он готовится к отъезду в родную Чехословакию – «меже» в Европе: «Пойте, трубачи, также и о родной земле, меже в Европе. Воды шумят в ее лучинах, боры шумят на ее взгорьях, далеко лежит родная земля, никогда не долетит туда зеленая ворона Киргизии, не доползет ящерка варан, не доскачет антилопа джейран. Это моя страна, в которую я возвращаюсь» (197). Обращает на себя внимание

не только смысл финальных фраз романа, но и стилистика этого отрывка, где звучит эпическая интонация, возникает целый ряд поэтических образов родной природы и явно слышится перекличка с гимном Чехословакии: «Где мой дом, где мой дом, / где вода шумит в лугах, / где леса шумят в горах, / где сады цветут весной...».

Противоположный Фишеру персонаж – молодой австрийский рабочий **Тони Штрикер**, также присутствовавший в «Москве-границе». На долю Тони выпало много испытаний – он был гоним в Вене за свои левые взгляды, сидел в тюрьме, голодал, приехав в Москву, работал на Станкозаводе, однако вскоре попал в жернова «чистки» за свое вольнодумство, а формально – по надуманному обвинению в участии в заговоре против Кирова, убитого 1 декабря 1934 г. В отличие от Фишера, которому была предоставлена возможность ехать в обычном пассажирском поезде в Среднюю Азию, Тони, квалифицированный рабочий, ни в чем не виновный, едет в арестантском вагоне вместе с преступниками, кулаками, спекулянтами, однако он заранее уверен, что Балхаш не сможет изменить его человеческой сущности. На Балхаше Тони сразу попадает в мастерскую к Савве Дмитриеву, бывшему ленинградскому инженеру Семянниковского завода, который начинает его ценить как умелого рабочего и доброго товарища, делает своей правой рукой. Таким образом, Тони попадает на Балхаше в привычную стихию производства, и, несмотря на тяжелые условия, чувствует себя на своем месте. Ему не свойственна слишком глубокая рефлексия относительно себя и своей судьбы, он разделяет основной постулат советского государства о том, что счастье человека – в труде: «Если человек теряет работу, теряет все, а у меня есть работа, веселая работа» (170). Когда Фишер, с которым он встречается на стройке, спрашивает его, хотел ли бы он вернуться в Европу, Тони отвечает: «Ну и что с того? Будто это не все равно. Пахать буду так же. Но ты, конечно, с нетерпением ждешь, чтобы поехать домой. Кафе, кинотеатры, книги, нет? Это будет прекрасная жизнь, а все остальное пусть катится. Думаю, тебе уже хватило Балхаша» (169); «Вот моя судьба: с капиталистами я не договорился, с коммунистами тоже. Думаю, мне остается только этот станок» (169). Однако история Тони трагически обрывается – его цех вызывает помочь на отстающем строительном участке, из-за которого срывается общий план, именно там с Тони происходит несчастный случай – его засыпает землей. Таким образом, Тони Штрикер становится такой же символической жертвой социалистического строительства, как в первом романе Вайля «Москва-граница» румынский революционер Рудольф Герцог, посланный в Европу Коминтерном.

Единственный русский среди четырех основных героев «Деревянной ложки» – советский функционер **Александр Александрович**. Фигура Александра Александровича неоднозначная, однако по-своему трагическая. Его человеческий типаж сытого успокоившегося советского бюрократа не близок автору, но его судьба наглядно показывает советскую турбулентность, непредсказуемую и фатальную, то, как человек, потерявший власть и не имеющий твердого основания, сам легко оказывается жертвой государственной машины, теряет себя. Трагедия Александра Александровича в том, что он, кажется, своими руками совершил революцию и строил советское государство, а его революционный путь начался еще в царское время, когда он отказался от своего отца, купца из Казани, сидел в царской тюрьме. Во время октябрьской революции 1917 г. Александр Александрович участвовал в вооруженных стычках в Москве, а при советской власти стал занимать высокие должности, представлять СССР за границей. В начале романа Александр Александрович – влиятельный чиновник, имеющий связи в ЦК, глава «Общества по научным связям с заграницей», обитатель Дома правительства («Дома на набережной»), его жена – француженка, его образ жизни – не по-советски буржуазный (личный автомобиль, светские вечера с иностранцами, посещения «Метрополя»). Однако тучи над головой Александра Александровича стремительно сгущаются, и он прямо с высоты советского Олимпа попадает на Лубянку, обвиненный в троцкизме: «Александр Александрович был арестован вдруг. Он был сметен, сокрушен в своем ослеплении, не знал, что его ожидает, политическая прозорливость подвела его» (87). При этом Вайль показывает, что в беспринципном, на первый взгляд, крушении Александра Александровича есть историческая логика – молодая революционная смена смешает его: «Новые люди встали во главе страны, люди из гражданской войны и с заводов, выросшие комсомольцы, которые стали заслуженными на стройках первой пятилетки. Они возводили государственную промышленность и ни во что не ставили дореволюционное подпольное прошлое, если оно не было дополнено позднейшей работой. [...] Своими собственными руками они создавали историю, обновляли промышленность, валялись во вшивых бараках, умирали от тифа, работали в сорокаградусный мороз. Перед их глазами вырастали огромные заводы и города, реки меняли свое русло, края меняли свой облик. Их руки, их собственные руки все создали. Они пришли, чтобы взять власть, которая им принадлежала. [...] Александр Александрович всегда их боялся и презирал, хотя делал вид благосклонный и покровительственный» (87).

Вайль показывает, как Москва, московское благополучие стремительно отдаляются от Александра Александровича, как вся прошлая жизнь уходит в небытие: «Каждый день выезжают автомобили, тяжелые автомобили из здания ГПУ на Лубянской площади, а сейчас площади Дзержинского. Рядом Кузнецкий мост, улица роскошных магазинов, машины огибают Кузнецкий мост и Петровку, выезжают на Трубную площадь, огибают главные улицы, едут кривыми переулками по старой Москве. На этот раз в машине едет Александр Александрович. Ох, как смешно выглядит его черный костюм из мягкой английской материи, как он измят и скатан, как смешно выделяются его штиблеты на грязных полуботинках без блеска! [...] А сейчас посмотрите, как сменен с пылью высокий сановник, как он подскакивает, когда автомобиль тряется по плохой мостовой, нет, это не роскошный лимузин, который каждый день ждал его возле Дома правительства. Но никто из знакомых не может видеть Александра Александровича, глубокая ночь и грузовые автомобили не проезжают мимо ресторана Националь. Однако же это было бы любопытное зрелище для иностранных дипломатов, которые сейчас, вероятно, выходят из отеля, вот они, загадки русской души, вот случай, интересный для сенсационных новостей, вчера господин, а сегодня грязный арестант» (126).

Отправка на Балхаш и пребывание там в среде арестантов лишают героя почвы под ногами: «Тяжело было узнать в Александре Александровиче, когда он появился на Балхаше, бывшего улыбчивого хозяина, веселого собеседника из отеля “Метрополь”. С ним не обращались лучше, чем с другими заключенными, даже, наверное, немного хуже, ведь раньше он был выдающимся членом партии, ответственным работником, который партию опорочил и втоптал в грязь. Это было хуже, в десять раз хуже, чем сидение в царской Бутырке, в Бутырке его били надсмотрщики, но там он страдал во имя вещи, в которую верил, которая в конце концов победила. [...] А как его позорно встретили на Балхаше, как заключенные смеялись над его грязным, измятым костюмом, над его барским тоном, от которого он не смог отвыкнуть...» (126). И, что еще важнее, – Балхаш лишает героя чувства собственного достоинства, в нем обнаруживаются худшие качества, такие как малодушие, трусость, лицемерие, озлобленность, зависть, которые не дают ему сблизиться с другими заключенными. Ссылаясь на больное сердце, Александру Александровичу удается получить «легкую» работу – он попадает в цех Саввы Дмитриева и Тони в качестве секретаря. Однако обитатели цеха сразу чувствуют его инородность, начинают относиться к нему пренебрежительно, еще больше задевая его самолюбие. Александр

Александрович не может смириться со своим падением, он все время вспоминает революционное прошлое, московскую жизнь, с удивлением обнаруживает, что сам стал незаметной частицей тех планов, которым рукоплескал в Москве на съездах партии. При этом Вайль показывает, что герой не может постоять за себя, потеряв власть, он не чувствует в себе силы, храбрости, готов только просить о милости комиссию народного комиссариата тяжелой промышленности, приехавшую на Балхаш: «Нет, процессов уже не будет, ты затерялся на Балхаше, стал “дядей” (так без почтения его называла молодая комсомолка. – А. Г.), обычным поденщиком. А поденщик может просить о милости. Он может поклониться комиссии и сказать: я сломлен, смирен, слушаю ваши указания. [...] Дайте мне скромное место, освободите меня с Балхаша, я не могу жить с ворами» (173). Характерно также, что единственный человек, у которого Александр Александрович вызвал интерес и сочувствие, оказался из среды бывших купцов, той самой, из которой он сам вышел и с которой, казалось, навеки порвал. Судьба героя, с одной стороны, показана как закономерная, обусловленная его личными качествами, которые не вызывают большого сочувствия у автора и его персонажей, но, с другой стороны, его типаж выглядит по-человечески убедительно, а его судьба обнаруживает холодные, безжалостные механизмы «революционного» обращения с человеком.

Еще одна героиня романа – комсомолка **Лида Раисова**, выросшая в Интергельпо. Хоть она и чешка, именно она представляет собой тип героя нового поколения с новым, советским мышлением – она привыкла к преодолению трудностей, не боится их, умеет терпеть и оптимистично смотреть в будущее, не слишком склонна к рефлексии, мечтает о масштабных свершениях. Окончив медицинское училище, она отправляется на Балхашстрой по распределению комсомола. На Балхашстрое чувствует себя посвященной во что-то по-настоящему важное, сакральное, осознает значимость своей миссии. Она быстро адаптируется: «Лида научилась сухой трезвой речи, повелительной и командной, отрывистому военному тону, который преобладал в лагере. Она научилась сохранять внешнее спокойствие при любых обстоятельствах и никогда не удивляться – такова была мудрость начальника лагеря» (162). Девизом девушки становится «не хныкать и не выпячиваться» (161), несмотря на все тяжелейшие условия в лагере. Приехав на каникулы в Интергельпо, Лида чувствует, что она стала гораздо старше своих сверстников, гордится этим, дома ей становится скучно, она стремится назад, гигантская стройка притягивает ее, несмотря на все трудности. Когда комсомол отзывает Лиду с Балхаша, она добровольно остается.

Образ Лиды оттеняет таких героев, как Фишер, Александр Александрович, – по-разному страдающих на стройке. Пожалуй, Лида даже могла бы стать героиней советского производственного романа: она молодая, энергичная, мужественная, оптимистичная. Автор отдает ей должное, как и Тони Штрикеру, который умеет находить удовлетворение в труде, признает, что она олицетворяет тот типаж, который нужен советскому государству. Как отмечает А. Едличкова, характерным является столкновение Лиды с Александром Александровичем на стройке, когда Лида, захваченная впечатлениями от вида Балхашстроя с высоты вышки, бежит и случайно сбивает с ног бывшего московского бюрократа. Этот эпизод символизирует столкновение новой и старой жизни¹⁴. Однако в то же время Вайль замечает и то, что Лида как бы выпрямлена изнутри, она слишком легко и без сомнения усваивает коммунистические постулаты, слишком в них верит. Так, например, еще в Интергельпо она вместе со всеми членами комсомола осуждает отца одноклассницы Ани и согласна, что ей следует от него отказаться. В то же время автор не лишает Лиду человеческого начала, у нее есть свои привязанности (семья, Интергельпо) и сокровенная мечта – Москва: «Москва – это такая мечта, сбереженная для вечера, Москва, большой город с улицами, автобусами, метро, медицинским институтом и образцовыми больницами. Ах, как хороша, наверное, Москва, как там люди живут и работают, не засыпают под карканье зеленых ворон, идут домой спать по освещенным улицам, мимо больших магазинов и светящихся реклам, мимо плакатов на углах, мимо громкоговорителей радио на бульварах, сообщающего о победе на рабочем фронте» (75).

Таким образом, Вайль с помощью субъективного человеческого опыта своих героев пытается охватить пространство советской стройки второй пятилетки, которая не вмещается в понимание одного человека в силу ее физического масштаба и объективной неоднозначности. Как и в романе «Москва-граница», писатель находит несколько характерных типажей и показывает их способы жизни внутри советской реальности: ее принятие (Тони, Лида) и непринятие (Фишер, Александр Александрович). Исследуя судьбы этих персонажей, Вайль пытается выявить и «координаты» самой советской реальности. Эта реальность оказывается еще более ограниченной и сжатой, чем та, в которой живут герои «Москвы-границы», она еще сильнее теснит человека. Один из главных ее механизмов – «выравнивание» людей, все люди становятся в ней «человеческим материалом», над ними возвышается всемогущая

14 Jedličková A. Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí. S. 203.

воля страны: «Стране нужны цветные металлы, чтобы могла работать ее промышленность. Страна послала сто тысяч людей на Балхаш. Ей не приходилось выбирать, она должна была послать тех людей, которые у нее были. Добровольцы и заключенные, воры и комсомолцы, вредители и герои, недруги и мобилизованные» (154). Вайль показывает, что воля государства, подчиняющая жизни людей, жестокая и безразличная, не разбирает их заслуги, не дает поблажек, заставляет преодолевать экстремальные условия: жару, холод, отсутствие воды, голод, болезни. При этом само государство не всегда берет на себя ответственность за то, что люди голодают, болеют, умирают, оно предусмотрело нормы, но не может подчинить природу: «Это нормы, справедливые нормы на Балхаше, и работающие заключенные получили бы их, если бы Балхаш был Волгой и они быкопали канал, соединяющий Волгу с Москвой-рекой где-то у Дмитрова. Но не всегда возможно доставить продукты на Балхаш, нельзя. Озеро замерзло, а дороги закрыты. Остается рыба. Рыба из озера Балхаш, сущеная и соленая, хорошая рыба, но как можно все время есть только рыбью без хлеба и запивать ее горячей водой без сахара?» (152). Воля государства, помноженная на враждебную человеку природу, становится чем-то сродни античному року, воле богов, которая довлеет над человеком, вызывая в нем протест и чувство собственного бессилия. Этую мысль Вайль подчеркивает и выбором эпиграфа для романа – цитаты из трагедии Софокла «Филоктет»:

Я так и знал: не погибает злое, –
Нет, боги покровительствуют злу.
Им любо плута терпого, лукавца
Нам из Аида возвращать! А честных,
Достойнейших знай гонят в царство тьмы!
Что тут сказать?.. Как восхвалять богов?
Я их хвалю... но вижу: дурны боги!

(Перевод с древнегреч. С. В. Шервинского).

Таким образом, пространство Балхашстроя, величественной стройки второй пятилетки, изображенное Вайлем, – это место суровых испытаний, где против человека оказываются и государственная машина, и природа. В этом смысле вывод Вайля близок роману А. Платонова «Котлован», где автор, быть может, вопреки своим убеждениям, пессимистично смотрит на построение «светлого будущего», на строительстве которого погибает девочка, символ этого будущего. У Вайля точно так же на стройке погибает Тони Штрикер – молодой коммунист из Австрии, прекрасный специалист, человек цельный, светлый, устойчивый. В то же время в тексте Вайля звучит и другая мысль,

близкая советским производственным романам, – лишая людей свободы и личного счастья, государство действительно совершает чудеса индустриализации и позволяет им чувствовать себя сопричастными к этому титаническому походу, заставляет поверить в него: «План становится действительностью, и в него сейчас верят все, и непримиримые фраеры, и недоверчивые кулаки, как не верить, если весна и в белые возведенные здания проникает солнце – факты говорят за себя» (159). Таким образом, люди на Балхашстрое – это, с одной стороны, винтики системы, смиравшиеся со своей судьбой, а с другой стороны – титаны, творящие чудеса, преодолевающие смерть: «Песня звучит на Балхаше. Люди собираются вечером в клубе и поют, пение заглушает все – холод, мороз, смерть. В технических и образовательных кружках проходят лекции и доклады, будто бы нет смерти, будто люди приходят с веселых заводов» (155).

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод о том, что в романе Вайля «Деревянная ложка» сосуществуют две смысловые доминанты: человек, оказавшийся в жерновах государственного строительства, и, с другой стороны, само это строительство, эпическое по своему масштабу, романтическое по устремлениям, но безжалостное по отношению к человеку. Охватывая разные стороны советской стройки, роман Вайля одновременно соотносится с советскими производственными романами, такими как «Цемент» Ф. Гладкова, «Гидроцентраль» М. Шагинян, с философскими романами «Котлован», «Счастливая Москва» А. Платонова, «Зависть» Ю. Олеши, где советские прозаики также пытались оценить социалистическое строительство человеческой мерой. В какой-то степени «Деревянная ложка» предвосхитила и так называемую «лагерную прозу» («Один день Ивана Денисовича», «Архипелах ГУЛАГ», «В круге первом» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова и др.). При этом Вайлю удается балансировать между объективностью и субъективностью, отдавая дань правде исторической и правде человеческой.

Источники и литература

Гаганова А. А. Производственный роман. Стадиальное развитие жанра. Монография. М.: У Никитских ворот, 2022. 302 с.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 561 с.

Земскова Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Куликова Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллигентов: очерки документированной истории. М.: Институт российской истории РАН, 2013. 368 с.

Пинегина Л. А. Медный гигант: Ист. очерк [о Балхашском горнометаллургическом комбинате]. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1963. 149 с.

Шульц И. Стакановцы из Европы. Почти забытая история о переселении чехословацкой коммуны в СССР // Пражский экспресс. URL: <https://www.prague-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (дата обращения: 28.08.2025).

Jedličková A. Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí // *Weil J.* Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992. S. 199–207.

Lukáš O. Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo. Žilina: Absynt, 2023. 447 s.

Marek J. Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu. Brno: Host, 2020. 325 s.

Vondračková S. Mrazilo – tálo (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. 121 s.

Weil J. Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992. 214 s.

References

Dehvid-Foks, M. *Vitriny velikogo eksperimenta: kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody*, transl. by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 561 p.

Gaganova, A. A. *Projvodstvennyi roman. Stadial'noe razvitiie zhancha. Monografija*. Moscow: U Nikitskikh vorot, 2022, 302 p.

Jedličková, A. "Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí." *Weil J. Dřevěná lžíce*. Praha: Mladá fronta, 1992, pp. 199–207.

Kulikova, G. B. *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov: ocherki dokumentirovannoi istorii*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2013, 368 p.

Lukáš, O. *Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo*. Žilina: Absynt, 2023, 447 p.

Marek, J. *Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu*. Brno: Host, 2020, 325 p.

Pinegina, L. A. *Mednyi gigant: Istoricheskii ocherk [o Balkhashkom gornometallurgicheskem kombinate]*. Alma-Ata: Izd-vo Akad. nauk Kaz. SSR, 1963, 149 p.

Shul'ts, I. "Stakhanovtsy iz Evropy. Pochti zabytaia istoriia o pereselenii chekhoslovatskoi kommuny v SSSR." *Prazhskii ehkspres*. URL: <https://www.prague-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (accessed: 28.08.2025).

- Vondračková, S. *Mrazilo – tálo (O Jiřím Weilovi)*. Praha: Torst, 2014, 121 p.
Weil, J. *Dřevěná lžice*. Praha: Mladá fronta, 1992, 214 p.
Zemskova, D. D. *Sovetskii proizvodstvennyi roman: ehvoliutsiia i khudozhestvennye osobennosti zhanra: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow, 2016.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

A. V. Grasko

The Image of a Communist Construction Site in J. Wail's Novel "The Wooden Spoon"

Anna V. Grasko

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Citation

Grasko A. V. The Image of a Communist Construction Site in J. Wail's Novel "The Wooden Spoon" // Slavic Almanac. 2025. No. 3–4. P. 185–203 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

Received: 01.08.2025.

Revised: 10.09.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The novel "The Wooden Spoon" (1937) by the Czech writer and publicist Jiří Weil (1900–1959) is introduced into Russian scientific circulation for the first time. Its main theme and setting are the construction of a copper smelter on Lake Balkhash – Balkhashstroy. Weil tries to evaluate the large-scale communist construction by human standards – to depict it through the prism of the lives of four characters, each of whom represents a certain type: a Soviet official in exile, a Czech communist intellectual, a skilled foreign worker, and a Komsomol member mobilized for the construction site. The fates of these characters give the author the opportunity to show different sides of Soviet construction – domestic, psychological, ideological and political. The writer conceptualizes the space of Balkhashstroy as a place of severe trials, where both the impersonal state machine, aimed at achieving its grandiose goals, and

nature – a harsh desert, not adapted for human life – are against man. It is interesting that the author equates the will of the state, deprived of personification, with the fate of ancient Greek tragedies, and its anthropocentric position brings the novel “Wooden Spoon” closer to the works of such Soviet writers as A. Platonov, B. Pilnyak, Ju. Olesha. At the same time, the novel includes not only an existential-philosophical evaluation, but also the pathos of heroic construction, overcoming nature and one’s “I”, and in this it correlates with the Soviet industrial novel of the 1930s.

Keywords

Czech literature, Jiří Weil, communist construction, Soviet construction projects of the first five-year plans, USSR of the 1930s, literature about the USSR, image of Soviet Russia, Balkhashstroy.

УДК 82.091

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.10

Н. А. Лунькова

**«Великомученики невыносимого бытия»:
метаморфозы тела как способ пространственной
репрезентации постмодерной личности
(на примере «Ломских рассказов» Э. Андреева)**

Лунькова Наталья Александровна

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российской Федерации

E-mail: lunkova_n@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9193-3890

Цитирование

Лунькова Н. А. «Великомученики невыносимого бытия»: метаморфозы тела как способ пространственной репрезентации постмодерной личности (на примере «Ломских рассказов» Э. Андреева) // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 204–222. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.10

Статья поступила в редакцию 01.08.2025.

Рецензирование завершено 10.09.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В настоящей статье на материале рассказов «Конец красного шара», «Голубь с голубыми глазами», «Беспощадное тело Моники», «Песня о любви Киро Канатоходца», «Последний снимок фотографа Ивайло», входящих в цикл «Ломские рассказы» (1996) известного болгарского писателя Эмила Андреева (р. 1956), анализируются телесные метаморфозы персонажей с целью выявления специфики пространственной репрезентации постмодерной личности с помощью данных превращений. В качестве теоретической основы для определения черт постмодерной личности и специфики дискурса постмодернистской литературы были использованы работы Ж. Делёза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Е. М. Мелетинского, В. А. Подороги, Н. Б. Маньковской, Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и др. В статье показано, что в «Ломских рассказах» Андреева «неустойчивость» постмодерной личности в аспекте пространства проявляется среди прочего в семантике и поэтике телесных метаморфоз

персонажей (исчезновение, распад тела, сращение с предметом, перемещение в другое тело, включая тело животного). С помощью игрового постмодернистского принципа моделирования художественной реальности, пародирования фольклорно-мифологических элементов, смешения трагического и комического Андреев создает особое мифологизированное пространство, где в переплетении реального и фантастического существуют «великомученики невыносимого бытия» – герои, неудовлетворенные собственной жизнью, ощущающие ее «недостаток». Их телесные метаморфозы иллюстрируют непривязанность постмодерной личности к единству пространственного образа, ее стремление к свободе и диффузности.

Ключевые слова

Болгарская литература, концепция личности, постмодернизм, постмодерная личность, пространство, телесность.

Введение

Идея стабильной и четко определенной идентичности сталкивается с серьезными трудностями в постмодернизме, имеющем тенденцию к плюрализму, отказу от традиционных представлений о принципе системности, и «единственным универсально общим правилом культуры постмодерна является отказ от любых универсально общих правил»¹. Постмодерный человек представляется «полнотой отдельных жизненных проектов [...], настроенных на одну частоту – частоту игры, порождающей в перспективе резонансную или вибрантную личность»². В одной из основополагающих теоретических работ философии постмодернизма «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» (1972) Ж. Делёз и Ф. Гваттари разрабатывают концепцию подлинно свободного индивида – шизофреника (*le schizo*). Одинокий и веселящийся, именно он может «сказать и сделать что-то простое от своего собственного имени, не выпрашивая позволения, – это желание, которое ни в чем не испытывает нехватки, поток, который преодолевает преграды и коды, имя, которое отныне не обозначает никакое

¹ Можейко М. А. Идиографизм // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. URL: <http://www.infolib.info/philos/postmod/idiografism.html> (дата обращения: 12.07.2025).

² Гречко П. К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 175.

Эго»³. Шизофрения рассматривается как основа личностной свободы постмодерного человека, выступая, как отмечает И. К. Страф, «аналогом “разорванности” общества; для Делёза не существует границы между нормальным и безумным человеком, поскольку всякая нормальность понимается им как социальный компромисс и тем самым отвергается»⁴. В человеке постмодерна на первый план выходят процессуальность, незакрепленность, детерриториализация; движение же его души, по убеждению П. К. Гречко, направлено «из пространственно-телесного заточения в мир социального (социальных взаимодействий и человеческой коммуникации»⁵.

Осмысление «нестабильности» в постмодернизме, в том числе и в аспекте идентичности отдельно взятой личности, связано с понятием «хаосмоса» (впервые использовано Дж. Джойсом в «Поминках по Финнегану» (1939)), подразумевающим не противоположность хаоса / космоса, но преодоление их антитезы через неразрывное соединение. Описывая ризоматическую природу мира, Ж. Делёз и Ф. Гваттари приходят к следующему выводу: «Мир утратил свой стержень, субъект не может больше создавать дихотомию, но он достигает более высокого единства – единства амбивалентности и сверхдетерминации – в измерении, всегда дополнительном к измерению собственного объекта. Мир стал хаосом, но книга остается образом мира, – хаосмоскорешок вместо космоса-корня»⁶. Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, исследуя постмодернистские стратегии на материале русской литературы, обращают внимание на то, что хаос применительно к постмодернистской философии не следует рассматривать как негативную категорию, и подчеркивают его открытый характер. С их точки зрения, появление гибридных и неустойчивых форм в постмодернизме – результат поиска компромисса между такими категориями, которые традиционно воспринимаются как противоположные.

Важным представляется и данная Лейдерманом и Липовецким характеристика взаимоотношений постмодернизма и мифа, понимаемого как один из способов преодоления децентрализованности мира. Необходимо, однако, вспомнить, что в аспекте функциональной

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. С. 208.

⁴ Цит. по: Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 112.

⁵ Гречко П. К. Идентичность... С. 177.

⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 11.

направленности мифа еще Е. М. Мелетинский указывал на то, что «личное и социальное поведение человека и мировоззрение⁷ сосуществовали в границах одной системы именно благодаря мифологическим символам. В «Поэтике мифа» ученый подчеркивал, что познавательный пафос мифологии «подчинен гармонизирующей и упорядочивающей целенаправленности... [...] Превращение хаоса в космос составляет основной смысл мифологии»⁸. В литературном мифологизме важна «идея вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными “масками”, своеобразной замещаемости литературных и мифологических героев»⁹. Несмотря на то что постмодернизм стремится к разрушению мифологии как отягощающей своей иерархичностью свободу человека, он соединяет «осколки» прежних мифологий «в новую, неиерархическую, неабсолютную, игровую мифологию, так как писатель-постмодернист исходит из представления о мифе как о наиболее устойчивом языке культурного сознания»¹⁰.

Обращение к мифу, его «пересборка», переосмысление занимают важное место в постмодернизме, в художественно-эстетическом отношении реализующемся в литературе за счет иронизма, принципа ризомы, интертекстуальности. Игровое начало, сочетание карнавальной эстетики и энциклопедизма, пародия, пастиш – все это также находит отражение в национальном литературном постмодернизме, в том числе и болгарском. Г. Симеонова-Конах, анализируя феномен болгарского постмодернизма, подчеркивает, что болгарская литература после 1989 г. претерпела ряд изменений, выдвинув на первый план такие явления, как «вульгаризация языка и жизни, насилие, отчуждение, деморализация политической жизни»¹¹, ставшие следствием распада традиционных ценностей. Закономерно, что в 1990-е гг. писатели все чаще запечатлевали в своих произведениях «нестабильность» постмодернского человека и общества.

Примером художественного воплощения этой нестабильности могут послужить «Ломские рассказы» (1997) – дебютный сборник Эмила Андреева (р. 1956). В нем писатель активно обращается

7 Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб., 2018. С. 199.

8 Там же.

9 Там же. С. 6.

10 Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 2: 1968–1990. М., 2003. С. 379.

11 Симеонова-Конах Г. Постмодернизът. Българският случай. София, 2011. С. 253. Здесь и далее перевод с болгарского автора статьи.

к фольклорно-мифологическим образам и сюжетам, что представляет-
ся попыткой осмыслиения утраты прежней системы ценностей и невоз-
можностью ее возвращения. В связи с этим данные образы и сюжеты
не воспроизводятся Андреевым в традиционном ключе, а, напротив,
демонстрируют утопичность дальнейшего функционирования в нем
и становятся тем постмодернистским компромиссом, который соеди-
няет «осколки» старых мифологий и порождает собственную. Объ-
ектом исследования в настоящей статье выступают рассказы «Конец
красного шара», «Голубь с голубыми глазами», «Беспощадное тело
Моники», «Песня о любви Киро Канатоходца», «Последний счи-
мок фотографа Ивайло». Предметом исследования являются теле-
сные метаморфозы персонажей. Цель работы состоит в том, чтобы
выявить, как данные превращения репрезентируют в художествен-
ном пространстве специфику постмодернной личности.

Мифологизированное пространство «Ломских рассказов»

Местом действия своих рассказов Андреев выбирает провинциаль-
ный город Лом, уроженцем которого он сам является и история которо-
го хранит отголоски разных эпох и империй. Онтология городского про-
странства у Андреева определяется двумя дополняющими друг друга
тенденциями. С одной стороны, Лом – маленький провинциальный
город, такой, где, по Бахтину, разворачивается «обыденно-житейское
циклическое бытовое время. [...] Приметы этого времени просты, грубо
материалны, крепко срослись с бытовыми локальностями: с домика-
ми и комнатками городка, сонными улицами, пылью и мухами, клу-
бами, бильярдами и проч. и проч. Время здесь бессобытийно и пото-
му кажется почти остановившимся. Здесь не происходят ни “встречи”,
ни “разлуки”. Это густое, липкое, ползущее в пространстве время»¹².
Он противопоставлен крупным городам (оппозиция центр / периферия),
где можно попробовать отыскать счастье («Пропал наш город, слышь,
что тебе говорю, пропал! Чем больше ты тут сидишь, тем больше корни
пускаешь. Сваливай в Софию, в Варну. Там лучше»¹³).

С другой стороны, расположенный на Дунае, этот город-порт
занимает пограничное положение не только в горизонтальной пер-
спективе (вода / суши), но и в вертикальной, что подчеркивает-
ся писателем благодаря легенде о подземной реке, протекающей

12 Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по истори-
ческой поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 280.

13 Андреев Е. Ломски разкази. Велико Търново, 2006. С. 21.

в городе, – так Лом представляет собой символическое пограничье двух миров – живых / мертвых. В метафизическом смысле этот город – вечный приют автора и его воспоминаний:

По крайней мере у каждого из нас есть свой вечный дом. Нет, не то место, где он родился или живет, а дом его воспоминаний и сновидений. Там обычно обитают всякого рода образы и тени, страсти и желания, звери и люди, раздаются мелодии и даже запахи. Иногда появляются случайные слова, звенят неизвестные знаки и колокола, кружатся такие потоки энергии, что человек долго не может прийти в себя.

А если у него не получается это сделать или он скорее предпочитает вечный дом тому, где он родился или живет, тогда он превращается в спящего наяну и неосознанно устремляется к небесам.

Эти рассказы описывают таких людей. Я не знаю, как называются их вечный дом, но город, в котором я их встречал когда-то, был Лом, сейчас едва заметный на берегу одноименной реки и мифического Дуная. [...]

Поэтому я и назвал свой сборник «Ломскими рассказами». В нем образы, что называется, собирательные. Как Дунай, который вбирает в себя воды Шварцвальда и несет их в Мировой океан, так и я год за годом старался по крупицам собирать вечные дома моих героев. Сегодня, когда наше отчество на пути к тому, чтобы превратиться в воспоминание и, подобно спящему, устремиться к небесам, именно сегодня эти крупицы мне все больше и больше напоминают огромные каменные обломки, которые катятся и раздаются эхом по пустующему месту под названием Болгария¹⁴.

Изучая изображения периферии и провинции после 1989 г. в контексте обращения болгарских писателей к региональному в рамках так называемого «пространственного поворота», К. Янев обращает внимание на то, что в рассказах Андреева мифологизированное пространство Лома «превращается в своеобразную ось (*axis mundi*), вокруг которой гравитируют его обитатели... [...] Это скитальцы и аутсайдеры, разные типы людей, оказавшихся случайно (или по предопределению судьбы) в портовом городе»¹⁵. Он указывает на отсут-

14 Андреев Е. Ломски разкази. С. 8.

15 Янев К. Преход и периферия в «Ломски разкази» на Емил Андреев и «Пернишки разкази» на Здравка Евтимова // Преходът във фокуса на литература / съст. А. Бурова, Н. Папучиев, С. Димитрова, К. Янев. София, 2025. С. 219.

ствие в большинстве «Ломских рассказов» пространственной (хотя в них фигурируют такие локусы, как река, дома героев, кабачок Милчо Спицы и т. д.) и временной конкретики (даты, если и встречаются в сборнике, связаны не с феноменом национальной, «большой» истории, а с биографией героев, их частной жизнью).

Телесные метаморфозы как способ презентации постмодерной личности в «Ломских рассказах»

У Андреева жители Лома представлены как маленькие, несуществующие люди со своей несуществующей жизнью, и компенсировать этот «недостаток жизни», по мысли Р. Ликовой, им помогает «тайинственное и исключительное»¹⁶. Именно «нехватка жизни» порождает выдумывание «странных путешествий и происшествий, трансформируется в сказочно-диabolические элементы, разрушающие границу между реальностью и вымыслом через включение фантастических элементов в мелкие, ничтожные, реальные формы жизни»¹⁷.

Следствием мифологизации пространства и компромиссом между онирическим пространством и явью, фантастикой и реальностью у Андреева выступают, в частности, телесные метаморфозы героев, «великомучеников невыносимого бытия»¹⁸. Такого рода трансформации являются не только иллюстрацией художественного воплощения пространственной презентации постмодерной личности. Говоря об особенностях героев болгарского постмодернизма, Симеонова-Конах делает акцент на том, что, «описанные без каких бы то ни было табу», они «часто имеют проблемы со своей самоидентификацией в реалиях внутреннего бунта индивида против алогичного, травмирующего существования»¹⁹. Этоозвучно мысли Н. Б. Маньковской о том, что герой литературы постмодернизма отличается «от своих прообразов в классической, а также модернистской литературе неопределенностью, маргинальностью статуса, инаковостью, андрогинностью, этическим плюрализмом»²⁰.

Как известно, одним из способов идентификации выступает телесность, которая выполняет функцию пространственного показателя

16 Ликова Р. Засилен интерес към маргиналното. URL: https://litclub.bg/library/kritika/rlikova/emil_andreev.htm (дата обращения: 12.07.2025).

17 Там же.

18 Андреев Е. Ломски разкази. С. 80.

19 Симеонова-Конах Г. Постмодернизъмът... С. 257.

20 Маньковская Н. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. № 1 (4). С. 220.

присутствия человека в мире. Фиксируемый в художественных рассказах Андреева выход героя за пределы собственной телесности следует рассматривать как доказательство гетерогенности и нестабильности постмодерной личности. Это подтверждается позицией М. Фуко, полагавшего, что идентичность «...сама по себе лишь пародия: ее населяет множественность, в ней спорят несметные души; пересекаются и повелевают друг другом системы... И в каждой из этих душ история открывает не забытую и всегда готовую возродиться идентичность, но сложную систему элементов, многочисленных в свою очередь, различных, над которыми не властвна никакая сила синтеза»²¹.

М. Кирова обращает внимание на то, что одной из ключевых тем, затронутых Андреевым, является «тема Метаморфозы. Эстетизм магических превращений уместно заменяет коммуникативную суматоху “ранних” рассказов, тело перемещается в ряд проявлений маргинальных идентичностей, идея аллегорического синкретизма бытия объединяет животных, предметы и людей в чудную и чудесную действительность»²². Мотив превращения можно интерпретировать и как мотив «оборотности», являющейся следствием диффузности, «“взаимообращаемости” всех сторон и проявлений действительности»²³. С точки зрения С. Ю. Неклюдова, за хтоническими началами обязательно закреплены черты маргинальности, а двумя важными аспектами семантики границы выступают как мифологическая слепота, невидимость, так и асимметрия, неполнота формы. Хтоническое и рубежное маркируют оборотничество, «скрытие истинной сути ложной формой»²⁴.

Так, в портрете Милчо Спицы можно заметить демоническое начало: у семидесятилетнего холостяка искусственная нога, что подчеркивает его пограничное положение в оппозициях живое / неживое, человек / вещь. Хромота и кривизна, как отмечает С. Ю. Неклюдов, присутствуют как устойчивый признак персонажа в самых разных литературных формах (слепой Пью, Джон Сильвер, кот Базилио, лиса

21 Цит. по: Можейко М. А. «Смерть субъекта» // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/smertsub.html> (дата обращения: 12.07.2025).

22 Кирова М. Ломска къщичка. URL: https://newspaper.kultura.bg/media/my_html/2007/dumi.htm (дата обращения: 12.07.2025).

23 Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии: (К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленина) / отв. ред. А. К. Байбурин, К. В. Чистов. Л., 1979. С. 133.

24 Там же. С. 135.

Алиса и т. д.). Андреев, однако, пародирует образ одногого злодея / разбойника: никакого коварства в нем нет, Милчо Спица всего лишь содержит кабачок – главный игровой локус, который выступает средоточием жизни в провинциальном городке и является местом действия нескольких рассказов, объединенных системой сквозных персонажей. Есть в образе Милчо Спицы и откровенно комическое, а именно «огромные уши»²⁵.

В пародийном ключе Андреев также описывает и потенциальный оборотнический характер «слепых» – героев, которые носят очки. Так, в частности, рассказывается, как герой, носивший «очки в роговой оправе»²⁶, чудом исцелившись от заикания, а заодно и прогрессирующего склероза, внезапно исчез, тем самым вызвав слух о том, что он был «законспирированным агентом тайных служб»²⁷. Но более интересными случаями представляются те, когда Андреев прибегает к подчеркнутому физиологизму, связанному с мотивом зрения: от некоторых героев после их исчезновения или утраты ими телесной оболочки остаются только очки или же глаза (рассказы «Голубь с голубыми глазами», «Песня о любви Киро Канатоходца», «Последний снимок фотографа Ивайло»). В них автором актуализирован мотив утраты, распада человеческого тела: 1) после исчезновения героя по имени Балкански от него остались кучка птичьего помета и два голубых глаза; 2) Киро Канатоходец после утраты тела (он взорвался в кабачке Милчо Спицы) обнаруживает на столе только свои очки, которые он не снимал, «чтобы никто не понял, насколько печальные»²⁸ у него глаза; 3) Ивайло по пути домой замечает, что медленно распадается на куски, а его глаза падают на тротуар и катятся в разные стороны.

Исчезновение, сращение с предметом и мотив игры

Важным при описании телесных метаморфоз персонажа является мотив игры. Причем это не только и не столько сам игровой постмодернистский принцип моделирования художественной реальности (фантастические элементы настолько скреплены с реальными, что читателю не представляется возможным найти между ними границу), сколько способ бытия героев: большинство из них не живет, а лишь играет в жизнь, посвящая все свободное время картам,

25 Андреев Е. Ломски разкази. С. 20.

26 Там же. С. 43.

27 Там же. С. 51.

28 Там же. С. 31.

шахматам, бильярду. «Призыв Фуко изображать маргинальное означает в данном случае то, что внимание сосредоточено не на большом и значительном, а на частно-повседневном»²⁹, – подчеркивает Р. Ликова. Герои Андреева заняты рыбной ловлей, азартными играми, подменяя реальную жизнь симуляцией и фантазией, способной помочь им выйти за рамки провинциальной повседневности.

В рассказе «Конец красного шара» заядлый бильярдист Минки, сосредоточенный на том, чтобы обыграть Колю Борова – владельца импортного кия, исчезает, когда со стола выскакивает красный бильярдный шар. За мгновение до этого он видит свое отражение в шаре и осознает, что презирает свою жизнь, некрасивого и неудачливого себя: «И увидел тогда Минки свое рыжее морщинистое безбородье, свое однокое красное кепи, свой унылый красный нос, повисший в безысходности; увидел и Милчо Спицу, его протез и огромные холостяцкие уши; и понял тогда Минки Вылупок, что ненавидит этот красный шар с самого рождения»³⁰. Его приятель Миню Пьяница, тоже наблюдавший незадолго до этого за «своим отраженным красным лицом, которое каталось по бильярльному столу»³¹, на следующий день умирает от цирроза, «случайный и ненужный как отражение»³². В данном контексте важно, что «телесное существование в краткий миг соотнесения с зеркальным отображением оказывается местом без места»³³. Подчеркивая эффект гетеротопии, В. А. Подорога отмечает: «...с точки зрения телесной идентичности я существую (как тело) лишь постольку, поскольку я видим в зеркале, зеркальном “там”»³⁴. Когда шар (двойник Минки) вылетает за пределы стола, пропадает и сам герой, тело которого не может существовать без Другого.

Перед смертью Миню неожиданно обнаруживает у Минки дома столетнего старика с длинной рыжей бородой и шепотом сообщает рассказчику, что узнал Минки, а также передает записку для Милчо: «Спица, если ты хочешь найти красный шар, никогда больше не пускай Колю Борова в кабачок Минки»³⁵. Очевидно, что записка

29 Ликова Р. Засилен интерес към маргиналното. https://litclub.bg/library/kritika/rlikova/emil_andreev.htm (дата обращения: 12.07.2025).

30 Андреев Е. Ломски разкази. С. 25.

31 Там же. С. 24.

32 Там же.

33 Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: (материалы лекционных курсов 1992–1994 годов). М., 1995. С. 40.

34 Там же.

35 Андреев Е. Ломски разкази. С. 27.

появилась уже после того, как Минки утратил свой телесный образ, который визуализировали окружающие. «Узнавание» не носившего бороду героя в длиннобородом старике, по всей вероятности, также свидетельствует о невозможности героя вернуться в прежнее тело. Такое допустимо в том случае, если человек испытал «сильное потрясение, шок, несчастье»³⁶. Подорога, описывая феномен пустого тела и его изучение в психиатрии, обращает внимание, что в подобных ситуациях люди не могут «вернуться к себе, “войти” в собственный телесный образ. [...] Этот момент расщепа, шизо-сдвиг устанавливают новые качества вашего-теперь-невашего тела: оно пустое. А это значит, что его пустотность в состоянии вызвать события, которыми не может больше управлять прежний владелец тела»³⁷.

Комическое изображение Андреевым поисков пропавшего шара и равнодушия публики к исчезновению Минки («Да он просто от злости убежал, что у него шар за стол выскочил. Такая победа не засчитывается»³⁸) отчасти снимает трагический пафос исчезновения одного (Минки) и смерти другого героя (Миню). Тем не менее тема несложившейся жизни и, как следствие, вынужденного исчезновения персонажа, утраты им телесной оболочки (одна из интерпретаций – смерть) является в «Ломских рассказах» одной из ключевых.

Ивайло («Последний снимок фотографа Ивайло») настоящую жизнь заменяет наблюдением за игрой в бильярд: он «уснул вознавидеть все, кроме магического движения блестящих бильярдных шаров на зеленом сукне бильярдного стола в кабачке Милчо Спицы. Фотограф Ивайло боготворил это движение. Он чувствовал себя его частью, хоть и созерцающей»³⁹. Автор подчеркивает, что увлечение героя фотографией было продиктовано именно желанием запечатлеть «неуловимость великого движения»⁴⁰, в какой-то момент герой начинает ощущать пульсацию фотоаппарата, «словно у него было два сердца»⁴¹. Граница между пространством живых и мертвых, реальным и невероятным в рассказе преодолевается с необычайной легкостью: Ивайло достаточно щелкнуть фотоаппаратом – и то живое существо, которое он сфотографировал, умрет. «Он чувствовал, что эта черная коробочка полностью поглощает его, выпивает из него все соки, иссушает его

36 Подорога В. А. Феноменология тела. С. 26.

37 Там же.

38 Андреев Е. Ломски разкази. С. 27.

39 Там же. С. 83.

40 Там же. С. 88.

41 Там же. С. 87.

тело»⁴², и, понимая, что не в силах совладать с «сатанинской силой», Ивайло решает сделать снимок себя самого, чтобы «тот, кто уцелел, мог бы торжествовать над другим»⁴³. Этот пример иллюстрирует, что герой готов отказаться от собственного тела, лишь бы не испытывать мучений, что отсылает к мысли В. А. Подороги о том, что «боль как основной инструмент карательных анатомий сближает нас с собственным телом и удаляет от него: сближает – поскольку мы готовы отказаться от собственного тела, лишь бы не испытывать боль, и этот жест отчаяния и есть жест близости, ибо он проявляет нас самих в нашей неотторгаемой близости с собственным телом»⁴⁴. В финале рассказа герой, «сросшись» с черной коробочкой, «разлагается на ветру»⁴⁵, а его глаза, оставшиеся после распада, устремляются к бордюру подобно двум биллярдным шарам.

Натуралистическое изображение утраты героем телесной оболочки наиболее детально дано в рассказе «Песня о любви Киро Канатоходца». Потерявший когда-то сына Ико, пожилой Киро Канатоходец играет в шахматы в кабачке Милчо Спицы, возвращаясь мысленно в свое прошлое. Переосмысливая миф о Дедале и Икаре, Андреев создает образы отца и сына – канатоходцев, которые балансировали на границе между небом и землей. Как Дедал смастерил крылья своему сыну, так и Киро из перьев аиста сделал сыну для балансировки два веера в форме крыльев. В семилетнем возрасте Ико сорвался с каната и «полетел не к земле, а к небесам»⁴⁶, и Андреев метафорически описывает смерть не как обездвиженность / бездыханность тела, а как его движение, полет.

Посетители кабачка наблюдают за тем, как Ицо Картавый крадет у Киро одну за другой шахматные фигуры и заменяет их на окурки или иные предметы, чем вызывает смех у окружающих, и для Киро, долгие годы оплакивающего сына, это становится последней каплей («Отдайте мне фигуры. Ладью, коня, почему фигуры? Мать вашу, фигуры, а? Берут, берут, вот так – раз, и лады нет! Зачем?»⁴⁷), он проглатывает одну из фигур и самовоспламеняется. Примечательно, что при этом герой сохраняет сознание и сам описывает процесс распада собственного тела: «Одна косточка угодила в язык Ицо Картавому,

42 Там же. С. 90.

43 Там же.

44 Подорога В. А. Феноменология тела. С. 24.

45 Андреев Е. Ломски разкази. С. 91.

46 Там же. С. 39.

47 Там же. С. 40.

другая – в глаз пьяному парню, третья – в протез Милчо Спицы (он, конечно, этого не почувствовал), пришедшего посмотреть, что происходит. [...] Дождь из печени пролился на Danaila Учителя. Мое сердце билось в четырех стенах, пока наконец не выскоцило в окно и не упало на землю. [...] Так от меня ничего не осталось, и только мои очки лежали на столе»⁴⁸. Как и в случае с фотографом Ивайло, здесь имеет место сознательный выход персонажа за пределы собственной телесности, чья утрата сопряжена с избавлением от страданий, решением выйти за рамки травмирующего бытия.

Исчезновение и перемещение в тело животного

Подобно Ивайло и Киро исчезает Балкански («Голубь с голубыми глазами»), спавший в «чемодане – в огромном старом чемодане, полном пожелтевших газет и журналов. И там, среди пыли и слов, он умирал каждый вечер, чтобы родиться заново утром, ступить в день и совершившись вместе с солнцем еще один круг своей старости»⁴⁹. Каждую ночь к Балкански прилетал голубь с голубыми глазами, который не давал ему покоя, и именно его он искал днем, когда кормил птиц. Балкански был обречен на одиночество за то, что в детстве убил голубя – священную птицу («И тогда Балкански понял, что никогда не женится, у него не будет ни детей, ни дома»⁵⁰). По ночам голубь говорит герою, что *tam* уже спрашивали о нем: «Или ты боишься, что больше не будешь человеком? Будешь, не бойся. Когда тебе здесь станет невмоготу, ты выпьешь воды из колодца, полетишь и... прямо на мраморную площадь!»⁵¹ Трансгрессия – выход за пределы собственной телесности – здесь подразумевает превращение человека в птицу («полетишь»); при этом голубь обещает, что Балкански останется человеком (очевидно, подразумевается сохранение героя в не телесной оболочки, а сознания). В финале рассказа родственник Балкански находит в подвале закрытый чемодан, узкой стороной повернутый на восток (в христианской традиции гроб с телом покойника располагают именно так, лицом на восток), но он оказывается пустым: пародирование похоронного обряда, намеренное снижение пафоса при изображении ухода человека дополняется Андреевым деталью: на одной из газет вместе с двумя голубыми глазами остался птичий помет.

48 Там же. С. 41.

49 Там же. С. 92.

50 Там же. С. 95.

51 Там же. С. 94.

Перемещение в другое тело характерно и для сюжета рассказа «Беспощадное тело Моники», где в ироническом модусе показаны метаморфозы тела главной героини. Важно отметить, что уже в самом заглавии закреплена тема телесности как превалирующая. «Моника была молода, а ее тело – совершенно. Оно излучало беззаботность, суету и страсть. [...] Моника осознавала свою силу и использовала ее по предназначению: кого она хотела, тот сразу становился ее», – так Андреев описывает жизнь геройни, которая «не имела постоянного партнера, быстро пресыщалась и искала новых и новых»⁵². Репрезентация телесности здесь неразрывно связана с сексуализацией образа: окружающие Монику мужчины воспринимают ее исключительно как объект сексуального желания и показывают это «кто глазами, кто словом, кто жестом»⁵³. Героине постоянно снится сон, после которого она меняет партнеров: в нем она ходит по шахматной доске и видит на черных клетках белых змей, одна из которых однажды ее кусает. После этого вместо языка у Моники во рту оказывается змея. Примечательно, что только сама геройня, в отличие от своих партнеров, не видит этой змеи и так снова оказывается во власти взгляда Другого: сначала ее тело было объективировано в аспекте сексуальности, теперь, напротив, в рамках асексуального, страшного, вызывающего «животный» ужас. Моника решает уехать в Лом, где «больше никто не будет восхищаться ее изящным телом. [...] Ее пленил и тот факт, что название города состоит из трех букв. В этом было что-то мистическое»⁵⁴. Именно там обитают духи «невыносимых мучеников бытия, как и она сама»⁵⁵. Притворившись глухонемой, она устраиваетя на работу в Ломе, но через несколько лет, устав от жизни без близости с мужчинами и от своей «идиотской участии»⁵⁶, решается на самоубийство: «Дождалась она ночи и пошла на берег Дуная. Поднялась на причал, огляделась вокруг и, убедившись, что никого нет, плонула и прыгнула в воду. Но чудо! Очутившись в воде, она не утонула, а превратилась в рыбу щуку. Решила она бороться до конца. Подплыла поближе к берегу, чтобы выпрыгнуть из воды и на берегу издохнуть. Коснувшись песка, превратилась она в змею. Не было ей спасения. Тогда она решила доползти до сторожа в порту, чтобы он убил

52 Там же. С. 75.

53 Там же.

54 Там же. С. 80.

55 Там же.

56 Там же. С. 81.

ее камнем или палкой. Так и случилось. Увидев ее, ударил он ее колом по голове, но из змеи Моника превратилась в белую горлинку»⁵⁷. Череда метаморфоз подчеркивает прогрессирующее отдаление Моники от первоначального облика, невозможность вернуться в собственное тело можно рассматривать как последствие шизо-сдвига постмодерной личности, ее постоянную делимость и нестабильность. «Пересборка» фольклорно-мифологического превращения из одного животного в другое помогает Андрееву через бунт героини против существования в навязываемом ей телесном образе показать стремление личности к свободе, желание вырваться из телесного заточения и существующих рамок восприятия и объективации. В конце концов Монику-горлинку на охоте убивает Пламен: первый раз герой пытался овладеть телом Моники-женщины (еще до ее приезда в Лом), но тогда она была мертвецки пьяной, а ее «изящное тело» было словно из воска (мотив мертвой невесты), второй раз он буквально «приисваивает» ее тело: вешает на пояс тушку убитой им птицы.

Заключение

Поэтика и семантика телесных метаморфоз, представленных в художественном пространстве проанализированных рассказов Андреева, раскрывают в числе прочего специфику концепции постмодерной личности: ее «нестабильность» и детерриториализация воплощаются в «Ломских рассказах» через изображение исчезновения («Голубь с голубыми глазами»), распада тела («Песня о любви Киро Канатоходца», «Последний снимок фотографа Ивайло»), перемещения в другое тело, в том числе в тело животного («Голубь с голубыми глазами», «Беспощадное тело Моники»), сращение с предметами («Последний снимок фотографа Ивайло»). Утрата / смена телесной оболочки не всегда приводит к исчезновению у героев сознания. Во всех рассмотренных произведениях телесные метаморфозы иллюстрируют неудовлетворенность героев собственной жизнью, невыносимой не легкостью, а тяжестью своего бытия. Но трагический пафос у Андреева снижается, фольклорно-мифологические элементы пародируются, а выстраиваемая писателем постмодернистская игровая мифология направлена на закрепление права за постмодерной личностью быть лишенной субстанциональности, но свободной, диффузной и не привязанной к одному пространственному образу.

57 Там же.

Источники и литература

Андреев Е. Ломски разкази. Велико Търново: Фабер, 2006. 192 с.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Гречко П. К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 171–190.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интранда, 1996. 253 с.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 688 с.

Ликова Р. Засилен интерес към маргиналното. URL: https://litclub.bg/library/kritika/rlikova/emil_andreev.htm (дата обращения: 12.07.2025).

Кирова М. Ломска къщичка. URL: https://newspaper.kultura.bg/media/my_html/2007/dumi.htm (дата обращения: 12.07.2025).

Маньковская Н. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. № 1 (4). С. 192–230.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с.

Можейко М. А. Идиографизм // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/idiografism.html> (дата обращения: 12.07.2025).

Можейко М. А. «Смерть субъекта» // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/smertsb.html> (дата обращения: 12.07.2025).

Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии: (К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленина) / отв. ред. А. К. Байбурин, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. С. 133–141.

Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию (материалы лекционных курсов 1992–1994 годов). М.: Ad Marginem, 1995. 339 с.

Симеонова-Конах Г. Постмодернизмът. Българският случай. София: Факел, Изток-Запад, 2011. 423 с.

Янев К. Переход и периферия в «Ломски разкази» на Емил Андреев и «Пернишки разкази» на Здравка Евтимова // Переходът във фокуса на литература / съст. А. Бурова, Н. Папучиев, С. Димитрова, К. Янев. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2025. С. 213–225. DOI: 10.60056/KY.2025.6176.213-225

References

- Andreev, E. *Lomski razkazi*. Veliko Turnovo: Faber, 2006, 192 p.
- Bakhtin, M. M. "Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike." Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 234–407.
- Deleuze, G., Guattari, F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya*. Yekaterinburg: U-Faktoriia, 2007, 672 p.
- Deleuze, G., Guattari, F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Yekaterinburg: U-Faktoriia; Moscow: Astrel', 2010, 895 p.
- Grechko, P. K. "Identichnost' – postmodernistskaia perspektiva." *Voprosy sotsial'noi teorii*, vol. IV, 2010, pp. 171–190.
- Ianev, K. "Prehod i periferiia v «Lomski razkazi» na Emil Andreev i «Pernishki razkazi» na Zdravka Evtimova." *Prehodut vuv fokusa na literaturata*, compl. by A. Burova, N. Papuchiev, S. Dimitrova, K. Ianev. Sofia: UI «Sv. Kliment Ohridski», 2025, pp. 213–225. DOI: 10.60056/KY.2025.6176.213-225
- Il'in, I. P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm*. Moscow: Intraida, 1996, 253 p.
- Leiderman, N. L., Lipovetskii, M. N. *Sovremennaia russkaia literatura: 1950–1990-e gody: Ucheb.posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenii*: in 2 vols. Vol. 2: 1968–1990. Moscow : Izdatel'skii tsentr «Akademiiia», 2003, 688 p.
- Likova, R. "Zasilen interes kum marginalnoto." URL: https://litclub.bg/library/kritika/rlikova/emil_andreev.htm (accessed: 12.07.2025).
- Kirova M. "Lomska kushtichka." URL: https://newspaper.kultura.bg/media/my_html/2007/dumi.htm (accessed: 12.07.2025).
- Man'kovskaia, N. "Postmodernizm v estetike." *Filosofskaiia antropologiiia*, 2018, vol. 1(4), pp. 192–230.
- Meletinskii, E. M. *Poetika mifa*. St Petersburg: Azbuka, 2018, 480 p.
- Mozheiko M. A. "Idiografizm." *Postmodernizm. Entsiklopediia*, ed. by A. A. Gritsanov, M. A. Mozheiko. URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/idiografism.html> (accessed: 12.07.2025).
- Mozheiko M. A. "«Smert' sub'ekta.»" *Postmodernizm. Entsiklopediia*, ed. by A. A. Gritsanov, M. A. Mozheiko. URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/smertsu.html> (accessed: 12.07.2025).
- Nekliudov, S. Iu. "O krivom oborotne (k issledovaniju mifologicheskoi semantiki fol'klornogo motiva)." *Problemy slavianskoi etnografii: (K 100-letiiu so dnia rozhdeniiia chl.-kor. AN SSSR D. K. Zelenina)*, ed. by A. K. Baiburin, K. V. Chistov. Leningrad: Nauka, 1979, pp. 133–141.
- Podoroga, V. A. *Fenomenologija tela. Vvedenie v filosofskuiu antropologiju (materialy lektsionnykh kursov 1992–1994 godov)*. Moscow: Ad Marginem, 1995, 339 p.

Simeonova-Konah, G. *Postmodernizmut. Bulgarskiyat sluchai*. Sofia: Fakel, Iztok-Zapad, 2011, 423 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.10

N. A. Lunkova

**“Great Martyrs of Unbearable Being”: The Metamorphoses of the Body as a Means of Spatial Representation of the Postmodern Identity
(Based on E. Andreev’s “Lom Stories”)**

Natalia A. Lunkova

Junior Research Fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lunkova_n@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9193-3890

Citation

Lunkova N. A. “Great Martyrs of Unbearable Being”: The Metamorphoses of the Body as a Means of Spatial Representation of the Postmodern Identity (Based on E. Andreev’s “Lom Stories”) // Slavic Almanac. 2025. No. 3–4. P. 204–222 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.10

Received: 01.08.2025.

Revised: 10.09.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

In this article, based on the stories “The End of the Red Ball”, “Dove with Blue Eyes”, “The Ruthless Body of Monika”, “Kiro the Tightrope Walker’s Song of Love”, and “The Last Photograph of Photographer Ivaylo”, which are part of the cycle “Lom Stories” (1996) by the renowned Bulgarian writer Emil Andreev (born 1956), the bodily metamorphoses of characters are analyzed to reveal the specifics of spatial representation of the postmodern personality. As a theoretical foundation for defining the features of the postmodern personality and the specifics of discourse in postmodern literature, works by J. Deleuze, F. Guattari, M. Foucault, E. M. Meletinsky, V. A. Podoroga, N. B. Mankovskaya, N. L. Leiderman, M. N. Lipovetsky, and others were used. The article demonstrates that in Andreev’s “Lom Stories”, the “instability” of the postmodern personality in terms of space mani-

fests, among other things, in the semantics and poetics of characters' bodily metamorphoses (disappearance, disintegration of the body, fusion with an object, movement into another body, including an animal's body). Using a playful postmodernist principle of modeling artistic reality, parodying folkloric-mythological elements, and blending tragic and comic elements, Andreev creates a special mythologized space where, in the intertwining of reality and fantasy, there exist "great martyrs of unbearable being" – heroes dissatisfied with their lives who feel a sense of "lacking". Their bodily metamorphoses illustrate the postmodern personality's detachment from a unified spatial image and its striving for freedom and diffuseness.

Keywords

Bulgarian literature, concept of personality, postmodernism, postmodern personality, space, corporeality.

УДК 821.16

Е. В. Шатько

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.11

Изображение военных действий в современной боснийской литературе

Шатько Евгения Викторовна

Кандидат филологических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование

Шатько Е. В. Изображение военных действий в современной боснийской литературе // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 223–232.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.11

Статья поступила в редакцию 01.08.2025.

Рецензирование завершено 03.09.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье на материале «осажденной» (Дж. Каракасан, М. Ергович, О. Кэбо) и послевоенной (В. Капор, Ф. Штукан) боснийской литературы показаны разные подходы к изображению военных действий 1990-х гг. на территории распадающейся Югославии. Основное внимание сосредоточено на художественных средствах (ольфакторная, аудиальная, визуальная образность), используемых для создания образа войны. К ольфакторной образности обращаются Ергович и Капор для создания контраста между мирным и военным временем. Вкусовые образы наиболее ярко разработаны в «Сараеве для начинающих» Кэбо, где вкус войны – это вода из канистры, пустой рис и крапива вместо шпината. Аудиальные образы, сопровождающие персонажей всех анализируемых произведений, – повторяющиеся взрывы и стрельба, постепенно становящиеся новой нормой реальности. Для Штукана образ тишины становится признаком опасности, предвестником бури, тогда как у Капор – это пространство травмы. Визуальные образы показывают разрушения, принесенные войной, однако авторы «осажденной» литературы часто описывают новые виды своего города заметно более подробно, тогда как Капор и Штукан ограничиваются несколькими краткими упоминаниями. Отсутствие света

становится для избранных произведений «осажденной» литературы также и метафорой конца света.

Ключевые слова

Боснийская литература, Джевад Каракасан, Миленко Ергович, Весна Капор, Феджа Штукан, Озрен Кэбо.

В современной боснийской литературе военные действия 1990-х гг. практически никогда не являются центральным событием в художественном произведении. Они могут быть подробно описаны в текстах мемуарного характера, которые, однако, остаются за рамками данного исследования¹. Материалом для анализа стали следующие произведения: «Дневник переселения» (1993) Джевада Каракасана, «Сараевское мальборо» (1994) Миленько Ерговича, «Сараево для начинающих» (1996) Озрена Кэбо², относящиеся к т. н. «осажденной»³ литературе, «Три одиночества или место незавершенных дел» (2010) Весны Капор и «Бланк» (2018) Феджи Штуканы, написанные после военного конфликта. В статье анализируются ольфакторная, вкусовая, аудиальная и визуальная образность в выбранных произведениях и выявляются закономерности ее использования при изображении военного времени (или же, напротив, отсутствие той или иной образности).

Так, например, ольфакторная образность в «Сараевском Мальборо» используется только в эпизодах, описывающих довоенное (счастливое) время: это ароматы кофе и ракии, аромат новой книги и др. В осажденном городе у героев как будто пропадает способность обращать внимание на запахи: бесконечная стрессовая ситуация сужает мир персонажей до одной цели – выжить. В романе Капор «Три одиночества...» ольфакторная образность также используется для контрастного изображения

1 Своего рода исключение составляет роман «Бланк» Ф. Штуканы, который начинается с описания нескольких военных эпизодов, стоит при этом отметить, что это лишь завязка романа, изначально создававшегося как сценарий для голливудского фильма.

2 Текст был написан во время осады, однако издан позже.

3 Обозначение «осажденная» литература предложено автором статьи в главе «Топос Сараева в “осажденной” литературе: Дж. Каракасан, М. Ергович, К. Заимович» в коллективной монографии «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы» для особой категории художественных текстов, написанных 1) авторами – свидетелями осады, 2) непосредственно во время осады.

военного и на этот раз послевоенного времени. Природные запахи становятся символом завершения военных действий, символом продолжающейся жизни: «Она [героиня. – Е. Ш.] носится по дому по всем направлениям. Распахивает заколоченные окна. В сердце дома, в ее сердце врывается прохлада позднего вечера. Вносит сладковатые запахи, навечно застравающие в ноздрях. Акация. Липа. Сосны»⁴. По возвращении в родной город после многих лет жизни за границей героиня отмечает, что здесь «пахнет так же, как и десять, пятнадцать лет назад. Липой и сиренью, и порохом. Нет, на этот раз – без пороха»⁵. Ольфакторным образом, связанным свойной, в романе Капор становится именно порох («готовые смешать запах пороха с запахом земли»⁶). Как и в «Сараевском Мальборо», в романе «Три одиночества...» запахи могут возвращать героев в довоенное – мирное – прошлое: «Рубашка его пахнет травами детства»⁷.

Наряду с ольфакторными образами в выбранных произведениях встречаются и вкусовые. В «Сараеве для начинающих» О. Кэбо создает особый образ воды, который становится символом тягот жизни в осажденном городе: «Там, за семью холмами и семью траншеями, люди пьют воду из чашки, которую они подносят от крана ко рту; мы пьем прямо из канистры, которую тащили три километра. И что ближе к природе?

Заслуживаем ли мы нашу воду?

Еще как.

Какой глоток самый сладкий?

Тот, который ты заслужил.

Поэтому самая сладкая – вода из канистры»⁸.

В разделе «ЕЩЕ НЕМНОГО ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ», где собраны истинны, общие для всех, кто жил в осаде, многие пункты касаются именно специфического вкуса такой жизни: «Вода из канистры самая сладкая», «Самый вкусный рис – это пустой. Рис без добавок», «Нет ничего лучше для курения, чем чай, только если он хорошо скручен», «Лучше всего зеляница⁹ из крапивы»¹⁰.

4 *Kapor B. Три одиночества, или место незавершенных дел.* СПб., 2017. С. 128.

5 Там же. С. 77.

6 Там же. С. 101.

7 Там же. С. 130.

8 *Kebo O. Sarajevo za početnike.* Sarajevo, 2014. S. 25. Здесь и далее перевод Е. В. Шатько.

9 Зеляница – традиционная боснийская выпечка из фило теста с начинкой из шпината.

10 *Kebo O. Sarajevo za početnike.* S. 26.

У Ерговича вкусовые образы, как и ольфакторные, используются для создания контраста между военным и мирным временем: «Я оказался в каком-то подвале после того, как выпил свою последнюю довоенную кока-колу...»¹¹. В «Три одиночества...» Капор вкусовые образы присутствуют в основном в описании жизни персонажей в военное время: «Сидели, выжимая в кофе наступающий день, как лимон в водку, и молчали» или «Три года страха и отвратительной витаминизированной американской муки»¹². Стоит отметить, что у Капор вкусовые образы используются и в своем прямом значении, и в метафорическом, тогда как у Кэбо подчеркнута вывернутая «нормальность» обедневшего рациона, и уже на уровне всего текста произведения вода становится символом. Важно оговорить, что питьевая вода в канистрах присутствует во многих видеорепортажах из осажденного Сараева, в текстах мемуарного характера, в устных рассказах переживших осаду и в других произведениях «осажденной» литературы (в т. ч. в «Дневнике переселения» и «Сараевском Мальборо»).

Аудиальная образность более характерна для описания ужасающей повседневности: взрывы, грохот, треск, сирены, выстрелы сопровождают героев всех анализируемых произведений. Наиболее отчетливо это, однако, выражено в «Сараевском мальборо»: «Второго мая гремело и с неба, и из земли. Началось около полудня»; «Стрельба утихла, уже когда наступил день. Солнце ослепляло, под ногами скрипело стекло, город был пуст и искалечен. Светофоры больше не работали»; «Греметь стало синкопами, взрывы размеженными волнами переходили из одного района города в другой»; «выстрелы раздавались нежно и близко, как напоминание, что этой ночью остались еще бодрствующие»¹³. В «Дневнике переселения» постоянные взрывы гранат «дарят» театру новое определение: «Театр – это актер и зритель в активном взаимодействии, спровоцированном драматическим текстом и средствами актерской игры в отсутствие гранат или с гранатами, которые достаточно далеко, чтобы не убить ни актера, ни зрителя»¹⁴. Вывернутая «нормальность» в «осажденной» литературе проявляется и в том, что герои выбранных произведений научаются не только различать используемое

¹¹ Jergović M. Sarajevski Marlboro. Podgorica, 2016. S. 25. Здесь и далее перевод Е. В. Шатько.

¹² Kapor B. Три одиночества... С. 63, 87.

¹³ Jergović M. Sarajevski Marlboro... S. 25, 88, 90.

¹⁴ Karahasan Dž. Dnevnik selidbe. Sarajevo, 2010. S. 30. Здесь и далее перевод Е. В. Шатько.

оружие по характерному звуку, но и понимать, насколько близко упадет тот или иной снаряд.

В «Бланке» Штукана главный герой – сам участник боевых действий. Его мир на протяжении первых 40–50 страниц романа – это периоды взрывов и стрельбы, сменяющиеся ожиданием новых приказов в окопе, наполненным второсортными шутками и курением: «Бууум! Взрыв сотряс землю и густой дым начал подниматься ввысь из вражеского рва. В этот самый момент начинается страшная стрельба в нашу сторону отовсюду, сначала из ружей, затем вместе со страшным шумом с неба начинают падать куски деревьев, земли, металла, всего, что мы заминировали»¹⁵. Герой впоследствии дезертирует, притворившись психически больным, и скрип больничной койки становится для него звуком близящейся свободы. Однако вскоре окажется, что психбольница сама по себе тоже источник опасности, здесь злоупотребляют положением и насилиют больных. «В психушке тогда впервые опустилась тишина»¹⁶, ставшая предвестником безысходности, а не долгожданным утешением. Для героини Капор в послевоенное время тишина, напротив, становится укрытием, выстроенным барьером между пережитым в военное время и современностью: «Она никогда не говорила ничего такого, что было связано с ее прежним миром. Тишина, установившаяся между ней и ее картинами, стала убежищем, в котором она скрывалась от минувшего»¹⁷. Тишина (или молчание) становится гарантом безопасности, чертой, за которую страшное пережитое не проникнет. Герою того же романа «тишина, соткавшая из минувшего убежище от беспокойного мира» вдруг показалась «клеткой, стеклянной (он видел мир, но не участвовал в его жизни), из которой надо выбраться»¹⁸. Образ клетки метафорически отсылает к частой реакции на травмирующее событие: эмоциональное оцепенение, ощущение разрыва контакта с внешним миром и др.¹⁹

К визуальным образам обращается большинство писателей. Однако наиболее яркое и подробное изображение осажденного города представлено в «Сараеве для начинающих» О. Кэбо: «Сараево – это полная жестость. Поднимаешь глаза и не видишь неба. Кабели, миллионы кабелей. Чтобы все было связано. Город полностью

15 Štukan F. Blank. Sarajevo, 2010. S. 33. Здесь и далее перевод Е. В. Шатько.

16 Ibid. S. 57.

17 Капор В. Три одиночества... С. 99.

18 Там же. С. 22.

19 Фоер Л., Климочкина К. Травма: Что она с нами делает и что мы можем сделать с ней. М., 2025. С. 17–18.

восстановили²⁰, но электричества по-прежнему нет. Смотришь вниз – нигде нет асфальта. Только газопровод. Весь город раскопан, газа нигде нет. Посмотрите на улицу, полную людей, – никто не ходит с пустыми руками. Все носят с собой канистры. Миллионы канистр, тысячи тележек, и ни у кого нет дома больше 20 литров воды. Вот почему Сараево лучше осматривать ночью, чем днем. Тогда вы ничего не увидите»²¹. Каракасан так сравнивает изменение восприятия города в новых условиях: «Платаны во дворе сломаны, молоденская липа во дворе как топором порубленная, мечеть Магрибия без крыши и минарета, церковь св. Иосифа без крыши», «Интересно, как пустая улица усиливает страх в такие времена. В мирные времена я любил пустые улицы, из-за этой любви я в основном гулял поздно ночью, когда улицы достаточно пусты, а теперь...»²². Ергович показывает внутренние изменения в персонаже через внешние проявления: «Лет на сто старше, чем был еще месяц назад, он вышел из дома...»²³ (в данном рассказе нарратор не прибегает к приему психологизма, поэтому трактовка данной цитаты как визуального образа представляется оправданной).

Отсутствие света, темнота – постоянные признаки жизни во время войны. Сложный быт – жизнь в подвалах, разрушенные здания, дым, нехватка питьевой воды – описывается во всех анализируемых произведениях кратко, сухо, безэмоционально. Самые обыденные действия теперь могут быть недостижимы. Так, например, автобиографический герой Каракасана несколько дней не может прочитать письмо от друга: «В это время года сараевские тени ложатся на землю уже после обеда, вот и нас письмо от друга поставило перед тяжелым выбором: мы не можем его читать, пока светло, потому что свет нужно использовать для набора питьевой воды и поисков еды, а ночью не можем, потому что почерк Гольдштейна слишком мелкий, чтобы разобрать его при свете масляной лампы»²⁴, ему вторит Кэбо: «Электричество не нужно. Садитесь в четыре часа и ждите в темноте восьми. В восемь – спать»²⁵. Он же рисует мрачный портрет ночного Сараева: «Вам стоит увидеть Сараево ночью. В полной темноте единственным

20 Имеется в виду, что все обрывы электрической сети устраниены.

21 *Kebo O. Sarajevo za početnike...* S. 18.

22 *Karahasan Dž. Dnevnik selidbe...* S. 26–27, 35–36.

23 *Jergović M. Sarajevski Marlboro...* S. 20.

24 *Karahasan Dž. Dnevnik selidbe...* S. 41.

25 *Kebo O. Sarajevo za početnike...* S. 26.

источником света были ракеты с Требевича²⁶. Только пережив эту сцену, можно осознать всю глубину тупика, в котором мы оказались. Болезненный образ. Нигде нет света, нигде нет следов жизни. Тьма и смерть царят в бассейне, который когда-то кипел жизнью», добавляя, что никто не был готов к войне, люди оказались неподготовленными к отключению электроэнергии: «Густая тьма окутывает наше замешательство. Когда кто-то зажигает спичку, она освещает половину города»²⁷. Отсутствие света, как электрического, так и метафорического, становится частым мотивом в исследуемых произведениях: «Я выключаю свет. Тону в темноте на три года», «Это больше не город, это лишь воспоминание о Сараеве из более светлых времен»²⁸, «И тогда зашло солнце», «Так я начал падать в черноту»²⁹.

У героини «Трех одиночеств...» возникает «пропуск» события, в ее памяти нет ни его визуального, ни звукового, ни иного воплощения: «Странно, но в суматохе, на ярмарке вечности, она *не видит* [курсив наш. – Е. Ш.] это мгновение. Его словно стерли. И момент стирания она тоже *не видит*. Только лица в движении, в движении... смеющиеся, задумчивые, отсутствующие, грустные...»³⁰. Лакуна на месте значимого события в памяти может быть свидетельством травмы³¹.

Капор, говоря о начале послевоенной жизни, использует прием монтажа, привлекая как визуальные, так и аудиальные образы: «И молчал [курсив здесь и далее наш. – Е. Ш.]. После окончания войны он жил в полном одиночестве. Дом годами отбрасывал свою тень и тишину. Когда кто-то далеко подписал мир, как будто решив остановить скрипящий механизм смерти, горожане вздохнули с облегчением. И начали жить с того места, на котором давным-давно остановились. Совсем как в кинотеатре, кто-то вырезал испорченный кусок пленки, время страха, причитаний, истерзанных окровавленных трупов – все это просто исчезло. Казалось, что все это рухнуло в бездонную яму, где ничего нельзя было рассмотреть, а то, что доносилось оттуда, казалось, и вовсе не существовало, и когда само пророчество спасло их от мрака, неминуемо стала разматываться пленка повседневности...»³². Интересно,

26 Во времена осады Сараева на Требевиче располагались сербские отряды, обстреливавшие город.

27 *Kebo O. Sarajevo za početnike...* S. 17.

28 *Ibid.* S. 26.

29 *Štukan F. Blank...* S. 23, 35.

30 *Капор В. Три одиночества...* С. 125.

31 *Фоер Л., Климочкина К. Травма...* С. 18.

32 *Капор В. Три одиночества...* С. 105.

что желание (или стремление психики) вычеркнуть из памяти страшные эпизоды наиболее ярко отражено в романе Капор, однако и в нем определенные образы заставляют героев возвращаться «туда»: «...сеть памяти о травме [...], активированная запахом, моментально подтягивает зрительные образы, звуки, мысли и эмоции из травмирующего эпизода»³³; именно так героиня, узнав запах дома, окруженного липами, акациями и соснами, почти автоматически ожидала и запах пороха.

В исследуемых произведениях ольфакторная, аудиальная, визуальная образность используются для создания образа войны, который, однако, ни в одном тексте не является центральным, война остается «привычным» фоном, на котором разворачиваются сюжеты из жизни героев. К ольфакторной образности обращаются Ергович и Капор для создания контраста между мирным и военным временем: мирное время наполнено приятными ароматами, тогда как военное у Капор пахнет порохом, а у персонажей Ерговича как будто атрофируется обоняние. Вкусовые образы наиболее ярко разработаны в «Сараеве для начинающих» Кэбо, где вкус войны – это вода из канистры, пустой рис и крапива вместо шпината. Аудиальные образы, сопровождающие персонажей всех анализируемых произведений, – повторяющиеся взрывы и стрельба, постепенно (и пугающе быстро) становящиеся новой нормой реальности. Отдельно стоит оговорить образ тишины: для Штука она становится признаком опасности, предвестником бури, тогда как у Капор – это пространство травмы, тишина как убежище и как стеклянная клетка, в которой невозможна полноценная жизнь. Визуальные образы ожидаемо показывают разрушения, принесенные войной, однако авторы «осажденной» литературы часто описывают новые виды своего города заметно более подробно, тогда как Капор и Штукан ограничиваются несколькими краткими упоминаниями. Отсутствие света становится для избранных произведений «осажденной» литературы также и метафорой конца мира. «Есть только одна вещь более странная, чем смерть. Умирающий. Видеть мертвца не страшно. Грусть, тошноту и страх вызывает вид умирающего человека. И Сараево не мертвое. Сараево умирает. [...] Сараево вступило в фазу, предпоследнюю фазу. Умирание будет длиться. Это займет время. Это продлится так долго, пока вся его красота не исчезнет. Останется лишь предупреждение и предостережение о том, что каждый город, который не воспримет предупреждающие знаки всерьез, в итоге будет страдать»³⁴.

33 Фоер Л., Климочкина К. Травма... С. 22.

34 Kebo O. Sarajevo za početnike... S. 101.

Источники и литература

Kapor B. Три одиночества, или место незавершенных дел. СПб.: Издательско-торговый дом «Скифия», 2017. 144 с.

Foer L., Klimochkina K. Травма: Что она с нами делает и что мы можем сделать с ней. М.: Альпина Паблишер, 2025. 311 с.

Jergović M. Sarajevski Marlboro. Podgorica: Nova knjiga, 2016. 144 s.

Karahasan Dž. Dnevnik selidbe. Sarajevo: Connectum, 2010. 102 s.

Kebo O. Sarajevo za početnike. Sarajevo: TKD Šahinpašić, 2014. 229 s.

Štukan F. Blank. Sarajevo: Connectum, 2010. 247 s.

References

Foer, L., Klimochkina, K. *Travma: Chto ona s nami delaet i chto my mozhem sdelat's nei*. Moscow: Alpina Publisher, 2025, 311 p.

Jergović, M. *Sarajevski Marlboro*. Podgorica: Nova knjiga, 2016, 144 p.

Kapor, V. *Tri odinochestva, ili mesto nezavershonykh del*. St Petersburg: Izdatel'sko-Torgovyi dom «Skifia», 2017, 144 p.

Karahasan, Dž. *Dnevnik selidbe*. Sarajevo: Connectum, 2010, 102 p.

Kebo, O. *Sarajevo za početnike*. Sarajevo: TKD Šahinpašić, 2014, 229 p.

Štukan, F. *Blank*. Sarajevo: Connectum, 2010, 247 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.11

E. V. Shatko

Depictions of War in Modern Bosnian Literature

Evgeniia V. Shatko

Candidate of Letters, research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Citation

Shatko E. V. Depictions of War in Modern Bosnian Literature // Slavic Almanac. 2025. № 3–4. P. 223–232 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.11

Received: 01.08.2025.

Revised: 03.09.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

In the article, different approaches to create an image of war in 1990s, during the collapse of Yugoslavia are shown based on the material of the “besieged” (Dž. Karahasan, M. Jergović, O. Kebo) and afterwar (V. Kapor, F. Štukan) Bosnian literature.. The main point is to discover the olfactory, auditorial, visual images as well as tastes which are used for depicting war. Jergovic and Kapor are using olfactory images to show the contrast between peace and war. Tastes are used by Kebo in his “Sarajevo for Beginners”, in which the taste of war is bad water and plain rice. Auditory images are those of explosions and gunshots which, over time, are becoming new norm. Silence for Stukan is a sign of danger, but for Kapor it is trauma space. Visual images show the destroyed cities and towns, but “besieged” authors describe it with much more details, while Stukan and Kapor use a few sparse mentions. The absence of light becomes the symbol of the end of times in “besieged” literature.

Keywords

Bosnian literature, Dževad Karahasan, Miljenko Jergović, Vesna Kapor, Feđa Štukan, Ozren Kebo.

Внешнее vs внутреннее: пространственная оппозиция в «Балканской трилогии» М. Вишнека

Усачёва Анастасия Викторовна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.usacheva@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-1980-9451

Цитирование

Усачёва А. В. Внешнее vs внутреннее: пространственная оппозиция в «Балканской трилогии» М. Вишнека // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 233–244. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.12

Статья поступила в редакцию 01.08.2025.

Рецензирование завершено 10.09.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье исследуются пространственные оппозиции в двух пьесах «Балканской трилогии» Матея Вишнека – «О женской сексуальности как поле боя в боснийской войне» (1996–1997) и «Слово прогресс, произнесенное мамой, звучало ужасно фальшиво» (2005). Анализируются бинарные структуры (внешнее / внутреннее, Запад / Балканы, жизнь / смерть, открытое / закрытое) на физическом, символическом и телесном уровнях, раскрывается их роль в репрезентации травмы балканских конфликтов. Представленные оппозиции выражают амбивалентность пространств: Балканы как локус страдания и памяти противопоставлены Западу, символизирующему порядок и вместе с тем цинизм; открытый мир как живой и несущий возможности, однако кажущийся небезопасным, противопоставлен закрытому миру как неопасному, но неживому. Границы (государственные, телесные, символические) выступают ключевыми элементами поэтики пьес. На телесном уровне исследуется утрата субъектности (изнасилование, проституция) и ее восстановление через действие. Несмотря на мрачный контекст, финалы пьес предлагают оптимизм: герои обретают агентность, выбирая между интеграцией во «внешний» мир

или возрождением «внутреннего» (родина / дом). В статье подчеркивается, что для Вишнека преодоление травмы связано с активным освоением пространства и возвращением контроля над собственной историей.

Ключевые слова

Пространство, Вишнек, драматургия, война на Балканах.

Матей Вишнек (р. 1956) – современный румынско-французский журналист, писатель, поэт и драматург. Родившись в Румынии и эмигрировав во Францию в 1987 г., с 1990 г. он живет на две страны, пишет на обоих языках и издает свои произведения и там, и там. Сборник «Балканская трилогия» увидел свет в 2016 г. В него вошли пьесы разных лет: «О женской сексуальности как поле боя в боснийской войне» (1996–1997), «Слово прогресс, произнесенное мамой, звучало ужасно фальшиво» (2005) и «Западный Экспресс» (2009). В этой статье для анализа выбраны первые две, объединенные общей темой: война на Балканах¹. В них автор рассказывает о сложной судьбе региона и вербализует свой опыт непосредственного свидетеля: в основу лег новостной материал, с которым Вишнек работал в последнее десятилетие XX в. как радиожурналист, а также «тревоги этой профессии»².

Пьесу «О женской сексуальности...» Вишнек начал писать еще до окончания войны. Между 1992 и 1996 гг. он почти ежедневно передавал по радио новости, анализ событий, комментарии и интервью о происходящем на территории бывшей Югославии. Тогда же у него впервые возникло чувство одновременно ярости и бессилия – сам факт информирования публики о происходящем не казался чем-то достаточным: «Мы, журналисты, как вороны: помогаем хоронить, но никогда не встаем между убийцей и жертвой, не отклоним ни одной пули и всегда слишком поздно приезжаем в места, где нам надо было бы быть раньше, чтобы сохранить человеческие жизни»³.

1 Третья пьеса трилогии осталась за скобками по двум причинам: во-первых, у нее другая тематика (стереотипы о Балканах и Восточной Европе), во-вторых, для достижения своих целей автор использует иные нарративные стратегии, а пространственные оппозиции не играют существенной роли в поэтике «Западного Экспресса».

2 Vișniec M. Despre enigma numită om // Vișniec M. Trilogia balcanică. București, 2016. P. 7. Здесь и далее перевод с румынского языка выполнен автором статьи.

3 Ibid.

Вишнек-журналист начал терять веру, и тогда на помощь пришел Вишнек-писатель: «Совершенно ясно, что внутри меня на протяжении 25 лет существует расщепление личностей. Журналист, живущий во мне, стал пессимистом и говорит себе, что человечество свихнулось, что человек остается иррациональным, что прогресс – это химера, а главная специализация человечества – систематически повторять ошибки прошлого. Писатель во мне продолжает верить в человека, в его способность возводить светлые моральные конструкции, в его могущество преодолеть лимиты и идти навстречу цивилизации, осознавать противоречия и выйти победителем из борьбы с самим собой»⁴. В итоге Вишнек-писатель смог вызвать более широкий резонанс, чем Вишнек-журналист: пьеса о боснийках, подвергнувшихся сексуальному насилию, и о самом сексуальном насилии как военной стратегии ставится уже более 20 лет и переведена на 15 языков. Очевидная востребованность этой темы привела к тому, что драматург продолжил исследование механизмов, «которые за одну ночь превращают людей в чудовищ»⁵, – почти десять лет спустя он опубликовал «Слово прогресс...», в котором рассказал о возвращении в разоренный дом и о поисках своих мертвых. «Европа построена на огромном слое трупов»⁶, – так пояснил Вишнек выбор тематики в интервью румынскому периодическому изданию о литературе и культуре «Обсерватор Културал».

На сопоставлении (и противопоставлении) внешнего и внутреннего, открытого и закрытого миров строится поэтика обеих пьес. Эта пространственная оппозиция решается автором сразу на нескольких уровнях, от физического (Запад / Балканы, снаружи / внутри) до символического (день / ночь, жизнь / смерть, общественное / частное) и телесного (молчание / речь, субъектность / объектность). Отношение к каждой из частей оппозиции в пьесах предстает амбивалентным: и внутреннее, и внешнее пространства несут каждое свои опасности и свободу, только от героев зависит, в пользу какого из них будет сделан выбор и какое будет присвоено и освоено. С этими двумя мирами тесно связан и образ границы, который является многоплановым и решается в каждом аспекте по-разному.

4 Ibid. P. 9.

5 Ibid. P. 8.

6 Șimonca O. «O nouă generație de regizori descoperă piesele mele». Interviu cu Matei Vișniec // Observator Cultural. 2005. № 265 (60). URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/o-noua-generatie-de-regizori-descopera-piese-mele-interviu-cu-matei-visniec-2/> (дата обращения: 28.07.2025).

Сюжет пьес, как характерно для Вишнека, отдающего дань театру абсурда, довольно незамысловат. В «О женской сексуальности...» всего два персонажа: американка Кейт иbosнийка Дорра. Действие разворачивается в неврологической клинике (бывшем американском военном госпитале – это важная деталь, которая делает его пограничным местом между миром и войной), расположенной на Боденском озере. Кейт записывает свидетельства женщин, пострадавших во время войны от сексуализированного насилия. Пьеса открывается сценой, в которой Кейт читает отрывки из своих заметок: «В межэтнических войнах женское тело становится полем боя. Феномен, наблюдаемый в Европе в конце XX века»⁷. Дорра – пациентка клиники, пережившая групповое изнасилование, беременная и находящаяся в глубокой депрессии, вызванной травмой (в первых сценах она никак не реагирует на реплики Кейт)⁸. Сначала Дорре (и читателю) кажется, что американка приходит изучать ее случай, однако с развитием действия становится понятно, что Кейт – такая же пациентка, травмированная своим опытом работы в качестве психолога при эксгумации тел из братских могил (сцена 21)⁹.

Пьеса «Слово *прогресс...*» рассказывает о двух беженцах где-то на Балканах, отце и матери, вернувшихся в разоренныйвойной, сгоревший дом. Война то ли закончилась, то ли приостановилась на мгновение. Они старики, но неизвестно, действительно ли им много лет или же они постарели после смерти сына и вынужденного отъезда из дома, деревни, страны. Старики поселяются в уцелевших развалинах. Мать находится в состоянии прострации, а отец действует – без устали, ежедневно копает то ли ямы, то ли колодцы. Соседи считают его сумасшедшим, но выясняется, что у него есть цель: найти останки убитого сына, без которых мать не может оплакивать свою утрату и скорбеть, чтобы научиться жить дальше. Эта пьеса интересна также тем, что Вишнек предлагает два варианта заключительной сцены на выбор, речь о чем пойдет ниже.

Самая крупная и очевидная пространственная оппозиция в обеих пьесах – Запад / Балканы. И Балканы здесь предстают миром травмы и хаоса, закрытым миром, где уничтожена память о счастливом

⁷ Višniec M. Despre sexul femeii – câmp de luptă în războiul de Bosnia // Višniec M. Trilogia balcanică. Р. 15.

⁸ Фоер Л., Климочкина К. Травма: Что она с нами делает и что мы можем сделать с ней. М., 2025. С. 17–18.

⁹ Višniec M. Despre sexul... P. 50–52.

прошлом и осталась только боль. Символом его становится сгоревший дом старикив. Дорра тоже говорит: «Я больше не хочу увидеть свой дом, потому что у меня нет дома», «Все, что я хочу, – уехать подальше от этого проклятого места, от этого места ужаса»¹⁰. С одной стороны, Запад противопоставлен Балканам как пространство порядка, выздоровления (не зря клиника находится именно в городе Констанц, на границе Германии и Швейцарии), с другой – поднимается тема расчетливого использования ситуации на Балканах в своих интересах. Например, Дорра считает, что американцы изучают страдания боснийских женщин, чтобы получать гранты и углублять свои знания о психологии жертв. В «Слове прогресс...» выясняется, что дочь старикив вынуждена была зарабатывать себе на жизнь в Западной Европе проституцией. Кроме того, в этой пьесе возникает образ государственной границы, появившейся после распада Югославии, она проходит теперь по бывшему фруктовому саду и начерчена при непосредственном участии Запада¹¹. Отец вынужден нелегально перehодить ее по ночам в поисках могилы сына. Символ Запада – это и новый сосед старикив, пытающийся купить их дом, чтобы сделать там мотель («Я его назову “Отель Европа”... Люди сегодня ездят туда-сюда. Я уже даже подготовил вывеску, на которой написано “Отель Настоящая¹² Европа”...»)¹³). Финал обеих пьес оптимистичен, хотя герои принимают противоположные решения: Дорра подает прошение об убежище, выйдя таким образом за «балканскую» границу, а дочь старикив решает остаться («Я вижу, что дом и не сгорел полностью. Мы его отстроим заново»¹⁴ – это последняя реплика в обоих вариантах заключительной сцены, предложенных Вишнеком).

Вторая оппозиция на физическом уровне – снаружи / внутри. В ее рамках в пьесах есть герои, относящиеся к открытому миру и к закрытому. В «Слове прогресс...» закрытому миру принадлежит мать. Вернувшись домой, она больше уже никуда не выходит, а ее муж, напротив, деятелен: помимо поисков сына, он посещает соседа, ходит в закусочную выпить с односельчанами. В «О женской сексуальности...» закрытому миру принадлежит Дорра, сидящая в своей

10 Ibid. P. 66.

11 Vişniec M. Cuvântul progres rostit de mama sună atât de fals // Vişniec M. Trilogia balcanică. P. 85.

12 В оригинале – «Hotel Europa Complet», где «complet» означает «полный, целый».

13 Ibid. P. 85.

14 Ibid. P. 141, 142.

комнате. В сцене 2 Кейт рассказывает, как хорошо в парке, пахнет весной, предлагает выйти; «Дорра молчит и неподвижно сидит на стуле, глядя в пустоту»¹⁵. В сцене 4 Кейт предлагает Дорре выбрать какую-нибудь еду из меню, а в 11-й приглашает ее в общую гостиную, где разведен камин; все это время «Дорра сидит неподвижно на стуле»¹⁶. Эта ремарка повторяется рефреном в начале нескольких сцен, описывая внешнее проявление травмы боснийки. Кейт, женщина из открытого мира, несмотря на то что тоже является пациенткой, приходит и уходит, у нее есть возможность вернуться домой, в Америку. Дорра, хотя и говорит в сцене 19, что хочет уйти отсюда, в рамках действия пьесы так ни разу и не покидает безопасное пространство своей комнаты. Поворотная в ее судьбе прогулка в парке, повлиявшая на решение оставить ребенка и просить убежище, остается за кадром, мы узнаем о ней только из письма Кейт в финале пьесы.

С оппозицией снаружи / внутри в пьесе «О женской сексуальности...» тесно связана еще одна, символическая: день / ночь. День – время Кейт, это «открытое» пространство: женщина ходит на прогулки, проводит время в общей гостиной, несколько раз приносит Дорре из парка свежие цветы, являющиеся символом жизни и свободы. Границы этого пространства проницаемы, их обозначениями являются дверь и окно комнаты (и на протяжении первой трети пьесы Кейт пытается разомкнуть эту границу для Дорры, то приглашая ее выйти, то подзывая к окну вдохнуть свежий весенний воздух). Ночь – время Дорры, пространство «закрытое», его символами являются кровать (казенная, с инвентарным номером, оставшаяся от военных), одеяло, а также зеркало над раковиной, в которое в уединении кричит босничка. Хотя в европейской культуре зеркало может символизировать портал в другой мир, в этой пьесе оно, скорее, отражает всю ту же тьму, замкнутость комнаты и отчаяние Дорры. Сходятся дневной и ночной миры тоже символически – вечером: босничка начинает доверять американке, они становятся приятельницами и именно по вечерам пьют вино, разговаривают о войне, Балканах и балканских мужчинах-националистах, рассказывают друг другу свои жизненные истории.

В обеих рассматриваемых пьесах важным является противопоставление жизнь / смерть. Его тоже можно отнести к пространственному, потому что жизнь, в авторской философии Вишнека, – это движение и открытость будущему, возможность уйти, а смерть,

15 Vîsniec M. Despre sexual femeii... P. 16.

16 Ibid. P. 25.

соответственно, – застывание, вынужденная привязанность к одному месту¹⁷ (это может быть как могила, так и невозможность для души перейти в мир иной). Образ могилы – один из центральных в обоих произведениях. Разумеется, это замкнутое пространство. Образ проявляется как буквально – общие захоронения в обеих пьесах, – так и в символическом значении: «Твой живот – это общая могила, Дорра. Когда я думаю о твоем животе, я вижу общую могилу, полную высушенных тел [...]. И в этой общей могиле, смотри, кто-то шевелится... Какое-то существо... Среди всех этих мертвых находится живое существо [...]. Твой ребенок – выживший [...]. Он должен быть спасен... вытащен из общей могилы»¹⁸. Этому нерожденному ребенку автор противопоставляет саму Дорру, которая жива, но мечтает о смерти:

Кейт: Дорра, ты должна жить.

Дорра: Я не уверена, что хочу жить, Кейт.

Кейт: Ты обязана жить, Дорра.

[...]

Дорра: Не жизнь сильнее.

[...]

Дорра: Смерть сильнее всего¹⁹.

В итоге боснийка решает жить, но это требует от нее больших ресурсов и внутренней работы.

В «Слове прогресс...» Вишнек предоставил постановщику (и читателю) выбрать один из двух финалов и решить, кто из героев принадлежит миру мертвых, а кто – миру живых. Каждый раз, садясь за стол, мать ставит три тарелки: для себя, мужа и – перед пустым стулом – для сына. Сын, очевидно, мертв, его призрак (или душа) пытается общаться с родителями, дать им утешение. Однако родители его не слышат: «Иногда я говорю часами, а она [мать. – А. У.] меня не слушает, не смотрит на меня и даже не плачет»; «С самого утра, как вы

17 Такая трактовка жизни и смерти характерна для многих пьес Вишнека, называвшего своими учительями драматургов театра абсурда. Писатель полемизирует с ними, считавшими, что ничто не имеет смысла, богу нет дела до человека, а ожидание или беспредметные разговоры – это и есть жизнь. Для Вишнека жизнь – выход за пределы абсурда, который возможен через действие (финалы многих его пьес – «Последний Год», «Женщина-мишень и 10 ее любовников», «Яма в потолке», «Представь, что ты бог» и др. – подтверждают этот тезис).

18 *Višniec M. Despre sexul femeii...* P. 65.

19 Ibid. P. 35.

вернулись, я с вами все здороваюсь, а вы не отвечаете»²⁰. Сын привязан к дому: «Я остался дома и ждал вас здесь. Уже прошло четыре года, как я вас жду»²¹. Он приводит с собой на обед друзей – солдат, погибших на этой земле в других войнах, это те, чьи останки находят отец, раскапывая могилы. Сын пытается представить гостей родителям, но, разумеется, те их не видят и не слышат, как и сына. Дочь точно жива – она появляется, «таща за собой чемодан»²², в предпоследней сцене, а в начале пьесы упоминается, что она работает на Западе и присыпает родителям деньги²³. С матерью и отцом, однако, все сложнее. Первый вариант финала предполагает, что они живы: дочь садится с ними за стол и говорит: «Мы снова собрались дома все вместе»²⁴. Женщина противопоставляет себя брату и пытается добиться внимания от матери, которая смотрит в мир мертвых, не замечая живых: «Отец со мной разговаривает, когда мы одни в саду. А ты притворяешься, что меня не видишь. Как будто я не существую. Как будто я умерла. [...] Только я не умерла. Я здесь, я вернулась. Я говорю с тобой»²⁵. Наконец, мать смотрит на дочь и видит ее, приносит на стол не три тарелки, как раньше, а четыре, кладет ей еду и ставит еще один стул. В начальной авторской ремарке также указано, что на сцене присутствуют три человека. В таком варианте финала вероятна трактовка, что общающийся с дочерью отец относится к миру живых, куда постепенно возвращается и принявшая ее мать.

Во втором варианте 25-й сцены Вишнек показывает, что дочь пытается общаться с родителями, но у нее ничего не выходит: она сидит одна за столом, на котором три тарелки, «справа от нее – пустой стул, слева от нее – пустой стул»²⁶. Пьеса закольцовывается, дочь произносит те же слова, что и сын в сцене 3: «Я с вами здороваюсь, а вы мне не отвечаете. Почему? [...] Почему вы притворяетесь, что не слышите меня?»²⁷ Поскольку пустые стулья в пьесе символизируют умерших, можно утверждать, что родителей уже тоже нет в живых. Возможно, они умерли, пока дочь добиралась пешком домой. Так как известно, что дочь жива, возникает предположение, что родители в этом варианте финала не принадлежат

20 Vișniec M. Cuvântul progres... P. 80, 79.

21 Ibid. P. 79.

22 Ibid. P. 140.

23 Ibid. P. 103.

24 Ibid. P. 141.

25 Ibid. P. 140.

26 Ibid. P. 141.

27 Ibid. P. 141–142.

ни миру мертвых, ни миру живых, потому что не видят и не слышат ни умершего сына, ни живую дочь. Вероятно, такое «зависание» символически обозначает травматическое переживание ужасов войны и потери детей, травму, от которой невозможно оправиться без посторонней помощи и которая заставляет избегать настоящей жизни²⁸. Кроме того, это междумирье может быть символом Балкан, застывших, по Вишнеку, между миром и войной, «открытой раной Европы»²⁹.

Жизнь и смерть, являясь не только символами, но также и физиологическими состояниями, подводят к телесному уровню пространственных оппозиций. С одной стороны, это тело как частное и общественное. Изнасилование, будучи действием, совершенным против воли, является актом отчуждения права на субъектность и на распоряжение собственным телом. Именно поэтому беременность воспринимается Доррой тоже как насилие над ней, словно внутри нее живет чужой: «Оно слишком много ест! Оно все время голодно! Это чудовище все время голодно. Оно меня грызет, пожирает меня изнутри [...]. Оно цепляется за мои внутренности... Ранит меня»³⁰. Кейт усугубляет диссоциацию Дорры с телом, настаивая, что та должна обязательно родить ребенка («спасти»), что она не может его ненавидеть и проч. Именно ощущение себя объектом становится для боснийки одной из причин нежелания жить: смерть мыслится ею как способ вернуть себе субъектность через контроль («...я знаю, как умру. Но я еще не решила, когда я умру. [...] Я тебе скажу скоро, накануне...»³¹). Однако в итоге она находит иной выход – принять свой опыт, свою беременность и свою способность жить с этим.

В «Слове прогресс...» показан другой вариант отчуждения субъектности, не менее травмирующий, – проституция как обобществление женского тела. Здесь героиня присваивает свою агентность буквально – покинув бордель, хотя, по ее мнению, родители не разговаривают с ней по возвращении, потому что стыдятся: «...вы на меня совсем не смотрите. Что я сделала, чтобы это заслужить? Все случилось как случилось. Ничего уже не поделаешь»³². И, возможно, для дочери решение отстроить сгоревший дом – это дальнейшие шаги по обретению власти и контроля на своей жизнью и судьбой.

28 Фоер Л., Климочкина К. Травма... С. 14.

29 Višniec M. Despre enigma... Р. 7.

30 Višniec M. Despre sexul femeii... Р. 56.

31 Ibid. Р. 36.

32 Višniec M. Cuvântul progres... Р. 142.

Еще одно выражение внешнего и внутреннего на телесном уровне – это противопоставление молчания и речи (или крика), встречающееся в обеих пьесах. Первая начинается с того, что Кейт, принадлежащая, как уже было сказано, внешнему миру, приходит днем и разговаривает, а боснийка в первой трети действия ничего ей не отвечает (Вишнек это показывает многоточием напротив имени Дорры в диалогах). Говорит (точнее, кричит) она ночью, в «свое» время, «съежившись в кровати, под одеялом»: «Я тебя ненавижу. Я тебя ненавижу»³³. Сцена 6 состоит целиком из одного этого предложения, повторенного 32 раза. Сохраняя молчание в присутствии Кейт, в одиночестве Дорра выдает монологи, обращенные к зрителям (например, про балканских мужчин в сцене 12, занимающей три страницы – это вообще одна из самых длинных сцен пьесы). Здесь молчание и речь являются границами закрытого и открытого миров. Как только боснийка начинает вести с американкой полноценные диалоги, происходит ее постепенный выход изнутри вовне.

Во второй пьесе молчание и речь играют несколько иную роль, хотя тоже связанную с внутренним и внешним. Они становятся границей между миром мертвых и живых: сын разговаривает с другими погибшими солдатами, но не может быть услышан своими родителями; мать (а в другом варианте финала и отец) не отвечает дочери, не слышит и не видит ее. В этой пьесе возможность диалога также означает выход вовне, как минимум – на один уровень бытия.

Сравнивая способы выражения оппозиции внутреннего и внешнего в обеих пьесах, можно увидеть, что в «О женской сексуальности...» она символическая, а в «Слове *прогресс...*» это противопоставление часто становится буквальным. Также и граница в первом произведении является скорее символической и при этом проницаемой (комната, из которой можно выйти; страна, которую можно покинуть; тело как граница, которую преодолеет ребенок, родившись). Во втором же граница буквальная (линия, прочерченная рядом с домом старииков) и часто непроницаемая (персонажи, находящиеся на разных планах бытия, не слышат, не видят и не находят друг друга; сын не может, по-видимому, покинуть дом). Однако в обоих случаях положительный исход возможен, когда человек решает действовать, тем самым возвращая себе агентность. Вероятно, именно эта способность вселяет оптимизм в Вишнека-писателя, когда речь идет о «загадке под названием человек»³⁴.

33 Vışnec M. Despre sexul femeii... P. 20.

34 Vışnec M. Despre enigma... P. 10.

Источники и литература

Фоер Л., Климошкина К. Травма: Что она с нами делает и что мы можем сделать с ней. М.: Альпина Паблишер, 2025. 311 с.

Şimonca O. «O noua generație de regizori descoperă piesele mele». Interviu cu Matei Vișniec // Observator Cultural, 2005. № 265 (60). URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/o-noua-generatie-de-regizori-descopera-piese-mele-interviu-cu-matei-visniec-2/> (дата обращения: 28.07.2025).

Vișniec M. Cuvântul progres rostit de mama sună atât de fals // Vișniec M. Trilogia balcanică. București: Humanitas, 2016. P. 71–142.

Vișniec M. Despre enigma numită om // Vișniec M. Trilogia balcanică. București: Humanitas, 2016. P. 7–10.

Vișniec M. Despre sexul femeii – câmp de luptă în războiul de Bosnia // Vișniec M. Trilogia balcanică. București: Humanitas, 2016. P. 13–70.

Vișniec M. Trilogia balcanică. București: Humanitas, 2016. 305 p.

References

Foer, L., Klimochkina, K. *Travma: Chto ona s nami delaet i chto my mozhem sdelat's nei*. Moscow: Alpina Publisher, 2025, 311 p.

Şimonca, O. ««O noua generație de regizori descoperă piesele mele». Interviu cu Matei Vișniec.» *Observator Cultural*, 2005, No 265 (60). URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/o-noua-generatie-de-regizori-descopera-piese-mele-interviu-cu-matei-visniec-2/> (accessed: 28.07.2025).

Vișniec, M. “Cuvântul progres rostit de mama sună atât de fals.” Vișniec M. *Trilogia balcanică*. București: Humanitas, 2016, pp. 71–142.

Vișniec, M. “Despre enigma numită om.” Vișniec M. *Trilogia balcanică*. București: Humanitas, 2016, pp. 7–10.

Vișniec, M. “Despre sexul femeii – câmp de luptă în războiul de Bosnia.” Vișniec M. *Trilogia balcanică*. București: Humanitas, 2016, pp. 13–70.

Vișniec, M. *Trilogia balcanică*. București: Humanitas, 2016, 305 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.12

A. V. Usacheva

External vs. Internal: Spatial Opposition in M. Vișniec’s “Balkan Trilogy”

Anastasiia V. Usacheva

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: a.usacheva@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-1980-9451

Citation

Usacheva A. V. External vs. Internal: Spatial Opposition in M. Višniec's "Balkan Trilogy" // Slavic Almanac. 2025. № 3–4. P. 233–244 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.12

Received: 01.08.2025.

Revised: 10.09.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The article explores spatial oppositions in two plays by Matei Višniec from the “Balkan Trilogy” – “The Body of a Woman as a Battlefield in the Bosnian War” (1996–1997) and “The Word *Progress* on my Mother’s Lips Doesn’t Ring True” (2005). It analyzes binary structures (external/internal, West/Balkans, life/death, open/closed) at physical, symbolic, and corporeal levels, revealing their role in representing the trauma of the Balkan conflicts. These oppositions express the ambivalence of spaces: the Balkans as a locus of suffering and memory are contrasted with the West, symbolizing order yet also cynicism; the open world, while offering possibilities, appears unsafe and is opposed to the closed world as non-threatening yet lifeless. Boundaries (national, bodily, symbolic) serve as key elements of the plays’ poetics. At the corporeal level, the loss of agency (through rape, prostitution) and its restoration through action are examined. Despite the grim context, the plays’ endings offer optimism: characters regain agency by choosing between integration into the “external” world or revival of the “internal” one (homeland/home). The article emphasizes that for Višniec, overcoming trauma involves actively inhabiting/reclaiming space and regaining control over one’s own history.

Keywords

Space, Višniec, dramaturgy, War in the Balkans.

УДК 391:394

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.13

M. B. Лескинен

**«Русский Боян»
или «ловкий эксплуататор московского патриотизма»:
Д. А. Агренев-Славянский и его «Славянская капелла»
в оценках современников. Часть 2**

Лескинен Мария Войттовна

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: marles70@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7638-507X

Цитирование

Лескинен М. В. «Русский Боян» или «ловкий эксплуататор московского патриотизма»: Д. А. Агренев-Славянский и его «Славянская капелла» в оценках современников. Часть 2 // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 245–268. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.13

Статья поступила в редакцию 27.07.2024.

Рецензирование завершено 17.09.2024.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Статья посвящена деятельности Дмитрия Александровича Агренева (псевд. Агренев-Славянский, 1834/1836–1908), основателя одного из самых популярных хоровых коллективов в Российской империи последней трети XIX – начала XX в. – «Славянской капеллы». В существующей историографии об истории хоров, исполнявших русские и славянские народные песни, и становлении российской эстрады констатировалось кардинальное расхождение оценок современниками как личности создателя хора, так и репертуарной политики Славянского, его роли в популяризации песенного наследия. С одной стороны, его называли «русским Бояном» и превозносили за популяризацию русской культуры в России и за рубежом. С другой – упрекали в фальсификациях, распространении псевдонародных произведений и в стремлении к прибыли. Музыкальные критики и композиторы (в том числе П. И. Чайковский и С. И. Танеев) выражали сомнения в аутентичности собираемых им самостоятельно фольклорных источников и в точности их музыкальной

обработки для концертного исполнения. Во второй части статьи рассмотрены критические отклики и предложено объяснение остроты данной полемики в отношении Славянского и его капеллы с точки зрения формирования культурных представлений и идеологических концепций русской народности в период нациестроительства в Российской империи.

Ключевые слова

Д. А. Агренев-Славянский, Российская империя, русский хор, песенный фольклор, народность, история российской этнографии.

Критика Д. А. Агренева-Славянского современниками

Разоблачительные сведения и критика

В первой части статьи мы представили основные интерпретации сторонников и поклонников творчества Славянского. Здесь остановимся на втором полюсе оценок деятельности руководителя «Славянской капеллы». Приведем аргументы современников, выступавших с негативными отзывами о творчестве Д. А. Агренева и его концепции популяризации славянского фольклорного наследия. Критика касалась различных аспектов деятельности Славянского: репертуара, методов популяризации, отношения к вопросу об аутентичности источников и др. Наиболее резкое неприятие с самых первых лет существования «Славянской капеллы» открыто и эмоционально выражали прежде всего профессиональные музыканты, композиторы и музыкальные критики – такие как П. И. Чайковский и Г. А. Ларош, которые высказывали негативное мнение публично, на страницах прессы, и такие как С. И. Танеев и Н. А. Римский-Корсаков, отказавшиеся войти в состав Комитета по чествованию Д. А. Славянского в 1887 г.

Крайне недоброжелательная и даже ядовитая (в жанре фельетона) критика П. И. Чайковского в первой половине 1870-х гг. – одна из наиболее болезненных точек в обсуждении «истинного облика» Славянского и значения его деятельности. Если о других насмешливых и невосторженных откликах яростный почитатель Славянского мог высказаться так: «Плоские и тупоумные выходки газетных брехунов, где среди сплошной пошлости и глупого зубоскальства едва

наберется несколько крупиц истинного юмора и остроумия»¹, то мнение выдающегося композитора игнорировать было довольно трудно. Известно, что Д. А. Агренев ответил на критику Чайковскому публично лишь однажды.

В рецензиях и фельетонах П. И. Чайковский критиковал выбор Славянским репертуара, манеру исполнения, чрезмерно активную гастрольную деятельность и отношение к аудитории. Рассуждая о том, что в России еще не сложилась настоящая публика, «создающая общественное мнение», а есть только «разнохарактерная толпа», Чайковский приводил в качестве примера слушателей «якобы русских концертов» Славянского². Он высмеивал издание им сборника русских песен, считая его претензию на “собирательство” «святотатственной»³, будучи убежденным, что для «записывания народных напевов» необходимы огромная музыкальная эрудиция, талант и техническая подготовка, которые отсутствовали у Агренева. Отдельного рассмотрения удостоился вопрос о его успехе как певца, и характеристика композитора была далека от похвальной: «Славянский весьма изрядный певец в легком роде; он не лишен того качества в вокальном исполнении, которое называется *шиком* и которому он в особенности обязан своими успехами»⁴.

В фельетоне 1873 г. Чайковский назвал хор Славянского «плохо разученным», с «псевдонародными русскими песнями» и довольно резко высказался о славословиях в адрес Агренева московской прессы, считая похвалы в адрес исполнителя следствием «борьбы» с «антипатриотическими началами», против «враждебных национальному искусству музыкальных учреждений». Он называл Славянского «ловким и предприимчивым тенором, сумевшим своим русским костюмом пустить пыль в глаза московским патриотам»⁵.

1 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей художественной и политической деятельности. По документальным данным исследовал и обработал М. В. Юркевич. М., 1889. (Далее – Юркевич). С. 174.

2 Чайковский П. И. Первый концерт Русского Музыкального Общества. – Г-жа Лаура Карер. – 8-я Симфония Бетховена. – Итальянская опера. – Г-жа ПАТТИ // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М., 1953. С. 31.

3 Чайковский П. И. Второй концерт Русского музыкального общества. – Русский концерт г. Славянского // Там же. С. 40–41.

4 Там же. С. 41.

5 Чайковский П. И. Два квартетных утра и седьмое симфоническое собрание Музыкального общества. – Итальянская опера. – Музыкально-библиографический курьез // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи. С. 120.

Источником восхвалений Славянского почитателями, по мнению композитора, являлся выбор народной песни в качестве основы репертуара. Однако критик высказывал серьезные сомнения в том, что народная песня в исполнении Агренева, во-первых, аутентична и, во-вторых, что ее музыкальная обработка корректна. Чайковский подчеркивал откровенное использование Славянским невежества публики, не могущей различить подлинно народные фольклорные формы от их имитации, подделок: «Существует огромное множество сделавшихся популярными пошлых, якобы русских, напевов, для распознавания коих от действительно народных мелодий потребно и музыкальное тонкое чувство и истинная любовь к русскому песенному творчеству. Но что за дело до всего этого г. Славянскому! Он уверен в успехе, он знает, что имеет дело с публикой невежественной, далекой от мысли, что этот “русский певец” развращает ее музыкальные инстинкты, заставляя ее слушать или искаженные народные песни [...]]; его концерты набиты битком, его величают благородным поборником русского искусства и [...] принимают как нечто совершенно серьезное и имеющее глубокий смысл и значение»⁶. Особенно возмущало Чайковского, что «в афишах г. Славянский, для вящего обморочения наивных москвитян, выдает себя за собирателя и перелагателя русских песен, как будто достаточно быть бездарным певуном, чтобы уметь записать и гармонизировать русскую песню»⁷; композитор усматривал главной целью подобной саморекламы погоню за быстрым успехом и «баснословными денежными сборами»⁸. Предприимчивость и смекалка Агренева, умелая организация гастролей, использование непрофессиональных «истинно народных» исполнителей, обучение их, поиски новых зрелищных форм неоднократно ставились в вину хормейстеру в период его успеха. Нельзя не отметить эту особенность, которая, вероятно, имеет самое непосредственное отношение к идеалам «народного служения» в пореформенное время, когда в общественном сознании превалировали представления о бескорыстии и жертвенности просветителей «темного» народа. В этом ряду интересна заметка в воспоминаниях, касающаяся известного в середине XIX столетия оперного певца, также прославившегося исполнением народных песен, но не стяжавшего богатства и признания властей предержащих, – А. О. Бантышева (1804–1860). В мемуарах о последних годах его жизни в Саратове современник, восхищаясь талантом, голосом

6 Чайковский П. И. Вторая неделя концертного сезона // Там же. С. 139.

7 Там же. С. 140.

8 Там же. С. 139.

и напоминая о трудной судьбе певца, упоминает и о том, как к А. О. Бантышеву в начале 1860-х гг. «явился юный Дмитрий Александрович Агренев», который «часто бывал у него, заимствовал методу пения Бантышева, и что же? Обладая четвертою частью голоса и дарования Бантышева, Славянский с “Травушкой”, “О чем голубка” и др. песнями и романсами стяжал славу не только в России, но и за границей, составил себе имя и состояние...»⁹.

В те же годы, что и Чайковский (начало 1870-х гг.), о хоре Славянского писал известный музыкальный критик Г. А. Ларош, имея ввиду его «псевдонародные концерты» «музыкальной спекуляции»¹⁰. Он отмечал и «дешевую популярность мелодий», и отсутствие народного «в исполненных им и его хором вещах». Критик одним из первых обратил внимание на привлечение Славянским к участию в своих концертах других хоров и исполнителей. Вот более детальное описание одного из концертов весной 1871 г.: «Эти концерты носили характер довольно оригинальный и не лишенный интереса. В них участвовал хор солдат-песенников, хор подмосковных крестьян (вернее, московских фабричных), хор малороссов, хор цыган, были и народные пляски». Эти включенные в концерт Славянского номера Ларошу понравились, и он отметил резкий контраст между этим (подлинно народным, с его точки зрения) репертуаром и имитацией народности («сластями») «самой капеллы»: то, что представляли приглашенные певцы, «было действительно народной музыкой, и хотя в исполнении хоровода на концертной эстраде, убранной экзотическими расстановками, чувствовалась громадная фальшь, хотя народная песня в этой обстановке как бы теряла свою дикую и непосредственную прелесть, все-таки же сама по себе она была неискаженным произведением народной почвы и целая пропасть отделяла ее от тех новейших сластей, которые исполнял хор под управлением г. Славянского или сам г. Славянский»¹¹. В концерте «Капеллы» соединялось нессоединимое, что создавало впечатление безвкусицы и фальши: обращали на себя внимание «разнокалиберность всего концерта», «неизящная смесь лакейских романсов с народными хороводами и чувствительных

9 Медведев П. М. Воспоминания / под ред. и с предисл. А. Р. Кугеля. Л., 1929. С. 228–229.

10 Ларош Г. А. Концерты Е. А. Лавровской... // Ларош Г. А. Избр. статьи / отв. ред. А. А. Гозенпуд. Л., 1977. Вып. 4: Симфоническая и камерно-инструментальная музыка / сост. и автор комм. А. С. Розанов. С. 69.

11 Там же. С. 72.

теноровых соло с пляской трепака»¹². Поэтому Ларош хвалил Славянского лишь за *идею включения «элемента истинной народности»* – то есть вставных номеров «внешних» простонародных исполнителей в программу: «Самая мысль знакомить публику образованных классов с русскими песнями *в том виде, как они исполняются самим простонародьем*, – мысль счастливая, почтенная и не имеющая ничего общего с прежними программами концертов Славянского»¹³.

Обстоятельный обзор пути Славянского на эстраду содержался в ответе П. И. Чайковского¹⁴ анонимному автору – поклоннику хора, выступившему против обвинений Чайковского. Композитор последовательно рассмотрел все аргументы «защиты», которые, к слову, повторялись еще не раз, на протяжении всего творческого пути Д. А. Агренева, различаясь лишь степенью восторженности и панегиричности. Автор, в частности, утверждал, что Агренев «*по мнению большинства есть артист, достойный уважения уж за одно то, что он знакомит публику с родными напевами, большую частью ей совершенно неизвестными*»¹⁵. Композитор отмечал, во-первых, утверждения о профессионализме Славянского, представив следующий очерк его певческой карьеры. «От природы недурной маленький теноровый голосок», «в одном из концертов [...] потерпел фиаско», после чего «пытался получить ангажемент на сцену Мариинского театра», но «артиста нашего [...] не допустили даже до дебюта». После того он, воспользовавшись «модой на братьев славян», «поменял фамилию на громкий соответствующий веянию общественного духа псевдоним. Затем наш предприимчивый певец облачается в какой-то особого рода всеславянский костюм и, появляясь на столичных эстрадах в сопровождении нескольких точно так же костюмированных чехов [...] распевает чешские, сербские и всякие другие песни братьев славян. [...] На смену братьев славян явились наши заатлантические друзья. Г. Славянский едет в Америку услаждать наших союзников русскими романсами и “Аскольдовой могилой”. Там дела его не устраиваются»¹⁶. Он возвращается в Россию, и «тут дела принимают совершенно новый оборот: [...] наряду с площадными романсами, ничего не имеющими

12 Там же.

13 Там же. С. 72–73.

14 Чайковский П. И. Музыкальное общество. – Ответ анонимному корреспонденту. – Два образчика московской городской музыкальной критики // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи. С. 286–290.

15 Там же. С. 286.

16 Там же.

общего с народными песнями [...] он исполняет пьесы с пикантными простонародными текстами вроде “Ах ты, ти́руська бычок!” – публика идет толпами¹⁷. Далее Чайковский объясняет популярность хора тем, что Агренев воспользовался «модной струей» народности, а также привлек на свою сторону газеты, «которые трубят [...] об услугах, оказанных г. Славянским русской музыке, о его глубоком знании народного песенного творчества, о его самоотверженной любви к национальному искусству»¹⁸. Не мог Чайковский не отметить и масштаб гастрольных турне Славянского (и это еще в самом начале 1870-х годов!), однако расценивал такой размах негативно, считая его проявлением исключительно коммерческих интересов: «Повсюду собирая дань, подобающую герою народного искусства»¹⁹.

Таким образом, Чайковский, во-первых, предлагал рассматривать успех Д. А. Славянского прежде всего как следствие предпримчивости «бесталанного» певца. Во-вторых, он подробно представлял свой взгляд на русскую народную музыку (и песню в частности), сравнивая ее с фольклорными произведениями устного творчества. Композитор писал, что бережное и профессиональное обращение с фольклором требует совершенно иного рода работы «просвещенного и талантливого» человека с источником, «умелой руки». В качестве антиобразца он приводит издания так называемой «Никольской улицы»²⁰, которые расходились огромными тиражами и пользовались большой популярностью в отличие от произведений классической русской литературы²¹. Называя Славянского «лубочным певцом», композитор подчеркивал, что «русская песня [...] как этнографическое явление» требует другого к себе отношения: ее следует «или слушать [...] на месте, т. е. исполненную народом с той своеобразной манерой, которая так привлекательна для русского слуха, или выписывать из глубины деревенского затишья заправских народных певцов». А для точной записи и гармонизации ее без искажений необходимо «капитальное и всестороннее

17 Там же. С. 287.

18 Там же.

19 Там же.

20 Московская улица, на которой находилось множество издательств, снабжавших «читателей из народа» дешевыми «безграмотно-лубочными» переделками или пересказами различных псевдонародных произведений, и в том числе сказками и песенниками. Ее название стало нарицательным, обозначая лубочные дешевые и плохие издания для народа, распространявшиеся оfenями среди необразованных, но грамотных социальных слоев.

21 Чайковский П. И. Музикальное общество... С. 288.

музыкальное развитие, такое глубокое знание истории искусства и вместе такое сильное дарование, каким обладает г. Балакирев»²². Завершается заметка словами: «Эта эксплуатация замоскворецкого патриотизма с музыкой ничего общего не имеет»²³.

Итак, Чайковский упрекал Славянского в любительском и поверхностном осмыслении фольклорных источников – как в отношении их выбора, так и в способе переложения для хора и манере исполнения. Он считал невозможной популяризацию народных произведений непрофессионалами (т. е. не по-европейски образованными композиторами). Альтернатива – исполнение самими носителями русской культуры. Такое мнение было в целом распространено в среде просвещенной и искушенной публики последней трети XIX в. Например, в мемуарах дочери П. М. Третьякова В. П. Зилоти так говорилось о впечатлениях от концерта Славянского: «Хотя отец и считал, что Славянский сделал много для распространения народной русской песни, – нам этот стиль был не по душе. Мы любили песни в оригинальном виде, в исполнении самих крестьян»²⁴.

На последнюю статью Чайковского вышел ответ в газете «Русские ведомости» под названием «Злобное бессилие»²⁵, автор которого пытался убедить читателей и самого Чайковского в важности миссии Славянского как просветителя «масс»: «Музыка должна существовать не для одних только людей, получивших обширное музыкальное развитие, а и для массы, и должна во всяком моменте удовлетворять ее вкусу. [...] Если вы начнете почтевать [...] сразу произведениями, пользующимися большою славой в вашем музыкальном мире, то вы не достигнете ни малейшего успеха»²⁶. Таким образом, «адвокат» в определенной мере признавал правоту «обвинителя», по сути, разделяя слушателей на «элиту» и «толпу», однако интерпретировал сам факт потакания вкусам вторых как вынужденную меру, обусловленную необходимостью «воспитания» музыкально необразованной публики, ее постепенного развития, начиная с примитивных, доступных ее пониманию форм, – иначе говоря, исходя из представлений о разделении культуры на высокую/низкую, элитарную/массовую, сложную/примитивную.

22 Там же. С. 288–289.

23 Там же. С. 286.

24 Зилоти В. П. В доме Третьякова. Книга воспоминаний старшей дочери П. М. Третьякова / предисл. и общ. ред. Н. Л. Приймак; примеч. Т. И. Кафтановой и др. М., 1998. С. 122.

25 Юркевич. С. 68–70.

26 Цит. по: Юркевич. С. 69.

Интересно, что десять лет спустя, в 1886 г., Чайковский посетил концерт хора Славянского в Париже, где «Славянская капелла» выступала во время Всемирной художественно-промышленной выставки, представляя Россию, и записал в дневнике: «Прослушал целое отделение. Кое-что мне понравилось, хотя шарлатанства бездна. Тигренок!!!»²⁷ Нельзя не отметить, что, учитывая сравнительную «мягкость» данной оценки, вряд ли Чайковский даже через годы мог бы изменить свое мнение о Славянском, который, несмотря на совершенствование и исполнения, и репертуара, все же оставался в русле собственного понимания задач популяризации русской и славянской песни, не отказываясь от прежних методов ее аранжировки и воспроизведения. Поэтому неожиданным представляется относительно недавнее обнаружение и в особенности экспертное заключение о подлинности подписей на «адресе» в честь 25-летнего юбилея деятельности Д. А. Агренева-Славянского (1887) великих князей и П. И. Чайковского²⁸. Это любопытный, но необъяснимый факт: ведь во время подготовки пышного празднования организаторы не смогли привлечь в качестве члена комитета ни одного профессионального композитора или консерваторского профессора, не говоря уже о Чайковском. Нет сомнений, что, если бы такой адрес поступил на имя юбиляра, это и стало бы известно во время празднования, и было бы отмечено в газетах, поскольку выражение уважения заслуг Чайковским оказалось бы триумфом Славянского в свете хорошо известной истории критики. Ведь не скрывалось, что в ответ на предложение войти в юбилейный комитет Римский-Корсаков сообщил, что «равнодушен» к деятельности Агренева, Балакирев же выразился более обтекаемо: что она «стоит вне его оценки»²⁹. Отказалась принять участие в торжествах и Московская консерватория. Ее директор С. И. Таинев так ответил на приглашение: «Обработка этих песен не только не соответствует их характеру, но и сделана весьма неумелою рукою и предполагает в авторе недостаточное знакомство с самыми элементарными

27 Чайковский П. И. Дневники. 1873–1891 / подг. к печати Ип. И. Чайковским; предисл. С. Чемоданова; прим. Н. Т. Жегина. М.; Пг., 1923. С. 62. «Тигренок» («Месяц плывет по ночным небесам»), слова и музыка К. С. Шиловского – популярная эстрадная песня, «серенада» 1880-х гг., в которой «тигренком» именуется возлюбленная («Выйди на одно мгновенье, / Мой тигренок, на балкон»).

28 Поздравительный адрес «Дмитрию Александровичу Агреневу-Славянскому в день XXV-летнего юбилея 25-го апреля 1887 года» // Сайт Аукциона. 2022. URL: <https://vnikitskom.ru/lot/?auction=226&lot=363#gallery-1> (дата обращения: 14.06.2024).

29 Цит. по: Юрьевич. С. 175.

музыкальными требованиями [...] Я отнюдь не имею намерения отрицать заслуг Дмитрия Александровича Славянского, обратившего внимание западноевропейской публики на русские песни. Лучшим доказательством того, что его заслуги всеми признаются, служат имена членов комитета, принадлежащие самым выдающимся литераторам и ученым. Но, будучи музыкантом, я никоим образом не могу сочувствовать той форме, в какой Дмитрий Александрович Славянский пропагандирует русские песни, почему и считаю невозможным принять участие в предстоящем торжестве»³⁰.

Если негодование «обычных» нетитулованных слушателей в отношении Славянского можно было объяснить их «нерусской душой» и отсутствием патриотизма, как без малейшего сомнения объявлял, например, М. В. Юркевич³¹, то замолчать мнение Чайковского было труднее, тем более что оно было хорошо известно. Поэтому среди многочисленных панегириков в адрес Агренева современников и потомков мы встречаем версии причин и оправдания приведенных высказываний композитора. Так, в книге Юркевича они трактуются как непонимание им необходимости учитывать отсутствие европейского музыкального образования у зрителей и слушателей, ведь музыка должна существовать и «для массы» и «удовлетворять ее вкусу». Признавая неточную и вольную обработку Славянским фольклорных жанров, его защитники видели в ней потенциал для дальнейшего развития народного песенного творчества или же возможную начальную стадию знакомства с музыкальным русским наследием тех, кто не имел специального музыкального образования.

Некоторые предполагали, что Чайковского ввели в заблуждение сведения о Славянском, распространяемые его недоброжелателями и завистниками, а также доверие к предвзятым газетным публикациям: например, во время зарубежных гастролей «Капеллы» в России под его именем концертировали мошенники, набиравшие в свои труппы певцов. После разоблачения участники выступлений не получали платы, но были уверены, что это действия именно Славянского³².

В историографии позиция Чайковского в отношении хормейстера почти не подвергалась специальному рассмотрению, она лишь констатировалась. Те же, кто реконструировал историю «Славянской капеллы», склонны были деликатно трактовать оценки композитора

30 Цит. по: Юркевич. С. 183–184.

31 Юркевич. С. 67–68.

32 Гребеницков В. Русская песня. К столетию со дня рождения Дм. А. Агренева-Славянского и к 75-летию со дня основания его капеллы. Southbury, 1934. С. 18.

как справедливые, но только для раннего этапа, когда, действительно, «русская песенность» в интерпретации Агренева была еще салонной и лубочной, однако позже и записи, и подбор репертуара, и обработка, и программа подверглись якобы значительным изменениям³³.

В сатирической книге В. О. Михневича «Наши знакомые» список претензий к Славянскому совпадает с перечисленными выше. Он именуется «находчивым и оборотливым соотечественником», не обладавшим «ни голосом, ни талантом как певец», пока не догадался «подладиться своим [...] репертуаром и своими концертными пестрыми костюмами к модной струе славяночества и дешевого “народничества”». Репертуар его характеризуется «забористыми мотивчиками часто сомнительного вкуса»³⁴. Явно без симпатии отзывался об Агреневе и А. П. Чехов, который в 1885 г. в «Осколках московской жизни» иронично комментировал эпитет «известный» на рекламной афише «Славянской капеллы» и внешний «псевдогодатырский» облик певца: «Целитель и смазчик Иванов называет себя на своей вывеске “известным изобретателем” [подседно-копытной мази. – *M. L.*] [...] На то он и чудак, чтобы чудить. Но что сказать о певце Славянском, который именует себя на афишах тоже “известным”? [...] Добро бы портреты были порядочные, а то на каждой афише нарисован ваксой какой-то не то Колупаев, не то Редедя (богатырь). [...] Как жаль, что люди с комическим талантом из-за куска хлеба поступают в певцы и целители!»³⁵

В книге Юркевича приведены желчные заметки из газет «Новое время» и «Русские ведомости», которыми те откликнулись на трехдневные юбилейные торжества в честь 25-летия творческой деятельности Славянского в Москве (в 1887 г.). Фельетоны выдержаны в иронически-злой интонации и чрезвычайно напоминают стиль рецензий Чайковского. Более всего подверглось критике включение в репертуар не «истинных» русских песен, а «подделок под них» – т. е. песен, «испорченных» влиянием города.

33 См., например: Кузнецов Е. И. Из прошлого русской эстрады. Исторические очерки / предисл. Н. П. Смирнова-Сокольского. М., 1958. С. 200.

34 Михневич В. О. Славянский // Михневич В. О. Наши знакомые. Фельетон. словарь современников: 1000 характеристик рус. гос. и обществ. деятелей, ученых писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. С 71 портр-карикатурами (на 59 л.), рисов. худож. А. И. Лебедевым, М. Е. Малышевым и А. А. Серебряковым по наброскам авт. СПб., 1884. С. 202.

35 Чехов А. П. Осколки московской жизни. 6 апреля 1885 г. (44) // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. / редкол. Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М., 1979. Т. 16: 1881–1902 / подгот. и примеч. Л. М. Долотова, В. Б. Катаев, А. С. Мелкова, Н. А. Роскина, М.А. Соколова. С. 159.

Проблема «порчи» русской песенной традиции в контексте репертуарной политики Славянского

Трудно точно идентифицировать социально-культурный облик критиков Славянского. Это были главным образом люди с хорошим университетским и музыкальным образованием, а также специалисты, собиравшие и изучавшие фольклор, хотя и среди них имелось много поклонников хора. Вопросы о том, как искать, записывать, воспроизводить (исполнять) фольклор вне реальной сферы его бытования, что меняется при исполнении его для публики с эстрады, каковы критерии выбора репрезентативно-национальных образцов творчества, стали остро дискуссионными для науки в последней трети XIX в. Причина возникновения этой тенденции заключалась в переосмыслении исторических народных традиций, особенностях формирования национальной идеологии и концепции национального наследия в России в 1870-е – 1910-е гг. Такое восприятие очевидно было связано с аналогичными дискуссиями о репрезентативности и аутентичной russkosti в архитектуре, живописи, графике, кустарном производстве и пр.³⁶ В данном случае профессиональные музыканты рассматривали обращение Д. А. Славянского с фольклорными и этнографическими источниками как их грубоеискажение, непонимание истории и своеобразия русской песни и даже как стилизацию на потребу вкусам невзыскательной публики. Такой оценке способствовало и то, что авторские песни выдавались Агреневыми за народные, а некоторые были и вовсе написаны по заказу. В сущности, концертная деятельность хора являла собой один из ранних примеров эстрадного исполнения популярных в формирующейся массовой культуре произведений³⁷. Справедливости ради необходимо высказать предположение, что, быть может, чета Славянских записывала действительно исполняемые в крестьянском и мещанском обиходе «бытовые» песни, тексты которых, в свою очередь, были переделками литературных, но они не знали об этом; о частотности данного явления стало известно лишь в 1910-е гг.³⁸, когда исследование музыкального фольклора на научно-методологической

36 Дианина К. Искусство на повестке дня: рождение русской культуры из духа газетных споров / пер. с англ. Е. Гавриловой. СПб., 2023.

37 Строганов М. В. Хор Д. А. Агренева-Славянского или куда может завести любовь к народной песне // Фольклорное движение в современном мире / сост. Е. А. Дорохова. М., 2016. С. 167–180.

38 Якуб А. Современные народные песенники // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пг., 1915. Т. XIX. Кн. 1. 1914. С. 47–92.

основе (Музыкально-этнографическая комиссия ОЛЕАЭ была создана в 1901 г.³⁹) принесло теоретические и методологические результаты.

Помимо профессионально-музыковедческих вопросов о восприятии народной песни как фольклорного источника во второй половине XIX в. (о чем имеется специальная литература⁴⁰) важную роль играл еще один аспект. Мы не говорим об известных случаях фальсификации произведений, а также отсутствии аргументов для выбора фольклорных текстов вовсе не «мужицкого», как представляли их исполнители, репертуара. Речь идет о претензиях, в частности О. Х. Агреневой-Славянской, на вполне профессиональное отношение к фольклорным и шире – этнографическим – источникам, их фиксацию и интерпретацию. В 1881 г. вышла ее книга о русской исторической и обрядовой песне⁴¹, ей принадлежат нотные издания фольклорных произведений⁴²; известность получило ее «сотрудничество» с выдающейся сказительницей и вопленицей И. А. Федосовой, итогом которого стала публикация записанных от нее текстов песен и плачей с мелодиями⁴³. Однако свидетельства о том, как именно проходило взаимодействие Славянской с Федосовой, которая в те годы уже прославилась своими публичными концертными выступлениями, и как это сказалось на качестве записанных материалов⁴⁴, убеждают, что фольклористкой супругу создателя «Славянской капеллы» называть (как это делается и поныне)

39 Смирнов Д. В. Деятельность музыкально-этнографической комиссии. М., 2007; Его же. Из истории концертного исполнения народной музыки в Москве конца XIX – начала XX веков // Русские традиции. 21.03.2008. URL: <https://etnos.ru/etnologiya/iz-istorii-kontsertnogo-ispolneniya-narodnoj-muzyki-v-moskve-kontsa-xix-nachala-xx-vekov> (дата обращения: 12.02.2024).

40 Асафьев Б. История собирания, претворения и изучения русской народной песни // Асафьев Б. О народной музыке / сост., вступ. ст. и comment. И. И. Зещковского, А. Б. Кунанбаевой. Л., 1987. С. 111–155; Смирнов Д. В. Деятельность...

41 Агренева-Славянская О. О народной поэзии и песне. СПб., 1881.

42 Русские песни и песни южных и западных славян, собранные Д. А. Славянским и переложенные для одного голоса и хора О. Х. Славянской. В 5 вып. М., 1879–1889; Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровной Агреневой-Славянскою. М., 1896.

43 Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстами и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. В 3 ч. М.; Тверь, 1887–1889.

44 Подробнее об этом: Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. М., 1963. С. 18–19, 42; Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 138–139.

некорректно: она относилась к записи и анализу источника без учета специфики песенных жанров. В определенной мере это объяснимо отсутствием профессиональных интересов в этой области фольклористики (она могла и не следить за серьезными теоретическими и методологическими дискуссиями ученых), но прежде всего, видимо, практической задачей: использовать записи для концертной деятельности хора. Однако при этом «пропаганда» Агреневыми русской песни связывалась с распространением интереса к национальному наследию и отождествлялась с еще народническими взглядами на просвещение «народа» (и крестьянства, и народа-нации), в чем виделась культурная миссия «Славянской капеллы».

Еще один вопрос, имеющий непосредственное отношение к критике Славянского: каковы причины обвинений его в «подмене», фальсификации народности путем выбора не самых лучших с художественной точки зрения («псевдонародных», по мнению искушенных слушателей) произведений – действительно известных и исполняемых, но относящихся к так называемому «кабацко-лакейскому» или цыганскому репертуару? К таковым относили, например, самую известную шуточную песню хора – «Тпруська-бычок», которую ругали все, начиная от Чайковского и заканчивая журналистами начала XX в., но которую всегда восторженно принимала «простая» публика (о появлении этой в действительности детской потешки в своей концертной программе Славянский также придумал легендарную версию⁴⁵). Псевдонародным жанром считались фабричные песни, городские романсы и частушки, и потому их введение в концертный репертуар хора трактовалось как сознательная фальсификация народности и популяризация дурновкусия.

Деление видов современного народного творчества на «высокие» (истинные, художественные) и «низкие» (знаменующие «порчу» высоких образцов) было весьма характерным отзвуком широко распространенной в этнографии второй трети XIX в. идеи о незыблемости традиционных устоев народной (крестьянской) культуры. В ее основе лежало убеждение, что она сохраняет в себе архаические древние формы почти без трансформаций и не поддается «эволюции». Любое изменение представлявшихся стабильными видов народной культуры – материальной (одежда, утварь, жилища, ремесленные изделия и пр.) и духовной (моральные нормы, религиозные верования, произведения устного народного творчества и др.) воспринималось как порча, искажение, происходящее прежде всего под влиянием «цивилизации», т. е. городской

45 Строганов М. В. Хор Д. А. Агренева-Славянского... С. 172.

европеизированной жизни и чуждой крестьянской культуре моды. Данное восприятие было типичным для представителей образованных слоев во второй половине XIX в., и многие этнографы и интересующиеся народным бытом и нравами общественные деятели «били тревогу». Так, В. О. Михневич, подробно анализируя современное ему состояние традиционной культуры русского крестьянства в период пореформенной модернизации, сетовал на негативное внешнее влияние на нее города и горожан. Он был убежден, что отходничество и работа в городах оказывает отрицательное воздействие на народную поэзию, и усматривал его последствия в появлении у крестьян чувства отвращения и презрения к историческому наследию, к традициям «старины»: «“Образованный” простолюдин-горожанин, нарядившись в “немецкого” фасона “спинжак” и “пальто”, уснастив свой словарь кудреватыми, книжными выражениями и словечками, научившись чувствительным романсам и веселым куплетам (все это, конечно, в искаженно-карикатурном виде), смотрит уже свысока на “деревенщину”, брезгает ее серым зипуном и лаптями, фыркает на ее “простоту” в обычаях и нравах, издевается над ее “мужицкой” песнью»⁴⁶.

Исследователей-специалистов особенно возмущали фабричные «матяни» и деревенские частушки (и те и другие также исполнялись в концертах хора Славянского), их рассматривали как признак упадка и разложения истинного фольклорного начала – как и появление «новых» песен, содержание которых было насыщено нехарактерными для крестьянской жизни реалиями: «На наших глазах иссякает народное творчество, на наших глазах происходит порча народного пения, которому вместо целительного питья подают отраву. [...] Прислушайтесь, что поет народ, какие песни разносит он из городов и фабрик по деревням. Эта “новая песня”, созданная народом при условиях кабацкого разгула, поражает своим цинизмом, [...] как низменна эта песня по сравнению с тем, что народ певал прежде!»⁴⁷ Д. К. Зеленин в своей статье 1901 г. приводил ряд негативных оценок этих новаций в песенном репертуаре, содержащихся в научной литературе; среди них такие определения, как «накипь», «отпечаток упадка», «декадентщины», «забвения» старинной поэзии⁴⁸.

46 Михневич В. Извращение народного песнотворчества // Михневич В. Исторические этюды русской жизни. В 3 т. СПб., 1882. Т. 2. С. 381.

47 Миропольский С. О музыкальном образовании народа в России и в Западной Европе. 2-е изд. СПб., 1882. С. 12.

48 Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / сост. А. Л. Топорков. М., 1994. С. 28–29.

Беспокоило проникновение городских как испорченных и чуждых форм в народное песенное творчество и А.Н. Пыпина, который также усматривал в нем несомненные «признаки разложения», когда «новые поколения» «искажают старину» и «предпочитают безвкусные или прямо дурные песни нового сложения, трактирные и фабричные»⁴⁹. К «трактирно-шантанным» песням относили критически настроенные современники такие песни из репертуара Славянского, как, например, «Тигренок», «Моя милая головка спать мне не дает» (Е. Волков, Ф. Есаулова) или городские романсы⁵⁰.

Как следствие, к народным (мужицким, бояцким, бурлацким, колыбельным и др.) предъявлялись требования «чистоты» как аутентичности, то есть отвергались те формы, которые казались образованному слою «вульгарными» и «бездарными» по причине внедрения новых особенностей, отхода от древних, какказалось, видов (жанровых и содержательных) фольклора. Потому выбор Агреневыми подобных песен для концертов, исполняемых наряду с действительно древними – эпическими или духовными – произведениями, осуждался как потакание дурным вкусам и создателей этих произведений («ненастоящего» народа), и слушателей, поскольку фальсифицировал в угоду им характер народности. Противопоставление «чистых» форм «нечистым» как оригинальных – испорченным диктовалось идеализацией народа, и фольклора. М. К. Азадовский был убежден, что подобная тенденция не в обыденном сознании, но в истории русской фольклористики была характерна для начала пореформенного периода и что начиная с 1870-х гг. уже отмечался отход от подобных «славянофильских» (по его мнению) идеализирующих интерпретаций⁵¹. Но в обществе в целом и среди большинства исследователей, не все из которых были профессиональными, все же господствовала прежняя установка, о чем пишет современный антрополог М. Л. Лурье: «Ламентации по поводу забвения народом своих лучших старинных песен и замещения их новыми появились практически одновременно с началом целенаправленного собирания народной поэзии – то есть с того времени, когда о предшествующих эпохах жизни традиции (и, в частности, о песенном репертуаре крестьян даже в недалеком прошлом) не было и не могло быть достаточных данных. С этого момента и далее то состояние, в котором каждое поколение

49 Пыпин А. Н. История русской литературы. В 4 т. СПб., 1899. Т. III. С. 95.

50 Русский. Д. А. Славянский как народный певец и его настоящее значение. Одесса, 1884. С. 6.

51 Азадовский М. К. История русской фольклористики. 2-е изд. М., 2014. С. 888–890.

собирателей и исследователей заставало бытование крестьянской песни, расценивалось многими из них как упадок под действием чуждых влияний, а эпоха существования чистой, беспримесной песенной традиции, соответственно, отодвигалась в прошлое»⁵².

Как указывает Лурье, лишь немногие исследователи начиная с 1870-х гг. относились к этим видам народного творчества иначе, призывая не ограничиваться поиском исключительно архаических форм и воспринимать современные произведения как часть традиционной духовной культуры. В качестве примера Лурье приводит идеи Н. И. Костомарова в одной из его ранних статей на эту тему в «Вестнике Европы» (1872). Историк первым высказался за приятие «новой народной песни» в качестве естественного произведения современной народной поэзии, за уважительное отношение к ней: «Не следует пренебрегать песнями новейшего склада, или же носящими отпечаток новейших переделок; если для нашего эстетического вкуса они представляются уродливыми, пошлыми, даже циничными и лишенными всякой поэзии, то для историка и мыслящего наблюдателя человеческой жизни они все-таки драгоценные памятники народного творчества. При этой точке зрения видимая бессмыслица для нас иногда не бывает лишена смысла»⁵³; «Ценность песни не должна определяться ее древностью, еще менее тем, что она нравится нам в эстетическом отношении; известная песня может быть ценнее других для исследователя, во-первых, по степени своей распространенности в народе, во-вторых, по относительной выпуклости в изображении признаков народной жизни, открывающей нам способ народного миросозерцания, который составляет душу народных произведений в совокупности»⁵⁴.

Обратим внимание: работа Костомарова была опубликована в 1872 г., то есть именно тогда, когда Славянский активно включал в свой репертуар подобные произведения.

В середине 1910-х гг., уже после смерти Агренева, оценочное отношение к современному «новому» музыкальному фольклору было пересмотрено, «испорченная» песня была «реабилитирована». О новых трактовках и понимании эволюции фольклорных жанров писал, в частности,

52 Лурье М. Л. Городская песня в деревне (Из старой дискуссии о новых песнях) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 9 (71). С. 136–137.

53 Костомаров Н. И. Великорусская народная песенная поэзия. По вновь изданным материалам // Костомаров Н. И. Собр. соч. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 5. Т. 14. С. 534.

54 Там же. С. 533.

выдающийся лингвист и филолог, в будущем академик, П. Н. Сакулин⁵⁵. Для него в 1916 г. не было сомнений в том, что и «городские песни», и «частушки» – оригинальные произведения народного творчества, и он вопрошал риторически: «Был ли в жизни русского народа такой период, когда бы его устная поэзия не “разлагалась”? Конечно, нет. Народная поэзия всегда находилась в непрерывном процессе развития и “разложения”. Точной ее истории наука, к сожалению, дать не в состоянии, но крупные исторические наслоения уже давно определены. [...] Отсутствие “разложения” обозначало бы смерть народно-поэтического творчества, его окостенение. Возврат к старому немыслим, да и не нужен. Поэтическое творчество русского народа не замерло: оно приняло лишь новые формы. Предаваться печальным ламентациям решительно нет никакого основания»⁵⁶. Он ссылался на ряд новейших исследований, в том числе на статью А. Якуб о репертуаре самых известных песенников, в которой было показано, что среди комплекса русских народных песен, собиравшихся с конца XVIII в. и функционировавших на протяжении столетия в том числе и в качестве аутентично народных, встречалось множество переделок авторских текстов русских поэтов – как известных, так и второго и третьего ряда. Народная песня, резюмировала Якуб, демонстрирует способы адаптации литературных текстов и активно задействует традиционные и новые жанры и музыкальные особенности, что означает естественное развитие, а не «замораживание» прежних фольклорных форм⁵⁷.

Таким образом, деятельность основателя «Славянской капеллы» и успешного концертного директора Д. А. Агренева-Славянского в течение четырех десятилетий сформировала как представление о народной, и прежде всего русской, песне, так и ее устойчивый, широко известный в разных кругах российского общества состав произведений, который сохранился в почти неизменном комплексе на протяжении столетия, вплоть до нынешнего времени. Репертуарная и зрелищная политика Славянского отражала позицию и взгляды сторонников народнических и славянофильских убеждений, стремившихся пропагандировать народную (в том числе крестьянскую) культуру в формах, доступных и понятных массовому зрителю и слушателю. Идеи народолюбия и сакрализации народных традиций тем не менее не отменяли упрощенной, некритической и поверхностной интерпретации фольклорных произведений разных жанров. Но позитивным

55 Сакулин П. Н. Народный златоцвет // Вестник Европы. 1916. Кн. 5. С. 193–200.

56 Там же. С. 193.

57 Якуб А. Современные народные песенники.

следствием можно считать то, что песенный репертуар, который популяризовал Славянский в эстрадном исполнении, способствовал формированию массовой культуры и, таким образом, создавал вне- или надсословные представления об общем русском национальном наследии.

С другой стороны, полемика о позитивном и негативном влиянии Д. А. Агренева-Славянского на приобщение широких кругов к музыкальной истории и культуре была важна для прояснения позиций новых социокультурных групп из складывавшейся профессиональной среды: музыкантов (композиторов, аранжировщиков, исполнителей), ученых (историков, фольклористов и этнографов), которые подходили к рассмотрению значения «Славянской капеллы» с другими критериями, ожидая от хора максимального приближения к аутентичному воспроизведению, к историзму, требуя исполнения просветительской миссии не на словах, а на деле, не для развлечения, а для образования, пренебрежительно относясь к эстрадным жанрам и игнорируя спрос. Эта двойственность отражает, на наш взгляд, способы эволюционирования образов и идеалов русскости, характерные для российского общества последней трети XIX – начала XX в., которые отчетливо заметны и в других сферах интеллектуальной и художественной жизни этого времени.

Источники и литература

Агренева-Славянская О. О народной поэзии и песне. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1881. 41 с.

Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстами и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. М.; Тверь: Тип. Левенсон, 1887–1889. Ч. 1–3.

Азадовский М. К. История русской фольклористики. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.

Асафьев Б. История собирания, претворения и изучения русской народной песни // Асафьев Б. О народной музыке / сост., вступ. ст. и comment. И. И. Зешцового, А. Б. Кунанбаевой. Л.: Музыка – Ленингр. отд-ние, 1987. С. 111–155.

Гребенников В. Русская песня. К столетию со дня рождения Дм. А. Агренева-Славянского и к 75-летию со дня основания его капеллы. Southbury: Alatas, 1934. 48 с.

Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей художественной и политической деятельности / по документальным данным исследовал и обработал М. В. Юркевич. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889. 671 с.

Дианина К. Искусство на повестке дня: рождение русской культуры из духа газетных споров / пер. с англ. Е. Гавриловой. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023. 495 с.

Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / сост. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 1994. С. 27–37.

Зилоти В. П. В доме Третьякова. Книга воспоминаний старшей дочери П. М. Третьякова / предисл. и общ. ред. Н. Л. Приймак; примеч. Т. И. Кафтановой и др. М.: Искусство, 1998. 246 с.

Костомаров Н. И. Великорусская народная песенная поэзия. По вновь изданным материалам // Костомаров Н. И. Собр. соч. Исторические монографии и исследования. СПб.: О-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературного Фонда»), 1904. Кн. 5. Т. 14. С. 534–562.

Кузнецов Е. И. Из прошлого русской эстрады. Исторические очерки / предисл. Н. П. Смирнова-Сокольского. М.: Искусство, 1958. 367 с.

Ларош Г. А. Концерты Е. А. Лавровской... // Ларош Г. А. Избр. статьи / отв. ред. А. А. Гозенпуд. Л.: Музыка – Ленингр. Отделение, 1977. Вып. 4: Симфоническая и камерно-инструментальная музыка / сост. и автор комм. А. С. Розанов. С. 69–73.

Лурье М. Л. Городская песня в деревне (Из старой дискуссии о *новых песнях*) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 9 (71). С. 124–140.

Медведев П. М. Воспоминания / под ред. и с предисл. А. Р. Кугеля. Ленинград: Academica, 1929. 359 с.

Миропольский С. О музыкальном образовании народа в России и в Западной Европе. 2-е изд. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1882. 252 с.

Михневич В. Извращение народного песнотворчества // Михневич В. Исторические этюды русской жизни. В 3 т. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1882. Т. 2. С. 377–420.

Михневич В. О. Славянский // Михневич В. О. Наши знакомые. Фельетон. словарь современников: 1 000 характеристик рус. гос. и обществ. деятелей, ученых писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. С 71 портретами (на 59 л.), рисов. худож. А. И. Лебедевым, М. Е. Малышевым и А. А. Серебряковым по наброскам авт. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1884. С. 202.

Поздравительный адрес «Дмитрию Александровичу Агреневу-Славянскому в день XXV-летнего юбилея 25-го апреля 1887 года» // Сайт Аукциона. 2022. URL: <https://vnikitskom.ru/lot/?auction=226&lot=363#gallery-1> (дата обращения: 14.06.2024).

Пытин А. Н. История русской литературы. В 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. III. 543 с.

Русские песни и песни южных и западных славян, собранные Д. А. Славянским и переложенные для одного голоса и хора О. Х. Славянской. В 5 вып. М.: В. Гросс, 1879–1889.

Русский. Д. А. Славянский как народный певец и его настоящее значение. Одесса: Тип. Г. П. Капица, 1884. 11 с.

Сакулин П. Н. Народный златоцвет // Вестник Европы. 1916. Кн. 5. С. 193–208.

Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровною Агреневой-Славянскою. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. 191 с.

Смирнов Д. В. Деятельность музыкально-этнографической комиссии. М.: [б. и.], 2007. 200 с.

Смирнов Д. В. Из истории концертного исполнения народной музыки в Москве конца XIX – начала XX веков // Русские традиции. 21.03.2008. URL: <https://ethnos.ru/etnologiya/iz-istorii-kontsertnogo-ispolneniya-narodnoj-muzyki-v-moskve-kontsa-xix-nachala-xx-vekov> (дата обращения: 12.02.2024).

Строганов М. В. Хор Д. А. Агренева-Славянского или куда может завести любовь к народной песне // Фольклорное движение в современном мире / сост. Е. А. Дорохова. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2016. С. 167–180.

Чайковский П. И. Вторая неделя концертного сезона // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М.: Музгиз, 1953. С. 136–141.

Чайковский П. И. Второй концерт Русского музыкального общества. – Русский концерт г. Славянского // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М.: Музгиз, 1953. С. 38–41.

Чайковский П. И. Два квартетных утра и седьмое симфоническое собрание Музыкального общества. – Итальянская опера. – Музыкально-библиографический курьез // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М.: Музгиз, 1953. С. 113–121.

Чайковский П. И. Дневники. 1873–1891 / подг. к печати Ип. И. Чайковским; предисл. С. Чемоданова; прим. Н. Т. Жегина. М.; Пг.: Музыкальный сектор, 1923. 294 с.

Чайковский П. И. Музыкальное общество. – Ответ анонимному корреспонденту. – Два образчика московской городской музыкальной критики // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М.: Музгиз, 1953. С. 283–291.

Чайковский П. И. Первый концерт Русского Музыкального Общества. – Г-жа Лаура Карер. – 8-я Симфония Бетховена. – Итальянская опера. – Г-жа

ПАТТИ // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М.: Музгиз, 1953. С. 31–34.

Чехов А. П. Осколки московской жизни. 6 апреля 1885 г. (44) // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. / редкол. Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1979. Т. 16: 1881–1902 / подгот. и примеч. Л. М. Долотова, В. Б. Катаев, А. С. Мелкова, Н. А. Роскина, М. А. Соколова. С. 34–178.

Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: О.Г.И., 2005. С. 134–144.

Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. М.: [б. и.], 1963. 46 с.

Якуб А. Современные народные песенники // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пг., 1915. Т. XIX. Кн. 1. 1914. С. 47–92.

References

Asaf'ev, B. "Istoriia sobiraniia, pretvoreniiia i izucheniiia russkoi narodnoi pesni." Asaf'ev, B. *O narodnoi muzyke*, compl., introductory article and comments by I. I. Zeshtsovskii, A. B. Kunanbaeva. Leningrad: Muzyka – Leningr. otdelenie, 1987, pp. 111–155.

Azadovskii, M. K. *Istoriia russkoi fol'kloristiki*. 2nd ed. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2014, 1056 p.

Chaikovskii, P. I. *Dnevniki. 1873–1891*, prepared by Ip. I. Chaikovskii; foreword by S. Chedmanov; comments by N. T. Zhegin. Moscow–Petrograd: Muzykal'nyi sektor, 1923, 294 p.

Chaikovskii, P. I. "Dva kvartetnykh utra i sed'moe simfonicheskoe sobranie Muzykal'nogo obshchestva. – Ital'iantskaia opera. – Muzykal'no-bibliograficheskii kur'iez." Chaikovskii, P. I. *Muzykal'no-kriticheskie stat'i*, introductory article and comments by V. V. Iakovlev. 2nd ed. Moscow: Muzgiz, 1953, pp. 113–121.

Chaikovskii, P. I. "Muzykal'noe obshchestvo. – Otvet anonimnomu korrespondentu. – Dva obrazchika moskovskoi gorodskoi muzykal'noi kritiki." Chaikovskii, P. I. *Muzykal'no-kriticheskie stat'i*, introductory article and comments by V. V. Iakovlev. 2nd ed. Moscow: Muzgiz, 1953, pp. 283–291.

Chaikovskii, P. I. "Pervyi kontsert Russkogo Muzykal'nogo Obshchestva. – G-zha Laura Karer. – 8-ia Simfoniia Betkhotvena. – Ital'iantskaia opera. – G-zha PATTI." Chaikovskii, P. I. *Muzykal'no-kriticheskie stat'i*, introductory article and comments by V. V. Iakovlev. 2nd ed. Moscow: Muzgiz, 1953, pp. 31–34.

Chaikovskii, P. I. "Vtoraia nedelia kontsertnogo sezona." Chaikovskii, P. I. *Muzykal'no-kriticheskie stat'i*, introductory article and comments by V. V. Iakovlev. 2nd ed. Moscow: Muzgiz, 1953, pp. 136–141.

Chaikovskii, P. I. "Vtoroi kontsert Russkogo muzykal'nogo obshchestva. – Russkii kontsert g. Slavianskogo." Chaikovskii, P. I. *Muzykal'no-kriticheskie stat'i*, introductory article and comments by V. V. Iakovlev. 2nd ed. Moscow: Muzgiz, 1953, pp. 38–41.

Chekhover, A. P. "Oskolki moskovskoi zhizni. 6 aprelia 1885 g. (44)." Chekhover, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Vols. 1–30, ed. by N. F. Bel'chikov et

- al. Vol. 16: 1881–1902, prepared and commented by L. M. Dolotova, V. B. Kataev, A. S. Melkova, N. A. Roskina, M. A. Sokolova. Moscow: Nauka, 1979, pp. 34–178.
- Chistov, K. V. “Ispolnitel’ fol’klora i ego tekst.” Chistov, K. V. *Fol’klor. Tekst. Traditsii*. Moscow: O.G.I, 2005, pp. 134–144.
- Chistov, K. V. *Sovremennye problemy tekstologii russkogo fol’klora*. Moscow: [s.n.], 1963, 46 p.
- Dianina, K. *Iskusstvo na povestke dnia: rozhdenie russkoi kul’tury iz duha gazetnykh sporov*, translated by E. Gavrilova. Moscow: Bibliorossika-Boston: Academic Studies Press, 2023, 495 p.
- Kuznetsov, E. I. *Iz proshloga russkoi estrady. Istoricheskie ocherki*, foreword by N. P. Smirnov-Sokol’skii. Moscow: Iskusstvo, 1958, 367 p.
- Larosh, G. A. “Kontserty E. A. Lavrovskoi...” Larosh, G. A. *Izbrannye stat’i. In 5 Vols. Vol. 4: Simfonicheskaiia i kamerno-instrumental’naia muzyka*, compl. and comm. by A. S. Rozanov. Leningrad: Muzyka – Leningr. otdelenije, 1977, pp. 69–73.
- Lur’e, M. L. “Gorodskaiia pesnia v derevne (Iz staroi diskussii o novykh pesniakh).” *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul’turologiia*, 2011, No 9(71), pp. 124–140.
- Medvedev, P. M. *Vospominania*, ed. by A. R. Kugel’. Leningrad: Academia, 1929, 359 p.
- “Pozdravitel’nyi adres «Dmitriiu Aleksandrovichu Agrenevuu-Slavianskomu v den’ XXV-letnego iubileia 25-go aprelia 1887 goda.” *Sait Auktsiona*, 2022. URL: <https://vnikitskom.ru/lot/?auction=226&lot=363#gallery-1> (accessed: 14.06.2024)
- Smirnov, D. V. *Deiatel’nost’ muzykal’no-etnograficheskoi komissii*. Moscow: [s.n.], 2007, 200 p.
- Smirnov, D. V. *Iz istorii kontsertnogo ispolneniia narodnoi muzyki v Moskve kontsa XIX – nachala XX vekov*. URL: <https://ethnos.ru/etnologiya/iz-istorii-kontsertnogo-ispolneniya-narodnoj-muzyki-v-moskve-kontsa-xix-nachala-xx-vekov> (accessed: 12.02.2024)
- Stroganov, M. V. “Khor D. A. Agreneva-Slavianskogo ili kuda mozhet zavesti liubov’ k narodnoi pesni.” *Fol’klornoe dvizhenie v sovremennom mire*, compl. by E. A. Dorokhova. Moscow: Gos. respublikanskii tsentr russkogo fol’klora, 2016, pp. 167–180.
- Zelenin, D. K. “Novye veianiiia v narodnoi poezii.” Zelenin, D. K. *Izbrannye trudy. Stat’i po duchovnoi kul’ture. 1901–1913*, compl. by A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 1994, pp. 27–37.
- Ziloti, V. P. *V dome Tret’iakova. Kniga vospominanii starshei docheri P. M. Tret’iakova*, ed. by N. L. Priimak; comments by T. I. Kaftanova et al. Moscow: Iskusstvo, 1998, 246 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.13

M. V. Leskinen

**“The Russian Boyan” or “the Roguish Exploiter of Moscow Patriotism”:
D. A. Agrenev-Slaviansky and his “Slavic Chapel”
in the Assessments of Contemporaries. Part 2**

Maria V. Leskinen

Doctor of History, chief research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marles70@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7638-507X

Citation

Leskinen M. V. “The Russian Boyan” or “the Roguish Exploiter of Moscow Patriotism”: D. A. Agrenev-Slavynsky and his “Slavic Chapel” in the Assessments of Contemporaries. Part 2 // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 245–268 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.13

Received: 27.07.2024.

Revised: 17.09.2024.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

Dmitry A. Agrenev (pseud. Agrenev-Slavynsky, 1834 or 1836–1908) was the founder of the “Slavic Chapel”, one of the most popular choral teams in the Russian Empire in the last third of the 19th – early 20th cent. A radical discrepancy in contemporaries’ assessments of him was noted in Russian historiography on the history of choirs which performed Russian and Slavic folk songs and in research about the formation of the Russian theatrical culture. The personality of Slavyansky, his repertoire policy, his role in the popularization of the Russian song heritage were perceived as ambivalent. On the one hand, he was called the “Russian Boyan” and was praised for popularizing Russian culture in Russian Empire and abroad. On the other hand, he was reproached for falsifying folklore works, representing “the new songs” (gypsy and factory songs, romances of modern poets) as traditional folklore in the pursuit of profit. Music critics and composers (including outstanding ones, such as P. I. Tchaikovsky and S. I. Taneyev) expressed doubts about the authenticity of the folklore sources he collected and the accuracy of their musical processing for concert performance. The second part of the article consists of the interpretation of the severity of criticism of Slavyansky and his “Slavic Chapel”, which is tied to the formation of cultural ideas and ideological concepts of Russianness and “narodnost” during the period of nation-building in the Russian Empire.

Keywords

Dmitry Agrenev-Slavynsky, Russian Empire, Russian choir, songs’ folklore, narodnost’, history of Russian ethnology.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.14

Д. З. Йожа

Россия рубежа XIX–XX вв. в travелогах венгерского писателя Ференца Херцега

Йожа Дьердь Зольтан

PhD, независимый исследователь

Будапешт, Венгрия

E-mail: jozsagyz@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4803-6286

Цитирование

Йожа Д. З. Россия рубежа XIX–XX вв. в travелогах венгерского писателя Ференца Херцега // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 269–295. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.14

Статья поступила в редакцию 16.05.2025.

Рецензирование завершено 30.07.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В настоящей работе мы ставим себе целью представить Ференца Херцега русскому читателю, предлагая тщательный разбор нарративов, которые возникли в результате его путешествия по Российской империи в 1900 г. Херцег, подлинный консерватор, знаменитый «писатель-князь», который пользовался огромной популярностью на родине, в Венгрии, в первой половине XX в., был восторженным русофилом, преданным поклонником русской культуры (наряду с его многочисленными соотечественниками, посетившими Российскую империю в данную эпоху). Его путешествие поддержали дипломатические корпуса Австро-Венгерской монархии. Херцега по политическим причинам вычеркнули из венгерского литературного канона в 1945 г., несмотря на то что он не был причастен к политическим или военным преступлениям. В наши дни его творчество заново открывается в науке в Венгрии. Согласно версиям путевых нарративов (путевых очерков и мемуаров), увиденное в империи Николая II оказалось на Херцега большое впечатление. Он переоценивал значение политических конфликтов 1849 г. между Россией и Венгрией. Он распознал ключевой, сакральный принцип русской культуры и литературы. И, наконец, он составил глубокий и правдивый отчет о двух началах русской культуры.

Непредвзятый взгляд Херцега на Россию, который позже широко отразился в его публицистическом дискурсе, был стимулирован кругом его чтения: он считал Достоевского автором, оказавшим наиболее важное влияние на его собственные сочинения, а также был в восторге от произведений Л. Толстого, Тургенева, Пушкина, Мережковского и Горького. Отдельного внимания заслуживают нетривиальные идеи Херцега, имевшего предков – силезских немцев, касательно национальной политики на родине vs в России. Личное знакомство путешественника с русским помещиком, графом Комаровским, чьи родственники занимали ключевые дипломатические и министерские посты, а также беседы с различными людьми в Москве дали Херцегу возможность ознакомиться с прошлым и настоящим России и составить собственное представление о стране.

Ключевые слова

Путевые очерки, Россия, Ференц Херцег, русско-венгерские связи, русская культура, политика России, трапелог, национальные стереотипы.

Во втором томе мемуаров, названном «Готический дом» (венг.: *Gótikus ház*, 1939), венгерский писатель Ференц Херцег (1863–1954) употребил в отношении Российской империи, которую он объехал чуть ли не за 40 лет до этого, выражение «волнувшийся анахронизм». Речь шла о сохранявшемся в ней в начале XX в. том «старом порядке» (*ancien régime*), который в Европе давно был уничтожен Французской революцией, а потом волной революционных движений 1848–1849 гг.¹ Россия представляла собой, по мнению Херцега, исключение. Демонстрируя личное отношение к описываемой стране, автор обозначает цель написания своего труда: «В этой книге речь пойдет лишь о тех двух странах, которые давно утонули в море времени, – о Турции халифа и о России царя»².

Части мемуаров Ф. Херцега, в которых содержатся впечатления от его пребывания в России, отличаются от классики жанра трапелога сознательным стремлением к развенчанию широко распространенных национальных стереотипов, к деконструкции мифа

¹ *Herczeg F. A gótiikus ház.* Budapest, 1940. 176. old. Переводы цитат из текстов венгерских авторов за исключением специально оговоренных принадлежат автору статьи.

² Ibid. 60. old.

об изолированности русской культуры, а также к раскрытию корней данных явлений: «Первым впечатлением, которое овладело путешественником, – вспоминает свой приезд мемуарист, – было то, что Россия хочет импонировать чужестранцам, намеренно желая показаться угрюмой, даже страшной»³. Миклош Шураньи, венгерский романист, автор биографии Херцега, с присущей ему интуицией заметил, насколько определяющими оказались для последнего впечатления от непосредственного контакта с русской культурой, пережитого им во время двухмесячного путешествия в 1900 г.⁴ Пережитый опыт, конечно, несколько отличался от идеала, составленного до начала путешествия. В последнем томе мемуарной трилогии Херцега, *Hűvösvölgy* («Хювёшвельдь», или «Холодная долина»), который был опубликован в Венгрии только после «смены систем», в 1993 г., первый абзац неслучайно заканчивается указанием на Россию как на исходную точку значимых политических событий в Европе и центр социального взрыва: приход к власти пролетариата в стране с населением 180 млн человек стало для него «неприятным сюрпризом» вроде «ощущения мурашек по коже»⁵. Важно отметить, что это краткое суждение не включает в себя слово «революция», поскольку внимание мемуариста не фокусируется на общественно-политических аспектах развития страны. Херцег далее вполне рационально и недвусмысленно резюмирует, что стратегический потенциал России был недооценен на Западе, скорее всего намекая на поверхностные впечатления, звучавшие в прессе Австро-Венгерской монархии: «Все-таки нельзя было поверить, что с Россией можно расправиться одной штыковой атакой»⁶. Предчувствия Херцега оправдались, концовка книги отсылает буквально к этой же теме, и здесь прослеживается принцип «кольцевой композиции» не только самой книги, но и исторического процесса: в заключительном пассаже, оформленном в виде дневниковой записи, сообщается о событии рождественского утра 25 декабря 1944 г., когда в двери виллы писателя постучался первый русский солдат, стройный, крепкий, краснощекий от холода, показавшийся Херцегу «живым отрицанием» ложной «пропаганды Геббельса». Писатель расценил свою первую встречу с русским солдатом как «приход Азии», констатировав тем самым полный и окончательный «развал»

3 Ibid. 176. old.

4 Surányi M. Herczeg Ferenc: életrajz. Budapest, 1925. 59–60. old.

5 Herczeg F. Emlékezései: Hűvösvölgy. Budapest, 1993. 23. old.

6 Ibid. 25. old.

старого мира и рождение «нового». Итоговый вывод его сформулирован как однозначная национальная самокритика: к краху Венгрию привели «негативные черты национального характера»⁷.

Травелог Херцега занимает особое место в ряду книг, статей, мемуаров многочисленных венгерских путешественников, посещавших Российскую империю начиная с первой трети XIX в. Данной теме в 1956 г. посвятил обширную и скрупулезную обзорную статью академик Эмиль Нидерхаузер⁸, но и он, к сожалению, проигнорировал отчеты Ференца Херцега, а также монументальный труд его современника, ученого монаха, графа Петера Вая «Империи и императоры Востока» (1906)⁹. Вай был принят в Петербурге российским императором.

Сначала большинство путешественников из Венгрии (а это были прежде всего ученые – этнографы, лингвисты или историки) ставило своей целью обнаружение прародины венгров и изучение культур родственных народов, поэтому в их трудах относительно мало внимания уделялось описанию впечатлений от России. Однако языковед Бернат Мункачи, приезжавший в Россию в 1880-е годы, критически опроверг фальшивый и односторонний образ России, внушавшийся западноевропейскому читателю травелогами других путешественников, например А. де Кюстином: «Официальный мир России или Сибири, – писал он, – отнюдь не является тем чудовищем, которым он представляется в злонамеренных источниках»¹⁰. Должен быть упомянут и Пал Хунфаливи, лингвист, исследователь вопросов угро-финского сравнительного языкознания, член правительства времен национально-освободительной борьбы венгерского народа в 1848–1849 гг., который в свое время с уважением и похвалой отзывался о национальной политике Российской империи в отношении финского меньшинства. Проявления русофобии в общественном мнении Венгрии историк Л. Таллоци справедливо объяснял памятью о горьком опыте 1849 г.¹¹ В этом ряду венгерских путешественников стоит и Ференц Херцег, который при всем своем консерватизме тоже оказался поклонником современной ему России и, более того, не был чужд русофильских настроений.

7 Ibid. 265–266. old.

8 Niederhauser E. Magyar utazók Oroszországban a XIX. században. // Magyar- orosz történelmi kapcsolatok / szerk. Kovács E. Budapest, 1956. 131–168. old.

9 Vay P., Gróf. Kelet császárai és császárságai. Budapest, 1906.

10 Цитата приведена по работе Э. Нидерхаузера: Niederhauser E. Magyar utazók... 134. old.

11 Ibid. 165. old.

Херцег – писатель с мировым именем, дважды номинировавшийся на Нобелевскую премию, его произведения были переведены на 17 языков, пьесы ставились в театрах разных стран Европы, включая Россию, и США. Однако после 1945 г. творчество «писателя-князя» (так называли Херцега современники) стало замалчиваться, выпало из венгерского национального литературного канона. Этому способствовало сначала его исключение из Венгерской академии наук в 1949 г., а затем кощунственный некролог, опубликованный молодым литературным критиком-коммунистом, югославским венгром Имре Бори. Место Херцега в венгерском литературном процессе, новаторскую роль, как представляется, объективно оценил известный критик А. Шёпфлин, увидевший в его творчестве новое направление в развитии национальной литературы, отход от канонов, созданных классиками предыдущей эпохи – Мором Йокай и Кальманом Миксатом¹². Можно добавить, что М. Йокай и К. Миксат доброжелательно относились к молодому прозаику, ценили его не только как талантливого писателя, но и как патриотически настроенного общественного деятеля. Позже с подачи критиков-марксистов за Херцегом надолго закрепился образ идеолога венгерских «джентри» (мелкопоместных дворян) с присущим им узким кругозором и национальной ограниченностью¹³. Новое открытие в Венгрии творчества Ференца Херцега началось лишь недавно.

Предлагаемая нами работа посвящена отражению и осмыслению в творчестве Ф. Херцега его поездки по России в 1900 г. В Отделе рукописей венгерской Национальной библиотеки имени Сечены сохранилось письмо от 24 августа 1900 г., выданное писателю Министерством иностранных дел Австро-Венгерской монархии. В нем была определена цель поездки (командировки): изучение благоустройства городов Варшавы, Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода с санитарно-гигиенической, культурной, экономической точек зрения. Херцег был назван в документе членом парламента. Дипломатическим представительствам Австро-Венгрии на территории Российской империи предписывалось всячески способствовать успешному выполнению писателем своей миссии. Существование такого рода рекомендательного письма, несомненно, исключает чисто туристический характер этого

12 Schöpflin A. Herczeg Ferenc elbeszélései // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest, 1943. 30. old.

13 Херцег происходил вовсе не из этого слоя. Его предки были немцами, выходцами из Силезии. Переселившись в Южную Венгрию, они занимались земледелием, держали аптеку. Дорожа своим происхождением, они вместе с тем добросовестно сражались на стороне венгров против Габсбургов.

путешествия¹⁴. Правда, как явствует из мемуаров, Херцег временами отклонялся от прописанного в документе маршрута.

О ходе выполнения порученной Херцегу миссии можно судить по дошедшим до нас двум «отчетам» о путешествии. Первый такой источник – «Письма из России»; это непосредственно отражавшие впечатления автора путевые очерки, заметки, отправленные, по всей вероятности, в виде телеграмм или с помощью курьерской почты в Венгрию еще во время пребывания писателя в России и напечатанные в журнале *Uj Idők* («Новые времена»). Второй – фрагмент текста объемом около 15 страниц в упомянутом втором томе «Воспоминаний»¹⁵. В зеркале этих нарративов многогранную миссию Ф. Херцега можно соотнести с пацифистскими планами Николая II, выступавшего в те годы инициатором всеобщего разоружения. Однако можно предположить, что перед Херцегом стояла задача исследовать мнение российской элиты касательно потенциальных последствий осуществления «идеи триализма»¹⁶. Сторонник реальной политики, Ф. Херцег такие утопические и чреватые новыми конфликтами проекты в то время категорически отвергал¹⁷. Равным образом не хотел про них ничего слышать и крупный венгерский политик той эпохи, будущий премьер-министр Иштван Тиса. Уважение к давним традициям венгерско-польской дружбы и солидарность с поляками живо ощущаются при чтении первой части путевых очерков, где детально и в то же время объективно описывается атмосфера Варшавы, в прошлом столицы независимой Польши, а тогда – города, переполненного русскими войсками. В первую очередь для автора важна мысль о равновесии сил двух держав.

При описании Великого княжества Финляндского важное место Херцег уделил речной прогулке по Сайменскому каналу, великолепному инженерному достижению того времени, которым могла интересоваться Австро-Венгерская монархия, вовлеченная, как и Россия, в соперничество европейских держав за новейшие технологии. Венгерский писатель посетил и Выборг, ключевой в стратегическом отношении населенный пункт. Приезду Херцега предшествовал подписанный

¹⁴ На этот важный документ обратил мое внимание коллега Болджар Вёрёш, историк, который пригласил меня на междисциплинарную конференцию, посвященную 160-летию со дня рождения Ф. Херцега в 2023 г., за что пользуюсь случаем принести ему свою искреннюю благодарность.

¹⁵ *Herczeg F. A gótikus ház.* 176–189. old.

¹⁶ В том ее варианте, в котором считалось возможным присоединение к Австро-Венгерской монархии польских земель, входивших в Российскую империю.

¹⁷ *Herczeg F. Emlékezései: Hűvösvölgy.* 41. old.

в 1899 г. Николаем II манифест, ограничивавший автономию Финляндии¹⁸. Реакцией на него явилась петиция «Pro Finlandia», вызвавшая международный отклик. Поскольку Херцег был в числе тех, кто публично выступал за сохранение автономии Финляндии, он опасался, что это скажется на его приеме русскими властями. Впрочем, опасения оказались излишними. Вопросы национальной политики, ее практического осуществления входили в круг интересов Ф. Херцега: он хотел сам все изучить, увидеть своими глазами. На это обратил внимание известный критик Ласло Ч. Сабо в эссе, опубликованном в 1943 г. в сборнике в честь 80-летия Ф. Херцега. Он отметил, что юбиляр, на которого в некоторых кругах в свое время принято было смотреть как на «воплощение реакции», к настоящему времени превратился в «наиболее свободный голос венгерской литературы»¹⁹. Эта непредвзятость проявлялась в деятельности Херцега как критика, рецензента и публициста.

Такой тип мышления отразился и в его взглядах на женский вопрос. В частности, в ранней рецензии на переписку Ги де Мопассана и Марии Башкирцевой он назвал русскую художницу одной из «наиболее интересных женских фигур», которую та «изысканная эпоха» подарила миру²⁰.

В этом кратком отзыве можно уловить сильный интерес к русскому искусству, который сохранялся у Херцега до самой старости. В личной библиотеке писателя²¹ имелись многочисленные книги по русской литературе, культуре, истории России и общим вопросам славяноведения, которые приобретались им с конца XIX в. и вплоть до начала 1940-х годов. И хотя немало изданий из этой коллекции утрачено, из составленной машинописной описи можно установить, что в библиотеке была некая старинная книга на старославянском (церковнославянском) языке. Можно предположить, что Херцег, уроженец области, где проживало много сербов, мог читать церковнославянские тексты. Была в его библиотеке и «Практическая русская грамматика» на венгерском языке, изданная в 1920 г.

18 За русским монархом утверждалось право издавать обязательные к исполнению на территории Финляндии законы без согласования с финляндским сеймом. За ним последовали в 1900–1901 гг. законы о переводе делопроизводства в Финляндии на русский язык и о включении отдельных финских вооруженных сил в состав единой российской армии (*прим. редакции*).

19 Cs. Szabó L. Sola constantia constans // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest, 1943. 113–114. old. В этом сборнике было опубликовано и поздравление Херцегу от имени регента Венгрии Миклоша Хорти.

20 Herczeg F. Tizenhárom levél // Budapesti Hírlap. 1895. nov. 16. (№ 314). 1–3. old.

21 Ныне хранится в Литературном музее имени Петефи в Будапеште.

Особый интерес Херцег проявлял к русскому роману. Не случайно в его библиотеке можно обнаружить двухтомник известного французского дипломата и историка литературы Э. де Вогюэ «Русский роман» в венгерском переводе. Во вступлении к описанию поездки по России Ф. Херцег подчеркнул, что именно «через романистику современники имели возможность приблизиться к душе москвитянского человека»²². Написавший целую монографию о Херцеге педагог, философ, психолог, видный деятель культуры эпохи Хорти, ученый монах-пиарист Д. Корниш недаром сравнивал его феномен с «очистительным голосом» Достоевского и Горького²³. Корниш, эрудит и противник любого типа диктатуры, не просто улавливал здесь глубоко вошедший в русскую культуру сакральный, духовный принцип, но также проводил параллели междуисканиями русских писателей и мыслью Херцега, пытаясь тем самым выявить истоки его русофильства. В анкете журнала *Uj Idők* Херцег еще в начале XX в. назвал Достоевского любимым писателем; в его библиотеку, наряду с романами Л. Н. Толстого и шеститомным изданием сочинений М. Горького, входили и произведения Д. Мережковского, в том числе его сборник эссе «Вечные спутники» (1915). Эти книги имелись у Херцега преимущественно в немецких переводах, выходивших в свет раньше венгерских. Д. Корниш небезосновательно проводит параллели между романом «Братья Дьюрокович» (1895), принесшим Херцегу популярность в Венгрии, и пьесами А. П. Чехова, в которых присутствовали сцены гибели дворянского сословия²⁴.

Россия действительно пленяла воображение Ф. Херцега не только до путешествия, но и после. Поездка на долгие годы дала ему творческие импульсы, побудила к написанию текстов. Первым из них стала статья «Гонведские знамена в Москве» (1903). Автор перебирает в памяти увиденные им несравненные экспонаты Оружейной палаты Московского Кремля, от корон царей и императорских карет до знамен Венгерской революционной армии 1849 г., которые были расположены в выставочном зале напротив знамен французских, захваченных у войск Наполеона²⁵. В другой статье, получившей название «Мечтания в Москве» и, по всей вероятности, ставшей реакцией на внутриполитические бури в России, Херцег, рассуждая об отнюдь не общепринятых представлениях о варварстве «русского

22 Herczeg F. A gótiikus ház. 177. old.

23 Kornis G. Herczeg Ferenc. Budapest, 1944. 87. old.

24 Ibid. 83. old. Корниш при этом не упоминает, что данное произведение Херцега было создано раньше чеховских пьес.

25 Herczeg F. Honvédzászlók Moszkvában // Vasárnapi Újság. 1903. aug. 16. 725. old. Автор упоминает здесь и о 875 пушках, захваченных у войск Наполеона.

медведя», максимально беспристрастно утверждает, что режим императора Николая II вовсе не менее демократичен, чем в странах «немецкого кайзера и венгерского короля» (т. е. Франца Йосифа), и что объявить царя козлом отпущения за грехи всех чиновников было бы слишком простым решением. Затем Херцег как бы мимоходом делает замечание, что слишком «демократичных» царей убивала как раз аристократия (намек, возможно, на зверское убийство императора Павла I). Наперекор собственным прежним представлениям о национальной политике России он все же называет российский императорский двор «шовинистским», но план введения в России конституционного строя при этом отвергает как крайне опасный. Затрагивая тему войн, которые вела Россия, Херцег, открыто проявляя пристрастие к русской народной душе, высказывает мнение, что если бы русские сами управляли своей империей, то страна перестала бы являться угрозой внешнему миру²⁶.

В нашем распоряжении есть множество доказательств увлеченности Херцега русским миром. О политической жизни и культурных событиях России Херцега, по всей вероятности, постоянно уведомлял Эндре Сабо, венгерский переводчик русинского происхождения, многократно путешествовавший по России и лично знавший Л. Толстого. Он стал переводчиком «Преступления и наказания» и «Бесов» Достоевского, а также ряда произведений Пушкина и Лермонтова. Э. Сабо всю жизнь отдал делу распространения русской культуры в Венгрии, его имя было известно и в России. Янка Ногалл, жена Сабо, писательница, педагог, переводчица на венгерский одного из романов Тургенева, тоже поддерживала тесные контакты с Россией, и журнал «Русский вестник» в июльском номере за 1898 г. напечатал на русском языке ее новеллы. Чета активно участвовала в работе Общества Петефи, возглавлявшегося некоторое время Ф. Херцегом; там, возможно, и завязалось их знакомство. Э. Сабо и Я. Ногалл, к тому же, опубликовали свои произведения в издательстве «Зингер и Вольфнер», и ему же принадлежал журнал *Uj Idők*, редактором которого был Херцег.

Движение русских нигилистов особенно пленило воображение Херцега: кроме произведений князя П. А. Кропоткина, в его библиотеке имелся венгерский перевод книги Альфонса Туна «История революционных движений в России»²⁷. Тун, игнорируя то, что термин «нигилизм» обла-

26 Herczeg F. Moszkvai álmودozások // Az Ujság. 1904. aug. 1. (II). 218. old.

27 Thun A. A nihilisták – az orosz forradalmi mozgalmak története / Ford. Szentgyörgyi Vörös Dezső. Budapest, 1894. Немецкий оригинал: «Bilder aus der russischen Revolution – Fürst Kropotkin, Stephanowitsch, Scheljatow».

дает разными значениями, отождествляя его с подрывной деятельностью революционных движений на территории современной ему России. Год издания венгерского перевода пьесы «Вера, или Нигилисты» О. Уайльда, вдохновленной историей о покушении Веры Засулич на губернатора Трепова, совпадает с датой путешествия Херцега по России.

О неугасимом интересе Херцега к России свидетельствуют многие факты его биографии, в том числе личное знакомство с балетным танцором В. Нижинским, проживавшим преимущественно в Венгрии до конца Второй мировой войны, а также дружба с итальянским дипломатом Черрути. Он женился на актрисе Эржи Паулаи, дочери Эде Паулаи, прославленного актера, драматурга и театрального режиссера, после смерти которого она смотрела на Херцега чуть ли не как на отца. Черрути в 1927–1930 гг. возглавлял итальянское посольство в СССР, а потом из-за конфликта с Наркоминделом был вынужден покинуть Москву. Впоследствии, занимая пост посла Италии в Берлине и Токио, он не порывал контактов с Херцегом. «Голубая лиса», самая популярная, всемирно известная пьеса Херцега, была экранизирована русским эмигрантом, режиссером Виктором Туржанским в Берлине в кинокомпании «УФА» в 1938 г.

Третий том воспоминаний Херцега в особенности изобилует разбросанными замечаниями относительно российской действительности, а также русской литературы: например, детально излагаются обстоятельства и последствия убийства Г. Распутина; размышления о К. Миксате сопровождаются комментарием, что его следует считать «настолько венгерским» писателем, «насколько русскими были Достоевский и Чехов». Иначе говоря, деятели и элементы русской культуры нередко выступали для Херцега в качестве неких постоянных ориентиров при оценке других культурных явлений. В 1936 г., будучи участником одной из так называемых конференций (или конгрессов) Вольта (итал.: *Covegno Volta*), организованных Итальянской королевской академией, Херцег с большим интересом слушал страстную дискуссию между советским театральным режиссером А. Таировым и немецким архитектором, основателем Баухауса В. Гроппиусом, что тоже нашло отражение в его воспоминаниях.

После взятия советской армией Бачки, области на юге Венгрии, Херцег возвратился к чтению произведений Ф. М. Достоевского, а также М. Йокай, Э. Ади и Аристофана²⁸. Восхваляя заслуги венгерских кафе в распространении культуры, Херцег доходил до того,

²⁸ *Herczeg F. Emlékezései: Hűvösvölgy. 59, 125, 153, 193, 264. old.*

что шуточно «русифицировал» регулярно посещавших эти заведения венгерских писателей, поэтов, журналистов, художников, называя их «дезертирами» жизни, «венгерскими Обломовыми» (при этом герой романа И. А. Гончарова трактовался им не как заслуживающий критики тип ленивого помещика, акцент делался на образе жизни изысканного интеллектуала)²⁹. Продолжая в том же духе, Херцег определил писателя Енё Ракоши как «Тараса Бульбу прессы»³⁰.

Будучи к концу XIX в. уже весьма популярным, известным в Европе прозаиком, Херцег развивал контакты с Россией. Некоторые его новеллы, повести и роман «Болотный цветок» были изданы в русском переводе. Этот факт был упущен даже его скрупулезным библиографом Й. Фицем³¹, в 1944 г. опубликовавшим подробный список публикаций Херцега и о Херцеге, так что и по сей день эти издания не известны венгерским специалистам. По имеющимся данным, роман «Болотный цветок» стал доступен для русской публики, будучи опубликованным в журнале «Русский вестник», в июльском и августовском номерах за 1897 г.³² Для этого журнала вообще было характерно стремление ознакомить читателей с венгерской культурой: здесь печатались биографические сведения о художнике Михаэ Мункачи, прозаические произведения К. Миксата и Я. Ногалл. Херцег продолжал и в дальнейшем, после путешествия в Россию, сотрудничать с «Русским вестником». Так, в декабре 1901 – январе 1902 г. было опубликовано несколько его новых рассказов. Имя переводчика не указано, однако можно сделать предположение о посредничестве Э. Сабо или Я. Ногалл. Интригующая история с переводом и постановкой пьесы «Голубая лиса» после событий 1917 г. в России заслуживает отдельной статьи. Благодаря помощи сотрудников Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки удалось выяснить, что в ней сохранились машинописные копии данного текста, как и другой пьесы Херцега, «Ведьмы Евы»³³.

29 Herczeg F. A gótikus ház. 10. old.

30 Ibid. 13. old.

31 Ср. длинный список произведений Херцега, появившихся в переводах на иностранные языки: Herczeg Ferenc munkássága / Fitz J. (összeáll). Budapest, 1944. 262–264, 358–364. old.

32 Херцег Ф. Болотный цветок // Русский вестник. 1897. № 7. С. 249–282; № 8. С. 146–182. Позже были опубликованы переводы этого произведения на польский и чешский языки.

33 Считаю своей обязанностью выразить глубочайшую благодарность Елене Анатольевне Андрушченко, д.ф.н., проф., главн. научн. сотр. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН за посредничество в получении копий этих драгоценных

Среди публикаций произведений Херцега можно также упомянуть о бесценной библиографической редкости – сборнике восьми новелл в русинском переводе, вышедшем в свет в 1943 г. под названием «Житя, смерть, любовь» в издательстве Подкарпатского общества наук³⁴. Перевод принадлежит перу ученого-лингвиста, преподавателя Краковского университета Ивана Гарайды, ставшего жертвой советской контрразведки в 1944 г. Ф. Херцег, родившийся в городе Вершец (Вршац), в крае со смешанным венгерским, сербским, немецким и румынским населением, и усовершенствовавший венгерский язык лишь проживая в старинном трансильванском городе Темешвар (Тимишоара), питал особый интерес к жизни и культуре национальностей Венгрии и всей монархии Габсбургов уже по причине своего происхождения. Он симпатизировал представителям русинского национального меньшинства, о чем свидетельствуют и соответствующие книги, имевшиеся в его библиотеке.

Публикуя в переводе на русский язык собственные произведения, Херцег сознательно обращался в некоторых из них к использованию «русских» сюжетов или созданию «русских» персонажей. Например, в рассказе «Лозенко» (1908), эксплицитно трактующем философско-этическую проблему преступления и наказания, повествуется о кровавом покушении, теракте и последовавшем за ним судебном процессе. Следует также упомянуть комплексную «русскую линию» в эмblemатическом романе «Северное сияние» (1929), в котором получила отражение противоречивая история событий в Венгрии 1918–1919 гг.

В драме «Юлия Сендреи» (1930) главная героиня – жена поэта Шандора Петефи, героя Венгерской революции и антигабсбургской национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Действие происходит в исторический момент национальной трагедии осени 1849 г., когда страну охватил хаос после капитуляции венгерской революционной армии перед многократно превосходившими ее по численности русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Один из центральных персонажей – загадочный русский офицер, сотрудник посольства Российской империи в Вене князь Трубецкой. Появление благородного, образованного героя представлено в драме

документов и данных, которые собрали Елена Геннадьевна Федяхина (заведующая сектором работы с ретроспективными материалами Отдела справочной и научно-библиографической работы Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки) и ее сотрудники, которым тоже приношу благодарность.

34 Херцег Ф. Житя, смерть, любовь. Ужгород, 1943.

как момент искушения для Юлии Сендреи, напрасно ожидавшей с поля битвы мужа, который безвестно исчез после сражения под Шегешваром. Образ русского аристократа, предлагавшего Юлии достать дорожные документы, чтобы она могла бежать в Турцию, вписывается в канву легендарных событий, реконструируемых как возможные элементы дальнейшей судьбы Ш. Петефи. Согласно слухам, поэт якобы попал в русский плен после подавления венгерской освободительной борьбы, работал на свинцовых рудниках Сибири. Некоторые современники, и в том числе близкие друзья Петефи, не исключали, что он жив. Среди них был знаменитый прозаик Мор Йокай, который после заключения в 1867 г. австро-венгерского соглашения в одной из статей призывал венгерские власти обратиться с соответствующим запросом к русскому правительству. В личном разговоре с Херцегом Йокай мог подать идеи и поделиться с ним конкретными сведениями о Петефи. Хотя мотив супружеской неверности, проявившийся в едва наметившемся чувстве к русскому офицеру, является в драме авторским вымыслом, он все-таки соотносится с биографией поэта: в период медового месяца Ш. Петефи написал хрестоматийное стихотворение «В конце сентября» (1847), где предрек собственную смерть и новый брак вдовы. Драма Херцега завершается объемной цитатой из «Евгения Онегина» Пушкина, звучащей в устах прощающегося с Юлией Сендреи князя Трубецкого.

Присутствие «русской темы» в произведениях Ф. Херцега можно приписать и беллетристическим стратегиям Сецессиона, для которых весьма типично влечение к экзотике. Однако взгляды писателя свидетельствуют о глубоком интересе к русской культуре.

Путешествие Ф. Херцега по России длилось два месяца, за это время он обогнал важнейшие города европейской части Российской империи, преодолев огромные расстояния. Он отправился из Варшавы в Санкт-Петербург, оттуда в Выборг, совершил речную экскурсию до Иматры (в Финляндии), немало времени провел в Москве, затем выехал в Нижний Новгород, оттуда в Киев, посетил и Одессу.

К двум вышеупомянутым источникам, в которых Херцег зафиксировал свои впечатления о России, следует добавить и некоторые другие. Еще до «смены систем», в 1985 г., вышло подготовленное историком литературы Белой Неметом Г. издание «Воспоминаний»³⁵, из которого было вычеркнуто опубликованное в 1939 и 1940 гг. описание беседы автора с русским аристократом графом Комаровским,

35 Herczeg F. Emlékezései / szerk. Németh G. Béla. Budapest, 1985. 358–368. old.

заворожившим гостя щедрым гостеприимством в 1900 г.³⁶ Можно упомянуть также небольшую заметку М. Шураны (1925) об итогах путешествия Херцега по России и, наконец, рассказ Иштвана Хертеленди, вошедший в сборник «Роман жизни венгерского писателя-князя», подготовленный к его юбилею³⁷. Все эти тексты можно рассматривать как исторические и историко-литературные источники, и каждый из них расставляет свои акценты и имеет свой вес при реконструкции того образа России, который, сложившись в сознании Херцега, влиял на формирование взглядов на русскую культуру и историю у самого широкого круга читателей – поклонников его прозы.

Херцег как зоркий свидетель разных эпох венгерской и всемирной истории, успешный дипломат и парламентарий, издатель, редактор многотомного энциклопедического словаря, выдержавшего несколько переизданий, никогда не мог противостоять соблазну выступать в роли документалиста, летописца, стремящегося к верному отражению реальности. Это проявлялось у него не только в публицистике и мемуарах, но и в художественном творчестве – в драмах, романах, фиксирующих нравы и духовные ориентиры современных ему людей, сдвиги в развитии общества. Он пытался философски осмысливать динамику исторического развития человечества. Недаром всемирно известный венгерский прозаик Шандор Мараи в статье, посвященной особенностям теоретических сочинений Ф. Херцега, четко выделяет «переходный» характер его публицистики, совмещающей в себе специфические черты журналистики и историографии. Однако при всем стремлении к объективности Херцег оставался мастером «холодной страсти»³⁸. Не удивительно поэтому, что уже в первом из «Писем из России» «стандартизированная» схема ознакомления туриста с другой культурой, предлагавшаяся в книгах «К. Бедекера и Майера» (речь идет о книгах популярного в ту эпоху по всей Европе издательства, выпускавшего атласы, путеводители, энциклопедии, карманные туристические словари, в том числе на русском языке), решительно отклонялась, ведь она порождала довольно парадоксальное положение: «Путешественник уже заранее составил суждение о странах и народах, которые он будет видеть»³⁹. Итак, Херцег отда-

36 Cp. тексты: *Herczeg F. A gótiikus ház.* 188. old.; *Herczeg F. Emlékezései.* 367. old.

37 *Hertelendy I. A nyolcvanéves Herczeg Ferenc // A nyolcvanéves Herczeg Ferenc (A magyar írófejedelem életregénye) / szerk. Hertelendy I.* Budapest, 1942. 7–122. old.

38 *Márai S. Herczeg Ferenc tanulmányai // Herczeg Ferenc. 80 év. / szerk. Kornis Gy.* Budapest, 1943. 100–101. old.

39 *Herczeg F. Oroszországi levelek I. // Uj Idők.* 1900. № 40. 281. old.

вал предпочтение настоящим впечатлениям, достоверности наблюдений, любознательному взгляду, желанию удивиться.

В отличие от «Писем из России», строго построенная документальная проза «Готического дома» представляет собой текст, где преобладает взгляд путешественника-писателя, созерцающего окружающий мир сквозь историко-культурную призму, в манере, близкой Рёскину и Эмилю Людвигу. В такой нарратив включается перспектива прошлого и настоящего России, показанная через конкретные памятники (от резиденций династии Романовых и музеев до Киево-Печерской лавры). Даётся беспристрастная трактовка болезненных исторических событий, повлиявших на судьбы двух народов – русского и венгерского (например, при описании полотна, изображающего капитуляцию в Вилагоше, которой завершилось венгерское национальное восстание и освободительная борьба против Габсбургов 1848–1849 гг.). Рассказывается о кутежах и пиршестве на подмосковном хуторе цыган в компании графа Комаровского, считавшего себя отпрывком венгерских переселенцев. При всей достоверности описания этот прозаический фрагмент по стилю близок к эссе.

Критики подчеркивают выраженное документальное начало в томах мемуаров, опубликованных при жизни Херцега⁴⁰. Поэт и переводчик Иштван Ваш в воспоминаниях приводит слова венгерского классика XX в., вытесненного по политическим причинам из литературы крупного прозаика Гезы Оттлика, с которым они вместе переживали месяцы штурма Будапешта в 1944–1945 гг. (кстати, в доме на Пашарете, недалеко от виллы Херцега в районе Хювшевельдь) и которыйставил художественные достоинства прозы Херцега несколько выше, «чем было принято» в их «кругах» (под этими «кругами» подразумевались левые интеллектуалы, жившие надеждой на победный приход Красной армии). Оттлик заметил, что Херцег «находчиво редактирует», а его мемуары «Готический дом» возникли как непосредственный результат «трезвого, просвещенного мышления»⁴¹.

Первая часть «Писем из России» (эти путевые очерки, как правило, печатались по три страницы) посвящена картинам Варшавы с повторяющимися как лейтмотив сценами пребывания в городе русских войск (их численность, как конкретизирует автор, составляла 80 тыс. человек). Русских офицеров Херцег называет благородными и обходительными,

40 Ср., например: *Várdai B. Herczeg Ferenc Emlékezései // Katolikus Szemle*. 1933. № 12. 473. old.

41 *Vas I. Azután*. Budapest, 1991. K. II. 313. old.

общение с ними – приятным. Даже с учетом того, что он привык видеть на родине, Херцег отмечает опрятную одежду носильщиков и чистоту просторных железнодорожных вокзалов. Мемуарист не обходит молчанием напряженность отношений между Россией и присоединенной к ней Польшей, но обращает внимание на таблички на двух языках и православные храмы в большом католическом городе. Он констатирует, что дворцы Станислава II Августа Понятовского теперь принадлежали «царю всея Руси», однако подчеркивает уважительное отношение новых хозяев к местному населению: «Господа русские все оставляли так, как было при власти поляков»⁴². Иными словами, он приходит к выводу, что «захватчики» не намерены ассимилировать или уничтожить чужую культуру. Херцег с восхищением отзывался о польском балетном ансамбле, созданном еще королем Станиславом.

Пограничный пункт на въезде в Российскую империю в описании путешественника сравнивается с перемещением «из развратной и грязной азиатской провинции» в «европейское культурное государство»⁴³. Предвидя возмущение венгерских читателей, автор добавляет: «Мне жаль, что это так, но я тут ни при чем»⁴⁴. Эксплицитно опровергая отзывы западных путешественников, сообщавших о грубом обращении и притеснениях со стороны русских таможенников, Херцег подчеркивает их «вежливые» и «приятные» манеры. Кратко подмечено, что три московских еврея, разделившие с Херцегом купе, оказались в лучшем положении, чем их варшавские собратья.

Во второй части очерков описывается путь в Санкт-Петербург. Текст начинается с похвальных слов об удобстве российских железных дорог, вокзалов, изящных и шикарных ресторанах. Редкие села напоминают путешественнику скромные русинские деревни, расположенные на северо-востоке Венгрии: они похожи, как «родные братья»⁴⁵. Взгляд литератора порой останавливается на «меланхолических березовых рощах», «воспетых Тургеневым». Петербург, сказочная «Северная Венеция», несмотря на чары и грандиозность, обычно восхищающие посетителя, не впечатляет Херцега, отмечавшего, что своей суворой «размеренностью», однообразными, прямолинейными проспектами и улицами город скорее вызывает скуку, и причиной тому

⁴² Herczeg F. Oroszországi levelek I. 282. old.

⁴³ Ibid. 281. old. “Az osztrák határról érkeztem, s mégis az az érzésem van, mintha Ázsia egyik züllött és moszkos tartományából érkeztem volna egy európai kultúrállam kapujához”.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Herczeg F. Oroszországi levelek II. // Uj Idők. 1900. № 41. 309. old.

является, среди прочего, его западноевропейский облик, нерусская архитектура. Повсюду каменные «неприветливые доходные дома», на улицах нет ни одного дерева⁴⁶. «Медный всадник», вызывавший интерес у многих венгерских путешественников⁴⁷, подвергается Херцегом критике: в этом памятнике можно ощутить дух Екатерины II, но не Петра Великого. Ни «непропорциональный» Зимний дворец, ни грандиозных размеров Исаакиевский собор, ни Петропавловская крепость не завоевывают симпатии Херцега. В то же время он находит виллы и дачи в окрестностях столицы «весьма оригинальными, пышными и уютными»: все личное для венгерского путешественника становится источником радостного спокойствия. Если верить описанию, ему нетрудно оказалось попасть в выделенные для посещения части императорских дворцов, где он поручался услужливым и безукоризненно вежливым лакеям, которые сопровождали его по бесконечным коридорам, покоям и залам и порою были даже расположены «показать спальни и ванные комнаты царевен». При описании увиденного Херцег избегает чрезмерной сдержанности или, напротив, преувеличений. Он искренне рассказывает в мемуарах и очерках даже о событиях личной жизни. Херцег, некогда познавший нужду, отмечает отсутствие расчетливости, характеризующее русское гостеприимство: «Входной платы нигде не берут [...], даже в музеях». Он чувствует досаду при виде некоторых экспонатов, в частности, военных трофеев, захваченных русскими войсками в Венгрии в 1849 г., но тем не менее, сохранивая пацифистскую позицию, призывает читателя рассуждать объективно: несомненно, другие нации, как и русские, проводят завоевательную политику. И далее с немалой – и явно небезосновательной – долей оптимизма он отзывается о миротворческой политике Николая II, которым «была сформулирована идея всеобщего разоружения»⁴⁸. Впечатлившись творениями В. Верещагина и И. Репина, Херцег вспоминает картину известного художника-баталиста Б. Виллвеальде, на которой изображена сцена сложения оружия генералом А. Гергеи в 1849 г.: дисциплинированность капитулирующих офицеров и отчаяние рядовых венгерской армии вызывают у русских уважение. Разумеется, Херцег, как убежденный патриот, болезненно относился к этому трагическому событию венгерской истории. Осматривая коллекции Эрмитажа, Херцег позволяет себе скептично

46 Ibid. 309. old.

47 Подробнее см.: Niederhauser E. Magyar utazók... 143. old.

48 Herczeg F. Oroszországi levelek II. 309–310. old.

заметить, что хранящиеся там шедевры не имеют ничего общего с русским искусством, которое, в свою очередь, он торжественно восхваляет, предсказывая ему великое будущее и подчеркивая самобытность, многоцветность и разнообразие орнаментов, характеризующие народное изобразительное искусство и зодчество. Венгерский писатель, осматривая творения современных ему молодых художников, выставленные в залах «Александровского музея» (вероятно, Херцег ошибочно называет так Русский музей, созданный на основе коллекции императора Александра III и открытый для посетителей в 1898 г.), восхищенно восклицает: «Какая страшная сила, какая варварская отважность, какая православная оригинальность!»⁴⁹ В столице он с удовлетворением обнаруживает новый феномен «национальной реакции»⁵⁰, связанный с возрождением национального духа после двухвекового, начиная с эпохи Петра Великого, перманентного воздействия западной культуры на русскую.

«Письма из России» заканчиваются описанием экскурсии в Выборг и пароходной прогулки по Саймскому каналу; конкретная цель этой части поездки, однако, остается в тени, о ней можно лишь догадываться. Из зафиксированных впечатлений и затронутых в тексте вопросов становится ясно, что особое значение автор придает проблемам национальной политики и судьбам разных народов в Российской империи. С приятным удивлением сообщая читателю, что в Финляндии всего 5 000 человек признает русский язык родным, Херцег объясняет этот факт уникальной степенью толерантности, проявляемой, по его мнению, по отношению к национальным меньшинствам в стране: «Это возможно лишь при наличии такого весьма терпеливого, до бесконечности благодушного общества, каким является русское»⁵¹. Продолжая размышлять над национальным вопросом в Российской империи, Херцег приводит другой интересный пример: на Украине земли находятся в руках польских землевладельцев, которые «не знают

49 Ibid. 311. old.

50 Ibid.

51 Herczeg F. Oroszországi levelek III. // Uj Idők. 1900. № 43. 857. old. Можно привести статистику того времени: согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на данные которой, наверняка, ссылается и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», русские и немецкие жители составили всего лишь около 11 % граждан в населенном преимущественно финнами (68 %), и шведами (21 %) Выборге, в городе, который фактически находился уже чуть ли не 200 лет под русским господством. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. СПб., 1890–1907. Т. VII. С. 467–468.

русский язык и не намерены знать его»⁵². Финляндия, подчеркивается в очерке, обладает самостоятельной железнодорожной компанией, у нее имеется собственная валюта. Херцега, несмотря на особый статус Финляндии в составе Российской империи, тревожило происходившее тогда ограничение привилегий этого княжества (именно в это время начинается русификация Финляндии по инициативе генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, но об этом Херцег не упоминает), однако он приходит к выводу, что «в Российской Империи никто не шовинист в политическом или действительном смысле слова, в худшем случае – государственная власть»⁵³. Благодаря немецкой архитектуре Выборг воспринимался писателем как родной, уютный⁵⁴; он любовался изящным парком Монрепо с павильонами, оранжереями, островками, памятниками и обелисками, который Павел I подарил своему воспитателю Л. Г. Николаи, впоследствии продолжившему ухаживать за этим прекрасным местом.

В книге Миклоша Шураны, представляющей собой первую крупную биографию Херцега, излагаются и комментируются факты его путешествия по России. Жизнеописание написано с опорой на сведения, почертнутые из личных разговоров с писателем. До появления мемуаров «Готический дом» в распоряжении биографа были только путевые очерки, напечатанные в 1900 г. Согласно его интерпретации, Херцег отправился в поездку по России, чтобы полюбоваться «замечательной и мистической страной», которая подарила миру «шедевры» Тургенева, Достоевского и Л. Н. Толстого: «На его развитие как писателя, – утверждает Шураны, – величайшее влияние оказали русские: в силу этого понятно, что он хотел посмотреть на живых прототипов героев Толстого своими глазами, посетил Санкт-Петербург, Москву, Киев, Одессу и привез домой глубокие впечатления из отечества величайших добродетелей и величайших грехов». Умеренность тона биографа, комментирующего впечатления Херцега о России, очевидно, обусловлена необходимостью учитывать исторические события недавнего прошлого, Шураны говорит о Старой России. В то же время он четко различает литературное влияние и отношение Херцега к стране: «Это влияние проявилось не в его писательском стиле или темах, его отношение к России скорее похоже на отношение Гете к некоторым любимым книгам: он находил там мало чему учиться, но после того,

52 Herczeg F. Oroszországi levelek III.

53 Ibid. 358 old.

54 Ibid.

как объехал Империю царя, его сознание стало другим, расширилось, обогатилось». Эта духовная метаморфоза оказала решающее влияние на жизнь Херцега. Гонимый страстью к путешествиям, Ф. Херцег побывал во многих странах Европы, почти 13 лет ходил под парусом по Средиземному и Ионическому морям на собственной яхте. Сохранились его дневниковые записи о совместном круизе с четой Балла в 1926 г., во время которого они посетили приморские города Италии, Франции и Испании. Однако на первом месте для писателя оставалось путешествие по России, где им непрерывно поднимались столь волновавшие его национальные вопросы⁵⁵.

В «Готическом доме» Херцег описывает путешествие в Россию 40-летней давности. Рассказ о поездке сопровождается многочисленными авторскими рассуждениями. И хотя читатель может четко выделить последовательность отдельных этапов маршрута, описание выстраивается по тематическому принципу, а не в хронологической последовательности; Херцег систематизирует свои разнообразные впечатления, и в этой системе уравновешиваются рациональное и эмоциональное, личное и универсальное начала. Из посещенных мемуаристом городов упоминаются лишь Петербург, Москва и Киев. Автор, основываясь на собственных впечатлениях, противопоставляет Москву и Санкт-Петербург, отмечая различие культурных парадигм, проявляющиеся и в искусстве, и в повседневности.

Образ медведя, амбивалентного символа России, в тексте несет положительную оценку. Херцег рассказывает, что сразу по приезде в Петербург толпу пассажиров как по команде окружают казаки в папахах из медвежьей шкуры. Их суровый вид вызывает страх, но это первое впечатление постепенно «стирается», и далее Херцег пишет: «Мы убеждались, что русский человек обычно добродушен, ленив, любопытен и очень любит получить на чай». В данной характеристике перечисляются и менее лестные качества, но общая картина получается положительной. Вслед за беглым пересказом первых впечатлений мемуарист приступает к художественному изложению, в котором пренебрегает традиционным чередованием описательных частей и авторских отступлений: события служат только подтверждениями аккуратно и тонко преподносимых концепций.

Херцег выделяет дуалистическое начало русской культуры, которое оказало ключевое влияние на развитие «русской идеи» и политической мысли: «Можно различить два враждующих между собой

55 Surányi M. Herczeg Ferenc... 60. old.

культурных слоя – москвитянско-азиатский и прусско-европейский, типа петровского, которые сталкивались друг с другом»⁵⁶.

Вызывая ассоциации с романом Андрея Белого «Петербург», появившегося спустя десять лет после его путешествия, Херцег выделяет два начала русской культуры, проявление которых видит в обликах Санкт-Петербурга и Москвы. Он указывает на различия в планировке и архитектуре двух городов: прямолинейность Санкт-Петербурга («Петра творения») противопоставляется «извилистым» улицам Москвы. Цветовая гамма Санкт-Петербурга – штукатурка зеленого и табачного, коричневого цвета, пасмурное небо; Москвы – красные, зеленые и белые стены, золотые луковичные главы соборов, сияющие в вечернем свете. На Воробьевых горах, там, где дали легендарную клятву Герцен и Огарев, Херцег озаряет мысль об осознанности и постигаемости одного из сакральных принципов русской культуры: «Когда с вершины Воробьевых гор всматриваешься в лес золотых, огненных куполов, сверкающих в вечернем свете, и слушаешь звон тысяч колоколов, начинаешь понимать, почему город назван матушкой Москвой и сочтен священным»⁵⁷.

Херцег также обращается к общеизвестным для венгерского читателя образам, например, отмечает сходство венгерского города Дебрецена с Москвой, о чем нередко писали венгерские путешественники. Далее писатель возвращается к теме религиозности, проникающей во все уголки русской жизни, пересказывая сюжет, описанный в путевых очерках. Ему посчастливилось лично присутствовать на полевой церковной службе, проводившейся в присутствии императора Николая II, и на последовавшем за ней «блестящем военном параде». Путешественнику трудно было не отаться чувству «фанатического восторга»⁵⁸. Это ощущение сохраняется и в Петербурге. Фигура императора сакральна, а его власть «копируется на его армию и православную церковь»⁵⁹. Как далекий наблюдатель, внимательно следивший за судьбой России в течение почти сорока лет после своего путешествия, Херцег горько констатирует: «Если бы тогда кто-нибудь

56 Herczeg F. A gótikus ház. 146. old.

57 Ibid. 177. old.

58 Такое словосочетание совершенно неслучайно попадает в текст, ибо этимология слова «фанатизм» в статье энциклопедического словаря Uj Idők lexikona («Энциклопедия новых времен»), редактируемого как раз Херцегом, возведена к корню с семантикой «сакральный, сакральное место». Ср. статьи Fanum и Fanatizmus в: Uj Idők lexikona / szerk. Herczeg F. 9. kötet. Budapest, 1938. 2087., 2089. old.

59 Herczeg F. A gótikus ház. 178. old.

сказал мне, что вся эта блестящая картина вкупе с царем, генеральным штабом и епископатом будет утопать в грязи и крови, я бы непременно посмотрел на него как на сумасшедшего»⁶⁰.

За этим замечанием следует уже упомянутое размышление об экспонатах Зимнего дворца – памятниках венгерской освободительной борьбы. Несмотря на то, что Херцег ставит акцент на тактичности русских и их критике в адрес бывшего союзника – «неблагодарной Австрии», в этот момент его охватывает чувство протеста, провоцируемое духом милитаризма в Российской империи.

Херцег не оказывается во власти религиозного порыва, но его поиски сосредоточены на проявлениях религиозности в России. Он старается объективно рассматривать роль православной веры в жизни русского человека. В Александро-Невской лавре Херцег, слушая монашеский «лучший вокальный хор мира», с некоторым разочарованием делает замечание об обстоятельствах принятия этих монахов в монастырь (при этом употребляется слово «ангажмент»), о высоком жалованье, о поведении, более характерном для избалованных актеров или цирковых артистов, говорит о «хихикающих» на дворе и в арках «девицах»⁶¹. Подобные впечатления испытывает Херцег и в Киеве: отправившись в пещеры Киево-Печерской лавры, он сообщает о своем безмолвном потрясении, вызванном кощунством экскурсовода-монаха, беззастенчиво прикоснувшегося к святым мощам. Писатель рассматривает фрески киевского Владимирского собора, выполненные в 1885–1896 гг. В. М. Васнецовым; величественная роспись на западной стене («Страшный суд») заставляет его всерьез задуматься. Но искомого он здесь не находит: «Это не дом благоговения, это скорее лишь дом художеств»⁶².

Признание отсутствия духовности в России заставляет Херцега задуматься о процессах, происходивших тогда в обществе. Он осознает, что вместо изображения действительности современные ему русские художники считали нужным ее переосмысливать. Писатель отмечает важность роли представителей искусства и литературы в жизни страны и приходит к лишь отчасти справедливому, но меткому заключению, подобному выводу В. В. Розанова. Если последний после революции 1917 г. обвинил в ней писателей и поэтов, взвалив на них ответственность за произошедшее, то Херцег считал их виновными

60 Ibid.

61 Ibid. 179. old.

62 Ibid. 181. old.

в распространении чувства недовольства, веры в неизбежность революции, в ее предречении: «Новая москвитянская культура всецело борется с “ancienne régime” (sic!) (со старым порядком. – Д. З. Й.), то есть с порядком царской империи. Писатели и художники создали такую атмосферу, в которой старое аристократическое общество вынуждено будет погибнуть. Эта атмосфера переполнена дьявольским недовольством, ожиданием трагического, сдавленной тишиной, предвещающей бурю. Художники и писатели фанатически распространяют убеждение, что “в России что-то должно случиться”»⁶³.

Херцег считал, что русские художники не до конца понимали значимость «пафоса» исторического развития России, сосредотачиваясь на изображении «заурядного, дефективного, даже животного». Несмотря на редкую эрудированность, он не имел возможности углубиться в изучение особенностей отношений между царем и народом, складывавшихся в течение веков, но его позиция заслуживает внимания. Херцег упоминает монументальную картину И. Репина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (1886), висевшую тогда в аванзале Большого Кремлевского дворца. Улавливая контраст между образами Александра III (писатель сравнил его с «тучным, закормленным пламенным быком с розовым и пустым лицом») и крестьян, «облаченных в тусклые зипуны», с «апостольскими головами, облагороженными мукой», Херцег замечает: «Нельзя представить себе противопоставление, более подстрекающее к мятежу. Царю, однако, оно понравилось, он заплатил художнику и приказал повесить картину в собственном дворце»⁶⁴.

Херцег совершил путешествие ради разгадки тайн «северного Сфинкса», как он называет Россию, однако его преимущественно восхищенное представление общественно-политической ситуации в стране иногда «разбавляется» описаниями фарсовых сцен. Херцега удивил скандал, произошедший в украиноязычном театре Киева, когда спектакль был прерван пьяным офицером. Эта история в сознании Херцега воспринимается как проявление некоего вмешательства вроде Deus ex machina.

Херцег рассказывает о знакомстве с графом Павлом Комаровским, проживавшим в имении под Орлом. Это знакомство приобретает для писателя особую значимость благодаря той роли, которую родственники Комаровского играли, занимая ключевые дипломатические

63 Ibid.

64 Ibid. 183. old.

и министерские посты (этот факт Херцег умалчивает, хотя, по всей вероятности, соответствующие сведения были в его распоряжении). Писатель отправил Комаровскому рекомендательное письмо от одного знакомого венгерского землевладельца из родной области Бачка. Рассказ о щедром гостеприимстве графа начинается с эпизода, как наутро после заселения в гостиницу швейцар учтиво осведомляет Херцега, что он гость графа Комаровского, который в тот же вечер лично с ним знакомится. Они вместе смотрят спектакль «Евгений Онегин» в Большом театре. Описанию этой встречи и бесед в мемуарах уделено несколько страниц, что свидетельствует о важности и приятности знакомства. Из содержательных разговоров с Комаровским Херцег, по-видимому, получал информацию о прошлом и настоящем России. Странные обстоятельства убийства графа Комаровского, случившегося несколько лет спустя в Венеции и вызвавшего в международной прессе разные догадки, серьезно озадачили Херцега⁶⁵.

Иштван Хертеленди, редактор сборника, вышедшего в 1942 г., в котором содержались поздравительные тексты современников, друзей, актеров, театральных деятелей, братьев по перу в честь «писателя-князя», во вступлении очерчивает биографию писателя, очевидно, заимствуя некоторые сведения из второго тома «Воспоминаний». Хертеленди замечает, что Херцег везде целенаправленно обнаруживает сходства между венгерским и русским народами: «В Москве Херцегу думается, что он видит Дебрецен в страшно разросшейся, азиатской и более космополитической форме. В целом его везде удивляет схожесть венгерской и русской души»⁶⁶.

Источники и литература

Херцег Ф. Болотный цветок // Русский вестник. 1897. № 7. С. 249–282; № 8. С. 146–182.

Херцег Ф. Житя, смерть, любовь. Ужгород: Подкарпатское общество наук, 1943. 105 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефона, 1890–1907. Т. 1–86.

Cs. Szabó L. Sola constantia constans // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943. 111–116. o.

65 Ibid. 185–189. old.

66 *Hertelendi I.* A nyolcvanéves Herczeg Ferenc. 97. old.

- Herczeg Ferenc munkássága / Fitz J. (összeáll). Budapest: Uj Idők Irodalmi Intézet; Singer és Wolfner kiadás, 1944. 255–367 [113] o.
- Herczeg F. A gótikus ház. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1940. 316 o.
- Herczeg F. Emlékezései / szerk. Németh G. Béla. Budapest: Szépirodalmi kiadó, 1985. 478 o.
- Herczeg F. Emlékezései: Hűvösvölgy. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1993. 267 o.
- Herczeg F. Honvédzászlók Moszkvában // Vasárnapi Újság. 1903. aug. 16. 725. o.
- Herczeg F. Moszkvai álmodozások // Az Ujság. 1904. aug. 1. (II). 218. o.
- Herczeg F. Oroszországi levelek I. // Uj Idők. 1900. № 40. 281–283. o.
- Herczeg F. Oroszországi levelek II. // Uj Idők. 1900. № 41. 309–311. o.
- Herczeg F. Oroszországi levelek III. // Uj Idők. 1900. № 43. 857–859. o.
- Herczeg F. Tizenhárom levél // Budapesti Hírlap. 1895. nov. 16. (№ 314). 1–3. o.
- Hertelendy I. A nyolcvanéves Herczeg Ferenc // A nyolcvanéves Herczeg Ferenc (A magyar írófejedelem életregénye) / szerk. Hertelendy I. Budapest: Balogfalvi dr. Czóbel Elemér kiadása, 1942. 7–122. o.
- Kornis Gy. Herczeg Ferenc. Budapest: Singer és Wolfner, 1944. 370 o.
- Márai S. Herczeg Ferenc tanulmányai // Herczeg Ferenc. 80 év. / szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943. 97–108. o.
- Niederhauser E. Magyar utazók Oroszországban a XIX. században // Magyar-orosz történelmi kapcsolatok / szerk. Kovács E. Budapest: Művelt Nép kiadó, 1956. 131–168. o.
- Schöpflin A. Herczeg Ferenc elbeszélései // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943. 25–45. o.
- Surányi M. Herczeg Ferenc: életrajz. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1925. 183 o.
- Thun A. A nihilisták – az orosz forradalmi mozgalmak története / Ford. Szentgyörgyi Vörös Dezső. Budapest: Atheneum, 1894. 383 o.
- Új Idők lexikona / szerk. Herczeg Ferenc. 1–24. kötet. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1936–1942.
- Várdai B. Herczeg Ferenc Emlékezései // Katolikus Szemle. 1933. № 12. 473–475. o.
- Vas I. Azután. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1991. K. II. 313. o.
- Vay P., Gróf. Kelet császárai és császárságai. Budapest: Franklin, 1906. 465 o.

References

- Cs. Szabó, L. “Sola constantia constans.” *Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy.* Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943, pp. 111–116.
- Fitz, J. (ed.). *Herczeg Ferenc munkássága*. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, Singer és Wolfner kiadás, 1944, pp. 255–367 [113].
- Herczeg, F. *A gótiikus ház*. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1940, 316 p.
- Herczeg, F. *Emlékezései*, szerk. Németh G. Béla. Budapest: Szépirodalmi kiadó, 1985, 478 p.
- Herczeg, F. *Emlékezései: Hűvösvölgy*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1993, 267 p.
- Herczeg, F. *Zhitija, smert', liubov'*. Uzhgorod: Podkarpatskoe obshchestvo nauk, 1943, 105 p.
- Hertelendy, I. “A nyolcvanéves Herczeg Ferenc.” *A nyolcvanéves Herczeg Ferenc (A magyar írófejedelem életregénye)*, szerk. Hertelendy I. Budapest: Balogfalvi dr. Czobél Elemér kiadása, 1942, pp. 7–122.
- Kornis, Gy. *Herczeg Ferenc*. Budapest: Singer és Wolfner, 1944, 370 p.
- Márai, S. “Herczeg Ferenc tanulmányai.” *Herczeg Ferenc. 80 év*, szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943, pp. 97–108.
- Niederhauser, E. “Magyar utazók Oroszországban a XIX. században.” *Magyar-orosz történelmi kapcsolatok*, szerk. Kovács E. Budapest: Művelt Nép kiadó, 1956, pp. 131–168.
- Schöpflin, A. “Herczeg Ferenc elbeszélései.” *Herczeg Ferenc. 80 év*, szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943, pp. 25–45.
- Surányi, M. *Herczeg Ferenc: életrajz*. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1925, 183 p.
- Új Idők lexikona*, szerk. Herczeg F. Vols. 1–24. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1936–1942.
- “Várdai Béla Herczeg Ferenc Emlékezései.” *Katolikus Szemle*, 1933, No 12, pp. 473–475.
- Vas, I. *Azután*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1991, Vol. II, 313 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.14

Gy. Z. Józsa

Late 19th – Early 20th Century Russia in Ferenc Herczeg's Travelogues

Józsa György Zoltán
 PhD, independent researcher
 Budapest, Hungary
 E-mail: jozsagyz@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-4803-6286

Citation

Józsa Gy. Z. Late 19th – Early 20th Century Russia in Ferenc Herczeg's Travelogues // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 269–295 (in Russian).
 DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.14

Received: 16.05.2025.

Revised: 30.07.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The paper aims to introduce Ferenc Herczeg to contemporary Russian public and scholars by presenting a detailed survey of narratives generated by his journey to the Russian Empire in 1900. Herczeg, a primordial conservative, the celebrated ‘prince writer’, who enjoyed tremendous popularity in his native country in the first half of the 20th century, turns out to have been an ardent Russophile, a dedicated and refined admirer of Russian culture (alongside with numerous of his compatriots visiting the Russian empire at the time). His journey was supported by the diplomatic corps of the Austro-Hungarian Monarchy. Herczeg, who was subsequently erased from Hungarian literary canon from 1945 on due to political circumstances, though he was not implicated in any political or war crimes, is just being rediscovered by scholars in Hungary. According to his travelogues Herczeg was greatly impressed by what he saw in Nicholas II’s empire. He reevaluated 1849’s political clashes between Hungary and Russia, touched upon the sacred key-note of Russian culture and literature, and, last but not least, provided a profound and true account of the two streams of Russian culture. Furthermore, Herczeg’s detached view of Russia, which is later also amply reflected in his theoretical and public discourse, is also prompted by his readings: not only did he proclaim Dostoevsky as an author who pre-eminently influenced his own writings, but he was fascinated with the works of L. Tolstoy, Turgenev, Pushkin, Merezhkovsky and Gorky as well. Coming from a family of Silesian German origin, Herczeg’s specific ideas and experience concerning alternatives of policy in respect of nationalities in his own country vs Russia give an interesting insight into contemporary state of affairs. The traveller’s personal acquaintance with count Komarovsky, a Russian nobleman, whose ancestors had held key positions in diplomacy and domestic affairs, their conversations in Moscow offered him an opportunity to familiarise himself with Russia’s past and present.

Keywords

Travel narratives on Russia, Ferenc Herczeg, Hungarian-Russian relations, Russia’s culture and politics, the genre of culturological travelogues, the reception of Russian culture at the turn of the two centuries, national stereotypes.

УДК 316.7

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.15

A. P. Лагно

Смех и стыд в польском комедийном сериале «Ухо председателя» (Ucho Prezesa): кого высмеивают и кто смеется?¹

Лагно Анна Романовна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: lagnoanna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6914-2312

Цитирование

Лагно А. Р. Смех и стыд в польском комедийном сериале «Ухо председателя» (Ucho Prezesa): кого высмеивают и кто смеется? // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 296–318. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.15

Статья поступила в редакцию 28.03.2025.

Рецензирование завершено 22.07.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Опираясь на антитезу смеха и стыда, предложенную философом Леонидом Карасевым, автор исследует, каким образом в польском комедийном сериале «Ухо председателя» (Ucho Prezesa) посредством юмора отражаются общественные представления о власти, политических нравах и механизмах управления, которые были характерны для периода правления партии «Право и справедливость» (PiS) (2015–2023). Главный герой – председатель PiS Ярослав Качиньский – окружен трусливыми, глупыми и лицемерными соратниками, лишенными саморефлексии и не испытывающими стыда за свои поступки. Смех председателя над своими подчиненными и представителями оппозиции укрепляет его чувство превосходства, он радуется чужим неудачам и, по сути, всех презирает. Чувство стыда ему не чуждо, однако он сознательно подавляет его в себе. «Ухо председателя» высмеивает не только представителей правящей партии, но и оппозицию. Политические

¹ Автор выражает благодарность Денису Георгиевичу Вирену за ценные комментарии, которые помогли улучшить данную статью.

конкуренты ПиС представлены не в лучшем свете: они лицемерны, порой вульгарны и глупы, думают лишь о собственном благополучии и о том, как бы вернуться снова к власти. Создатели сериала иронизируют над абсурдностью установившейся в Польше по сути двухпартийной системы, при которой на протяжении последних двадцати лет ПиС и «Гражданская Платформа», побеждая на выборах, отменяет решения своих предшественников, превращая политический процесс в бесконечный замкнутый круг. Смех становится способом выражения общественного недовольства затянувшимся политическим конфликтом, известным как «польско-польская война», который превращает политический процесс в борьбу личных интересов, лишая общество необходимых изменений.

Ключевые слова

Юмор, политическая сатира, Л. В. Караваев, партия «Право и справедливость», партия «Гражданская платформа», Ярослав Качиньский, польско-польская война.

В 2017 году на экраны вышел комедийный сериал «Ухо председателя» (*Ucho Prezesa*), представляющий собой политическую сатиру на актуальные события в Польше того времени. Всего было снято 58 серий², объединенных в четыре сезона, в которых с иронией изображались будни председателя партии «Право и справедливость» (ПиС) Ярослава Качиньского, роль которого исполнил артист Роберт Гурский – лидер «Кабаре морального беспокойства» (*Kabaret Moralnego Niepokoju*) и автор идеи этого сериала. «Ухо председателя» вызвало широкий резонанс в польском обществе, а также и среди самих политиков, чьи реакции на него были неоднозначными³. Образ Качиньского,

2 В четвертом сезоне были еще два дополнительных коротких эпизода, которые в данный момент не представлены на канале сериала в YouTube. В конце 2023 г. Роберт Гурский говорил, что его команда подумывает о создании полнометражного фильма, выход которого тогда был запланирован на февраль 2025 года. Однако пока что о премьере кинофильма ничего не известно (*Ucho prezesa wróci jako film kinowy? Robert Górska ma taki plan. URL: https://naekranie.pl/aktualnosci/UCHO-PREZESA-WROCI-JAKO-FILM-KINOWY-ROBERT-GORSKI-MA-TAKI-PLAN-1704184861* (дата обращения: 12.12.2024)).

3 Так, Ярослав Качиньский в интервью «Радио Щецин» сказал, что ему больше всего в сериале понравились сюжеты, которые касаются кошек (серия 2 первого сезона, когда Яцек (председатель Польского телевидения в исполнении актера Михала Чернецкого) и Кшиштоф (председатель Совета национальных

созданный Гурским, бурно обсуждался в медиа: одни упрекали его в том, что он излишне приукрасил председателя, другие, напротив, считали, что заслуги этого политика слишком принижены⁴. Актер неоднократно высказывался на эту тему в интервью, а в 2019 г. вышла книга, раскрывающая закулисье проекта⁵; он подчеркивал, что не преследовал ни той, ни другой цели, а подобный эффект получился случайно. Главной задачей создателей было сделать сериал смешным, и, как это получается в любой удачной сатире, персонажи стали популярными среди зрителей, даже если в реальной жизни отношение к их прототипам было совсем иным. В итоге председатель действительно выглядел более привлекательно на фоне других героев, представленных в сериале людьми лицемерными, трусливыми и алчными, которые льстят Качиньскому и беспрекословно выполняют его распоряжения, но при этом не обладают ни самостоятельностью, ни харизмой. Многие из них выглядят нелепыми и жалкими фигурами, чьи поступки диктуются желанием удержаться на своем посту.

Образ главного героя привлек внимание и исследователей, так, в статье Татьяны Кананович он анализируется через разные семантические профили, а затем сравнивается с образом Качиньского, который представлен на страницах двух еженедельников *Newsweek Polska* и *Sieci*⁶. В работе Рафала Равского образ председателя рассмотрен через призму механизмов аккредитации и дискредитации, что позволяет проследить, как он создается, поддерживается

СМИ в исполнении актера Роберта Маевского) приносят коту Качиньского в качестве подарка рыбу, молоко или клубочек шерсти) (Jarosław Kaczyński o serialu "Ucho prezesa". Radio Szczecin. 27.01.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CmaMFwZrrw0> (дата обращения: 12.12.2024)). Дональд Туск и ряд других политиков также позитивно отнеслись к сериалу, но были и те, кого он задел, например, Кристину Павлович и Богдана Будку (*Czupryni A. Robert Górska: Żałuję, że nie ma już "Ucha prezesa"*. 29.09.2019. URL: <https://i.pl/robert-gorski-zaluje-ze-nie-ma-juz-ucha-prezesa/ar/c13-14459689>; *Lawnicki T. Borys Budka oburzony tym, jak został pokazany w "Uchu prezesa"*. "To się nie mieści w kategoriach żartu". 22.09.2017. URL: <https://natemat.pl/220801,borys-budka-oburzony-tym-jak-został-pokazany-w-uchu-prezesa-to-sie-nie-miesci-w-kategoriach-zartu> (дата обращения: 12.12.2024)).

4 Robert Górska gościem Porannej rozmowy w RMF FM. 27.01.2017. URL: https://youtu.be/GOtsp_x8Y04 (дата обращения: 12.12.2024).

5 Kananowicz T. Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w serialu "Ucho prezesa" // Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury, semiotyki tekstu / red. A. Kiklewicka. Olsztyn, 2020. S. 167–177.

и воспринимается⁷. В сериале председатель часто разыгрывает членов своей партии и дурачит оппонентов, насмехается над их глупостью, утверждая тем самым свое превосходство: его смех – это смех власти, демонстрирующий доминирование. Однако, как только главный герой сталкивается с проблемой, которую не в силах решить, или попадает в абсурдную ситуацию, вектор смеха меняется – теперь уже зритель смеется над несоответствием его образа лидера и реального бессилия, перерастающего в агрессию (например, серии 15–16 первого сезона). Иногда его смех – это лишь маска, скрывающая страх, раздражение или растерянность. В такие моменты становится очевидно, что власть, выглядящая непоколебимой, на деле оказывается уязвимой. Смех над председателем – будь то едва заметная ирония или откровенная насмешка – неизбежно подтасчивает его авторитет, даже если сами персонажи, позволяя себе подшучивать над ним, не до конца осознают этот эффект. Этот смех не просто высмеивает власть – он фиксирует ощущение несовершенства системы, в которой смешное истыдное идут рука об руку: зритель смеется над политиками, но одновременно испытывает и неловкость, потому что за этой карикатурой угадывается реальность, в которой он живет.

Философ Л. В. Карапесов предлагает рассматривать способность смеяться и стыдиться в качестве признаков человеческого достоинства и свободы, поскольку именно эти чувства показывают, насколько человек осознает свои моральные ориентиры и способен к саморефлексии. У индивида, находящегося в подчиненном положении, способность к смеху и стыду ослабляется, деформируется: сужается круг его возможных реакций и появляется зависимость от власти или внешних обстоятельств⁸. Если применить эту теорию к персонажам сериала «Ухо председателя», можно заметить, что они занимают различные позиции по отношению к этим чувствам, что, в свою очередь, отражает их степень свободы и положение во властной иерархии. Смех и стыд, таким образом, становятся важными инструментами, позволяющими зрителям «противостоять злу, пробуждать в человеке живые силы»⁹, что немаловажно в контексте непрекращающейся

⁷ Rawski T. Akredytacja czy dyskredytacja? Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w kabarecie “Ucho Prezesa” // Autorytarne i manipulacyjne formy wpływu politycznego i władzy / red. B. Kaczmarek, M. Tobiasz. Warszawa, 2020. S. 170–196.

⁸ Карапесов Л. В. Антитеза смеха и стыда и русская несвобода // От великого до смешного... Инструментализация смеха в российской истории XX века / под ред. И. В. Нарского. Челябинск: Каменный пояс, 2013. С. 18–26.

⁹ Там же. С. 26.

«польско-польской войны»¹⁰, ведь эти чувства не только дают возможность взглянуть на конфликт двух крупнейших польских партий со стороны, но и помогают смягчить социальную поляризацию.

Следуя антитезе Карасева, я сначала определяю теоретические рамки исследования смеха и стыда. Затем проанализирую, в каких ситуациях и над кем смеется в сериале главный герой – председатель, а также кто испытывает при этом чувство стыда. И, наконец, рассмотрю, кто смеется над самим председателем и чувствует ли объект шуток неловкость из-за этого смеха.

Существуют три основные концепции, объясняющие природу юмора: теория превосходства, несоответствия и разрядки. Каждая из них по-своему интерпретирует механизмы возникновения и восприятия комического¹¹. *Теория превосходства* утверждает, что смех возникает, когда человек чувствует себя лучше, умнее или выше кого-то другого; смеется, когда видит, что кто-то попадает в нелепую ситуацию, делает ошибку или выглядит глупо (например, поскользывается на банановой кожуре). Согласно *теории несоответствия* смех возникает, когда человек сталкивается с неожиданным контрастом или абсурдом (например, анекдоты, основанные на игре слов). И наконец, *теория разрядки* рассматривает смех как средство, помогающее снять напряжение, возникающее из-за подавленных эмоций или социальных запретов (например, черный юмор, политический юмор в авторитарных режимах). В данном контексте юмор выступает в качестве механизма психологической защиты, позволяющего смягчить боль и страдание. Такую трактовку смеха часто связывают с работами Зигмунда Фрейда: юмор позволяет человеку хотя бы в воображении защититься от негативных переживаний, когда невозможно избавиться от источника страдания в реальной жизни¹². Тем не менее, как утверждают некоторые исследователи, эти три

10 О «польско-польской войне» см., напр.: Лагно А. Р., Михайлова О. В. «Польско-польская война»: причины и последствия для политической системы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 42–52; Wielgosz Ł., Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015. Katowice, 2019; Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М., 2015.

11 Billig M. Laughter and ridicule: towards a social critique of laughter. London, 2005.

12 Фабрикант М. С. «Приехала а грейсе шишке»: еврейский юмор как способ понимания социальных изменений в романе А. Мрыя «Записки Самсона Самасуя» // Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / под ред. О. В. Беловой. М., 2021. С. 91.

классические теории юмора не конкурируют между собой, а объясняют различные аспекты смеха: «теория превосходства фокусируется на эмоциональных аспектах юмора, теория несоответствия – когнитивных, а теория разрядки – на физических»¹³.

Согласно концепции Карасева, все разнообразие форм юмора и смеха можно свести к двум основным типам. Первый, «смех тела», – это «стихия чувственно-телесной радости»¹⁴. Второй тип, «смех ума», более сложен, он связан с комическим осмысливанием действительности; это область рефлексии, парадоксальных суждений и проявления остроумия¹⁵. Анализируя вопрос о том, что может быть противопоставлено смеху в качестве соответствующего эмоционального и смыслового антипода, Карасев ставит под сомнение универсальность традиционного противопоставления смеха и плача. Так, слезы могут быть антитезой смеха, но только на низшем уровне противопоставления: «смех в физическом, низовом, понимании является всеобще признаваемым элементом радости»¹⁶. Однако «смех ума» «не сводим к одной только радости; он интеллектуален по своей сути»¹⁷, поэтому в качестве антитезы смеха Карасев предлагает чувство стыда. Эти два явления, по его мнению, имеют общие характеристики, например: внезапность – смех, равно как и стыд, возникает неожиданно, ни тот, ни другой невозможна испытать постепенно; неупрляемость – нельзя заставить себя смеяться или стыдиться по желанию, или же мгновенно перестать это делать. При этом оба эти чувства рефлексивны, но смех чаще направлен вовне – на другого человека; стыд же обращен внутрь себя. Однако, как отмечает Карасев, это различие условно: человек может стыдиться и за другого, если способен проявлять эмпатию. Смех над собой также возможен, но лишь для того, «кто может “встать” над собой, сделать нравственный и интеллектуальный рывок – взглянуть на себя со стороны и увидеть как другого»¹⁸.

Смех и стыд имеют важную социальную и политическую функцию, выступая значимыми механизмами регулирования поведения и принятия решений. Страх быть осмеянным и испытать стыд способствует соблюдению норм и правил, поддерживая тем самым

13 Lintott S. Superiority in Humor Theory // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2016. № 4 (74). P. 347.

14 Карасев Л. В. Философия смеха. М., 1996. С. 66.

15 Дмитриев А. В. Социология политического юмора. М., 1998. С. 286.

16 Karasjew L. Antyteza śmiechu // Akcent. 1991. № 2–3. S. 22.

17 Карасев Л. В. Антитеза... С. 18.

18 Карасев Л. В. Философия... С. 71.

социальный порядок. В этом смысле смех выполняет не только дисциплинирующую, но и репрессивную функцию: он очерчивает границы допустимого, высмеивая отклонения от общепринятых стандартов и тем самым выделяя и отделяя нарушителей. В обществе то, что считается нормальным, редко становится поводом для смеха, тогда как необычное или отклоняющееся поведение превращается в объект юмора, становясь инструментом социальной коррекции¹⁹. Социолог А. Зайдервельд отмечал, что придворный шут не был бунтарем, а, напротив, дополнял и усиливал власть монарха: «его выходки – даже самые дерзкие и кощунственные – в конечном итоге укрепляли существующую систему правления»²⁰. При этом публика, смеясь, не переставала уважать и бояться государя, а лишь яснее осознавала его могущество и силу.

Таким образом, смех в политическом контексте оказывается многослойным явлением: он может снижать тревожность и раздражение, вызванные политической реальностью, создавать иллюзию сопротивления власти, но одновременно подтверждать и воспроизводить ее силу. Однако, помимо этого, смех выполняет еще одну важную функцию – отражает коллективные представления о желаемом устройстве общества и приемлемых нормах поведения. Юмор не только развлекает, но и функционирует как культурная практика, отражая и формируя реальность, раскрывая представления и ожидания, связанные с обществом и политикой²¹. Через смех транслируются общественные идеалы, формируются ожидания от политиков и представления о должном. Поэтому анализ политической сатиры позволяет не только увидеть критику власти, но и понять, какие ценности и нормы лежат в основе общественного восприятия политики. Описанная теоретическая рамка позволяет уточнить исследовательский вопрос: каким образом с помощью смеха и стыда комедийный сериал «Ухо председателя» отражает общественные представления о должном поведении политиков и польский политический конфликт?

События сериала разворачиваются преимущественно в кабинете Ярослава Качиньского на улице Новогродской в Варшаве, где

19 Billig M. Laughter... P. 206; Powell C. A Phenomenological Analysis of Humour in Society // *Humour in Society* / ed. C. Powell, G. E. C. Paton. London, 1988. P. 99.

20 Zijderveld A. C. Trend Report: The Sociology of Humour and Laughter // *Current Sociology*. 1983. № 3 (31). P. 43.

21 Kessel M. Introduction. Landscapes of Humour: The History and Politics of the Comical in the Twentieth Century // *The Politics of Humour: Laughter, Inclusion and Exclusion in the Twentieth Century* / ed. M. Kessel, P. Merziger. Toronto; Buffalo; London, 2011. P. 3.

расположена штаб-квартира партии. Помимо председателя, в каждой серии появляются еще два ключевых персонажа – Мариуш Блашчак (Миколай Цесляк²²) и пани Бася, или Барбара Скшипек (Изабела Домбровская). Первый – это не просто ближайшее к «куху» доверенное лицо, это незаменимый помощник во всех аспектах жизни председателя. Он всегда на месте, готовый выполнить любое, даже самое абсурдное поручение: принести чай, купить консервы для кошек председателя, сбегать в магазин за поилкой для верблюдов. Пани Бася, в свою очередь, – преданная секретарша, бдительно охраняющая вход в кабинет начальника. Никто не пройдет без записи, никто не попадет внутрь без ее одобрения. В коридоре возле ее стола разворачиваются свои маленькие спектакли. Так, одним из забавных элементов сериала становится вечное ожидание президента Анджея Дуды (Павел Косьлик). Он неизменно устраивается в коридоре напротив стола пани Баси и терпеливо ждет, что ему представится наконец возможность попасть в кабинет председателя и поговорить с ним.

В сериале Качиньский, по сути, смеется только одним видом смеха – смехом злорадным. Или, если обратиться к терминологии В. Я. Проппа, смехом циничным, который вызван радостью от чужих неудач²³. Такой смех часто сопровождается пренебрежением или презрением к тому, над кем смеются. Председатель смеется, когда кому-то плохо, когда люди ругаются между собой. Например, сюжет с министром обороны Антони Мачеревичем (Войцех Каларус) и его помощником Бартоломеем Мисевичем (Гжегож Цонгардляк) во второй серии второго сезона (S02E02²⁴):

Antoni: Myślałem, że jesteśmy kolegami. Nie musiałeś mnie tak upokorzyć z moim Misiem.

Prezes: Jak?

A.: Tak ostentacyjnie wyrzucać go. Ja mu daję medal za zasługi, a ty won, że nie spełnia minimum kryteriów.

P.: Antoni, jak... Ale to nie ja. Przezież powstała specjalna trzyosobowa komisja i...

Антони: Я думал, что мы друзья. Ты не должен был так унижать меня с моим Мишкой.

Председатель: Как?

A.: Так демонстративно его выгнать. Я вручаю ему медаль за заслуги, а ты – вон, потому что он не соответствует минимальным критериям.

P.: Антоний, как... Но это же не я. Ведь была создана специальная комиссия из трех человек и...

22 Здесь и далее в скобках будут указаны имена актеров, исполнявших соответствующие роли.

23 Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 132.

24 Здесь и далее в скобках будут указываться номера сезонов и серий.

A.: Na komisjach to ja się znam.
To była lipa. Trzy kukły (*zasłania się ręką i płacze*) Myślałem, że mi serce pęknie... (*placze*)

P.: (*rozprływając się w samozadowolonym uśmiechu*) Ale to nie ja.

A.: (*placze jeszcze bardziej*) Mojego Misia-sisia tak upokorzyć (*lka*). Niedłanie! (*szlocha*).

P.: (*złośliwie i samozadowolono się uśmiecha*).

A.: На комиссиях я собаку съел²⁵. Это была липовая комиссия. Три куклы (*закрывает лицо рукой и плачет*). Я думал, что у меня сердце разорвется... (*плачет*).

P.: (*расплываюсь в самодовольной улыбке*) Но это не я.

A.: (*плачет еще больше*) Так унизить моего Мишутку (*рыдает*). Нехорошо! (*всхлипывает*).

P.: (*злобно и самодовольно улыбается*).

Мачеревич занимал пост министра обороны в 2015–2018 гг. и нередко подвергался критике за то, что формировал свою команду не по принципу профессионализма, а исходя из личной преданности. При этом многие из его подчиненных были слишком молоды, не имели высшего образования и вызывали сомнения в своей компетентности, а порой даже в базовых профессиональных навыках. Символом такого подхода стал Бартоломей Мисевич²⁶. В 2015 г., в возрасте 25 лет, не имея высшего образования и военного опыта, он был назначен шефом политического кабинета Министерства обороны – на ключевую должность, предполагающую не только управление текущей деятельностью ведомства, но и координацию работы с другими государственными структурами в сфере оборонной политики²⁷. Мисевич стремительно продвигался по карьерной лестнице, занимая различные должности. Его заслуги даже были отмечены Министерством обороны – ему вручили памятную монету с его именем, хотя, как правило, эта награда предназначается исключительно министрам и высшему офицерскому составу²⁸.

25 Подразумевается одна из главных инициатив Мачеревича – создание «Подкомиссии по повторному расследованию авиакатастрофы под Смоленском», в которой погиб президент Лех Качиньский. Мачеревич активно продвигал версию о теракте, что вызывало много споров даже в среде сторонников PiS.

26 Лингвисты зафиксировали появление новых слов, образованных от фамилии Б. Мисевича: “Misiewicze”, “Misie-Pisie”, которые иронично использовались для обозначения людей, не обладавших необходимыми компетенциями, но занимавших высокие должности благодаря связям с партией PiS (*Krawczyk E. Nowe kontaminaty leksykalne w prasowym dyskursie politycznym (od 25 października 2015 roku do 5 maja 2017 roku) // Acta Universitatis Lodzienis. Folia Linguistica. 2018. T. 52. S. 148–149*).

27 Misiewicz – od ministranta do ministra // Magazyn TVN24. 19.11.2016. URL: <https://archiwum.tvn24.pl/magazyn-tvn24/68/tvn24.pl/magazyn-tvn24/misiewicz-od-ministranta-do-ministra,68,1432.html> (дата обращения: 13.02.2025).

28 Moneta z nazwiskiem Misiewicza. Rozenek pyta MON o szczegóły. 01.08.2017. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2017-08-01/moneta-z-nazwiskiem-misiewicza-rozenek-pyta-mon-o-szczegoly/> (дата обращения: 13.02.2025).

10 апреля 2017 г. он был назначен полномочным представителем правления польской государственной компании (Polska Grupa Zbrojeniowa SA, PGZ) – одного из крупнейших оборонных концернов Европы, объединяющего предприятие по производству вооружения, боеприпасов, военной техники и оборонных технологий. Однако уже 12 апреля контракт с ним был расторгнут. В тот же день Ярослав Качиньский приостановил членство Мисевича в PiS и создал комиссию из трех представителей партии (Йоахима Брудзиньского, Мариуша Каминьского и Марека Суского), которой предстояло разобраться в обстоятельствах его трудоустройства в PGZ и соответствии вознаграждения занимающей должности и компетенциям²⁹.

Другим примером циничного смеха является сцена из последней серии (S04E14), в которой жена президента Дуды, Агата (Анна Смоловик), сидя в коридоре, убеждает мужа быть сильным и смелым, войти и наконец поговорить с председателем как мужчина с мужчиной. Но, не выдержав его колебаний и отговорок, теряет терпение и пинком вталкивает в кабинет. Оказавшись внутри, президент успевает лишь поздороваться, как сразу же начинает задыхаться из-за аллергии на кошек, живущих у председателя. Схватившись за горло и с трудом удерживая равновесие, Дуда выбегает, едва дыша. Качиньский и Мариуш хохочут ему вслед.

В сериале председатель испытывает удовольствие, наблюдая за ссорами и конфликтами между людьми. Он смеется над представителями оппозиционных партий, которые, придя к нему в кабинет с предложением заключить тайный союз, начинают очернять друг друга, оказавшись лицом к лицу со своими соперниками (S01E13). Гжегож Схетына (Томаш Сапрыйк) подтрунивает над ограниченностью Рышарда Петру (Леслав Журек), Владислав Косиняк-Камыш (Бартломей Магдярж) пытается всех помирить, а Павел Кукиз (Войцех Мецвальдовский) вульгарно перебранивается с Петром Лирай (Ян Александрович). Наблюдая эту сцену, председатель самодовольно улыбается, а затем уходит наверх спать, поскольку свара в оппозиции его убаюкивает и успокаивает. Или, например, он веселится и хлопает в ладоши, когда две актрисы, участницы «Черного протesta»³⁰,

29 Prezes PiS zawiesił Bartłomieja Misiewicza w prawach członka PiS. 12.04.2017. URL: <https://pis.org.pl/aktualnosci/prezes-pis-zawiesil-bartlomieja-misiewicza-w-prawach-czlonka-pis> (дата обращения: 13.02.2025).

30 «Черный протест» (Czarny protest) – это общественное движение в Польше, начавшееся в 2016 г. в ответ на инициативу полного запрета абортов. Участники протестов, в основном женщины, одевались в черное, чтобы выразить свое недовольство и несогласие с проводимой политикой.

начинают драться с Каей Годек (Патриция Потыральская) – известной активисткой движения pro-life, выступающей за полное запрещение абортов в Польше (S04E13). Услышав шум за дверью кабинета, пани Бася и Дуда обмениваются следующими репликами:

Pani Basia: Boże, co tam się dzije?
 Duda: To pewnie prezes znowu swoją metodą zebrał ludzi, podzielił na połowę i napiął na siebie. A teraz patrzy na to i tylko się śmieje.

Пани Бася: Боже, что там происходит?
 Дуда: Это, наверное, председатель снова использовал свой метод: собрал людей, поделил их пополам и напустил друг на друга. А теперь смотрит на это и лишь смеется.

Унижение других – это еще один из любимых приемов главного героя сериала, позволяющий ему подчеркнуть недостатки своей жертвы, такие как глупость, тревожность, некомпетентность. Например, прежде чем вручить документ об отставке, он высмеивает заместителя министра внутренних дел и администрации Ярослава Зелиньского (Цезарий Жак), а затем доводит его до болезненного состояния (S02E07). Зелинский, предчувствуя надвигающийся трудный разговор с председателем, начинает готовиться к нему психологически еще до того, как входит в кабинет: он принимает успокоительное и шепчет молитву. Его руки дрожат, губы с трудом двигаются от страха, и он настолько боится, что не может четко говорить. После оглашения «приговора» о своем увольнении Зелинский теряет всякое самообладание: рыдает, громко сморкается в платок, умоляет не лишать его должности. Все его поведение в этот момент напоминает реакцию ребенка, неспособного справиться с эмоциями и переживаниями. Подобные поступки укрепляют в председателе ощущение собственного превосходства, возможно, поэтому в сериале и отсутствуют сцены, в которых использовался бы патерналистский юмор³¹, при котором начальник, например, рассказывая анекдот, смеется вместе с подчиненным, а не над ними, то есть не унижает их. Председатель не видит необходимости создавать ситуации, которые могли бы временно снизить его высокий статус во властной иерархии, поскольку смех уравнивает тех, кто смеется вместе.

Качиньский, являясь единственной по-настоящему самостоятельной фигурой в сериале и занимая вершину властной пирамиды, на первый взгляд, не испытывает угрызений совести. Более того, его главный принцип, которому он настойчиво обучает подчиненных, например маршала (спикера) Сейма Марека Кухчиньского (Лукаш Левандовский) (S01E07), – никогда не признавать собственных ошибок:

³¹ Speier H. Wit and Politics: An Essay on Laughter and Power // American Journal of Sociology. 1998. № 5 (103). P. 1388.

Jakiej głupoty byśmy nie zrobili, jakiej bzdury byśmy nie powiedzieli, trzeba iść w zaparte.

Какую бы глупость мы ни сделали, какую бы чушь ни сказали – надо стоять на своем.

Более пространное наставление в том же духе он адресует помощнику Мачеревича, уже упомянутому Бартоломею Мисевичу, подчеркивая необходимость неизменно придерживаться выбранной линии, невзирая на обстоятельства (S02E02):

Nigdy nie przepraszaj. Nigdy! Za nic. Tak jak ja. Mów najwyżej, że to był imperatyw moralny. A jak już niemiasz wyjścia, to przeprosź, ale tylko tych, którzy ewentualnie mogli czuć się urażeni. A jak tylko przeprosisz, natychmiast obraż jeszczre raz. Bo przeprosiny, to znak, że się pomyliłeś, a ty się nie mylisz. Ty się nie możesz mylić. Ty zawsze dokładnie wiesz, co chcesz powiedzieć.

Никогда не извиняйся. Никогда! Ни за что. Так, как и я. В крайнем случае говори, что это был моральный императив. А если уж совсем не останется выбора, извинись, но только перед теми, кто, возможно, почувствовал себя задетым. И как только извинишься – сразу же оскорби еще раз. Потому что извинения – это признак того, что ты ошибся, а ты не ошибаешься. Ты не можешь ошибаться. Ты всегда точно знаешь, что хочешь сказать.

Итог саммита Европейского Союза (ЕС) в Брюсселе 9 марта 2017 г. преподнесен в схожем ключе. Тогда лидеры 27 из 28 стран ЕС поддержали кандидатуру Дональда Туска на пост председателя Европейского совета, продлив его полномочия на второй 2,5-летний срок, до 2019 года, что вызвало яростное сопротивление со стороны польского правительства под руководством премьер-министра Beаты Шидло. Варшава утверждала, что Туск является представителем Польши и, следовательно, она вправе поменять политика на этом посту, предложив своего кандидата – Яцека Сариуша-Вольского. Однако PiS просчиталась и оказалась в полном одиночестве. По мнению польского историка Антони Дудека, это стало одним из самых компрометирующих событий для партии, наглядно показывая острый личный конфликт между Я. Качиньским и Д. Туском, который уже перешел границы обычного политического соперничества³². В сериале министр иностранных дел Витольд Вациковский (Роланд Новак) прибывает в кабинет председателя, чтобы оправдаться за это поражение, однако с удивлением узнает, что выбор Дональда Туска – это вовсе не поражение, а победа (S01E12):

32 Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2023. Warszawa, 2023. S. 637.

Witold: Ja mówiłem, że to się nie uda, ale pan kazał [...] No... w tej Brukseli.

Prezes: Właśnie wręcz przeciwnie. Właśnie wszystko się udało. Choć przy skrajnie negatywnej interpretacji ktoś mógłby uznać nawet, że przegraliśmy. Nie. To jest w oczywisty sposób przegrana Europy, przegrana Niemiec, osobiście Anglii, przegrana wszystkich antypolskich sił.

Mariusz: Wszystkich, tylko nie nasza.

W.: Czyli to jednak myśmy wygrali?

P.: Oczywiście. To było zwycięstwo zasad [...]

W.: Ale... ja tam byłem... widziałem...

P.: (*denerwuje się*) Co tam pan widział? Pan bardziej wierzy własnym oczom czy moim słowom?

W.: No... pana słowom [...]

M.: Pan tak wszystko tak zawińie, zawińie, obkręci, że aż się chce w to wszystko wierzyć!

Витольд: Я говорил, что это не получится, но вы приказали [...] Ну... в этом Брюсселе.

Председатель: Как раз наоборот. Все получилось. Хотя при крайне негативной интерпретации кто-то мог бы даже сказать, что мы проиграли. Нет. Это очевидное поражение Европы, поражение Германии, личное поражение Ангелы [Меркель], поражение всех антипольских сил.

Мариуш: Всех, кроме нас.

В.: То есть мы все-таки победили?

П.: Разумеется. Это была победа принципов [...]

В.: Но... я же там был... видел...

П.: (*раздражается*) Что вы там видели? Вы больше верите своим глазам или моим словам?

В.: Ну... вашим словам [...]

M.: Вы так все завернете, закрутите, обернете, что аж хочется в это все верить!

На комплимент от Мариуша Качиньский расплывается в самодовольной улыбке, но это идилическое состояние нарушает сын пани Баси Томаш (Себастьян Станкевич):

27 do jednego! Ale nam narypali, co? Ale obciach! Wstyd! Dobrze, że nie do jajca, nie? To nawet Legia tak nigdy nie dostała. Gdyby to była Legia, to trener od razu by polecał. Zresztą, cały zarząd by polecał.

27 к одному! Ну нам вкатили, а? Какой позор! Стыд! Хорошо, что не по самые помидоры, не? Даже «Легия»³³ так никогда не получала. Если бы это была «Легия», тренер сразу бы вылетел. Впрочем, вся верхушка бы вылетела.

Тем не менее нельзя утверждать, что главному герою сериала совсем уж незнакомо чувство стыда, он просто старательно научился заглушать его в себе, и распознать это можно лишь по косвенным признакам, таким как вспышки агрессии. Второй сезон начинается с демарша президента Анджея Дуды, когда 24 июля 2017 г. он наложил вето на два закона, касающиеся законопроектов о Верховном суде и Национальном совете судебной власти – ключевого элемента судебной реформы, проводимой ПиС³⁴. Дуда принял решение о вето вопреки

³³ Легия – польский футбольный клуб.

³⁴ Prezydent: Zdecydowałem o zawetowaniu ustawy o Sądzie Najwyższym i KRS. 24.07.2017. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/>

ожиданиям своего политического лагеря, и это было воспринято как враждебный жест. В сериале, когда Качиньский узнает об этом из телевизора, то приходит в ярость и начинает громить все на своем пути (S02E01). В тот же день вице-премьер и министр науки и высшего образования Ярослав Говин (Анджей Северин) пытается обратить внимание Качиньского на его поведение. Он обвиняет председателя в том, что его действия ведут к брутализации как языка, так и самой политики. По мнению Говина, слова, которые использует Качиньский и его «евнухи», становятся все более вульгарными, что отражается на общем климате в политической сфере. Кроме того, он указывает на поспешность в проведении судебной реформы, утверждая, что она реализуется без должного обсуждения, а такой подход не только угрожает качеству самой реформы, но и демонстрирует высокомерие власти имущих, их нежелание учитывать мнение других участников политического процесса. Председатель очень нервно реагирует на эти упреки, начинает выходить из себя и стучать по столу. В это же самое время в коридоре у пани Баси аудиенции ожидают министр юстиции Збигнев Зёбро (Кшиштоф Чечот) и прокурор Станислав Пиотрович (Ежи Бончак), которые слышат шум и крик председателя за дверью кабинета:

Piotrowicz: Co tam się dzieje? Kto tam jest? Na kogo pan tak krzyczy?
 Basia: Na Jarka. Znaczy: pana Jarka.
 P.: Jarka – pana Jarka? Na samego siebie?
 Ziobro: (*uśmiecha się z zadowoleniem*) Na to trochę liczyłem.
 Czyli... (*oczyszcza gardło*) tego się obawiałem, że nam pan prezesa troszkę... zwariawał (*uśmiecha się*).
 B.: Nie. Na tego ministra Jarosława, tego (*przyjmuje zamkniętą postawę*) Ale... może trochę i na siebie. Bo jak człowiek krzyczy, to zawsze po to, żeby siebie zagłuszyć.

Piottrowicz: Что там происходит? Кто там? На кого он так кричит?
 Basia: На Ярка. То есть: на пана Ярка.
 P.: Ярка – пана Ярка? На самого себя?
 Зёбро: (*улыбается с удовлетворением*) На это я немного рассчитывал. То есть... (*прочищает горло*) этого я опасался, что наш пан председатель немного... сошел с ума (*улыбается*).
 Б.: Нет. На того ministra Ярослава, этого (*принимает задумчивую позу*). Но... может, немного и на себя. Потому что когда человек кричит, то всегда для того, чтобы заглушить себя.

Таким образом, можно предположить, что чувство стыда все же не чуждо председателю, однако он сознательно подавляет его в себе. Более того, главный герой сериала страшно боится оказаться объектом насмешек. В качестве примера этого страха можно привести эпизоды со съемками о нем фильма под пафосным названием «Титан» (S03E11–12).

Несмотря на то, что Мариуш, Ян Томашевский (Ярослав Боберек) и Мачей Свирский (Мариуш Кильян) убеждают председателя, что необходимо поработать над формированием положительного образа, сделать его ближе к простым людям, и тем самым повысить уровень общественного одобрения, итог оказывается противоположным – фильм превращается в карикатуру, изобилующую искусственной патетикой. Качиньский, несомненно, чувствует, что весь этот проект не столько укрепляет его авторитет, сколько, напротив, выставляет в нелепом свете и превращает в объект насмешек. Однако признать это открыто он не может, поскольку в таком случае это продемонстрирует его уязвимость.

В сериале можно найти немало персонажей, которым совершенно не свойственны не то что смех, но даже улыбка. Они словно намеренно избегают проявления каких-либо теплых или живых эмоций. Пожалуй, наиболее ярким примером такой фигуры является Beata Шидло (Агнешка Пилашевская), ее образ – это воплощение непроницаемой серьезности. По поводу таких личностей В. Я. Пропп писал, что «есть некоторые профессии, лишающие ограниченных людей способности смеяться», например чиновники и в принципе любые лица, облеченные властью³⁵. В одной из серий председатель, давая Beate наставления, что говорить и как себя вести, просит ее время от времени быть более приветливой (S02E05):

Prezes: No i uśmiechnij się czasem, błagam cię. Znasz jakiś kawał?

Beata: Znam.

P.: Znasz? O! Powiedz.

B.: O naszym Antonim.

P.: U, dawaj!

B.: Mówić?

P.: No a jak!

B.: No więc, przychodzi Antoni do lekarza.

P.: Ha-ha, ciekawe. I co dalej?

B.: A lekarz na to: nareszcie.

(Beata nie zmienia wyrazu twarzy, podczas gdy prezes i Mariusz się śmieją).

P.: No brawo! [...]

Mariusz: Ja też znałem ten kawał, ale w innej wersji.

P.: Jakiej?

M.: Źe to pan przychodzi do lekarza i... Tamto w ogóle nie było śmieszne. Jedno słowo a jaka różnica!

Председатель: Ну и улыбнись иногда, прошу тебя. Знаешь какой-нибудь анекдот?

Beata: Знаю.

P.: Знаешь? O! Расскажи.

B.: О нашем Антонии [Мачеревиче].

P.: O, давай!

B.: Так вот, приходит Антоний к врачу.

P.: Ха-ха, интересно. И что дальше?

B.: А врач ему: наконец-то.

(Beata не меняет выражения лица, в то время как председатель и Mariusz хохочут).

P.: Ну, браво! [...]

Mariush: Я тоже знаю этот анекдот, но в другой версии.

P.: В какой?

M.: Что это вы приходите к врачу и... Но это вообще было не смешно. Одно слово, а какая разница!

35 Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 20.

На первый взгляд Мариуш в сериале исполняет роль придворного шута, который, паясничая, может говорить нелицеприятную правду в присутствии влиятельных и могущественных людей. Однако шут, как правило, умен, Мариуш же этим качеством явно не обладает – он «ходячий дефицит интеллекта» (S02E07). Однако его безмерная преданность председателю и безотказность компенсируют этот недостаток. Смех возникает, потому что зрители улавливают в словах Мариуша скрытый смысл или иронию, хотя сам он этого не осознает. Это случайный эффект его высказываний, а не осознанная попытка поддеть председателя. Например, рассуждения о пожилых людях. Мариуш говорит совершенно серьезно, но именно содержание и манера подачи вызывают у зрителей комический эффект. Все начинается с того, что председатель интересуется у своего помощника, насколько масштабными были протесты против судебной реформы, инициированной ПиС. Этот сюжет соотносится с событиями лета 2017 г., когда в сейме разгорелись бурные дебаты вокруг проекта закона о Верховном суде, вызвавшего массовые протесты по всей стране³⁶. Качиньский потерял самообладание после того, как депутат Гражданской платформы Борис Будка упомянул его покойного брата, Леха Качиньского. Председатель вышел на трибуну и обвинил оппозицию в предательстве, завершив свое эмоциональное выступление знаменитой репликой, быстро ставшей мемом: “Jesteście kanaliami!” («Вы подлецы!»)³⁷. Отсылка к этому сюжету в исполнении Мариуша выглядит следующим образом (S02E01):

Prezes: Duże były te demonstracje, prawda?

Mariusz: Skąd pan wie, że były demonstracje, jak nasze okna na drugą stronę wychodzą? [...]

A tam... przyszło tam parę osób.

Spacerowicze sami... takie tam [...]

Председатель: Масштабными были эти демонстрации, верно?

Мариуш: Откуда вы знаете, что были демонстрации, если наши окна выходят на другую сторону? [...]

А, ерунда... пришло всего несколько человек. Просто прохожие... ничего особенного [...]

36 Пресса сообщала, что, по данным мэрии Варшавы, 20 июля 2017 г. на протест вышло около 50 тыс. человек, в то время как полиция оценивала число участников в 14 тыс. (Demonstracje przeciwko ustawie o Sądzie Najwyższym. 21.07.2017. URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/demonstracje-przeciwko-ustawie-o-sadzie-najwyzszym/5ctwjny> (дата обращения: 05.03.2025)).

37 Kaczyńskiemu puściły w Sejmie nerwy. „Zabilisiście mojego brata! Jesteście kanaliami!” 18.07.2017. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114884,22113756,kaczyńskiemu-puscili-w-sejmie-nerwy-zabiliscie-mojego-brata.html> (дата обращения: 05.03.2025).

Зwykli ludzie tam na wsiach,
w małych miasteczkach dzieci
wychowują, do pracy sobie chodzą.
Kogo tam takie głupoty obchodzą
[...] Warszawka się bawi [...] a
jakby takie Taplary się ruszyły – wie
pan, to by było. A to co? Co to jest?
Ogłupiona młodzież przez starych
wariatów! Ale te, te, wariaty te stare,
to, powiem panu, ile oni mają w
sobie jadu! Źółci! Jak oni plują, jak
oni nienawidzą, jak tak wyzywają od
najgorszych! Tylko im nie o Polskę
chodzi, tylko o zemstę! Tylko się drą
tak: kanalie! Kanalie! I kanalie!
P.: Czemu tak na mnie patrzysz?
M.: Jak?
P.: Tak znacząco.
M.: Nie, nie, gdzie? Ja się nie patrzę.
Nie umiem się w ogóle patrzyć
znacząco.

Обычные люди там, в деревнях,
маленьких городках, детей
воспитывают, на работу ходят. Кому
там такие глупости интересны [...]
Варшавка развлекается [...] а если
бы вот Таплары³⁸ вышли – вот это
было бы, знаете ли. А это что? Что
это?! Молодежь, одураченная старыми
психопатами! Но эти, эти старые
психопаты, скажу я вам, сколько в них
ядя! Сколько желчи! Как они пллюют,
как они ненавидят, как они обзывают
последними словами! Они не о Польше
думают, а о мести! Они только и кричат:
подлецы! Подлецы! И подлецы!
П.: Почему ты на меня так смотришь?
М.: Как?
П.: Так, со значением.
М.: Нет, нет, где мне? Я не смотрю. Я
вообще не умею смотреть со значением.

Одурачивание – еще один прием³⁹, который используется при смехе над председателем: его недостатки, такие как злопамятность, склонность к внезапным вспышкам гнева, ретроградство, выставляются на всеобщее обозрение и осмеяние. Часто к этому приему прибегает Мариуш, который, несмотря на свою безоговорочную преданность, умело использует недостаточную осведомленность или слабости шефа. В одной из серий он целый день увлеченно играет в танки на мобильном телефоне, но при этом уверяет Качиньского, что договаривается о контракте на покупку американского зенитного ракетного комплекса Patriot (S03E10). В этой сценке высмеивается, конечно, и сам Мариуш, его легкомысленное отношение к национальной обороне и государственной службе.

Дурачит председателя и Адам Белян (Адам Кравчук), однако он преследует иную цель. Он не просто вводит шефа в заблуждение ради забавы; его стратегия заключается в том, чтобы вывести Качиньского из равновесия, заставить его потерять самообладание и таким образом сбросить накопленное напряжение. Для этого он выдумывает целый

³⁸ Таплары – это деревня на Подляшье, в которой происходит действие в повести Эдварда Редлиньского «Коноплянка». Олицетворяет суеверных и отсталых крестьян, живущих в глухой местности среди болот и лесов, вдали от цивилизации, ведущих традиционный образ жизни и остающихся чуждыми всему новому.

³⁹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 77.

спектакль со шпионскими интригами (S01E15), а затем из кабинета председателя создает бутафорский «супер-современный центр командования», из которого, используя онлайн-связь, Качиньский должен вести переговоры с Дональдом Трампом (S01E16). Все это, по мнению Беляна, является «нестандартным методом PR-обучения», который помогает подготовиться к важнейшим переговорам, научиться не бояться влиятельного собеседника и преодолевать эмоциональные барьеры. В конечном счете вся эта затея не столько помогает «разрядить» атмосферу, сколько показывает председателя человеком импульсивным, конфликтным, неспособным контролировать свои эмоции и поступки.

Все члены партии настолько боятся и боятся председателя, что бездумно исполняют любые его желания, порой даже те, которых он не высказывал. Они не задумываются о последствиях своих действий, не несут за них ответственности и не испытывают стыда, поскольку единственным ориентиром является не собственная совесть, а реакция председателя – его одобрение или осуждение. Не лучше выглядят в сериале и представители оппозиции: они растеряны и разобщены, а озабочены исключительно возвращением к власти. Лишь Мариуш в момент, когда его охватывает депрессия, вдруг осознает всю абсурдность происходящего и с горечью признает: все, что он делает, одновременно и глупо, и стыдно. ПиС отогнал ГП от кормушки, поставил везде своих людей: и в государственных компаниях, и на телевидении; все они делают то, что им прикажут. Однако Мариуш расстраивается, что придет день, когда ПиС проиграет выборы, к власти вернется ГП – все повторится снова, и так по кругу без конца (S04E10). Такая фрустрация политика, стремящегося к автократии, но осознавшего недостижимость своих амбиций, свидетельствует о том, что, несмотря на демократический откат в Польше, случившийся после 2015 г., общество по-прежнему ценит ключевой механизм демократии. И создатели сериала это подчеркивают: граждане сохраняют возможность сменять политических лидеров и правительства, а сами политики осознают риск поражения и необходимость уступить власть.

Посредством карикатурных образов политиков авторы сериала «Ухо председателя» попытались разоблачить механизмы власти, основанные на страхе, лести и безоговорочном подчинении, установившиеся во время правления ПиС в Польше. Самостоятельных фигур, обладающих чувством собственного достоинства и свободой, в сериале немного; главный герой, председатель, окружил себя лицемерными, трусливыми и алчными соратниками, поведение которых диктуется

не принципами, а стремлением сохранить свои позиции. Оппозиция представлена мелкой, циничной и склонной, жаждущей лишь одного – вновь вернуться к власти. В итоге формируется образ политика, лишенного саморефлексии и не испытывающего стыда за свои поступки. Даже Ярослав Говин, критикуя Качиньского, пытается усилить на двух стульях, и этот внутренний конфликт передан весьма выразительно: он корчится от болей в позвоночнике, что символизирует его конформизм. Он вроде бы и поддерживает реформы ПиС, но заявляет, что делает это без энтузиазма, пытаясь показать этим их противоречивость. Председатель, обладая абсолютным влиянием, не терпит критики и иронии в свой адрес, но с удовольствием высмеивает окружающих; его смех не является выражением человеческого достоинства и свободы, а лишь инструментом контроля и доминирования. Властность, непоколебимость и идейность лишила его способности посмотреть на себя со стороны; он сознательно подавляет и чувство стыда, становясь заложником собственной идеологии, из тисков которой уже не может вырваться.

«Ухо председателя» высмеивает не только представителей правящей партии, но и оппозицию, показывая бессмысленность уставившейся в Польше по сути двухпартийной системы, при которой на протяжении последних двадцати лет ПиС и ГП, побеждая на выборах, отменяет решения своих предшественников, превращая политический процесс в бесконечный замкнутый круг. Это отражает глубокий политический конфликт, известный как «польско-польская война», в котором две крупнейшие партии – ПиС и ГП – ведут непримиримое соперничество, которое делает политический процесс предсказуемым и лишенным подлинных перемен. Смех, таким образом, становится средством выражения общественного недовольства, отражая разочарование избирателей в действиях политиков, а также ожидание от них большей ответственности и соответствия моральным стандартам.

Источники и литература

Дмитриев А. В. Социология политического юмора. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. 332 с.

Карасев Л. В. Антитеза смеха и стыда и русская несвобода // От великого до смешного... Инструментализация смеха в российской истории XX века / под ред. И. В. Нарского. Челябинск: Каменный пояс, 2013. С. 18–26.

Карасев Л. В. Философия смеха. М.: Рос. гуманит. ун-т, 1996. 224 с.

Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М.: ИНИОН РАН, 2015. 258 с.

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.

Фабрикант М. С. «Приехала а грейсе шишке»: еврейский юмор как способ понимания социальных изменений в романе А. Мрыя «Записки Самсона Самасуя» // Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / под ред. О. В. Беловой. М.: Институт славяноведения РАН; Центр «Сэфэр», 2021. С. 89–108. DOI: 10.31168/2658-3356.2021.6

Billig M. Laughter and ridicule: towards a social critique of laughter. London; Thousand Oaks: Sage, 2005. 264 p.

Czupryн A. Robert Góрski: Żałuję, że nie ma już „Ucha prezesa”. 29.09.2019. URL: <https://i.pl/robert-gorski-zaluje-ze-nie-ma-juz-ucha-prezesa/ar/c13-14459689> (дата обращения: 12.10.2024).

Demonstracje przeciwko ustawie o Sądzie Najwyższym. 21.07.2017. URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/demonstracje-przeciwko-ustawie-o-sadzie-najwyzszym/5ctwjny> (дата обращения: 05.03.2025).

Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2023. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2023. 783 s.

Góрski R., Sobień M. Jak zostałem Prezesem: Kulisy Ucha Prezesa, najpopularniejszego polskiego serialu. Warszawa: Wydawnictwo Czerwone i Czarne, 2019. 352 s.

Jarosław Kaczyński o serialu „Ucho prezesa”. Radio Szczecin. 27.01.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CmaMFwZrrw0> (дата обращения: 12.12.2024).

Kaczyńskiemu puściły w Sejmie nerwy. “Zabilisię mojego brata! Jesteście kanaliami!” 18.07.2017. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114884,22113756,kaczynskiemu-puscily-w-sejmie-nerwy-zabiliscie-mojego-brata.html> (дата обращения: 05.03.2025).

Kananowicz T. Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w serialu “Ucho prezesa” // Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury, semiotyki tekstu / red. A. Kiklewicki. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2020. S. 167–177.

Karasjew L. Antyteza śmiechu // Akcen. 1991. № 2–3. S. 22–30.

Kessel M. Introduction. Landscapes of Humour: The History and Politics of the Comical in the Twentieth Century // The Politics of Humour: Laughter, Inclusion and Exclusion in the Twentieth Century / ed. M. Kessel, P. Merziger. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2011. P. 3–21.

Krawczyk E. Nowe kontaminaty leksykalne w prasowym dyskursie politycznym (od 25 października 2015 roku do 5 maja 2017 roku) // Acta Universitatis Lodzienensis. Folia Linguistica. 2018. Tom 52. S. 141–154.

Lintott S. Superiority in Humor Theory // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2016. № 4 (74). P. 347–358.

Lawnicki T. Borys Budka oburzony tym, jak został pokazany w “Uchu prezesa”. “To się nie mieści w kategoriach żartu”. 22.09.2017. URL: <https://natemat.pl/220801,borys-budka-oburzony-tym-jak-został-pokazany-w-uchu-prezesa-to-sie-nie-miesci-w-kategoriach-zartu> (дата обращения: 12.12.2024).

Misiewicz – od ministranta do ministra // Magazyn TVN24. 19.11.2016. URL: <https://archiwum.tvn24.pl/magazyn-tvn24/68/tvn24.pl/magazyn-tvn24/misiewicz-od-ministranta-do-ministra,68,1432.html> (дата обращения: 13.02.2025).

Moneta z nazwiskiem Misiewicza. Rozenek pyta MON o szczegóły. 01.08.2017. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2017-08-01/moneta-z-nazwiskiem-misiewicza-rozenek-pyta-mon-o-szczegoly/> (дата обращения: 13.02.2025).

Powell C. A Phenomenological Analysis of Humour in Society // Humour in Society / ed. C. Powell, G. E. C. Paton. London: Palgrave Macmillan UK, 1988. P. 86–105.

Prezes PiS zawiesił Bartłomieja Misiewicza w prawach członka PiS. 12.04.2017. URL: <https://pis.org.pl/aktualnosci/prezes-pis-zawiesil-bartlomieja-misiewicza-w-prawach-czonka-pis> (дата обращения: 13.02.2025).

Prezydent: Zdecydowałem o zawetowaniu ustawy o Sądzie Najwyższym i KRS. 24.07.2017. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/prezydent-zdecydowalem-o-zawetowaniu-ustawy-o-sadzie-najwyzszym-i-krs,669> (дата обращения: 03.03.2025).

Rawska T. Akredytacja czy dyskredytacja? Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w kabarecie “Ucho Prezesa” // Autorytarne i manipulacyjne formy wpływu politycznego i władzy / red. B. Kaczmarek, M. Tobiasz. Warszawa: Dom wydawniczy ELIPSA, 2020. S. 170–196.

Robert Górska gościem Porannej rozmowy w RMF FM. 27.01.2017. URL: <https://youtu.be/GOtspx8Y04> (дата обращения: 12.12.2024).

Speier H. Wit and Politics: An Essay on Laughter and Power // American Journal of Sociology. 1998. № 5 (103). P. 1352–1401.

Ucho prezesa wróci jako film kinowy? Robert Górska ma taki plan. URL: <https://naekranie.pl/aktualnosci/UCHO-PREZESA-WROCI-JAKO-FILM-KINOWY-ROBERT-GORSKI-MA-TAKI-PLAN-1704184861> (дата обращения: 12.12.2024).

Wielgosz Ł. Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2019. 148 s.

Zijderveld A. C. Trend Report: The Sociology of Humour and Laughter // Current Sociology. 1983. № 3 (31). P. 1–100.

References

- Billig, M. *Laughter and ridicule: towards a social critique of laughter*. London; Thousand Oaks: Sage, 2005, 264 p.
- Dmitriev, A. V. *Sotsiologija politicheskogo iumorja*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopedia, 1998, 332 p.
- Dudek, A. *Historia polityczna Polski 1989–2023*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2023, 783 p.
- Fabrikant, M. S. ««Priekhala a greise shishke»: evreiskii iumor kak sposob ponimaniia sotsial'nykh izmenenii v romanе A. Mryia «Zapiski Samsona Samasuiia»» *Smekh i iumor v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii*, ed. by O. V. Belova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Tsentr «Sefer», 2021, pp. 89–108. DOI: 10.31168/2658-3356.2021.6
- Górski, R., Sobień, M. *Jak zostałem Prezesem: Kulisy Ucha Prezesa, najpopularniejszego polskiego serialu*. Warszawa: Wydawnictwo Czerwone i Czarne, 2019, 352 p.
- Kananowicz, T. “Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w serialu «Ucho prezesa»”. *Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury, semiotyki tekstu*, ed. by A. Kiklewicki. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2020, pp. 167–177.
- Karasev, L. V. “Antiteza smekha i styda i russkaia nesvoboda.” *Ot velikogo do smeshnogo... Instrumentalizatsiya smekha v rossiiskoi istorii XX veka*, ed. by I. V. Narinskii. Cheliabinsk: Kamennyi poias, 2013, pp. 18–26.
- Karasev, L. V. *Filosofia smekha*. Moscow: Ros. gumanit. un-t, 1996, 224 p.
- Karasjew, L. “Antyteza śmiechu.” *Akcent*. 1991, No 2–3, pp. 22–30.
- Kessel, M. “Introduction. Landscapes of Humour: The History and Politics of the Comical in the Twentieth Century.” *The Politics of Humour: Laughter, Inclusion and Exclusion in the Twentieth Century* / ed. M. Kessel, P. Merziger. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2011, pp. 3–21.
- Krawczyk, E. “Nowe kontaminaty leksykalne w prasowym dyskursie politycznym (od 25 października 2015 roku do 5 maja 2017 roku).” *Acta Universitatis Lodzienisis. Folia Linguistica*, 2018, No 52, pp. 141–154.
- Lintott, S. Superiority in Humor Theory. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 2016, No 4 (74), pp. 347–358.
- Lykoshina, L. S. ‘*Pol'sko-pol'skaia voina*’: Politicheskaiia zhizn’ sovremennoi Pol'shi. Moscow: INION RAN, 2015, 258 p.
- Powell, C. “A Phenomenological Analysis of Humour in Society.” *Humour in Society*, ed. by C. Powell, G. E. C. Paton. London: Palgrave Macmillan UK, 1988, pp. 86–105.
- Propp, V. Ia. *Problemy komizma i smekha*. Moscow: Iskusstvo, 1976, 183 p.
- Rawski, T. “Akredytacja czy dyskredytacja? Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w kabarecie «Ucho Prezesa». *Autorytarne i manipulacyjne formy wpływu politycznego i władzy*, ed. by B. Kaczmarek, M. Tobiasz. Warszawa: Dom wydawniczy ELIPSA, 2020, pp. 170–196.
- Speier, H. “Wit and Politics: An Essay on Laughter and Power.” *American Journal of Sociology*, 1998, No 5 (103), pp. 1352–1401.
- Wielgosz, Ł. *Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2019. 148 p.
- Zijderveld, A. C. “Trend Report: The Sociology of Humour and Laughter.” *Current Sociology*, 1983, No 3 (31), pp. 1–100.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.15

A. R. Lagno**Laughter and Shame in the Polish Comedy Series “The Chairman’s Ear”
(*Ucho Prezesa*): Who Is Being Mocked and Who Is Laughing?**

Anna R. Lagno

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lagnoanna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6914-2312

Citation*Lagno A. R. Laughter and Shame in the Polish Comedy Series “The Chairman’s Ear” (*Ucho Prezesa*): Who Is Being Mocked and Who Is Laughing? // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 296–318 (in Russian).*

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.15

Received: 28.03.2025.

Revised: 22.07.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

Building on the contrast between laughter and shame proposed by philosopher Leonid Karasev, the author examines how humour in the Polish comedy series *Ucho Prezesa* (“The Chairman’s Ear”) mirrors societal perceptions of power, political practices, and management mechanisms that defined the era of the ruling *Law and Justice Party* (PiS) (2015–2023). The main character, PiS chairman Jarosław Kaczyński, is surrounded by cowardly, foolish, and hypocritical allies who lack self-reflection and do not feel shame for their actions. The chairman’s laughter at his subordinates and opposition figures reinforces his sense of superiority; he delights in the failures of others and, essentially, despises everyone. Although he is not unfamiliar with the feeling of shame, he consciously suppresses it. “The Chairman’s Ear” ridicules both the representatives of the ruling party and the opposition. The political competitors of PiS are depicted negatively; they are viewed as hypocritical, occasionally vulgar, and foolish, prioritising their own well-being and the quest for power. The creators of the series ironize the absurdity of Poland’s de facto two-party system, where for the past twenty years, both PiS and the *Civic Platform* (PO), after winning elections, have cancelled their predecessors’ decisions, transforming the political process into an endless closed loop. Laughter thus serves as a means to express public discontent with the ongoing political conflict, commonly referred to as the “Polish-Polish war.” This conflict reduces the political process to a battle over personal interests, depriving society of the essential changes it needs.

Keywords*Humour, political satire, L. V. Karasev, Law and Justice Party, Civic Platform, Jarosław Kaczyński, polish-polish war.*

УДК 94(47)»1946»

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.16

Л. П. Марней, Б. В. Носов

**К истории отечественного славяноведения в 1940-е гг.:
основание Института славяноведения РАН
в свете архивных документов**

Марней Людмила Петровна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Носов Борис Владимирович

Доктор исторических наук, зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: bnossov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Цитирование

Марней Л. П., Носов Б. В. К истории отечественного славяноведения в 1940-е гг.: основание Института славяноведения РАН в свете архивных документов // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 319–363.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.16

Статья поступила в редакцию 08.04.2025.

Рецензирование завершено 19.06.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Статья посвящена истории отечественного славяноведения в 1941–1947 гг., роли Академии наук СССР в развитии славяноведческих исследований, работе в этой области крупных ученых – академиков Н. С. Державина, Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты и др. Рассматривается их роль в разработке проблем методологии и организационных принципов комплексного изучения истории и культуры славянских народов, в том числе в определении исторических исследований как основного направления научных изысканий в области славяноведения. В статье проанализирована работа руководящих органов АН СССР по определению стратегии развития гуманитарных наук и планов научных работ Отделения истории и философии академии в 1946–1947 гг.

Одной из назревших и наиболее актуальных задач являлось создание Института славяноведения, что требовало согласования политических, научных, организационных и кадровых вопросов с секретариатом ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б). Итогом исследуемого периода в развитии славянских исследований в нашей стране стало основание в 1946 г. Института славяноведения АН СССР, начавшего работу в следующем 1947 г. В приложениях к статье помещен архивный материал по названной проблеме, в значительной степени впервые вводимый в научный оборот.

Ключевые слова

История отечественного славяноведения, Академия наук СССР, Отделение истории и философии АН СССР, Институт славяноведения АН СССР, Н. С. Державин, Б. Д. Греков, В. И. Пичетта, методология славяноведения.

Предлагаемая вниманию читателей статья продолжает цикл исследований по истории Института славяноведения РАН и является хронологически и по содержанию второй по сравнению со статьями, опубликованными ранее, в 2023¹ и в 2024 гг.² В нынешней работе помещено письмо советского ученого-слависта и общественного деятеля Николая Севастьяновича Державина – президенту АН СССР С. И. Вавилову от 14 июня 1946 г. (приложение № 1), подготовленное, вероятно, весной 1946 г. и датированное по времени регистрации в Президиуме АН СССР. Оно прозвучало как меморандум с призывом к созданию Института славяноведения. Помимо письма Н. С. Державина, в приложениях к статье помещен также ряд принципиально важных документов, отражающих существенные вопросы истории создания Института славяноведения Академии наук СССР и первые шаги его становления в 1946–1947 гг.: среди них «Докладная записка по вопросу об организации и структуре Института славяноведения АН СССР» академика-секретаря отделения истории и философии академика Б. Д. Грекова от 12 сентября 1946 г. с предложениями по структуре, штатному

¹ См.: Марней Л. П., Носов Б. В. Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения 1968 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 422–442.

² Марней Л. П., Носов Б. В. Письмо и записка академика Н. С. Державина председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову о развитии отечественного славяноведения в 1930-е годы. (К предыстории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 394–426.

и персональному составу института, и соответствующее постановление Президиума АН СССР (приложения № 7–8). Важное место в ряду публикуемых в приложениях исторических источников принадлежит также документам, отражающим рассмотрение вопроса о создании Института славяноведения в ЦК ВКП(б) и в Совете министров СССР. В публикуемых документах поставлены существенные проблемы исторического развития отечественного славяноведения, его содержания как научного направления, а также вопросы организационной структуры славяноведческих исследований в СССР.

Публикацию архивных документов по истории создания Института славяноведения РАН в связи с торжественно отмеченным в 1996 г. 50-летием института на страницах журнала «Славяноведение» подготовила М. Ю. Досталь. Впервые в научный оборот были введены исторические источники по истории отечественной науки, опубликованы выдержки из ряда документов 1942–1946 гг., отрывки из публикуемых в настоящей статье протоколов заседаний Президиума АН СССР от 30 мая и 18 июня 1946 г., материалы Н. С. Державина из собрания Архива РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, с 1999 г. – Российский государственный архив социально-политической истории)³. Однако М. Ю. Досталь в полной мере не проанализировала уникальные исторические источники, ограничившись небольшим вступлением к публикации.

Обращаясь к истории Института славяноведения Российской академии наук, важно отметить, что в отечественной науке едва ли можно указать на другое научное учреждение, концепция и структура которого, как в период его становления, так и в ходе дальнейших организационных преобразований и развития, были бы до такой степени детерминированы, с одной стороны, историческими тенденциями развития славяноведения (славистики) в России и в мире, а с другой – тенденциями развития славянских народов и связанной с ним эволюции политики и идеологии, основанных на концепции особого исторического пути, всемирно-исторической роли славянства как одной из мировых цивилизаций.

Своими истоками важнейшие тенденции развития отечественного славяноведения 1940-х гг. в значительной мере восходят к эпохе борьбы народов с гитлеровским нацизмом. Уже в период 1939–1941 гг. как в зарубежных славянских странах, так и в Советском Союзе на почве общей борьбы с фашизмом набирают силы идеи славянской взаимности.

³ Досталь М. Ю. Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 3–25.

Одновременно формируется и тенденция политического возрождения «славянской идеи» как идеологического обоснования особой исторической роли и миссии славянства. Практически в первые дни Великой Отечественной войны, вернее месяц спустя после ее начала, глашатаем «славянской идеи» в СССР выступил Н. С. Державин. 29 июля 1941 г. он совместно с также ленинградцем – профессором Е. З. Волковым⁴ – направил в Государственный комитет обороны прозвучавшую как меморандум докладную записку с предложением создать Международное бюро в помощь борьбе славянских народов за освобождение от фашистского ига. В ней прозвучал призыв «протянуть руку братской помощи своим младшим братьям – славянам, объединить их вокруг себя и создать таким образом из всех славянских народов под своим руководством в Центральной Европе и на Балканах естественный и мощный оплот против фашизма и возможных в будущем его преемников»⁵, а также провозглашалось возрождение «славянской идеи» в ее политическом содержании и объявлялось о задаче достижения руководящей роли СССР в славянском мире не только в ходе антифашистской войны, но и после разгрома гитлеровской Германии.

Призыв Державина получил поддержку руководства страны, и уже в начале августа 1941 г. в Москве организуется радиомитинг, подготовленный под руководством секретаря Союза писателей СССР А. А. Фадеева⁶. Примечательно, что важнейшую роль в его проведении сыграли ведущие советские писатели и литераторы других славянских стран. В этом, в частности, нашло отражение осознание особого значения общности языков и литератур в славянском мире. На радиомитинге, на котором выступали А. Н. Толстой, Ванда Васильевская и другие видные общественные деятели и представители творческой интеллигенции славянских народов, была поставлена задача создать всеславянский комитет. Он был образован в начале октября 1941 г. Активное участие в его работе принял и Н. С. Державин, официально включенный в состав комитета 6 апреля 1942 г.⁷ Практика организации радиомитингов получила продолжение

⁴ Волков Евгений Захарович (1883–1942 гг.) – выпускник Московского университета (1914 г.), выдающийся советский ученый, экономист-аграрник, профессор, умер в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

⁵ Цит. по: Дубровский А. М. «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940 годах // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 200.

⁶ См.: Досталь М. Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. 1999. М., 2000. С. 175–188.

⁷ См.: Кикешев Н. И. Славяне против фашизма. М., 2005. С. 386.

(апрель 1942 г., май 1943 г., февраль 1944 г.). Их материалы были изданы и широко публиковались в центральной печати СССР⁸.

Истории славянского движения 1940-х гг., которое нередко имеют «новым славянским движением», посвящена обширная исследовательская литература⁹. Во всех новейших исследованиях указанной проблемы основополагающим тезисом является утверждение, что славянское движение было исключительно политическим инструментом внешней политики СССР, направленной на объединение славянских стран в политический блок во главе с Советским Союзом.

Однако абсолютизация сугубо инструментальной роли славянской политики и «славянской идеи» в целом вызывает возражение. Возвращаясь к политической ситуации 1941 г., нельзя не признать, что тяжелейшее военно-политическое положение СССР в то время едва ли допускало возможность для Москвы навязать славянским народам какое-либо общественное движение и тем более – политический курс, для которых среди славян не было бы внутреннего и достаточного серьезного основания. В пользу наличия такого внутреннего основания говорит реакция в Восточной Европе на августовский радиомитинг в Москве и на провозглашенное на нем воззвание. Митингу была посвящена специальная передача болгарской радиостанции им. Христа Ботева с выступлением Васила Коларова (одного из организаторов Отечественного фронта Болгарии). В экстренном выпуске подпольной чехословацкой газеты «Руде право» была опубликована передовая статья Юлиуса Фучика. Вряд ли есть основание подозревать трагически погибшего в нацистском застенке чешского публициста в сервильности и политиканстве сугубо в интересах советской политики. Глава

8 См.: Кикешев Н. И. Славяне против фашизма; Зайцев А. В. Славянское движение во внешней политике СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1941–1953 годах: автореферат диссертации на соискание ученыей степени кандидата исторических наук. М., 2022.

9 См., напр.: Марьина В. В. Славянская идея в СССР накануне, во время и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М.; СПб., 2014. С. 180–194; Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этно-политических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М., 2011; Досталь М. Ю. Белградский славянский конгресс победителей фашизма (1946) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 226–242; Досталь М. Ю. Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский съезд славистов // Славянский вопрос: вехи истории. Светлой памяти В. А. Дьякова посвящается. М., 1997. С. 182–203.

югославского Сопротивления – И. Б. Тито поручил опубликовать и распространить обращение митинга и речь на нем А. Н. Толстого. Такое трудное с точки зрения его реализации решение в оккупированной стране не могло быть следствием указаний из Москвы. Оно свидетельствует, что идеи славянского единства были живы и находили отклик у южных славян, на что и ориентировался югославский военачальник¹⁰. Наконец, о том, что «славянская идея» в годы Второй мировой войны имела собственное, условно говоря, внутреннее основание и не сводилась исключительно к политическому манипулированию со стороны СССР, свидетельствует возникновение и деятельность славянских комитетов на разных континентах и в тех странах, где Советский Союз не обладал заметным политическим влиянием, а власти которых всячески стремились к ограничению и устраниению последнего.

Дискуссия об объективном содержании «славянской идеи» характерна для всей истории отечественного славяноведения. В частности, в начале 1990-х гг. выдающийся отечественный славист Л. П. Лаптева отмечала, что «славянская идея» имеет объективные основания в силу «происхождения славян от общего корня» и общих черт социальной организации и культуры. Однако, по мнению Лаптевой, славянская идея в целом как исторический феномен оказалась нереальной. В то же время в славянских культурах наблюдается глубинная общность этических и эстетических ценностей. Даже в социальной области славянские народы на долгое время сохранили немало схожих черт, например общинные традиции. В связи с чем правомерно задаться вопросом: имеют ли отмеченные элементы культурной общности более глубинные основания и собственные закономерности развития?¹¹

В свете развернувшейся битвы с фашизмом Н. С. Державин считал важнейшей проблемой «славянских изучений» исследование истории «славянской идеи» как в ее конкретно-историческом воплощении, так и в процессе ее эволюции в развитии общественной мысли. Наконец, важным направлением «славянских изучений» должна была стать история славяноведения как специфического научного направления. По мысли Н.С. Державина, для решения названных фундаментальных задач было не достаточно усилий отдельных, даже выдающихся ученых.

10 См.: Валев Л. Б., Марынина В. В., Славин Г. М. Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 73–91.

11 Лаптева Л. П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 5–20.

Организационной формой таких исследований, полагал он, должна стать система научных институтов, в центре которой был бы специализированный Институт славяноведения Академии наук. Это в полной мере соответствовало традициям и уровню отечественного славяноведения¹².

Подъем славянского движения в годы Второй мировой войны и связанные с ним важные социально-политические и социокультурные процессы в славянском мире стали существенным стимулом в развитии научного славяноведения, что в свою очередь диктовало потребность в создании его интеграционного научного центра. Поставленная еще в 1930-е годы, эта задача в новых условиях приобрела, несмотря на трудности военного лихолетья, особую актуальность.

Из публикуемого письма Н. С. Державина от 14 июня 1946 г. (Приложение № 1) следует, что работа по созданию Института славяноведения берет начало еще в августе 1942 г.¹³, в то время, когда только началась Сталинградская битва. Державин указывал, что в сложившихся тогда условиях создать полноценный институт не представлялось возможным, поэтому руководством АН СССР было принято решение «образовать» Славянскую комиссию Президиума¹⁴ в качестве первого этапа решения упомянутой главной задачи. Причем возникает вопрос: шла ли речь о возрождении Славянской комиссии 1920-х гг. или же о создании некоего нового учреждения?

Называя в письме 1946 г. дату 25 августа 1942 г., Н. С. Державин писал, что благодаря проделанной ранее работе Комиссия безотлагательно смогла приступить к научным исследованиям. Первоначально она работала в Казани, где 8 января 1943 г. состоялось ее первое заседание, а в августе была уже переведена в Москву. Очевидно, что, ставя задачу создания центрального института по проблемам славяноведения, его организаторы исходили из того, что располагаться он должен не в Ленинграде, а в Москве.

12 Марней Л. П., Носов Б. В. Письмо и записка... С. 394–426.

13 Тогда он обратился в Президиум АН СССР с тремя проектами. Первый заключался в создании «Всеславянской академии славяноведения в Москве», которая объединила бы, наряду с советскими учеными, и исследователей из других славянских стран. Второй предлагал «восстановить в сети научно-исследовательских учрежден АН СССР Институт славяноведения (Инслав)»; третий – «организовать при Президиуме АН СССР, впредь до окончания военных действий, Славянскую комиссию» (*Досталь М. Ю. Неизвестные документы... С. 6–7*).

14 Президиум АН СССР временно, «до организации Института», «признал [...] целесообразным для объединения научно-исследовательских работ, ведущихся в Академии наук СССР в области славяноведения, образовать Славянскую комиссию с привлечением к ее работам специалистов-славяноведов и византинистов». См.: Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 2.

Обобщая в упомянутом письме итоги разносторонней деятельности Славянской комиссии, Н. С. Державин констатировал, что после победоносного завершения войны с фашизмом вопрос авторитет СССР в мире и в славянских странах, что значительно укрепились и позиции отечественного славяноведения как внутри страны, так и в мировой науке, что к настоящему времени накоплен значительный научный и кадровый потенциал и созрели условия для создания Института славяноведения АН СССР¹⁵.

Однако работа по созданию Института славяноведения реализовалась не только в деятельности руководимой Н. С. Державиным Славянской комиссии. Еще в ходе войны в СССР приступили к разработке планов восстановления народного хозяйства и к реализации первоочередных мер в этой области, в том числе и в отношении отечественной науки. По окончании войны новые созидательные задачи, предусмотренные планами 5-й пятилетки (1946–1950 гг.), встали и перед Академией наук СССР. Это, в свою очередь, обусловило начало широкомасштабной перестройки ее научных учреждений, развернувшейся во второй половине 1940-х и в первой половине 1950-х гг. Немаловажное место в ней принадлежало и Институту славяноведения.

Специально создание Института славяноведения рассматривалось на «распорядительном заседании» Президиума АН СССР 30 мая 1946 г.¹⁶ (Н. С. Державин среди участников этого заседания под председательством С. И. Вавилова в протоколе не упомянут¹⁷). Докладчик академик-секретарь Отделения истории и философии Б. Д. Греков по третьему пункту повестки дня заседания «О структуре Отделения истории и философии АН СССР» внес предложения: 1) «об организации Института истории Советского государства»; 2) «об организации Института славяноведения»; 3) «об организации Института новой и новейшей истории Востока»; 4) «о слиянии Музея истории религии в Ленинграде с Музеем истории религии в Москве»¹⁸. В приложениях к протоколу распорядительного заседания определялись структура и задачи учреждений Отделения истории и философии. Институт в этом перечне значился на 9-м месте¹⁹. Таким образом, решение Президиума АН СССР по докладу Б. Д. Грекова о создании Института славяноведения было

15 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 4–5.

16 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 57. Л. 115–207.

17 Там же. Л. 117–118.

18 Там же. Л. 121–125.

19 Там же. Л. 159–166.

принято двумя неделями ранее регистрации в Президиуме АН СССР письма Н. С. Державина С. И. Вавилову от 14 июня 1946 г.

На заседании 30 мая было решено (Приложение № 2): «Считать целесообразным организовать Институт славяноведения в г. Москве на базе Сектора славяноведения, группы византиноведения Института истории АН СССР, Сектора славянского языка Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии [...] с целью объединения всей научно-исследовательской работы в области истории, языка и литературы славянских народов и для объединения научных славяноведческих сил»²⁰. В третьем пункте протокола, озаглавленном «О структуре Отделения истории и философии АН СССР», в составе Института славяноведения значилось четыре подразделения: 1) сектор западных славян; 2) сектор южных славян; 3) сектор византиноведения; 4) библиотека²¹.

Помимо письма Н. С. Державина, дополнительные косвенные свидетельства о дискуссиях об Институте славяноведения, предшествовавших приведенному постановлению Президиума АН СССР от 30 мая 1946 г., содержит памятная записка видного советского византиниста Б. Т. Горянова, направленная вице-президенту Академии наук СССР В. П. Волгину 12 апреля 1946 г.²² и посвященная отечественному византиноведению²³. В ней Горянов подчеркивал, что «русское византиноведение, являвшееся важнейшей отраслью русской исторической науки, тесно связано с изучением древней истории нашей Родины». В частности, он ссылался на «указание Маркса о том, что религия и цивилизация России – византийского происхождения». По словам Горянова, дискуссия о византиноведении концентрировалась по двум направлениям: «должно византиноведение быть сближено с историей Средних веков или с историей СССР». Отвечая на поставленный вопрос, он констатировал, что византиноведение как исторически, так и содержательно принадлежит более к сфере отечественной истории, поэтому «группа (или сектор) византиноведения должны концентрироваться в Институте истории Академии наук СССР». Обращаясь к проблеме «византино-славянских отношений», Горянов подчеркивал, что «исследовательская работа славистов ограничена вопросами Новой и Новейшей истории, не связанными с проблемами, стоящими перед византистами». На записке

20 Там же. Л. 122.

21 Там же. Л. 123.

22 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 1–1 об.

23 Подробнее об упомянутой дискуссии см.: Горянов Б. Т. Вопросы византиноведения на сессии Отделения истории и философии АН СССР (Октябрь 1946 года) // Вестник древней истории. 1947. № 2 (20). С. 207–211.

Горянова имеется датированная 15 октября 1946 г. резолюция В. П. Волгина: «Оставить для справки – к вопросу об Ин-те славяноведения»²⁴.

Приведенная записка и резолюция свидетельствуют о том, что проблема исследовательской программы Института славяноведения и его организационной структуры продолжала обсуждаться в руководстве Академии и после 30 мая 1946 г., и о бытовавшем мнении, что в центре исследований нового института должны быть проблемы Новой и Новейшей истории.

18 июня 1946 г. на заседании Президиума АН СССР С. И. Вавилов выступил с докладом об организации новых институтов «в соответствии с пятилетним планом научно-исследовательских работ»²⁵. Тогда же была утверждена новая структура самой Академии наук и учреждений Отделения истории и философии²⁶ (приложение № 3), определенная еще 30 мая. При этом среди участников обсуждения 18 июня упомянут и Н. С. Державин²⁷. В итоге комплексная программа перестройки учреждений АН СССР была рассмотрена, одобрена и направлена на утверждение Совета министров СССР.

В структуре отделения были поименованы и вновь создаваемые институты: Институт истории Советского государства; Институт новой и новейшей истории Востока; Музей истории религии (который возглавил соратник Ленина – В. Д. Бонч-Бруевич); Комиссия по истории исторических наук; Комиссия по истории Академии наук. В этом ряду был назван и Институт славяноведения. Характер этих учреждений, их исследовательская направленность отражали, во-первых, особое внимание к идеологическим и мировоззренческим проблемам, а во-вторых – к научному анализу исторического развития стран и регионов, где предположительно предстояло наиболее напряженное противостояние сложившихся во второй половине 1940-х гг. двух мировых систем.

Однако вопрос о создании Института славяноведения, как он нашел отражение в решениях Президиума АН СССР 30 мая 1946 г., прежде чем вступить в стадию практической реализации, подлежал утверждению в ЦК ВКП(б) и оформлению постановлением Совета министров СССР. При этом ЦК ВКП(б) принадлежало решающее слово в определении научного и политического направления и в формировании организационной структуры, а также кадрового состава и руководства института.

24 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 1.

25 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. 1946. Д. 54. Л. 3.

26 Там же. Л. 17.

27 Там же. Л. 2.

Полный комплекс документов партийных органов и Советского правительства по данному вопросу пока не выявлен. Единственная публикация, включающая документы 1945 г., принадлежит М. Ю. Досталь, что в совокупности с рядом других источников обосновывает актуальность дальнейших исследований. Однако имеющиеся источники все же дают основание для некоторых наблюдений²⁸.

Обращает на себя внимание и то, что в переписке с ЦК ВКП(б) по кадровым вопросам отсутствует упоминание о руководителе Славянской комиссии Н. С. Державине, который, как представляется, отодвинут в данном вопросе на задний план, о чем, в частности, говорит дипломатичный отказ С. П. Обнорского занять место директора института в обход его старшего коллеги. Косвенным свидетельством этого может послужить пространное письмо И. В. Сталину, в котором Н. С. Державин писал, что «многие десятки лет моей научной работы я лелеял мечту о создании у нас крупного центра славяноведческой мысли». Публикуя это письмо из личного фонда ученого, М. Ю. Досталь датировала его началом 1945 г. (по нашему мнению – не ранее второй половины марта) и отметила, что неизвестно, – было ли это письмо послано и последовали ли на него какие-либо отклики²⁹.

Приведенные документы 1945 г. о создании Института славяноведения свидетельствуют, что важнейшие политические и кадровые решения в этой области были приняты практически сразу после окончания войны, однако их реализация оказалась отложенной на целый год, до итоговых постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР 31 августа 1946 г. Думается, что исследование этого промедления заслуживает отдельного внимания.

Протокольная запись заседания Политбюро ЦК ВКП(б) (Протокол № 53, пункт 72)³⁰ приведена в приложении № 4. К протоколу приложена «Справка об организации Института славяноведения в системе Академии наук СССР», датированная 18 августа 1946 г., составленная Г. Ф. Александровым (в то время начальником управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)) и М. Т. Иовчуком³¹. 19 августа справка и проект соответствующего постановления ЦК ВКП(б) за подписью

28 Досталь М. Ю. Неизвестные документы... С. 12–18.

29 Там же. С. 16–18.

30 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 40.

31 Иовчук Михаил Трофимович (1908–1990 гг.) – работал в Исполкоме Коминтерна (1939–1941 гг.), с 1943 г. зав. кафедрой истории русской философии в Московском университете, член-корр. АН СССР (1946 г.), секретарь ЦК КП Белоруссии по агитации и пропаганде (1947–1949 гг.).

Г. Ф. Александрова были направлены в Секретариат ЦК. Итоги ее рассмотрения секретарями ЦК во главе с А. А. Ждановым зафиксированы в протоколе секретариата от 29 августа, выписка из которого также приложена к протокольной записи заседания Политбюро ЦК ВКП(б).

Из выписки из протокола Секретариата ЦК от 29 августа 1946 г., подписанной А. А. Ждановым, Л. П. Берий, Л. М. Кагановичем, К. Е. Ворощиловым, А. И. Микояном, Г. М. Маленковым, А. А. Андреевым³², следует, что перепиской секретарей ЦК с руководством Академии наук по проблемам Института славяноведения занимались Г. М. Маленков и А. А. Жданов. Так, именно к последнему обращался Г. Ф. Александров 19 августа 1946 г., отмечая, что предложение о создании Института славяноведения и о составе дирекции института вносят от имени Президиума АН СССР «президент Академии наук Союза ССР академик С. И. Вавилов и вице-президент Академии наук академик В. П. Волгин»³³.

В составленной Г. Ф. Александровым и М. Т. Иовчуком справке «Об организации Института славяноведения Академии наук СССР»³⁴ отмечено значение славяноведения как направления в мировой и отечественной науке, характеризуются основные этапы истории славяноведения в СССР. В частности, отмечается, что «в 1919 г. в Ленинградском и Московском университетах были открыты славяно-русские отделения. Однако вследствие, – говорилось в справке, – под влиянием Покровского славяноведение пришло в упадок и по существу оказалось ликвидированным»³⁵. Обращают на себя внимание обвинение в адрес М. Н. Покровского в упадке школы славяноведения и отсутствие упоминания о ленинградском Институте славяноведения, а также некоторые другие фактические неточности.

В справке обосновывается вывод, что «основной причиной отставания советского славяноведения является отсутствие в нашей стране единого научно-организационного центра в области славяноведения». Постановка вопроса об организации в системе Академии наук СССР Института славяноведения названа вполне своевременной. Институт славяноведения должен быть «комплексным», то есть включать в себя все стороны славяноведения – а именно «историю, язык, право, экономику и культуру славянских стран»³⁶. Принципиально важной здесь является

32 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1488. Л. 145.

33 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 42.

34 Там же. Л. 43–44.

35 Там же.

36 Там же.

констатация комплексного характера создаваемого института и содержания основных его исследовательских направлений, что вполне соответствовало предложениям Президиума АН СССР. Однако среди этих направлений отсутствует упоминание о византиноведении.

Помимо «научной разработки истории, исследования экономики, права и культуры славянских стран» говорилось в справке и о политическом значении института: «Институт славяноведения может быть использован в целях предоставления научной консультации ЦК ВКП(б) и правительству по различным вопросам наших отношений со славянскими странами»³⁷. Отмечалась и особая роль создаваемого института в развитии непосредственных связей с учеными и общественностью славянских стран. В то же время Институт должен был «помочь научной общественности славянских стран правильно поставить научную пропаганду истории и культуры славянства, снабжая соответствующие научные учреждения и органы пропаганды дружественных славянских стран информацией, в частности материалами о жизни Советского Союза». Институт славяноведения рассматривался как центр «научного общения славяноведов разных стран с советскими учеными», центр «подготовки международных конгрессов и научных конференций славяноведов, а также подготовки высококвалифицированных кадров – славяноведов из дружественных нам славянских стран»³⁸.

Далее в справке речь шла о кадровом потенциале создаваемого института, причем на первом месте были названы историки: «академик Греков Б. Д., член-корреспондент Академии наук СССР Пичета В. И. (история Польши и Сербии), член-корреспондент Академии наук СССР Богоявленский С. К. (история Сербии), профессор Тихомиров М. Н. (история Болгарии и Сербии)»³⁹. Приведенные имена составляли золотой фонд отечественной науки. Однако все они, кроме В. И. Пичеты, едва ли с полным основанием могли быть причислены к славяноведам. Перечень славяноведов-филологов выглядел, очевидно, менее впечатляющим. О них говорилось, что «имеется около 10 ученых, являющихся крупными специалистами в области языка и литературы славянских стран». По именам были названы только «академик Державин Н. С.», «академик Обнорский С. П.», «академик Якуб Колас (БССР)», «академик Гудзий Н. К. (УССР)»⁴⁰. Упоминание двух последних, вероят-

37 Там же.

38 Там же.

39 Там же.

40 Там же.

но, должно было послужить не более чем своего рода данью уважения к науке советских республик Белоруссии и Украины.

В справке также отмечались наличие необходимой «научно-материальной базы» для работы института и, в итоге, констатировалось, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), «учитывая важное политическое и научное значение развития советского славяноведения», просит «принять постановление об организации в системе Академии наук СССР Института славяноведения»⁴¹. Особое звучание имело указание на «важное политическое значение» создаваемого Института, что нашло отражение не только в приведенном решении Политбюро, но и в принятом в тот же день, 31 августа 1946 г., постановлении Совета министров СССР, подписанном лично И. В. Сталиным, об образовании Института славяноведения АН СССР⁴².

Затронутый в ходе рассмотрения в Секретариате и в Политбюро ЦК ВКП(б) вопрос о кадровом составе Института славяноведения не раз обсуждался в руководстве Академии наук и в переписке с партийными органами как до принятия решений 31 августа 1946 г., так и в дальнейшем, о чем свидетельствует направленная в Президиум АН СССР «Докладная записка по вопросу об организации и структуре Института славяноведения Академии наук СССР» Б. Д. Грекова от 12 сентября 1946 г.⁴³ (Приложение № 6), дополненная проектом структуры института и списком предполагаемых сотрудников. В последнем были представлены 43 человека, как ведущие советские ученые, так и молодые специалисты. Многие из них в дальнейшем составили гордость отечественного славяноведения⁴⁴. Очевидно, что в то время специалистов по славяноведению было немного; приведенный перечень в своей основе составлен был в Славянской комиссии в первой половине 1946 г. при непосредственном участии Н. С. Державина, писавшего тогда, что в его распоряжении имеется список из 36 научных работников и 16 аспирантов⁴⁵. Однако сам Н. С. Державин в списке Б. Д. Грекова упомянут только среди филологов, и то на втором месте после С. П. Обнорского. На первых местах стояли историки

41 Там же.

42 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 189; АРАН. Ф. 2. Оп. 10. Д. 33. Л. 65.

43 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 11–15.

44 См. также: Славяноведение в дореволюционный России. Библиографический словарь. М., 1979; Историки-слависты СССР. Библиографический словарь-справочник. М., 1981; Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. М., 2012.

45 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 5.

академики В. И. Пичета, Б. Д. Греков и Е. А. Косминский. Возглавили создаваемый институт историки, что соответствовало утвердившемуся в СССР с конца 1930-х гг. статусу славяноведения как дисциплины преимущественно исторического профиля. Директором института был назначен Б. Д. Греков – специалист по истории Древней Руси (постановление Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. – Приложение № 7), с последующим представлением его на утверждение Общего собрания⁴⁶. Таким образом, в 1946 г. к его высоким должностям была добавлена должность директора Института славяноведения. Заместителями по историческим и филологическим наукам были назначены соответственно В. И. Пичета и С. П. Обнорский. В назначении Б. Д. Грекова директором Института славяноведения, помимо его высокого статуса среди советских историков, имело, вероятно, немаловажное значение и то, что в сфере его научных интересов была история славян VI–XII вв., когда славянская общность в своем историко-культурном фундаменте еще сохраняла единство, а процесс формирования славянских народностей и их государственности во взаимодействии с неславянским окружением только проходил свои первоначальные этапы. Вероятно, именно по инициативе Б. Д. Грекова в исследовательской программе института и в его организационной структуре появилось направление византиноведения, которое до этого в отечественной науке непосредственно со славяноведением не связывалось. Правда, еще в августе 1942 г. в постановлении Президиума АН об образовании Славянской комиссии упоминалось о привлечении «к ее работам специалистов-славяноведов и византистов»⁴⁷. В постановлении распорядительного заседания Президиума Академии наук СССР от 30 мая 1946 г., принятом, в частности, по докладу Б. Д. Грекова, предусматривалось, что в создаваемом Институте славяноведения будет образован «сектор византиноведения»⁴⁸, что соответствовало концепции Грекова о роли Византии в становлении славянских цивилизаций, а также значению Греции во внешней политике СССР 1945–1947 гг. При этом, как уже было отмечено, византиноведение не упомянуто при рассмотрении вопроса о создании Института славяноведения в ЦК ВКП(б).

Еще до официального назначения директором Института славяноведения Б. Д. Греков в качестве академика-секретаря Отделения истории и философии обратился 17 августа 1946 г. в Президиум Академии наук СССР (приложение № 5) и просил «получить санкцию ЦК ВКП(б)

46 Там же. Л. 20–20 об.

47 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 2.

48 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 57. Л. 123, 165–166.

и разрешить отделению: а) организовать в Москве издание международного бюллетеня по славяноведению; б) провести в Москве осенью 1946 г. организационное совещание, в котором приняли бы участие крупнейшие слависты СССР и Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии»⁴⁹. В этом предложении прозвучало еще одно положение программы Н. С. Державина о превращении создаваемого института в центр международного сотрудничества в области славяноведения, что, по мнению Грекова, «полностью бы соответствовало тому положению, которое занимают в настоящее время советские ученые в разработке вопросов славяноведения»⁵⁰. Это направление научной программы создаваемого института получило поддержку и развитие в решениях руководящих партийных органов 29–31 августа 1946 г. Первым шагом в осуществлении этой программы должно было стать намеченное на весну 1947 г. проведение упомянутого организационного совещания. В дальнейшем оно так и не состоялось.

Поддержанная руководящими партийными органами принципиальная позиция Президиума АН СССР, что славяноведение в нашей стране развивается как направление исторической науки, хотя и в комплексе с другими славистическими дисциплинами, в ходе практической работы по созданию Института славяноведения нашла воплощение в назначении его дирекции и в формировании его организационной структуры. В постановлении Президиума АН СССР от 12 сентября 1946 г. устанавливалась следующая структура научных подразделений института: 1) сектор истории; 2) сектор языка и литературы; 3) группа византино-славянских отношений, которую возглавил академик Е. А. Косминский – медиевист, специалист по истории Англии (однокашник Б. Д. Грекова по Варшавскому университету).

Очевидно, принятые итоговые решения по созданию Института славяноведения АН СССР понижали статус Н. С. Державина и задевали его лично, поскольку он и не скрывал, что претендует на роль своего рода патриарха отечественного славяноведения. Пятый пункт упомянутого сентябрьского постановления гласил: «Славянскую комиссию как самостоятельное учреждение ликвидировать, передав ее штаты и ассигнования Институту славяноведения»⁵¹. В этой формулировке подчеркнуто отсутствовали какие-либо упоминания о значении комиссии и о роли ее председателя. С этого времени деятельность Н. С. Державина

49 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 9–9 об.

50 Там же. Л. 9.

51 Там же. Л. 20.

как организатора славяноведческих исследований в АН СССР отступает на второй план, хотя он какое-то время и предпринимал усилия организовать Ленинградское отделение Института славяноведения, увенчавшиеся созданием «ленинградской группы» института (решение Президиума АН СССР от 7 июня 1950 г.⁵²). Тем не менее до последних дней Н. С. Державин продолжал активную деятельность по развитию сотрудничества и связей советских славяноведов с зарубежными коллегами, особенно с Болгарской академией наук.

Не исключено, что свою роль в удалении Н. С. Державина от руководства создаваемого института сыграли его личные отношения в руководстве Академии наук. Намек на обстоятельства такого рода мы находим в письме Н. С. Державина В. М. Молотову 1938 г. Тогда он писал, что «в ближайшем своем академическом окружении и притом не только со стороны беспартийных, но и со стороны руководящих партийных товарищей» он не видит «необходимого внимания к интересам славяноведения», «к поддержанию его на должной высоте, к обеспечению его необходимыми кадрами, к усилению его продукции»⁵³. Не вдаваясь в детали, методом исключения можно предположить, что, говоря о своих недоброжелателях, Н. С. Державин имел в виду тогдашнего руководителя Отделения общественных наук, а в дальнейшем вице-президента АН СССР В. П. Волгина. Именно он вел переписку с секретариатом ЦК ВКП(б) по вопросам организации Института славяноведения, по кадровым и другим проблемам. В посвященных Волгину публикациях отмечается, что его официальная биография ограничивается краткими формальными сведениями и изобилует белыми пятнами. Практически ничего не известно о Волгине как об организаторе науки, а все имеющиеся оценки сводятся к комплементарным суждениям о его трудах по истории социалистической мысли⁵⁴.

В упомянутом постановлении Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. в п.п. 8–10 (приложение № 7) институту поручалось представить планы научно-исследовательских работ на 1947 и 1947–1950 гг., а также сформировать библиотечные фонды института, решить вопросы международного сотрудничества и издания бюллетеня по славистике, объединяющего ученых разных стран. В частности,

52 Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971. С. 5.

53 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 37–38.

54 См.: Лагно А. Р. Ректор Московского университета В. П. Волгин в оценке современников // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2009. № 4. С. 146–166.

Институту славяноведения отводилась важнейшая роль в проведении намеченного на 15 апреля 1947 г. «Всеславянского международного конгресса ученых-славяноведов»⁵⁵. Заключительный 11-й пункт постановления от 20 сентября 1946 г. предписывал: «Поручить Управлению делами АН СССР рассмотреть вопрос о постоянном помещении для Института славяноведения, исходя из необходимости 400–500 кв. м рабочей площади»⁵⁶. Это «поручение» оказалось непростым, что нашло отражение в переписке руководства академии с ЦК ВКП(б) и с правительством (приложения № 8–11). Меры Президиума по созданию Института славяноведения, предусмотренные постановлением от 20 сентября 1946 г., были утверждены Общим собранием Академии наук СССР 4 декабря 1946 г.⁵⁷

Таким образом, принятые в 1946–1947 г. решения Президиума АН СССР, санкционированные высшими партийными и государственными органами Советского Союза, послужили фундаментом к созданию Института славяноведения АН СССР, который приступил к практической работе с начала 1947 г.⁵⁸ Учитывая все политические обстоятельства и разного рода конъюнктурные тенденции второй половины 1940-х годов, все же можно уверенно констатировать, что создание Института было обусловлено социально-политическими, социально-экономическими и социокультурными процессами развития славянского мира и тенденциями его трансформации в XX столетии, и прежде всего после окончания Второй мировой войны. Создание института было инициировано АН СССР и продиктовано объективными потребностями отечественной и мировой науки. Положенные в основание Института принципы, прежде всего принцип комплексности славяноведческих исследований, были выработаны и опробованы на основе обобщения опыта и традиций как отечественного славяноведения, так и мировой славистики. Однако заложенные основы предстояло развивать и наполнять конкретным содержанием. Об этом писал Б. Д. Греков в вышедшем в 1948 г. первом томе «Ученых записок Института славяноведения», определяя его «главнейшие задачи»: «Есть все основания надеяться, что при новых, созданных победой над фашизмом условиях, при общих усилиях славянских ученых, славяноведение расцветет. Новые работы по углубленному

55 АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 27.

56 Там же. Л. 20 об.

57 Там же. Л. 21.

58 О деятельности Института славяноведения РАН см. публикацию документов на сайте института: Из архива Института. URL: <https://inslav.ru/page/iz-arhiva-instituta> (дата обращения: 30.07.2025).

изучению славянства дадут подлинную, правдивую историю славян во всех ее проявлениях и навсегда покончат с лживыми утверждениями о якобы исторической неполноте славян или об их неспособности к самостоятельной политической жизни и к творчеству в области культуры. Новые объективные исследования, несомненно, выявят не только богатства и общемировой удельный вес славянской культуры, но и благородную, всемирной исторической значимости роль славян в защите европейской цивилизации»⁵⁹. В заключение своей программной статьи Б.Д. Греков писал: «Работа в области изучения славянства – патриотическое дело самих славянских народов. И оно будет сделано. Гарантия успеха лежит в горячем желании славянских ученых послужить этой высокой цели»⁶⁰.

Документы в приложении печатаются согласно общепринятым правилам публикации документов по Новейшей истории России. Сокращения текста раскрываются без специальных обозначений, пропуски фрагментов, не имеющих отношения к теме публикации, обозначены многоточием в квадратных скобках – [...]. Подчеркивания воспроизводятся без специальных комментариев.

Приложения

№ 1. 1946 г., июня [14]⁶¹, Москва. Письмо Н. С. Державина С. И. Вавилову

Президенту Академии наук СССР
академику С. И. Вавилову

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

25 августа 1942 года Президиум АН СССР, заслушав мой доклад о состоянии и перспективах научно-исследовательской работы по славяноведению в СССР, вынес постановление об организации в системе АН СССР Института славяноведения, ставящего своей целью «развитие и углубление работ по изучению славянских народов, их истории, языка и литературы». Учитывая условия военного времени,

59 Греков Б. Д. Главнейшие задачи современного славяноведения // Ученые записки Института славяноведения. М.; Л.: 1948. Т. 1. С. 16–17.

60 Там же. С. 17.

61 Письмо датируется по резолюции С. И. Вавилова (АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 2), а также штампу секретариата о получении письма с указанием даты «14/VI 1946 г.» и времени «18³⁰» (Там же. Л. 6).

Президиум временно, до организации Института, признал, согласно моему предложению⁶², целесообразным «для объединения научно-исследовательских работ, ведущихся в Академии наук СССР в области славяноведения, образовать Славянскую комиссию с привлечением к ее работам специалистов-славяноведов и византинистов». В заседании своем от 21 декабря 1942 г. Президиум АН утвердил Президиум Славянской комиссии в составе: председатель комиссии – акад. Н. С. Державин, заместитель председателя комиссии – акад. С. П. Обнорский, обязанности ученого секретаря комиссии были возложены на проф. В. Т. Дитякина. Первое время комиссия находилась в г. Казани, а в августе 1943 года была переведена в г. Москву.

Поскольку предварительная организационная работа была уже проведена раньше, Славянская комиссия смогла немедленно приступить к научной работе. Первое заседание комиссии состоялось 8 января 1943 г.

Как я и писал в своей докладной записке Президиуму АН, научно-исследовательская работа по славяноведению хотя и велась у нас довольно широко, но в большинстве своем спорадически и крайне разрозненно, что отражалось и на тематике работы и на настроении лиц, занимавшихся ею. Естественно поэтому, что обращение Славянской комиссии принять участие в ее работе было встречено нашими научными работниками с огромным удовлетворением и готовностью. Вследствие этого комиссии, несмотря на крайне неблагоприятные условия работы (комиссия получила средства и две штатных единицы лишь в начале 1944 г.), все же удалось немедленно начать свои научные заседания и весьма регулярно проводить их в дальнейшем. Общее число научных работников, привлеченных комиссией, достигло 46 чел. Это, в первую очередь, сотрудники различных Институтов АН СССР, работники Московского государственного университета, ЛГУ, БГУ, ВВШ⁶³ и других высших учебных заведений г. Москвы. Большое участие в работах комиссии приняли находившиеся в Москве видные общественные деятели зарубежных славянских стран: В. П. Коларов, Б. И. Масларич, Д. И. Влахов, Р. К. Караколов, Н. П. Франич, С. Д. Благоева⁶⁴ и др.

Собирая вокруг себя научные и общественные силы, Славянская комиссия провела большую работу по консолидации их, по выявлению

62 Фраза «согласно моему предложению» вписана от руки. Правка Н. С. Державина.

63 Так в тексте документа. Может быть – ВПШ.

64 Фамилия и инициалы «С. Д. Благоева» вписаны от руки. Правка Н. С. Державина.

ведущейся ими исследовательской работы, по содействию развитию ее. На заседаниях Славянской комиссии – их к настоящему времени проведено 30 – выступали с докладами академики, профессора, общественные деятели, младшие научные работники. Ставились и обсуждались доклады, охватывавшие как общие, так и многие частные проблемы славяноведения, от вопросов острой политической актуальности до, казалось бы, совершенно академических. За время работы Славянская комиссия выпустила монографию акад. Н. С. Державина «Славяне в древности», подготовила к печати 2 тома своих «Трудов» и завершает подготовку к изданию нескольких исследований.

Моя поездка и пребывание в Болгарии и Югославии и многочисленные встречи с представителями зарубежной славянской общественности окончательно убедили меня в том, что теперь наступил момент реализации постановлений Президиума АН СССР о создании Института славяноведения.

Основания, которыми я руководился, таковы:

1. В результате победоносной войны с немецко-итальянским фашизмом колоссально возрос международный престиж Союза ССР. Наша страна по праву заняла почетное место в международных делах. Особенно велик этот престиж в славянских странах, освобожденных вооруженными силами Советского Союза от немецко-фашистской кабалы и возвращенных ими к новой жизни. Процесс демократизации, идущий в зарубежных славянских странах, в еще большей степени увеличил многовековую тягу славянских народов к русскому народу и глубокому знакомству с жизнью и культурой народов СССР.

2. Значительно повысился международный авторитет русской славяноведческой науки, которая уже и в прошлом занимала видное место в мировом славяноведении. Без всякого преувеличения можно сказать, что ныне советская славяноведческая наука занимает ведущее место в мировом славяноведении. От нас многое ждут, многого требуют и надеются на еще большее. У нас есть все основания оправдать эти надежды.

3. Подготовительную работу к созданию такого центра славяноведческой науки СССР – Института славяноведения Академии наук СССР – можно считать законченной. Собранные Славянской комиссией АН кадры с привлечением других, еще не охваченных ею научных работников могут послужить основой, на которой можно создать Институт. Путем включения в него научных сил Института истории (его сектора славяноведения), Института мировой литературы АН СССР и др. можно создать достаточный на первых порах, серьезный научный коллектив.

В настоящее время я располагаю списком, включающим в себе 36 человек научных работников, занимающихся исключительно проблемами славяноведения. Кроме того, имеется налицо 16 аспирантов, количество которых несомненно может быть увеличено.

Я не скрываю от себя трудности работы. Намеченные кадры еще должны пройти немалую школу подлинной коллективной работы, все участники которой должны органически увязать свои индивидуальные интересы с единым планом научно-исследовательской работы. Предстоит еще серьезная работа по повышению квалификации научных работников, созданию материальной базы, научно-вспомогательных учреждений (библиотеки и кабинеты), упрочнению и развитию связи с зарубежными славянскими научными учреждениями и отдельными научными работниками.

Трудности велики и многообразны. Но я уверен, что при широкой поддержке Академии наук СССР и советской общественности они могут и должны быть преодолены.

На основании всего вышеизложенного прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Иванович, принять конкретные меры к⁶⁵ организации Института славяноведения Академии наук СССР.

С уважением

Член Президиума АН СССР

Председатель Славянской комиссии

академик

[Подпись]

Н. С. Державин

АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 2–6. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой Н. С. Державина. Резолюция в левом верхнем углу: В. П. Волгину: Прошу переговорить по этому вопросу со мной. Подпись: С. Вавилов. 14.VI.46

№ 2. 1946 г., мая 30, Москва.

Фрагмент протокола № 15 распорядительного заседания

Президиума Академии наук СССР

[...]

3. О структуре Отделения истории и философии АН СССР

Докладчик академик Б. Д. Греков

В обсуждении участвовали: академик Е. С. Варга, И. П. Трайнин, член-корреспондент АН СССР П. И. Лебедев-Полянский, академик С. И. Вавилов

65 Фраза «принять конкретные меры к» была вписана от руки Н. С. Державиным вместо зачеркнутой напечатанной фразы «дать мне конкретные указания об».

1. Об организации Института истории Советского государства
[...]

2. Об организации Института славяноведения⁶⁶

1) Считать целесообразным организовать Институт славяноведения в г. Москве на базе сектора славяноведения, группы византиноведения Института истории АН СССР, сектора славянского языка Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии.

Институт организуется с целью объединения всей научно-исследовательской работы в области истории, языка и литературы славянских народов и для объединения научных славяноведческих сил.

Основными задачами Института являются: изучение истории западных и южных славян и русско-славянских отношений; изучение истории возникновения современных славянских государств, их внешней политики; изучение истории культурного развития западных и южных славян; изучение их языков и истории славянских литератур, а также научно-исследовательская работа в области византиноведения.

2) Определить следующую структуру Института славяноведения:

а) сектор западных славян, б) сектор южных славян, в) сектор византиноведения, г) библиотека.

3) Передать из Библиотеки АН СССР вновь организуемому Институту библиотеку ликвидированного ранее Института славяноведения.

3. Об организации Института новой и новейшей истории Востока
[...]

4. О слиянии Музея истории религии в Ленинграде с Музеем истории религии в Москве

[...]

6) Принять к сведению сообщение Отделения истории и философии о том, что помещением и кадрами вновь организуемые учреждения в основном обеспечены.

7) Поручить штатно-бюджетной комиссии рассмотреть заявку Отделения истории и философии на дополнительные штаты и ассигнования для организуемых институтов.

8) В соответствии с внесенными изменениями (п. 1, 2, 3, 4 настоящего постановления) утвердить структуру Отделения истории и философии АН СССР на 1946 г. (приложение № 1).

9) Утвердить структуру учреждений Отделения (приложение № 2).

⁶⁶ Опубликовано: Досталь М. Ю. Неизвестные документы... С. 19. Источник публикации: АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 54. Л. 58–59. Тексты протоколов от 30 мая и от 18 июня 1946 г. в части «Об организации Института славяноведения» идентичны.

10) Настоящее постановление внести на утверждение Пленума Президиума Академии наук СССР.

[...]

Президент

Академии наук СССР академик [Подпись] (С. И. Вавилов)

Академик-секретарь

Академии наук СССР академик [Подпись] (Н. Г. Бруевич)

Приложение № 1 к п. 3 протокола № 15 распорядительного заседания Президиума АН СССР 30 мая 1946 г.

СТРУКТУРА ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

1. Собрание отделения
2. Бюро отделения
3. Институт истории
Ленинградское отделение Института истории
4. Институт философии
5. Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марпа
Ленинградское отделение Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марпа
6. Институт истории искусств
7. Институт этнографии
Музей антропологии и этнографии
8. Институт истории естествознания
9. Институт истории Советского государства
10. Институт славяноведения
11. Институт новой и новейшей истории Востока
12. Музей истории религии
13. Комиссия по истории исторических наук
14. Комиссия по истории Академии наук
15. Архив Академии наук СССР
Московское отделение Архива

Президент

Академии наук СССР
академик (С. И. Вавилов)

Академик-секретарь

Академии наук СССР
академик [Подпись] (Н. Г. Бруевич)

Из приложения № 2 к п. 3 протокола № 15 распорядительного заседания Президиума АН СССР 30 мая 1946 г.

СТРУКТУРА И ЗАДАЧИ УЧРЕЖДЕНИЙ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ⁶⁷
[...]

9. ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

1. Сектор западных славян	Оба сектора имеют одинаковые задачи:
2. Сектор южных славян	изучение истории, языка и литературы
славянских народов, истории их государ-
ства, внешней политики, русско-славян-
ских отношений и культуры славян.
3. Сектор византиноведения	Научная разработка проблемы византи-
новедения.
4. Библиотека	

[...]

Президент

Академии наук СССР

академик

(С. И. Вавилов)

Академик-секретарь
Академии наук СССР
академик

(Н. Г. Бруевич)

*АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 57. Л. 115, 121–125, 139, 159, 160, 165–166. Под-
линник. Машинопись.*

№ 3. 1946 г., июнь 18, Москва.

Фрагмент протокола № 8 заседания Президиума АН СССР

[...]

1. Утверждение структуры отделений и учреждений отделений
Академии наук СССР.

Докладчик академик С. И. Вавилов

В обсуждении участвовали: академики А. Н. Несмеянов, Е. А. Чуда-
ков, Н. В. Цицин, член-корреспондент АН СССР А. И. Опарин, академики

⁶⁷ Опубликовано: Досталь М. Ю. Неизвестные документы... С. 19. Источ-
ник публикации: АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 57. Л. 165.

С. С. Наметкин, В. П. Волгин, С. А. Христианович, Т. Д. Лысенко, действительный член Белорусской Академии наук А. Р. Жебрак, академики Л. С. Штерн, Н. С. Державин, Б. Д. Греков, И. П. Трайнин, Б. А. Введенский, Н. Г. Бруевич

1. Утвердить структуру отделений Академии наук СССР [...].
2. Утвердить в основном структуру научных учреждений отделений Академии наук СССР [...].

3. Просить Совет министров СССР утвердить организацию вновь создаваемых научных учреждений Академии наук СССР, а также учреждений, получающих самостоятельное существование (приложение № 3).

4. Довести до сведения Совета министров СССР о том, что в соответствии с пятилетним планом научно-исследовательских работ Академия наук признала целесообразным организовать в 1947–1950 гг. ряд учреждений [...].

5. Утвердить закрытие учреждений, согласно прилагаемому списку [...].
 6. Утвердить решения распорядительного заседания Президиума АН СССР от 30 мая [...] с. г. со следующими изменениями и дополнениями к решениям вышеуказанных заседаний.

[...]

Президент

Академии наук СССР

академик

[Подпись]

(С. И. Вавилов)

Академик-секретарь

Академии наук СССР

академик

[Подпись]

(Н. Г. Бруевич)

*Из приложения № 3 к п. 1 протокола № 8 заседания
Президиума Академии наук СССР 18 июня 1946 г.*

СПИСОК

вновь организуемых и реорганизуемых учреждений

Академии наук СССР, подлежащих утверждению

Совета министров СССР

A. Вновь организуемые

1. Институт истории Советского государства в г. Москве (организуется на базе сектора истории СССР советского периода и сектора истории Великой Отечественной войны Института истории АН).

2. Институт славяноведения в г. Москве (организуется на базе

сектора славяноведения, группы византиноведения Института истории АН, сектора славянского языка Института русского языка и Славянской комиссии).

3. Институт новой и новейшей истории Востока (организуется на базе Тихоокеанского института и группы новой и новейшей истории Востока Института истории АН).

[...]

Президент

Академии наук СССР

академик

[Подпись]

(С. И. Вавилов)

Академик-секретарь

Академии наук СССР

академик

[Подпись]

(Н. Г. Бруевич)

АРАН. Ф. 2. Оп. 6. 1946. Д. 54. Л. 3, 10, 50–51. Подлинник. Машинопись.

**№ 4⁶⁸. Рассмотрение в ЦК ВКП(б) вопроса об организации
Института славяноведения АН СССР (материалы)**

1946 г., августа 18, Москва. Приложение к протоколу № 53 п. 72

Справка об организации Института славяноведения
в системе Академии наук СССР

Президиум Академии наук СССР вошел в ЦК ВКП(б) с предложением об организации в системе Академии наук СССР Института славяноведения.

Во всех крупных государствах Европы – в Германии, Франции, Италии, а также в важнейших центрах славянских стран – в Варшаве, Белграде, Праге до войны существовали институты славяноведения, кафедры славяноведения в университетах, издавались специальные журналы по славяноведению. Подобные учреждения существуют в настоящее время в Англии и в США.

В нашей стране славяноведение возникло во второй половине XVIII века и до 1917 г., наряду с чешским славяноведением, играло

68 Документы о рассмотрении в ЦК ВКП(б) вопроса об организации Института славяноведения АН СССР, которые хранятся в РГАНИ и РГАСПИ, в отличие от частично опубликованных ранее (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 326–328), расположены в хронологическом порядке.

ведущую роль в мировой науке. После Октябрьской социалистической революции интерес к вопросам славяноведения значительно возрос. В 1919 г. в Ленинградском и Московском университетах были открыты славяно-русские отделения. Однако вследствии под влиянием Покровского славяноведение пришло в упадок и, по существу, оказалось ликвидированным.

В 1938 г. при Президиуме Академии наук была создана Славянская комиссия, а в Институте истории – славянский сектор. Однако нынешнее состояние советского славяноведения не отвечает требованиям современной обстановки.

Основной причиной отставания советского славяноведения является отсутствие в нашей стране единого научно-организационного центра в области славяноведения.

Постановка вопроса об организации в системе Академии наук СССР Института славяноведения является вполне своевременной. Институт славяноведения должен быть комплексным, то есть включать все стороны славяноведения, а именно – историю, язык, право, экономику и культуру славянских стран. Помимо научной разработки истории, исследования экономики, права и культуры славянских стран, Институт славяноведения может быть использован в целях предоставления научной консультации ЦК ВКП(б) и правительству по различным вопросам наших отношений со славянскими странами.

В то же время Институт может помочь научной общественности славянских стран правильно поставить научную пропаганду истории и культуры славянства, снабжая соответствующие научные учреждения и органы пропаганды дружественных славянских стран информацией, в частности материалами о жизни Советского Союза. Институт славяноведения должен стать центром научного общения славяноведов разных стран с советскими учеными, подготовки международных конгрессов и научных конференций славяноведов, а также подготовки высококвалифицированных кадров – славяноведов из дружественных нам славянских стран.

Для создания Института славяноведения имеются научные кадры историков-славяноведов. Среди них: академик Греков Б. Д., член-корреспондент Академии наук СССР Пичета В. И. (история Польши и Сербии), член-корреспондент Академии наук СССР Богоявленский С. К. (история Сербии), профессор Тихомиров М. Н. (история Болгарии и Сербии).

Помимо историков-славяноведов, имеется около 10 ученых, являющихся крупными специалистами в области языка и литературы славянских стран. Среди них такие крупные славяноведы, как академик

Державин Н. С., академик Обнорский С. П., академик Якуб Колас (БССР), академик Гудзий Н. К. (УССР) и др. Уже ныне Институт славяноведения может объединить 25 высококвалифицированных славяноведов (академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, профессоров).

Для организации Института имеется также и научно-материалная база. В основу его библиотеки может быть положена лучшая славянская библиотека, насчитывающая до 100 000 книг и находящаяся ныне в Ленинграде в составе библиотеки Академии наук.

Учитывая важное политическое и научное значение развития советского славяноведения, Управление пропаганды и агитации просит ЦК ВКП(б) принять постановление об организации в системе Академии наук СССР Института славяноведения.

Проект постановления ЦК ВКП (б) прилагается.

[Подпись] Г. Александров

[Подпись] М. Иовчук

18.VIII.46 г.⁶⁹

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 43–44. Подлинник. Машинопись.

1946 г., августа 19, Москва. Приложение к протоколу № 53 п. 72

Товарищу Жданову А. А.

Об организации Института славяноведения Академии наук СССР

Президиум Академии наук СССР вошел в ЦК ВКП(б) с предложением об образовании в Академии наук СССР Института славяноведения.

В целях развития советского славяноведения и укрепления связей советской науки с научной общественностью славянских стран целесообразно принять предложение Президиума Академии наук об организации в Академии наук Института славяноведения.

Для создания Института славяноведения имеются квалифицированные кадры славяноведов – историков и филологов.

Президент Академии наук Союза ССР академик С. И. Вавилов и вице-президент Академии наук академик В. П. Волгин вносят предложение об утверждении директором Института славяноведения Академии наук Союза ССР академика Б. Д. Грекова, заместителями директора академика С. П. Обнорского и члена-корреспондента Академии наук В. И. Пичета.

Проект постановления ЦК ВКП (б) «Об организации Института славяноведения Академии наук СССР» прилагается.

[Подпись] Г. Александров

⁶⁹ Дата написана от руки.

19.VIII.46⁷⁰

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 42. Подлинник. Машинопись.

1946 г., августа 29, Москва. Выписка из протокола № 275 заседания Секретариата ЦК ВКП(б)

№ Ст. 275/470-гс

Об образовании Института славяноведения Академии наук СССР

1. Принять предложение Президиума Академии наук СССР об организации в Академии наук Института славяноведения.

Возложить на Институт славяноведения научную разработку истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовку квалифицированных специалистов-славяноведов.

2. Утвердить директором Института славяноведения Академии наук СССР академика Грекова Б. Д., заместителями директора Института члена-корреспондента Академии наук СССР Пичета В. И. и академика Обнорского С. П.

3. Внести на утверждение Политбюро.

Секретарь ЦК [Подпись] Жданов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 41. Подлинник. Машинопись. Экземпляр с подписью А. А. Жданова и визами: Л. Берия, Л. Каганович, К. Ворошилов, А. Микоян, Г. Маленков, А. Андреев см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1488. Л. 145.

1946 г., августа 31, Москва. Решение ЦК ВКП(б) об образовании Института славяноведения АН СССР (Выписка из протокола № 53 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), п. 72)

Решение от 31 августа 1946 г.

Об образовании Института славяноведения Академии наук СССР

(Секретариат от 29 августа 1946 г., протокол № 275, п. 470-гс)

1. Принять предложение Президиума Академии наук СССР об организации в Академии наук Института славяноведения.

Возложить на Институт славяноведения научную разработку истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовку квалифицированных специалистов-славяноведов.

70 Дата написана от руки.

2. Утвердить директором института славяноведения Академии наук СССР академика Грекова Б. Д., заместителями директора члена-корреспондента Академии наук СССР Пичета В. И. и академика Обнорского С. П.

Секретарь ЦК

Выписка послана: тт. Жданову, Кузнецову, Александрову, Вавилову, Чадаеву; Оргбюро.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 40. Подлинник. Машинопись. На выписке из протокола пометы от руки: «Пост. СМ СССР № 1963 от 31.VIII.46 г.», «Опубликовано 17.IX.46 г. в изложении». См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1060. Л. 17.

**№ 5. 1946 г., августа 17, Москва.
Письмо Б. Д. Грекова И. П. Бардину**

В Президиум Академии наук СССР
академику И. П. Бардину

Дальнейшее развитие славяноведения настоятельно требует организационной информации о работах, осуществляемых в этом направлении учеными различных стран, в первую очередь славянских стран.

До начала Второй мировой войны подобным целям служил издаваемый в Варшаве международный бюллетень по славяноведению. С началом Второй мировой войны издание бюллетеня было прекращено и до сих пор не возобновлено. Ряд работников этого издания (проф. Батовский) во время приезда в Москву высказывали свои пожелания о возобновлении этого издания в СССР при участии других славянских стран.

Отделение истории и философии считает вполне целесообразным осуществление этой мысли, что полностью бы соответствовало тому положению, которое занимают в настоящее время советские ученые в разработке вопросов славяноведения.

Отделение истории и философии просит Президиум Академии наук получить санкцию ЦК ВКП(б) и разрешить отделению:

а) организовать в Москве издание международного бюллетеня по славяноведению,

б) провести в Москве осенью 1946 г. организационное совещание, в котором приняли бы участие крупнейшие славяноведы СССР и Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии.

Академик-секретарь

Отделения истории и философии

академик

[Подпись]

Б. Д. Греков

АРАН. Ф. 2. Op. 1. 1946. Д. 495. Л. 9–9 об. Подлинник. Машинопись. На бланке Отделения истории и философии АН СССР. Резолюции по листу документа: «На документ Президиума». Подпись: Б[ардин] «26/VIII/46»; «Срочно подготовить в связи с постановлением об Ин[ститу]те славяновед[е]ния по § а по § б поручить Ин[ститу]ту славяновед[е]ния». Подпись: В. В[олгин]. По листу документа штампы о его прохождении по инстанциям и подписи о согласовании.

№ 6. 1946 г., сентябрь 12, Москва.

Докладная записка Б. Д. Грекова

В Президиум Академии наук СССР

Докладная записка по вопросу об организации и структуре
Института славяноведения Академии наук СССР

Структура

Структура Института мыслится в следующем виде:

I. Секторов – 3:

1. Сектор истории. 2. Сектор литературы и языка. 3. Сектор Византии (византино-славянские отношения).

II. Спец. библиотека

III. Бухгалтерия

IV. Канцелярия

Библиотека Института может быть составлена из книг, находящихся – 1) в Библиотеке общественных наук АН СССР в Москве, 2) Библиотеке АН СССР в Ленинграде, 3) Сюда должны быть включены и книги по славяноведению, отобранные в Германии и полученные из славянских стран.

Кадры

В данный момент речь может идти только об имеющихся в Москве налицо специалистах, которые могут быть привлечены в Институт славяноведения. В дальнейшем Институт сам должен будет позаботиться о подготовке необходимых ему людей.

Сейчас Институт может располагать следующими специалистами:

По истории славян

1. В. И. Пичета
2. Б. Д. Греков
3. М. Н. Тихомиров (старшие научные сотрудники) (по совместительству)
4. С. К. Богоявленский (по совместительству)
5. В. А. Краснокутский (по совместительству)

6. В. Н. Кондратьева (по совместительству)
7. М. В. Миско
8. С. А. Никитин
9. Л. В. Разумовская
10. У. А. Шустер
11. И. С. Миллер⁷¹ (мл[адшие] науч[ные] сотрудники)
12. Б. М. Руколь
13. С. Ш. Гринберг
14. И. Н. Мельникова
15. А. К. Целовальникова
16. А. А. Никольская
17. И. М. Белявская⁷²
18. А. Кричевская

Всего по этому сектору необходимо штатных старших научных сотрудников 12 человек и младших – 12 человек.

По языку и литературе

1. С. П. Обнорский
2. Н. С. Державин
3. В. Т. Дитяткин – ст[арши]е научные сотрудники
4. В. В. Виноградов (по совместительству)
5. С. Г. Бархударов (по совместительству)
6. Б. Н. Ларин (по совместительству)
7. Р. И. Аванесов (по совместительству)
8. В. Г. Чернобаев (по совместительству)
9. С. Б. Бернштейн
10. А. Г. Широкова
11. А. Г. Павлович
12. С. И. Урбан – мл[адшие] научные сотрудники
13. Р. И. Григорьева
14. Н. Н. Бородич
15. З. Д. Химова
16. А. Г. Тихомиров
17. Л. Р. Благинин (по совместительству)

Всего по этому сектору необходимо штатных старших научных сотрудников – 10 человек и младших – 6 человек.

По истории Византии

1. Е. А. Косминский

71 В тексте И. Б. Миллер.

72 В тексте П. М. Белявская.

2. Б. Т. Горянов – ст[арши]е науч[ные] сотр[удники]
(по совместительству)

3. З. В. Удальцова⁷³ (по совместительству)

4. Россейкин (по совместительству)

5. Н. С. Лебедев (по совместительству)

6. К. Э. Липшиц⁷⁴ (по совместительству)

7. М. В. Левченко

8. Степанов

Всего по этому сектору необходимо штатных ст[арших] научных сотрудников 7 человек и младших – 3 человека.

Аспирантура

По истории:

Состоит аспирантами 4 человека

Новый прием на 1946 г. – 4 человека

Итого 8 человек

По литературе и языку:

Состоит аспирантами 5 человек

Новый прием на 1946 г. – 6 человек

Итого 11 человек

По истории Византии:

Состоит 1 человек

Новый прием на 1946 г. – 2 человека

Итого 3 человека

Штаты библиотеки:

7 единиц

Штаты бухгалтерии:

2 единицы

По канцелярии:

Зав. Канцелярией	1
------------------	---

Машинистки	3
------------	---

Завхоз	1
--------	---

Курьер	1
--------	---

Уборщица	1
----------	---

План

В течение 1946 г. будет выполняться тот план, который составлен для сектора славяноведения Института истории и Славянской комиссии. На 1947 г. план будет составлен после сформирования Института.

73 В тексте А. Удальцова.

74 В тексте Е. Э. Липшиц.

Организация Международного бюллетеня
по славяноведению

Этот бюллетень издавался до революции при Академии наук в Ленинграде, а после революции – в Польше. В настоящее время чрезвычайно важно возобновить это издание в Москве.

Для обсуждения связанных с этой задачей вопросов желательно организовать совещание специалистов из славянских стран.

Помещение

В виду того, что на Волхонке 14 нет подходящего помещения для нового Института, нуждающегося на первое время приблизительно в 6–8 комнатах, необходимо озабочиться приисканием соответственного помещения.

Без предоставления помещения Институт славяноведения не может развернуть своей деятельности.

Помещение, удовлетворяющее минимальным требованиям научного учреждения, необходимо и в виду особого междуславянского положения данного Института.

Академик-секретарь

Отделения истории и философии

академик

[Подпись]

Б. Д. Греков

*АРАН. Ф. 2. On. 1. 1946. Д. 495. Л. 11–15. Подлинник. Машинопись.
На бланке Отделения истории и философии АН СССР.*

**№ 7. 1946 г., сентября 20, Москва.
Постановление Президиума АН СССР**

Президиум Академии наук Союза ССР
Постановление

г. Москва

20 сентября 1946 г.

(Протокол № 23 Распорядит[ельного] заседания § 4)

Об организации Института славяноведения Академии наук СССР

Докладчик академик Б. Д. Греков

В соответствии с постановлением Совета министров Союза ССР от 31 августа 1946 года за № 1963 об организации Института славяноведения АН СССР Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Организовать Институт славяноведения в г. Москве на базе сектора славяноведения Института истории АН СССР, сектора славянского языка Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии.

2. Возложить на Институт славяноведения научную разработку истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовку квалифицированных специалистов-славяноведов.

3. Утвердить следующую структуру Института славяноведения:

- 1) сектор истории,
- 2) сектор языка и литературы,
- 3) группа византино-славянских отношений
- 4) библиотека.

4. Утвердить директором Института славяноведения АН СССР академика Б. Д. Грекова, с последующим представлением его на утверждение Общего собрания.

Утвердить заместителями директора Института славяноведения члена-корреспондента АН СССР В. И. Пичета и академика С. П. Обнорского.

5. Славянскую комиссию как самостоятельное учреждение ликвидировать, передав ее штаты и ассигнования Институту славяноведения.

6. Поручить штатно-бюджетной комиссии АН СССР утвердить штаты и ассигнования Института славяноведения, определив количество штатных единиц и ассигнований, передаваемых вновь организуемому институту из Института истории и Института русского языка АН СССР.

7. Разрешить Институту славяноведения организовать докторскую и кандидатскую аспирантуру с количеством аспирантов до 20 человек.

8. Поручить Институту славяноведения выполнить в 1946 году планы научных работ по славяноведению, утвержденные Президиумом АН СССР по Институту истории и по Славянской комиссии, и представить к 1 ноября с. г. проект плана исследовательских работ на 1947 год и на 1947–1950 гг.

9. Поручить Комиссии в составе академика Б. Д. Грекова, И. И. Яковкина и Д. Д. Иванова определить книжные фонды, выделяемые из библиотек Академии наук для библиотеки Института славяноведения.

10. Поручить редакционно-издательскому совету рассмотреть вопрос об изданиях международного бюллетеня по славяноведению.

Отделению истории и философии поручить рассмотреть вопрос о созыве совещания с участием славяноведов СССР, Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии для обсуждения вопросов, связанных с этим изданием.

11. Поручить Управлению делами АН СССР рассмотреть вопрос о постоянном помещении для Института славяноведения, исходя из необходимости 400–500 кв. м рабочей площади.

Президент Академии наук СССР академик – С. И. Вавилов
Академик-секретарь Академии наук СССР академик – Н. Г. Бруевич
Печать Протокольного отдела АН СССР, а также штамп секретариата о получении 27/IX 1946 г. постановления Президиума АН СССР от Протокольного отдела.

АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 20–20 об. Заверенная копия. Машинопись. На бланке постановлений Президиума Академии наук Союза ССР. Опубликовано: № 22. Из протокола № 23 распорядительного заседания Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. // Досталь М. Ю. Неизвестные документы... С. 22–23. Источник публикации: АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 58. Л. 125–126.

**№ 8. 1947 г., март 13, Москва.
Письмо Б. Д. Грекова Н. Г. Бруевичу**

Глубокоуважаемый Николай Григорьевич!

Я хотел Вам сообщить, что позавчера был в Славянском комитете и по душам разговаривал с секретарем (т. Мочаловым) относительно возможности поместить в их доме Институт славяноведения.

Встретил я полное сочувствие и желание работать в контакте с Институтом славяноведения. Помещение нам они готовы предоставить. Он обещал переговорить с генералом Гундоровым⁷⁵, в согласии которого он не сомневается.

Решили совместно написать об этом т. Суслову в ЦК.

Надо будет поставить вопросы:

1. О разрешении вселиться на Кропотkinsкую 10.
2. О переселении оттуда в другие места маленьких комитетов, которые там занимают место без особой нужды.
3. Об условиях совместного существования двух родственных учреждений.

Вот об этом я и хотел с Вами поговорить.

Примите от меня привет и добрые пожелания Б. Греков
13/III-47 г.

АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 23. Подлинник. Машинопись.

⁷⁵ Гундоров Александр Семенович – советский военный и политический деятель, генерал-лейтенант инженерных войск, председатель Всеславянского комитета (1941–1962).

**№ 9. 1947 г., апреля [около 10]⁷⁶,
Москва. Письмо В. П. Волгина А. А. Жданову**

Секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову
Глубокоуважаемый Андрей Александрович!

Институт славяноведения Академии наук Союза ССР обращается к Вам с просьбой разрешить вопрос о предоставлении ему части здания, где в настоящее время помещается Славянский комитет, по своим задачам родственный Институту славяноведения. Непосредственное соседство двух этих учреждений безусловно может быть полезным каждому из них.

На Институт славяноведения возложены задачи научной разработки истории славянских народов, истории их языка и культуры, а также подготовка научных кадров в области славяноведения.

В настоящее время Славянским комитетом и Институтом славяноведения начата подготовительная работа к международному конгрессу ученых-славистов, созываемому по решению Общеславянского конгресса осенью 1947 г. в Москве. В подготовке к конгрессу особенно важен самый тесный контакт между Славянским комитетом и Институтом славяноведения.

Относительно размещения Института славяноведения Академии наук Союза ССР в д. № 10 по ул. Кропоткина со стороны Славянского комитета возражений не имеется.

Вице-президент
Академии наук СССР
академик

В. П. Волгин

*АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 24. Заверенная копия.
Машинопись.*

**№ 10. 1947 г., апреля 12⁷⁷, Москва.
Письмо С. И. Вавилова и Н. Г. Бруевича А. А. Жданову**

Секретарю Центрального Комитета ВКП(б)
товарищу А. А. Жданову

76 Датируется по штампу отправления письма «10/IV 1947» из секретариата Президиума АН СССР.

77 Датируется по резолюции на предыдущей копии письма Б. Д. Грекова: «Читал. Полностью согласен с содержанием. 12/IV 947». На копии письма штамп секретариата Президиума АН СССР об отправлении письма «16/IV 1947 г.» (АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 25–26).

Во исполнение постановления Совета министров СССР от 31 августа 1946 г. в системе Академии наук СССР организован Институт славяноведения, директором которого тем же постановлением назначен академик Б. Д. Греков.

До настоящего времени Институт славяноведения не обеспечен служебным помещением.

Отсутствие служебной площади не дает возможности Институту развернуть научную работу и даже принимать у себя ученых и общественных деятелей славянских стран, что в свою очередь является тормозом в установлении связей Академии наук с научными учреждениями славянских стран.

Председатель Всеславянского комитета генерал Гундоров дает согласие на предоставление служебных помещений Институту славяноведения в здании по улице Кропоткина, 10, занимаемом Всеславянским комитетом.

Президиум Академии наук СССР просит Центральный Комитет ВКП(б) разрешить размещение Института славяноведения в одном здании с Всеславянским комитетом в д. № 10 по ул. Кропоткина, что для обоих учреждений будет полезно.

Президент

Академии наук СССР

академик

Академик-секретарь

Академии наук СССР

академик

С. И. Вавилов

Н. Г. Бруевич

АРАН. Ф. 2. On. I. 1946. Д. 495. Л. 26. Заверенная копия. Машинопись.

№ 11. 1948 г., февраля 26⁷⁸, Москва.

Письмо С. И. Вавилова и В. П. Никитина В. М. Молотову

Заместителю Председателя Совета
министров Союза ССР
товарищу В. М. Молотову

Организованный согласно постановлению Совета министров Союза ССР от 31 августа 1946 г. в системе Академии наук Институт славяноведения до настоящего времени не обеспечен служебным помещением.

78 Датируется по штампу отправления письма «26/II 1948 г.» из секретариата Президиума АН СССР.

Отсутствие служебной площади не дает возможности Институту развернуть научную работу и принимать у себя ученых и общественных деятелей славянских стран, что в свою очередь является тормозом в установлении деловых научных связей Академии наук СССР с научными учреждениями славянских стран.

В связи с проведением 15 апреля в Москве Всеславянского международного конгресса ученых-славяноведов весьма важным является решение вопроса о предоставлении Институту славяноведения служебного помещения, учитывая то обстоятельство, что подобные институты в других славянских странах помещениями обеспечены.

Президиум Академии наук СССР просит Совет министров СССР разрешить разместить Институт славяноведения в здании по ул. Кропоткина 10 вместе с Всеславянским комитетом, председатель которого генерал Гундоров поддерживает это предложение.

Для размещения Института славяноведения необходимо

1) Обязать Совинформбюро вывести из этого здания Польский и Латино-американский отделы.

2) Обязать Московский совет перевести в другое помещение

- a) Антифашистский комитет советской молодежи
- б) Антифашистский комитет советских ученых
- в) Антифашистский еврейский комитет
- г) Редакцию еврейской газеты Эйникайт.

Президент

Академии наук СССР

академик

С. И. Вавилов

И.о. Академика-секретаря

Академии наук СССР

академик

В. П. Никитин

АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946. Д. 495. Л. 27–27 об. Заверенная копия.

Машинопись.

Источники и литература

Архив Российской академии наук (АРАН).

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 591 с.

Валев Л. Б., Марьина В. В., Славин Г. М. Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 73–91.

Горянов Б. Т. Вопросы византиноведения на сессии Отделения истории и философии (октябрь 1946 года) // Вестник древней истории. 1947. № 2 (20). С. 207–211.

Греков Б. Д. Главнейшие задачи современного славяноведения // Ученые записки Института славяноведения. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. Т. 1. С. 11–17.

Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972) / ред.: С. Б. Бернштейн, В. А. Дьяков, В. И. Злыднев, В. Д. Королюк, Е. П. Намумов. М.: Наука, 1971. 141 с.

Досталь М. Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. 1999. М.: Индрик, 2000. С. 175–188.

Досталь М. Ю. Белградский славянский конгресс победителей фашизма (1946) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М.: Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов, 1998. С. 226–242.

Досталь М. Ю. Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский съезд славистов // Славянский вопрос: вехи истории. Светлой памяти В.А. Дьякова посвящается. М.: Институт славяноведения и балканстики РАН, 1997. С. 182–203.

Досталь М. Ю. Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 3–25.

Дубровский А. М. «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940 годах // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 1. С. 195–209.

Зайцев А. В. Славянское движение во внешней политике СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1941–1953 годах: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2022. 19 с.

Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР, выбранных 1 февраля 1930 года. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 29 с.

Историки-слависты СССР. Биобиблиографический словарь-справочник. М.: Наука, 1981. 208 с.

Кикеев Н. И. Славяне против фашизма. М.: Стратегия, 2005. 480 с.

Лагно А. Р. Ректор Московского университета В. П. Волгин в оценке современников // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2009. № 4. С. 146–166.

Лаптева Л. П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М.: ИСБ РАН, 1994. С. 5–20.

Марней Л. П., Носов Б. В. Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения 1968 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 422–442. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03

Марней Л. П., Носов Б. В. Письмо и записка академика Н. С. Державина председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову о развитии отечественного славяноведения в 1930-е годы. (К предыстории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 394–426. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

Марьина В. В. Славянская идея в СССР накануне, во время и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 180–194.

Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1012 с.

Славяноведение в дореволюционный Россия. Биобиблиографический словарь. М.: Наука, 1979. 432 с.

Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012. 528 с.

References

Akademiiia nauk v resheniiaakh Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS. 1922–1991 / 1922–1952, ed. by V. D. Jesakov. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2000, 591 p.

Dostal', M. Iu. “Novoe slavianskoe dvizhenie» v SSSR i Vseslavianskii komitet v Moskve v gody voiny.” *Slavianskii al'manakh*, 1999. Moscow: Indrik, 2000, pp. 175–188.

Dostal', M. Iu. “Belgradskii slavianskii kongress pobeditelei fashizma (1946).” *Slavianskoe dvizhenie XIX–XX vekov: s'ezdy, kongressy, soveshchaniia, manifesty, obrashcheniia*. Moscow: Mezhdunarodnaia assotsiatsiia pisatelei batalistov i marinistov, 1998, pp. 226–242.

Dostal', M. Iu. "Ideia slavianskoi solidarnosti i nesostoiavshiiisa v Moskve v 1948 g. pervyi obshcheslavianskii s"jezd slavistov." *Slavianskii vopros: vekhi istorii. Svetloj pamiat V. A. D'iakova posviashchaetsia*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1997, pp. 182–203.

Dostal', M. Iu. "Neizvestnye dokumenty po istorii sozdaniia Instituta slavianovedeniia AN SSSR." *Slavianovedenie*, 1996, No 6, pp. 3–25.

Dubrovskii, A. M. "Ves' slavianskii mir dolzhen ob"edinit'sia": ideia slavianskogo edinstva v ideologii VKP (b) v 1930–1940 godakh." *Problemy slavianovedeniia. Sbornik nauchnykh statei i materialov*. Briansk: Izd-vo Brianskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2000, No 1, pp. 195–209.

Dvadtsat' piat' let deiatel'nosti Instituta (1947–1972), ed. by S. B. Bernshtein, V. A. D'iakov, V. I. Zlydnev, V. D. Koroliuk, E. P. Naumov. Moscow: Nauka, 1971, 141 p.

Gorianov, B. T. "Voprosy vizantinovedeniia na sessii Otdeleniiia istorii i filosofii (oktiabr' 1946 goda)". *Vestnik drevnei istorii*, 1947, No 2 (20), pp. 207–211.

Grekov, B. D. "Glavnieshie zadachi sovremennoego slavianovedeniia." *Uchenye zapiski Instituta slavianovedeniia*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1948, pp. 11–17.

Istoriki-slavyisty SSSR. Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik. Moscow: Nauka, 1981, 208 p.

Kikeshev, N. I. *Slaviane protiv fashizma*. Moscow: Strategiia, 2005, 480 p.

Lagno, A. R. "Rektor Moskovskogo universiteta V.P. Volgin v otsenke sovremenников". *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), 2009, No 4, pp. 146–166.

Lapteva, L. P. "Ideia slavianskoi vzaimnosti i slavianskie s"ezdy XIX v." *Slavianskie s"ezdy XIX–XX vv.* Moscow: ISB RAN, 1994, pp. 5–20.

Mar'ina, V. V. "Slavianskaia ideia v SSSR nakanune, vo vremia i posle Velikoi Otechestvennoi Voiny 1941–1945 gg." *Sotsial'nye posledstviia voin i konfliktov XX veka: istoricheskaiia pamiat'*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, pp. 180–194.

Marney, L. P., Nosov B. V. "Pis'mo i Zapiska akademika N. S. Derzhavina predsedatelyu Sovnarkoma SSSR V. M. Molotovu o razvitiu otechestvennogo slavianovedeniia v 1930-e gody. (K predystorii Instituta slavianovedeniia RAN)." *Slavianskii al'manakh*, 2024, No 3–4, pp. 394–426. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

Marney, L. P., Nosov, B. V. "Zapiska Ivana Ivanovicha Kostishko v TsK KPSS o reforme Instituta slavianovedeniia 1968 g." *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 1–2, pp. 422–442. DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03

Romanenko, S. A. *Mezhdu «proletarskim internatsionalizmom» i «slavianskim bratstvom»: rossiisko-iugoslavskije otnosheniia v kontekste etno-politicheskikh konfliktov v Srednei Evrope (nachalo XX veka – 1991 god)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 1012 p.

Slavianovedenie v dorevoliutsionnoi Rossii. Biobibliograficheskii slovar'. Moscow: Nauka, 1979, 432 p.

Sotrudniki Instituta slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, ed. by M. A. Robinson, A. N. Goriainov. Moscow: Indrik, 2012, 528 p.

Valev, L. B., Mar'ina, V. V., Slavin, G. M. "Vsесlavianskii komitet i osvoboditel'noe dvizhenie zarubezhnykh slavianskikh narodov v period Vtoroi mirovoi voiny." *Istoriia*,

kul'tura, etnografiia i fol'klor slavianskikh narodov. VII Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Varshava, avgust 1973. Doklady sovetskoi delegatsii. Moscow: Nauka, 1973, pp. 73–91.

Zaitsev, A. V. *Slavianskoe dvizhenie vo vnesheini politike SSSR i stran Tsentrальноi i Iugo-Vostochnoi Evropy v 1941–1953 godakh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk.* Moscow, 2022, 19 p.

Zapiski ob uchenykh trudakh deistvitel'nykh chlenov Akademii nauk SSSR, izbrannykh 1 fevralia 1930 goda. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1931, 29 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.16

L. P. Marney, B. V. Nosov

**To the History of Russian Slavic Studies in the 1940s:
The Founding of the Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences in Light of Archival Documents**

Lyudmila P. Marney

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Citation

Marney L. P., Nosov B. N. To the History of Russian Slavic Studies in the 1940s: The Founding of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences in Light of Archival Documents // Slavic Almanac. 2025. No. 3–4. P. 319–363 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.16

Received 08.04.2025.

Revised 19.06.2025.

Accepted 16.09.2025.

Abstract

The article is devoted to the history of Soviet Slavic studies in 1941–1947, the role of the Academy of Sciences of the USSR in the develop-

ment of Slavic studies, and contributions of outstanding scientists, such as academicians N. S. Derzhavin, B. D. Grekov, V. I. Picheta and others, to the development of methodology and organization of studies on the history and culture of the Slavic peoples. Due to these scientists' efforts historical studies became the main direction in the field of Slavic studies. The article deals with the activity of the Academy of Sciences of the USSR in elaborating the strategy of development of the humanities and the plans of scientific works of the Department of History and Philosophy of the Academy in 1946–1947. Among the urgent and most pressing tasks was the creation of the Institute of Slavic Studies. The process of its creation required coordination on political, scientific, organizational and personnel issues with the Secretariat of the Central Committee and the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. The result of this complex work was the foundation of the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR in 1946. The Institute began its work the following year. The unique archival material on this problem is published as an appendix to the article for the first time.

Keywords

History of Domestic Slavic Studies, Academy of Sciences of the USSR, Department of History and Philosophy of the USSR Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences, N. S. Derzhavin, B. D. Grekov, V. I. Picheta, methodology of Slavic Studies.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.17

Д. С. Парфирьев

**«Провинился я по отношению к России или нет».
Письмо украинского депутата
австрийского парламента М. Петрицкого
председателю Государственной думы М. В. Родзянко (1916 г.)**

Парфирьев Дмитрий Станиславович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российской Федерации

E-mail: parfiryeff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4042-6324

Цитирование:

Парфирьев Д. С. «Провинился я по отношению к России или нет».

Письмо депутата австрийского парламента М. Петрицкого пред-

седателю Государственной думы М. В. Родзянко (1916 г.) // Сла-

вянский альманах. 2025. № 3–4. С. 364–374. DOI: 10.31168/2073-

5731.2025.3-4.17

Текст поступил в редакцию 19.02.2025.

Аннотация

Публикация включает письмо украинского политика из Галиции М. Петрицкого, написанное 18 апреля 1916 г. в тюрьме в Виннице и адресованное председателю Государственной думы М. В. Родзянко. Документ дополняет представления о преследовании «неблагонадежных» жителей оккупированной Галиции во время Первой мировой войны и об отношении деятелей украинского движения в Австро-Венгрии к России в тот же период.

Ключевые слова

Первая мировая война, Галиция, оккупация, украинское движение, М. Петрицкий, М. В. Родзянко, П. Н. Милюков.

В период оккупации Галиции русской армией во время Первой мировой войны военная администрация региона прибегала к практике высылки «неблагонадежных» лиц вглубь Российской империи. Всего, согласно отчету временного военного генерал-губернатора Галиции Г. А. Бобринского, из занятых русскими войсками районов

было административно выслано 1962 человека¹. Среди выдворенных за пределы Галиции было немало украинских деятелей: униатских священников, национальных активистов, а также видных политиков, по тем или иным причинам не бежавших перед приходом русских войск, в том числе депутатов нижней палаты австрийского парламента (Рейхсрата). Всего в России оказались четыре действующих на тот момент украинских парламентария: галичане Теофил Окуневский, Михаил Петрицкий и Тимофей Старух и буковинец Николай Спинул². Места и сроки ссылки у всех были разные. Окуневский, чья жена имела российское подданство, обосновался в Киеве, Старух оказался в Казанской губернии, а Спинул больше года провел в Тобольске. Первые двое возвратились из ссылки уже после Февральской революции, а Спинула удалось вернуть в Австро-Венгрию еще в конце 1915 г. при посредничестве американских дипломатов³.

Архивные документы, связанные с высылкой украинских деятелей из Галиции и их пребыванием в России, почти не публиковались российскими исследователями и не вводились в научный оборот. Исключение составляют подборки материалов, связанных с преследованием униатского митрополита Галицкого Андрея Шептицкого⁴ и историка М. С. Грушевского (последнего, впрочем, выслали не из Галиции, которую он покинул с началом войны, а уже из Киева)⁵. В настоящей публикации, призванной восполнить этот пробел, приводится перевод письма М. Петрицкого, адресованного председателю Государственной думы М. В. Родзянко. Документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде 124 («Уголовные отделения первого департамента министерства юстиции»), в деле с документами по прощению Петрицкого.

Михаил Петрицкий родился 5 ноября 1865 г. в галицийском городе Копычинцы Гусятинского повета в многодетной мещанской семье.

1 Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. К., 1916. С. 17.

2 Binder H. Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien, 2005. S. 503.

3 Парфирьев Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином и Киевом. 1914–1918. М., 2023. С. 109.

4 «Вся его работа проникнута крайней враждой по отношению к России». Документы, письма, свидетельства современников об униатском митрополите Галицком Андрее Шептицком. 1914–1917 гг. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 103–128; № 3. С. 41–92.

5 «Я никогда не выступал против России». М. С. Грушевский и русские ученики. 1914–1916 гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 175–199.

После выпуска из учительской семинарии он некоторое время работал по специальности, затем занимался торговлей, а в 1902 г. приобщился к политике, взяв на себя организацию крестьянской забастовки в родном Гусятинском повете. В том же году Петрицкий учредил во Львове еженедельную политическую газету «Гайдамаки», где критиковалась не только польская администрация Галиции, но и украинские круги с их нерешительной, по мнению редакции, поддержкой идеи независимости Украины⁶. В 1905 г. Петрицкий организовывал в Гусятинском повете вече в поддержку всеобщего избирательного права на выборах в парламент, а в 1907 году, после изменения порядка выборов, впервые успешно баллотировался в палату депутатов Рейхсрата от Украинской национально-демократической партии (УНДП)⁷. В 1911 г. действующий депутат вновь одержал победу по 70-му сельскому избирательному округу, набрав во втором туре голосования больше половины голосов избирателей – 13 873 из 27 465 поданных⁸.

С началом Первой мировой войны Петрицкий, в отличие от большинства украинских депутатов Рейхсрата, не уехал в Вену перед приходом русских войск, а остался в Гусятинском повете. Весной 1915 г., в разгар арестов «неблагонадежных» лиц в оккупированной Галиции, политик был арестован и понапацу содержался в тюрьме в Тарнополе (к слову, в начале века он уже отбывал тюремное заключение в этом городе⁹). Уже после оставления русской армией большей части Галиции во время «Великого отступления», 26 августа 1915 г., политика перевели в тюрьму в Виннице, где он продолжал числиться содержанием за начальником жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции. Сведениями о том, где, когда, кем и за какое преступление Петрицкий был арестован, начальник тюрьмы не располагал¹⁰.

Проведя без малого семь месяцев в новом месте заключения, отчаявшийся Петрицкий решил просить помощи у председателя Государственной думы М. В. Родзянко и главы Конституционно-демократической партии П. Н. Милюкова. К последнему обращались

⁶ Левицький К. Українські політики. Сильвети наших давніх послів і політичних діячів 1907–1914 рр. В 2-ох ч. Львів, 1937. Ч. 2. С. 89.

⁷ Лисий В. Михайло Петрицький (1865–1921) // Історично-мемуарний збірник Чортківської округи. Нью Йорк, 1974. С. 269–270; Головин Б., Гуцал П., Дуда І., Пиндус Б. Петрицький Михайло Костянтинович // Тернопільський енциклопедичний словник. Тернопіль, 2008. Т. 3. П–Я. С. 56.

⁸ Другий день виборів у східній Галичині // Діло. 28 червня 1911. Ч. 141. С. 3.

⁹ Лисий В. Михайло Петрицький. С. 270.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 1886. Л. 3.

с ходатайствами и жалобами многие видные украинские деятели – их письма отложились в фонде Милюкова в ГА РФ. Например, Д. Стакхура, бывший коллега Петрицкого по парламентской фракции, написал лидеру кадетов письмо в январе 1916 г.¹¹, а в ноябре того же года он посоветовал однопартийцу, сосланному на Ангару, обратиться к Милюкову или «другому какому-нибудь влиятельному депутату», чтобы тот походатайствовал в МВД о разрешении на переезд в Симбирск¹². Письмо Петрицкого Милюкову дошло до адресата – сохранился документ о его отправке в канцелярию Государственной думы¹³, – но ни в деле, где находится письмо Родзянко, ни среди бумаг фонда Милюкова его не оказалось. Прошение к Родзянко, судя по датировке, было написано 18 марта 1916 г. и 22 марта того же года поступило в контору Винницкой тюрьмы¹⁴.

4 апреля 1916 г. Петрицкого этапировали в Казань «для водворения в места, предназначенные для жительства неблагонадежных подданных воюющих с Россией держав»¹⁵. Возможно, переводу поспособствовал сам факт обращения к видным политикам, но вмешаться в дело Петрицкого ни Милюков, ни Родзянко не могли, судя по тому, что первый получил бумагу не ранее 4 мая, а второй отреагировал на письмо лишь 12 мая, указав в ответной телеграмме, что «затрудняется удовлетворить» прошение¹⁶. Для судьбы Петрицкого это больше не имело значения – к тому времени он уже находился в Казани. 15 мая украинский историк М. Грушевский, который тоже отбывал ссылку в этом городе, писал литератору М. Мочульскому: «А тут объявился депутат Петрицкий – просидел год в винницкой тюрьме и только после писем к Родзянко и Милюкову выслан этапом в Казанскую губернию»¹⁷. По всей видимости, сам депутат счел, что именно видные российские политики пособствовали его освобождению.

До появления Петрицкого в Казани однопартийцы в Австро-Венгрии ничего не знали о его судьбе и местонахождении¹⁸. Имя депутата

11 ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6711. Л. 1–2 об.

12 ЦДІАУЛ. Ф. 372. Оп. 1. Спр. 22. Арк. 16 зв.

13 ГА РФ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 1886. Л. 8.

14 Там же. Л. 3.

15 Там же.

16 Там же. Л. 9.

17 Листи Михайла Грушевського до Михайла Мочульського (1901–1933). Львів, 2004. С. 66.

18 Левицький К. Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1928. С. 339.

не фигурировало в списках высланных вглубь России украинцев, которые периодически публиковались на страницах галицийско-украинских газет¹⁹. Получив сведения о судьбе коллеги, украинские парламентарии в Вене стали прилагать усилия к его освобождению. На заседании Рейхсрата 5 июня 1917 г. депутат от УНДП В. Сингалевич поднял вопрос, были ли сделаны дипломатические шаги в деле возвращения Петрицкого на родину. Председатель палаты депутатов пообещал донести этот вопрос до правительства²⁰. В конце 1917 г. Петрицкий приехал в Австро-Венгрию и вернулся к депутатским обязанностям.

Прошение Петрицкого к Родзянко написано от руки на украинском языке по обе стороны двух листов. Во многих случаях язык адресанта отклоняется от современной лексической нормы украинского языка (так, например, автор пишет «власть» вместо «влада»; «горожанин» вместо «громадянин») и от нормы правописания (например, «Россії» вместо «Росії»; «жаданє» вместо «жадання»). В переводе сохранен оригинальный порядок слов, непривычный для современного русскоязычного читателя (например: «толстый том такое описание бы заняло»). В тех местах, где правила пунктуации современного русского языка требуют постановки запятых, а в оригинале они отсутствуют, запятые приводятся в квадратных скобках.

Его Превосходительству Господину Председателю государственной думы Родзянко в Петрограде

Михаил Петрицкий, депутат австрийского парламента, интернированный в тюрьме в Виннице

Ваше Превосходительство Господин Председатель!

Думаю, что Вы не вмените мне во зло, если я в несчастии обратился с прошением о любезной помощи к Вашему Превосходительству своим прошением.

После объявления войны я, к сожалению, был столь наивен, что думал, что мирных жителей никто не тронет, и не убегал, тем более что у меня старушка 80-летняя мать, которую без опеки

¹⁹ Вивезені Українці // Українське слово. 6 грудня 1915. Ч. 147. С. 3; 7 грудня 1915. Ч. 148. С. 3; Поклик Загальної Української Ради в справі вивезених Москваллями Українців // Українське слово. 16 лютого 1916. Ч. 44. С. 1–2.

²⁰ Парламент // Свобода. 9 червня 1917. Ч. 23. С. 2.

оставить было бы плохо, а со старушкой убегать физически невозможно. За свою доверчивость я заплатил страшную цену. Сейчас проходит год, как русские власти меня арестовали и интернировали в тюрьме, первым делом в Тернополе, где продержали меня полных 5 месяцев, а когда в августе австрийская армия наступала, переселили меня «этапом» в тюрьму в Виннице. Сначала я думал, что это какой-то враг наклеветал, так как я, понимая ситуацию, идеально корректно себя вел, чтобы никакой стороне, т. е. ни австрийской, ни российской, не дать причины для подозрений, ведь я был того мнения, что это точно вследствие клеветы врагов меня арестовали, и спокойно ждал, что дело скоро выяснится и я сейчас буду освобожден. Я забыл, что я имею дело с властями Восточной Европы и того государства, у которого большая часть территории в Азии, что, опять же, не осталось без влияния. Больше 3 недель человек с образованием в высоком положении – сидел запертый в тюрьме на правах всякого конокрада поджигателя, и никто не сказал мне не то что за какую провинность, потому что таковой я не чувствовал, но даже не сказал никто, в чем меня подозревают. Но я написал начальству жандармерии, что это прямо пытки, потому что в Австрии любой арестованный должен быть допрошен не более чем через 48 часов, и такая же точно норма есть и в России, – пришел ко мне подполковник жандармерии г. Орлов и сделал со мной протокол. Обвинения, которые мне для оправдания представили, это прямо курьез, было их три: 1) что я принадлежал к «Сечи» (гимнастико-пожарные дружины, существующие много лет в Австрии как статутарные общества)²¹, 2) что я организовывал украинских стрельцов²² (разумеется, в Австрии как гражданин Австрии), 3) что устрашал население, чтобы не помогало России, потому что через 2 недели придут австрийские полки и будут вешать тех, кто русским помогал. Я заявил, что ни одно обвинение не соответствует правде, хотя все они такие, что хоть бы и были правдивы, отпираться от них нет ни малейшей причины. Потому что что касается 1); 2), то никакое государство не может привлекать

21 Имеются в виду общества «Сечь» (укр. «Січ») – сеть военизованных организаций, существовавших под эгидой Украинской радикальной партии. «Сечи» имели сотни ячеек по всей Галиции и вели среди населения просветительскую работу в украинском ключе. В преддверии Первой мировой войны они играли ключевую роль в создании обществ украинских сечевых стрельцов.

22 Имеется в виду Легион украинских сечевых стрельцов – добровольческое вооруженное формирование в составе австро-венгерской армии, созданное украинскими активистами в первые дни войны.

к ответственности граждан другого государства за то, что они делали в своем государстве, исполняя принадлежащие им права. Я мог свободно принадлежать к «Сечи», так же я мог свободно организовывать украинских стрельцов, пока я был в Австрии, однако, хотя это не может быть наказуемо и никто меня за это к ответственности привлекать не может, я только по причине формальной, а не по существу, опровергаю, потому что фактически я к «Сечи» не принадлежал, так как «Сечь» была формированием партии радикальной²³, а я принадлежал к «Соколу», формированию партии демократической²⁴, к которой я относился. Опять же, украинских стрельцов я не только не организовывал, но прямо считал это национальным преступлением, и поэтому в моем повете²⁵ Гусятинском, где я проживал, не только я, но вообще никто украинских стрельцов не организовывал. Так же ничего не значит и третье обвинение, потому что даже если бы это правда была, так какое же тут устрашение, если не только в Австрии, но во всех государствах уже подростки мальчики знают, что за помочь врагу на войне одна награда: шнур и сухая ветка. Это так исторически известно всем, что тут полностью излишне устрашать, а когда куда-либо какая-либо армия придет, этого и воюющие цари не знают, и тут разве что угадывать можно. Г. подполковник был другого мнения по поводу двух первых обвинений, говоря, что дружины «Сечевые» оказались крайне враждебны к России и принадлежность к ним выдает враждебное настроение их членов, а организация стрельцов подтверждает фактически это враждебное настроение к России. Такой взгляд никак нельзя оправдать, потому что кто-то может враждебно относиться к другому государству до тех пор, пока его страна не занята, но после занятия [он] считается с фактическим положением дел и полностью лояльно ему подчиняется. Однако даже если принять взгляд полковника Орлова, то и в этом случае следует хотя бы проверить, являются ли эти обвинения – на которые опирается догадка о враждебном отношении – правдивыми. Я просил п. Орлова: проверьте это, у вас есть уездное начальство и его чиновники,

23 Украинская радикальная партия (УРП) – левая аграрная партия, основанная в 1890 г. К началу Первой мировой войны была второй по популярности украинской партией Галиции.

24 Украинская национально-демократическая партия (УНДП) – крупнейшая украинская партия в Галиции, созданная в 1899 г. Претендовала на роль «всенародной партии» и контролировала большинство украинских организаций и учреждений в Галиции.

25 Административно-территориальная единица первого уровня в Галиции.

у вас есть жандармы и стражники, можете распорядиться по телеграфу, чтобы во всем повете проверили, правда ли это, и убедитесь, что меня осуждаете за поджог, когда не то что ни я, ни кто-либо другой не поджигал, но прямо тогда, когда вообще огня не было. Это же юридический курьез. Однако еще больший курьез был, когда спустя какое-то время г. Орлов потребовал от меня, чтобы я привлек свидетелей. На это я ему письменно ответил, что это обязанность власти – доказывать обвиняемому его вину, а не чтобы обвиняемый доказывал свою невиновность, когда вообще вины нет, потому что у обвиняемого прямо нечего выбивать. В этом случае проблема тем труднее, что мне доказывать неправдивость обвинения, будто бы я враждебно отношусь к России, больше нечем, кроме как разве что приводить доводы, что я был расположен к России, или, другими словами, своими руками накидывать себе на шею шнур, на котором бы меня в Австрии очень охотно многие на виселицу потащили, потому что ведь никто мне не поручится за то, что такие доводы мои не оказались бы путем предательства в руках австрийских властей, и так же никто не в силах мне поручиться, не вернется ли Галиция назад во владение Австрии. Поэтому такое желание я считаю не только юридически полностью неоправданным, но прямо чем-то дико страшным – и дело стало так, что я уже полный год мучаюсь без вины в тюрьме, все мои просьбы, чтобы суд, хотя бы военный, разобрал мое дело, стали не то что безуспешны, но безответны, потому что русские власти ждут, пока я сам доказательства, что я к России доброжелателен!

Ваше Превосходительство Господин Председатель! Мне доводилось читать, что во времена казацких бунтов в Польше и революции в России власти пытками заставляли революционеров самих себя своими руками вешать. Сама мысль об этом потрясает нервы человека. Насколько же больше может чувствовать человек, который на себе эти пытки переносит. Я не буду описывать того, что я пережил в этом году, как меня с разными преступниками душегубами и проститутками вместе по станам²⁶ гнали, по конюшням с 800 людьми на голую землю спать клали, как унижали, и во всех самых примитивных практах человека мне отказывали, потому что толстый том такое описание бы заняло. Скажу лишь коротко, что ад Данте неполон, в его «Божественной Комедии», и это потому, что он не имел случая познать русские власти, «стан» их и тюрьму, и по крайней мере не имел случая перенести того, что я перенес за то, что я сам не доказываю своей

26 Административно-полицейское подразделение уезда в Российской империи.

невиновности, гесте²⁷ своей благосклонности к России или нелояльности своему государству Австрии.

И я, свободный гражданин свободного государства, который с гордостью может о себе сказать: [«]Civis romanus sum»²⁸, – начинаю завтра второй год жизни лишенный всех прав человека, под надзором тюремного надзирателя, а русские власти даже не чувствуют, какой позор приносят России, лишая самого ценного блага человека, свободы, и забывая одновременно, что следует доказать ему его вину. Из-за этого мне больно, и я прошу Ваше Превосходительство Господина Председателя, чтобы своим влиянием через соответствующие министерства [Вы] напомнили губернским властям, что никакое дело не может и никак не должно закончиться заключением человека в тюрьму, а особенно что касается моего дела, так что это уже самое время подтвердить: провинился я по отношению к России или нет.

Убежденный, что Ваше Превосходительство Господин Председатель мое прошение найдет полностью оправданным и его примет во внимание, остаюсь

с надлежащим глубоким уважением

Михаил Петрицкий

депутат австрийского парламента

Винница дня 31 нового стиля марта 1916

ГА РФ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 1886. Л. 4–5 об. Подлинник.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Центральний державний архів України, м. Львів (ЦДІАУЛ).

Вивезені Українці // Українське слово. 1915. 6 грудня, 7 грудня.

«Вся его работа проникнута крайней враждой по отношению к России». Документы, письма, свидетельства современников об униатском митрополите Галицком Андрее Шептицком. 1914–1917 гг. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 103–128; № 3. С. 41–92.

Головин Б., Гуцал П., Дуда І., Пиндус Б. Петрицький Михайло Константинович // Тернопільський енциклопедичний словник. Тернопіль: ВАТ ТВПК «Збруч», 2008. Т. 3. П–Я. С. 56.

27 «честно», «прямо» (лат.).

28 «Я римский гражданин» (лат.).

Другий день виборів у східній Галичині // Діло. 1911. 28 червня.

Левицький К. Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів: Накл. власним, 1928. 776 с.

Левицький К. Українські політики. Сильвети наших давніх послів і політичних діячів 1907–1914 рр. В 2-ох ч. Ч. 2. Львів: Бібліотека «Діла», 1937. 108 с.

Лисий В. Михайло Петрицький (1865–1921) // Історично-мемуарний збірник Чортківської округи. Нью Йорк: Діловий Комітет Земляків Чортківської Округи, 1974. С. 269–270.

Листи Михайла Грушевського до Михайла Мочульського (1901–1933). Львів: б. в., 2004. 152 с.

Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. Київ: Тип. штаба Київск. воен. окр., 1916. 49 с.

Парлямент // Свобода. 1917. 9 червня.

Парфирьев Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином и Киевом. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2023. 223 с.

Поклик Загальної Української Ради в справі вивезених Москальями Українців // Українське слово. 1916. 16 лютого.

«Я никогда не выступал против России». М. С. Грушевский и русские ученые. 1914–1916 гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 175–199.

Binder H. Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. 741 S.

References

Binder, H. Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005, 741 p.

Holovyn, B., Hutsal, P., Duda, I., Pyndus, B. “Petryts’kyi Mykhailo Kostyantynovych.” *Ternopil’s’kyi entsyklopedychnyi slovnyk*. Ternopil’: VAT TVPK «Zbruch», 2008, vol. 3, p. 56.

“Іا никогда nie vystupal protiv Rossii». M. S. Grushevs’kii i russkie uchionye. 1914–1916 gg.” *Istoricheskii arkhiv*, 1997, No 4, pp. 175–199.

Levits’kyi, K. *Istoria vyzvol’nykh zmahan’ halyts’kykh ukrainitsiv z chasu svitovoї viiny 1914–1918*. L’viv: Nakl. vlasnym, 1928, 776 p.

Levits’kyi, K. *Ukrains’ki polityky. Syl’vety nashykh davnikh posliv i politychnykh diiachiv 1907–1914 rr.* In 2 Parts. Part 1. L’viv: Biblioteka «Dila», 1937, 108 p.

Lysty Mykhaila Hrushevs’koho do Mykhaila Mochul’s’koho (1901–1933). L’viv: [s.n.], 2004, 152 p.

Lysyi, V. "Mykhailo Petryrs'kyi (1865–1921)." *Istorychno-memuarnyi zbirnyk Chortkiv's'koi okruhy*. N. Y.: Dilovy Komitet Zemlyakiv Chortkiv's'koi Okruhy, 1974, pp. 269–270.

Parfir'ev, D. S. *Ukrainskoe dvizhenie v Avstro-Vengrii v gody Pervoi mirovoi voiny. Mezhdu Venoi, Berlinom i Kievom. 1914–1918*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2023, 223 p.

“«Vsia ego rabota proniknuta kraiui vrazhdoi po otnosheniu k Rossii». Dokumenty, pis'ma, svidetel'stva sovremennikov ob uniatskom mitropolite Galitskom Andree Sheptitskom. 1914–1917 gg.” *Istoricheskii arkhiv*, 2002, No 2, pp. 103–128; No 3, pp. 41–92.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.17

D. S. Parfirev

“Am I Guilty or Not Towards Russia”. The Letter of Ukrainian Deputy of Austrian Parliament M. Petryts'kyj to M. V. Rodzyanko, the Chairman of the State Duma (1916)

Dmitrii S. Parfirev

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: parfiryeff@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4042-6324

Citation

Parfirev D. S. “Am I Guilty or Not Towards Russia”. The Letter of Ukrainian Deputy of Austrian Parliament M. Petryts'kyj to M. V. Rodzyanko, the Chairman of the State Duma (1916) // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 364–374 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.17

Abstract

The publication includes a letter of Ukrainian politician from Galicia M. Petryts'kyj written April 18, 1916, in the prison of Vinnitsa, addressed to the Chairman of the State Duma M. V. Rodzyanko. The document complements the vision of “unreliable” Galician inhabitants’ persecution during the First World War and clarifies the attitude of Ukrainian activists from Austria-Hungary towards Russia in the same period.

Keywords

The First World War, Galicia, occupation, Ukrainian movement, M. Petryts'kyj, M. V. Rodzyanko, P. N. Milyukov.

УДК 93

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.18

A. С. Стыкалин

**Новая работа по истории церковной политики
советского государства**

Нуйкина Е. Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917 – 1930-е гг.): источниковедческое исследование. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. – 232 с.

Стыкалин Александр Сергеевич

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

Ведущий специалист

Российский государственный архив социально-политической истории
125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Новая работа по истории церковной политики советского государства // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 375–381. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.18

Рецензия поступила в редакцию 28.05.2025.

Аннотация

Рецензируется источниковедческое исследование, в котором предпринята попытка установить информативную ценность и границы применения такого исторического источника, как архивно-следственные дела. В более конкретном плане речь идет о делах по обвинению духовенства РПЦ в антисоветской деятельности в 1917 – 1930-е гг. При всем обилии в судебных делах недостоверной информации, связанной с фабрикацией обвинений, этот источник дает представление о методах проведения государственной религиозной политики и государственно-церковных отношениях на ранних этапах советской власти, позволяет дополнить новыми фактами биографии репрессированных священнослужителей, включая видных церковных иерархов, расширяет наше знание о церковно-приходской жизни, в том числе о социально-бытовых

ее сторонах, о повседневной жизни духовенства и верующих в рассматриваемый период истории. Принципиально новый этап в церковной политике Советской власти, требующий самостоятельного изучения, начался в сентябре 1939 г. С включением в состав СССР в 1939–1940 гг. новых территорий Восточной Европы с обилием православного населения, сильным духовенством, большим количеством православных храмов надо было выстраивать церковную политику с учетом изменившихся условий.

Ключевые слова

Историческое источниковедение, судебно-следственные дела, Русская православная церковь, церковная политика Советской власти в 1917 – 1930-е гг., репрессии против духовенства.

Рецензируемая монография носит, как явствует уже из ее названия, источниковедческий характер. Автор задается вопросом о возможностях использования документов судебно-следственного производства (и в первую очередь наиболее информативной их части – протоколов допросов) в качестве источника по изучению религиозной политики советского государства с 1917 г. по конец 1930-х гг. Следует сказать, что к судопроизводственным делам как к историческим источникам отечественные исследователи многократно обращались и на материале других эпох в истории России (времена Ивана Грозного, дело декабристов, репрессии против народовольцев и т. д.), важно иметь, однако, в виду, что сама судопроизводственная практика, ее юридические основы на протяжении веков существенно изменялись, соответственно варьируются и методы исследования. В любом случае обращение к этому источнику ставит перед исследователями вопрос о его информативной ценности и границах применения. Автор обращает внимание на сложность анализа судебно-следственных дел, требующего серьезной источниковедческой критики для вычленения достоверной информации. Здесь пролегает и грань между подходами юристов и историков к одному и тому же материалу, о которой тоже не стоит забывать. Если оформление, техника ведения судебно-следственных дел относятся к проблемам юридической науки, то для историка эти дела важны и интересны именно своей информационной насыщенностью, выявление которой составляет главную задачу исторического источниковедения.

Вопрос об информативности этого источника не прост. Важно иметь в виду, что не только в годы «большого террора» 1937–1939 гг., но и раньше (в том числе и в период гражданской войны 1918–1920 гг.) задачу установления в ходе следствия объективной информации о подследственных лицах следственно-судебные органы зачастую и не ставили перед собой, перед ними стояла совсем иная цель – выявления инейтрализации (иногда и прямого уничтожения) реальных и потенциальных врагов режима. Т. е. речь шла не только о расследовании, сколько о фабрикации судебных дел. В соответствии с поставленной задачей дела фабриковались по определенной технологии, со временем менявшейся и достигшей своего наивысшего «совершенства» при проведении больших показательных московских процессов 1936–1938 гг., когда активные участники (и даже многолетние лидеры) российского коммунистического движения публично оговаривали себя, признаваясь со сцены в не совершенных ими преступлениях. После Второй мировой войны эта кровавая технология экспортируется и в страны «народной демократии», находившиеся в советской сфере влияния (процесс антиюгославской направленности по делу Л. Райка в Венгрии в 1949 г. был наиболее наглядным тому свидетельством, давшим все основания не только западным, но и югославским наблюдателям назвать СССР «страной, экспортирующей виселицы»). В приведенных в рецензируемой работе документах, характеризующих правовые представления тех юристов, кто непосредственно обслуживал эту систему, иногда прямо говорилось о том, что революционная целесообразность – это единственный источник правотворчества, господствующий над всеми законами и тем самым упраздняющий самый принцип законности. Как показано в монографии, следствием «господства революционного правосознания» было то, что многие священники подвергались необоснованным арестам по обвинению в контрреволюционных действиях, которые они не совершали. Впрочем, такие установки судебной системы не всегда открыто декларировались, ибо это могло подорвать социальную базу новой власти. Автор обращает внимание на двойственный подход Советского государства к реализации религиозной политики, выражавшийся в том, что, с одной стороны, на законодательном уровне провозглашались демократические принципы, закрепленные в том числе в Конституциях РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г. и гарантировавшие на словах свободу религии и религиозной проповеди. А с другой – параллельно закладывались основы для проведения репрессивных мер по отношению к духовенству, обвинявшемуся в контрреволюционных действиях, часто безосновательно.

Таким образом, вышеуказанный источник зачастую больше информирует о методах фабрикации следственных дел, чем о реально содеянном, т. е. давшем основания для предъявления обвинений. На основе этого источника трудно реконструировать и факты биографии тех лиц, что проходили по следственно-судебным делам, ибо они искажались в соответствии с априорной концепцией следствия. Поскольку показания как обвиняемого, так и свидетелей нередко содержат заведомо недостоверную информацию, они требуют комплексной проверки, сопоставления с другими источниками. Наличие в протоколах допросов массы недостоверной информации, связанной в первую очередь с политическими обвинениями и интерпретацией свидетелями фактов в нужном следователю ключе, тем не менее не исключает определенной информативной ценности данных документов. Они не только дают представление об обстоятельствах ареста и методах ведения следствия, но и содержат определенные сведения о судьбах репрессированных. Что касается документов, проанализированных в рецензируемой монографии, они показывают методы реализации государственной религиозной политики и государственно-церковные отношения в рассматриваемый исторический период, позволяют дополнить новыми фактами биографии репрессированных священнослужителей, включая видных церковных иерархов, содержат сведения о церковно-приходской жизни в первые десятилетия советской власти, в том числе о социально-бытовых ее сторонах, о повседневной жизни духовенства и верующих в период 1917 – конца 1930-х гг. Помимо всего прочего, анализ состава привлекаемых свидетелей (например, по делам, относящимся к периоду коллективизации) помогает глубже изучить социальный состав и профессиональную структуру сельского населения в тех или иных районах большой и этнически неоднородной страны. Именно во всем вышесказанном состоит ценность данного типа источника, а не в представлении лжесвидетельств о том, что подсудимые зачастую не совершали. Как справедливо замечает автор, формулируя поставленные перед собой задачи, рассмотрение следственных дел в контексте происходивших в изучаемый период социально-политических процессов позволяет выявить изменения в практике ведения следствия и установить их причины, а также показать влияние проводимых в жизнь решений в области религиозной политики на судьбы конкретных людей – прежде всего священнослужителей Русской православной церкви. Анализируемый тип источника демонстрирует, что следственно-судебная практика применительно к представителям РПЦ в целом была направлена на проведение курса, исходившего из априорной установки о контрреволюционности

Русской православной церкви и духовенства. Документы судебно-следственных дел в отношении духовенства свидетельствуют о бесправном положении обвиняемых, заведомо объявлявшихся классово чуждым элементом.

Хотя в течение всего рассматриваемого периода РПЦ воспринималась как принципиальный противник советского государства, политика корректировалась в зависимости от конкретных условий. При этом переход к НЭПу в 1921 г. отнюдь не означал либерализации церковной политики, достаточно вспомнить о кампании 1922 г. по изъятию церковных ценностей, преследованиях и аресте патриарха Тихона, организации внутрицерковного раскола (кстати, в работе можно было бы и чуть поподробнее рассказать об обновленчестве как о способе разложения РПЦ и орудии борьбы с церковной иерархией и сохранявшим верность его линии духовенством). Все-таки в период НЭПа репрессии по большей части касались неуступчивой иерархии, и поскольку сохраняла актуальность задача налаживания определенной смычки с деревней, активная репрессивная политика в отношении местного духовенства не была приоритетной целью для специальных органов. К слову, автор обращает внимание на случаи, когда население принимало активное участие в судьбе арестованных священников, ходатайствуя об их освобождении.

«Переломный» 1929 г., несомненно, сказался и на положении РПЦ, стал определенной вехой и в церковной политике Советского государства. Все-таки об установке на тотальный террор едва ли можно говорить и применительно к этому времени. 1930-е гг. не были чем-то однородным и в церковной политике, в том числе и с точки зрения масштабов репрессий. Годы «большого террора» можно выделить как нечто совершенно особое, нанесшее колоссальной силы удар по духовенству. О масштабах репрессий можно судить среди прочего по многотомной Православной энциклопедии, где опубликовано большое количество статей (с портретами) о священнослужителях, уничтоженных большевистской властью в 1937–1938 гг. Фактически был перебит весь цвет российского духовенства. Другой вопрос, насколько были эффективными эти репрессии с точки зрения вытеснения религиозного сознания. Так, например, один из наиболее выдающихся иерархов РПЦ первой трети XX в. уроженец Бессарабии митрополит Арсений (Стадницкий), прошедший заключение и затем сосланный в Ташкент для выполнения функций митрополита Ташкентского и Среднеазиатского, мог служить лишь в небольшой кладбищенской церкви (либо на открытом воздухе неподалеку),

ибо все другие православные храмы в большом городе были закрыты и даже разрушены. Как бы то ни было, на его богослужения, продолжавшиеся вплоть до его кончины в 1936 г., как известно из воспоминаний, стекались большие толпы даже в городе чуть ли не на 90% мусульманском, и это после многолетних притеснений РПЦ. Когда задумываешься о реальных масштабах репрессий в отношении представителей РПЦ, тем более чудовищными кажутся звучащие сегодня из уст некоторых священнослужителей дифирамбы в адрес «государственника» Сталина, к числу «заслуг» которого иногда даже цинично относят прибавление количества мучеников, признанных РПЦ. Может быть, в работе стоило бы чуть подробнее, насколько позволяют доступные сегодня российским исследователям источники, остановиться на судьбах православного духовенства в условиях массового голода в разных регионах страны (не в последнюю очередь на Украине, но также и в российском Черноземье, на Северном Кавказе и т. д.), вызванного политикой, направленной на осуществление форсированной коллективизации. Вопрос о том, имела ли проводившаяся политика свою национальную подоплеку, уже не одно десятилетие, как известно, является предметом ожесточенных споров российских и украинских историков.

Новый этап в церковной политике Советской власти, который уже выходит за хронологические рамки рецензируемого исследования, начался в сентябре 1939 г. С включением в состав СССР новых территорий с обилием православного населения, сильным духовенством, большим количеством православных храмов надо было выстраивать церковную политику (не только в новых регионах, к которым летом 1940 г. прибавились Прибалтика и Бессарабия, но и в масштабе всей РПЦ) с учетом изменившихся условий. Эта тема требует отдельного изучения.

Еще одно частное соображение. Довольно сложная система оформления судебно-следственных дел в Советской России (а с 1922 г. в СССР), о которой получаешь представление из работы Е. Ю. Нуйкиной, не могла возникнуть на пустом месте; несмотря на все идеологические различия, не могла не существовать, очевидно, какая-то преемственность с системой дореволюционной, и многие из тех, кто осуществлял при советской власти революционное правосудие, имели юридическое образование, полученное до революции. Может быть, будущие исследователи смогли бы показать эту преемственность на конкретных примерах.

New Work on the History of the Church Policy of the Soviet State

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Leading specialist

Russian State Archive of Social-Political History

125009, Bol'shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. New Work on the History of the Church Policy of the Soviet State // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 375–381 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.18

Received: 28.05.2025.

Abstract

The reviewed work attempts to establish the information value and limits of application of such a historical source as archival investigative files. More specifically, the research is based on the cases of accusations against the clergy of the Russian Orthodox Church of anti-Soviet activities in 1917 – 1930s. Despite a lot of unreliable information related to the fabrication of charges, this source gives an idea of the methods of implementing state religious policy and state-church relations in the early stages of Soviet power, allows us to add new facts to the biographies of repressed clergy, including prominent church hierarchs, and expands our knowledge of various aspects of everyday church-parish life in the period of history under consideration. A fundamentally new stage in the church policy of the Soviet government, requiring independent study, began in September 1939. With the inclusion of new territories of Eastern Europe with an abundance of Orthodox population, strong clergy, and a large number of Orthodox churches into the USSR in 1939–1940, it was necessary to build church policy taking into account the changed conditions.

Keywords

Historical source studies, judicial and investigative cases, Russian Orthodox Church, church policy of the Soviet government in 1917 – 1930s, repressions against the clergy.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.19

Ю. А. Борисёнок

**От неизвестности к вынужденному узнаванию:
германо-белорусские пересечения первой половины XX века
в современной интерпретации**

Баринов И. И. Albaruthenia incognita: Неизвестные страницы германо-белорусских отношений. 1914–1944. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с. DOI: 10.31168/4469-2331-1

Борисёнок Юрий Аркадьевич

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. От неизвестности к вынужденному узнаванию: германо-белорусские пересечения первой половины XX века в современной интерпретации // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 382–398.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.19

Рецензия поступила в редакцию 10.05.2025.

Аннотация

Обширный комплекс исследовательских проблем, связанных с политикой Германии в отношении белорусских земель во время двух мировых войн XX века и межвоенного периода, еще содержит в себе немало обойденных вниманием специалистов тем. Изданная в 2024 г. монография историка из Института славяноведения РАН И. И. Баринова представляет собой попытку осветить интересную совокупность подобных неисследованных и малоисследованных сюжетов, разработка которых способна продвинуть вперед не только отечественную историографию Восточной и Центральной Европы, но и историческую науку в целом. На основании широкого круга источников, в том числе документов германских, российских и белорусских архивов, автор стремится представить как объективную реальность процессов формирования германских представлений о белорусских землях и белорусах в период 1914–1944 гг., так

и подробности биографий тех «специалистов по Востоку», кто эти представления формировал. Книга содержит важные для современных дискуссий в историографии выводы о месте белорусского фактора в немецких планах в годы Первой и Второй мировых войн на фоне антипольской стратегии Германии, языковой политике Германии в отношении белорусов, роли балтийских немцев в узнавании белорусского пространства.

Ключевые слова

Восточная Европа, Германия, белорусские земли, эпоха мировых войн, антипольская политика, историография, И. И. Баринов.

Увидевшая свет в конце 2024 г. монография старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН, кандидата исторических наук Игоря Игоревича Баринова «Albaruthenia incognita: Неизвестные страницы германо-белорусских отношений. 1914–1944» посвящена проблемам, во многом новым не только для отечественной историографии, которая, по справедливому мнению автора, «фактически не касается данной тематики»¹. Уже в 2020-е гг. в некоторых публикациях российских германистов прослеживаются обращения к некоторым из затронутых в книге сюжетам², но попытки системного подхода к ним по-прежнему отсутствуют. Одновременно «симптоматично невнимание собственно германских историков к первичным источникам, касающимся белорусской проблематики, даже в специальных исследованиях»³.

Актуальность исследования И. И. Баринова возрастает еще и потому, что для белорусских историков в ближайшей и скорее всего в достаточно длительной перспективе возможности исследования германских проблем будут стабильно скромными. Достаточно высокий уровень разработки одного из периодов времени, анализируемых в монографии, а именно Первой мировой войны, когда в историографии Республики Беларусь увидели свет «работы, посвященные

¹ Баринов И. И. Albaruthenia incognita: Неизвестные страницы германо-белорусских отношений. 1914–1944. М., 2024. С. 15.

² Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / авторы-составители А. Ю. Ватлин, Л. В. Ланник, Т. Пентер. М., 2023; Ланник Л. В. Белорусская народная республика 1918 года: несостоявшаяся государственность // Восточнославянские исследования. Вып. 2. М.; СПб., 2023. С. 123–150.

³ Баринов И. И. Albaruthenia incognita. С. 12.

непосредственному взаимодействию белорусов и немцев в контексте событий 1914–1918 гг.»⁴, к сожалению, остался в прошлом. Упомянутые автором монография В. В. Ляховского (1964–2021)⁵ и статьи О. В. Волковой (к ним стоит добавить опубликованный исследовательницей в 2019 г. обширный текст в рамках научного проекта Института истории Польской академии наук, фактически небольшую монографию на польском языке с картами и приложениями, содержащий основные итоги защищенной ею в БГУ кандидатской диссертации⁶) стали итогом кропотливых архивных изысканий специалистов не только в белорусских и российских, но и в польских, литовских, украинских, а в текстах О. В. Волковой и германских архивах.

В современных условиях такая архивная география, необходимая для исследования германско-белорусских проблем, для белорусских ученых недоступна. Созданная в начале 2020 г. на высоком межгосударственном уровне Белорусско-германская комиссия историков так толком и не приступила к работе. Ее единственным заметным действием стало обращение к германским СМИ с призывом отказаться от традиционного термина *Weißrussland* и перейти на *Belarus*, на инициативу отклинулись, в частности, журнал «Шпигель» и информационное агентство DPA⁷. А вот обещанное финансирование со стороны МИД Германии фактически не начиналось, планы конференций, грантов, стипендий и стажировок до стадии реализации не дошли. В конце 2024 г. историк-германист из Витебска В. А. Космач написал о том, что «комиссия белорусских и немецких историков последние два года не работает по вине германской стороны, которая оказалась слишком политизированной и заняла деструктивные позиции»⁸. На самом деле комиссия уже закончила свою работу без возможности восстановления, а вся информация о ее деятельности с ее сайта исчезла.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Ляхоўскі У. В. Школьная аддукцыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 гг.). Беласток; Вільня, 2010.

⁶ Volkava V. Ziemie białoruskie pod niemiecką okupacją w okresie I wojny światowej // Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa, 2019. S. 669–845.

⁷ Вайнман Т. Почему в ФРГ Беларусь перестали называть «Белой Россией». URL: <https://www.dw.com/ru/kak-v-germanii-sejchas-naazyvajut-belorussia/a-54724846> (дата обращения 28.08.2020).

⁸ Космач В. А. Белорусская германистика: актуальность, краткая история и будущее научной школы // Психологический Vademecum: Психология: рефлексия настоящего в контексте будущего: сборник научных статей. Витебск, 2024. С. 46.

Стоит отметить, что разночтения в написании, подробно упомянутые и в рецензируемой книге, существуют не только в немецком языке. Русскоязычное написание «Беларусь» официально принято в Республике Беларусь и все чаще встречается в российской традиции (*«Российская газета»*, издаваемая Правительством РФ, и мн. др.). Традиционный вариант «Белоруссия» по-прежнему широко распространен в СМИ и историографии, его преимущественно придерживается в своей монографии и И. И. Баринов. Нынешняя двойственность терминологии обречена существовать и в отдаленной перспективе: написание «Белоруссия» отражает уровень устойчивой культурной традиции, закрепленной, в частности, известным поэтом-песенником Н. Н. Добронравовым (1928–2023): «Молодость моя, Белоруссия». Это именно тот случай, когда из песни слов не выкинешь.

И. И. Баринов хорошо представляет себе изначально крайне низкий уровень познаний о белорусах и белорусском вопросе в германской традиции до Первой мировой войны, несмотря на очевидную территориальную близость Восточной Пруссии к западным границам белорусского этнографического пространства начала XX столетия: «К моменту начала кампании на Востоке традиции изучения Белоруссии в Германии не существовало в принципе. Данные о ней были скучны и фрагментарны. По сути, Литва и Белоруссия оставались одной большой *terra incognita*⁹. Уже в 100–120 километрах от Вильно в окрестностях Молодечно для немцев с осени 1915 г. начинался белорусский «дальний Восток»¹⁰ с повышенным уровнем неизвестности.

Подробно отмечена в книге и отнюдь не цветущая сложность, отличающая чрезвычайно далекий от какого-либо внутреннего единства исторический период 1914–1944 гг.: «Восприятие Белоруссии и белорусов в немецком обществе оказалось детерминировано различными «эпохами» – идеологически, психологически и событийно нагруженными отрезками времени, нередко налагавшимися друг на друга. Наряду с традиционной периодизацией двух мировых войн здесь можно назвать такие вехи, как оккупация Белоруссии кайзеровскими войсками (1915–1918), участие Германии в послевоенных локальных конфликтах на белорусском пограничье и последующем дипломатическом урегулировании с непосредственными участниками данных столкновений, включая также белорусскую сторону (1918–1922), непростое сосуществование с независимой Польшей и попытки

⁹ Баринов И. И. *Albaruthenia incognita*. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 32.

дестабилизировать ее изнутри, используя национальные меньшинства (1919–1939), «новый курс» нацистских властей в восточной политике (1933–1941), реконфигурация белорусско-польского пограничья после присоединения Западной Белоруссии к СССР (1939–1941). Всякий раз германским властям приходилось вписывать белорусскую проблематику в быстро менявшуюся политическую повестку»¹¹.

И. И. Баринов логично ставит целью своей работы «расширение исследовательской проблематики», не претендуя при этом на всеохватность. Книга адресно ориентирована на «выбранные места» в сложном и разнообразном комплексе тем, явлений, фактов и биографий. Историк справедливо выделяет ряд «узловых сюжетов» широкой темы, среди которых «дискуссии о роли Белоруссии и белорусов для германской геополитики в среде немецких интеллектуалов, политиков и военных не только в годы мировых войн, но и в межвоенное время, формирование центров по изучению «белорусского вопроса» и появление первых белорусистов в Веймарской, а затем нацистской Германии, «узнавание» белорусской территории и попытка встроить ее в общую картину «большой» Восточной Европы»¹².

Рационально и стремление автора монографии к корректировке существующих исследовательских подходов и пересмотру сложившихся в историографии стереотипов. Задача эта крайне непростая: к примеру, в случае отношения белорусов к немцам непременно стоит делать поправку на ментальную составляющую, ярко отраженную, в частности, в художественном фильме Виктора Турова «Я родом из детства» (1966): до сих пор многим белорусам все германское, включая язык, ненавистно на генетическом уровне по вполне понятным причинам с корнями из 1940-х гг. Но в исследовательской плоскости крайне актуальна задача посмотреть на белорусскую историю времени двух мировых войн и межвоенного периода именно немецкими глазами. И. И. Баринов представляет в книге заметное приращение научного знания именно в этом направлении, привлекая неизвестный и малоизвестный материал источников, среди которых документы из ЦГИА Санкт-Петербурга, архивов Берлина, Ростока, Грайфсвальда, Института Гердера по историческому изучению Восточной Европы в Марбурге, а также Белорусской библиотеки и музея имени Франциска Скорины в Лондоне.

Удачным представляется и членение монографии на два раздела, в каждом из которых по четыре небольшие главы. Первый из разделов,

11 Там же. С. 211–212.

12 Там же. С. 16.

аналитический, «“Земля белых русов”: немецкие представления о Белоруссии, 1914–1944 гг.», обращен к таким значимым сюжетам, как появление белорусов на немецкой ментальной карте, особенности германской языковой политики на многоязычной территории Обер Ост, место белорусской составляющей в антипольской стратегии Германии и роль балтийских немцев в приобщении остальных немцев к узнаванию белорусского начала в различных его проявлениях¹³. Второй раздел, биографический, «“Главные специалисты по Востоку”: публичные интеллектуалы и их роль в изучении Белоруссии» отражает особенности жизненного и научного пути трех немецких исследователей белорусских проблем – В. Егера, В. Дитмана и О. фон Энгельгардта, а также тесно связанного с 1930-х гг. с германскими властями политического авантюриста Ф. Акинчица, убитого в марте 1943 г. в Минске¹⁴.

Обращает на себя внимание акцентированность ряда ключевых выводов монографии. Автор подводит читателей к мысли о том, что спешное и вынужденное узнавание белорусов и белорусской территории после оккупации ее западной части германской армией осенью 1915 г. не преследовало каких-либо стратегических целей и было разнородным комплексом мероприятий тактического плана, не получивших системного продолжения после окончания Первой мировой войны. Итоговые результаты для немцев были ожидаемо скромны: «Вместе с поражением нацистской Германии в 1945 г. ушла в прошлое и недолгая традиция “воображения” Белоруссии и белорусов, построенная на умозрительных характеристиках, разрозненных источниках и чужих моделях познания». В итоге «в немецком обществе так и не сложилось целостного представления о Белоруссии, а посвященные ей публикации по большей части не были известны за пределами узкого круга специалистов». Но и в этом кругу «энтузиастов-одиночек», «в интеллектуальной среде “узнавание” белорусов по большей части осталось на уровне этнографического интереса»¹⁵.

При этом и востребованность «этнографического интереса» была весьма специфической. В прифронтовых условиях с осени 1915 г. у немцев преобладала «чисто военная линия, по-прежнему нацеленная на обеспечение безопасного тыла для действующей армии». Эта линия предсказуемо игнорировала белорусское крестьянство: «Поскольку белорусское население в то время было по большей части

13 Там же. С. 20–110.

14 Там же. С. 111–210.

15 Там же. С. 212.

сельским, в его отношении работала траектория взаимодействия, с самого начала не включавшая изучение их этнокультурных особенностей... В результате немецкие специалисты, по сути, застряли на уровне городов, предпринимая лишь отдельные попытки продвинуться глубже и “узнать” широкую массу населения»¹⁶.

Неудачу подобных попыток во многом предопределило и то, что узнавать предстояло «неизвестный Западной Европе народ», к числу «исторических наций» немцами не причислявшийся, которому к тому же была уготована участь нового искусственного пограничья, превращения в «пограничный кордон между двумя чуждыми по своей сути мирами»¹⁷. Отягощало ситуацию и внезапное узнавание этнической неоднородности оккупированных к осени 1915 г. земель. На теоретическом уровне логично выглядело практическое применение «концепции окультуривания пограничья», именно на уровне «культурной политики» распорядился оказывать поддержку белорусам известный германский генерал Э. Людендорф. Однако «очень быстро немцы столкнулись с той же проблемой, с какой в свое время встретились русские власти, а именно с выделением собственно белорусской территории и вопросами соотношения языка, религии и этничности у местных жителей. При организации школьной политики выяснилось, что в обширном регионе практически не существует однородных языковых районов. Население повсеместно было многоязычным»¹⁸.

В таких условиях германские оккупационные власти могли пойти по пути наименьшего сопротивления, не отвлекаясь на организационные и финансовые затраты в области «школьной политики» на белорусском языке, тем более что с осени 1915 г. до февраля 1918 г. под германской оккупацией находилось лишь около 25 % современной территории белорусского государства¹⁹, а захваченные земли к востоку от Немана по окончании войны немцы намеревались вернуть России. Процессы модернизации на оккупированных территориях в таком случае сосредоточились бы на прифронтовой полосе, в которой подполковник русской армии, балтийский немец по происхождению Д. Г. Фокке по пути на мирные переговоры в Бресте в конце 1917 г. наблюдал «немецкое траншейное благоустройство: стены окопов забраны листовой жестью, их жилые участки оклеены обоями, а в иных землянках даже мягкая

16 Там же. С. 32.

17 Там же. С. 30–31.

18 Там же. С. 32.

19 Volkava V. Ziemie białoruskie... S. 826.

мебель и уют вплоть до пианино. Повсюду электричество, поражающее обилием света. Узнаю: на участок одной дивизии по штату положено 10 000 лампочек»²⁰.

Но немцы изначально не стали стесняться себя электрификацией окопов. И. И. Баринов ставит острый исследовательский вопрос: «Если германская стратегия была нацелена главным образом на эксплуатацию занятой территории (а так отчасти и было), то как сюда вписывается поддержка языковой и образовательной политики?»²¹ Историк справедливо отвергает распространенные мифологические версии ответа: «...не следует объяснять признание равноправия белорусского языка благими намерениями германских властей в отношении белорусов или их стремлением использовать все возможности для ослабления России (такие представления все еще распространены в исследовательской литературе)»²².

Поиски истины в данном случае не предполагают однозначной аргументации, есть основания сомневаться и в наличии у кайзеровской Германии стратегии в отношении оккупированных территорий Российской империи, в том числе и белорусской их части. Основные же причины поддержки языковых и образовательных проектов на белорусском направлении относятся как раз к стратегическому курсу Германской империи со времени ее создания в 1871 г., а именно к политике деполонизации.

При всей заманчивости исследования исключительно германско-белорусских контактов польские сюжеты в углубленном изучении темы играют важное значение, и в монографии И. И. Баринова им уделено существенное внимание. Автор справедливо подчеркивает, что в историографии «белорусский фактор антипольской политики Германии между 1915 и 1939 гг. оставался за рамками рассмотрения»²³. Особенno значимо обращение к польскому вопросу при анализе белорусской политики немцев в 1915–1918 гг. Стоит подчеркнуть, что перед германскими оккупантами в меняющихся условиях Первой мировой войны встала невероятно трудная задача: совместить на завоеванных территориях Российской империи традиционную после разделов Речи Посполитой в XVIII в. деполонизацию

20 Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1930. Т. XX. С. 22.

21 Баринов И. И. Albaruthenia incognita. С. 47–48.

22 Там же. С. 61.

23 Там же. С. 16.

и дерусификацию как совокупность мероприятий по нейтрализации влияния актуального противника в войне.

Задача эта была еще сложнее за пределами бывшего Царства Польского. Точка зрения Э. Людендорфа и его единомышленников о поддержке белорусов на уровне культурной политики была не единственной и воплотилась в практическую плоскость не сразу. Германским властям, начиная с Вильгельма II, в рамках традиционного деполонизаторского курса приходилось делать исключение для контактов с польской aristokratie. Известный в межвоенный период журналист и политик С. Цат-Мацкевич наблюдал в Вильно самого кайзера: «Вильгельм II был первым человеком, упоминаемым в этих очерках, которого я видел собственными глазами. Я стоял в Георгиевском переулке, Вильгельм выходил после визита, который он нанес княгине Огинской в ее дворце в этом переулке. Лицо под островерхой каской у него было укрыто платком от мороза, ибо было это зимой 1915 года»²⁴.

После оккупации немцами Вильно в возвании оккупационных властей от 18 сентября 1915 г. за подписью графа Пфайля упоминалось «польский город Вильно», вопреки исторической правде писалось о том, что «он всегда был жемчужиной в славном Польском королевстве. Королевство это дружественное немецкой нации. Германское войско горячо сочувствует польскому населению»²⁵. В этом агитационном материале невысокого качества поляки могли увидеть намек на признание германскими оккупантами польского статуса Вильно и округи с перспективой восстановления польской государственности в широких пределах, превышавших территорию Царства Польского.

Реальность оккупации оказалась безжалостной к подобным надеждам польского общества²⁶. И в годы Первой мировой войны Германская империя продолжила свою антипольскую политику, имевшую прямую преемственность с заветами Отто фон Бисмарка и практикой «культуркампа», продолжающей быть предметом изучения в современной польской историографии²⁷. Даже при наличии достаточно серьезного

24 Цат-Мацкевич С. Достоевский – человек XIX века. М., 2021. С. 372.

25 Abramowicz L. Litwa podczas wojny. Zbiór dokumentów, uchwał, odezw i t. p. Warszawa, 1918. S. 7.

26 Gierowska-Kallař J. Społeczeństwo polskie Ziemi Północno-Wschodnich byłej Rzeczypospolitej Obojga Narodów wobec niemieckiej okupacji Ober Ost // Pierwsza niemiecka okupacja. S. 561–668.

27 Kucharczyk G. Kulturkampf: Walka Berlina z katolicyzmem (1846–1918). Warszawa, 2009; Kucharczyk G. Kłopoty z Niemcami. Kulturkampf, Ostpolitik, Mitteleuropa. Warszawa, 2024.

ограничителя в виде благосклонной польской политики ближайшей союзницы Австро-Венгрии, приведшей к фактическому соперничеству в польском вопросе на оккупированных Центральными державами территориях до и после провозглашения 5 ноября 1916 г. марионеточного Польского королевства²⁸, Германская империя в целом твердо придерживалась антипольской и деполонизаторской линии. Современный польский историк Г. Кухарчик усматривает и сравнительную перспективу «немецких порядков» на польских землях во время двух мировых войн XX столетия²⁹.

Именно в русле практического осуществления антипольских проектов тактического плана стоит оценивать внимание немцев к белорусскому началу в языковой и образовательной сферах. И. И. Баринов справедливо отмечает: «...отношение немцев к сюжетам, связанным с белорусами и их языком, было торжеством бюрократического формализма. В более узком смысле белорусская школа была одним из проявлений характерного для империи метода проб и ошибок во взаимоотношениях с локальным сообществом, особенно если оно было в целом “чужим”. Важно отметить, что реальное развитие образовательных программ на белорусском языке, равно как и само существование белорусской школы, плохо соотносилось с тем смыслом, который в них вкладывали германские власти. Для них это был лишь один из элементов “политики военных задач”, ситуативно переводившийся в антипольскую плоскость». При этом абсолютно логично и авторское суждение о том, что «не приходится говорить о прямом взаимовлиянии деятелей белорусского национального движения и оккупационной администрации, так как речь шла о параллельных и при этом разнонаправленных процессах»³⁰.

Эти выводы близки к оценкам известного белорусского историка И. А. Марзалиюка, также отрицающего «миф о “симпатиях” кайзеровского оккупационного режима в отношении белорусского языка и белорусской нации. Появление белорусских, литовских, еврейских

28 Szymczak D. Między Habsburgami a Hohenzollernami. Rywalizacja niemiecko-austro-węgierska w okresie I wojny światowej a odbudowa państwa polskiego. Kraków, 2009; Szymczak D. Sojusznicy i rywale, polityka i okupacja: Austro-Węgry i Rzesza Niemiecka w Królestwie Polskim w okresie I wojny światowej // Pierwsza niemiecka okupacja. S. 135–292.

29 Kucharczyk G. Niemieckie “porządkи na Wschodzie” (wizje i próby ich realizacji): pierwsza i druga niemiecka okupacja na ziemiach Rzeczypospolitej w XX wieku w perspektywie porównawczej // Pierwsza niemiecka okupacja. S. 15–134.

30 Баринов И. И. Albaruthenia incognita. С. 68–69.

школ в зоне немецкой оккупации было продолжением жесткого антипольского курса, который начал реализовываться в Германской империи с момента ее создания в 1871 году [...] Немцы, таким образом, создавали своеобразный “белорусскоязычный кордон”, чтобы прекратить польскую экспансию на восток оккупационной зоны. Поэтому не стоит [...] путать и смешивать в кучу собственную инициативу белорусских деятелей по созданию национальной школы с немецкой политикой в этом вопросе»³¹.

Представляется, что дальнейшая разработка тематики антипольских усилий германских властей будет перспективной при комплексном подходе ко всему имперскому периоду 1871–1918 гг. с тщательным учетом опыта оккупации территорий западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны. При оценке этого опыта еще предстоит преодолеть ряд устойчивых мифологических конструкций, одной из них является традиционный пессимизм в оценке итогов создания белорусских школ в зоне германской оккупации.

В частности, источником исследовательского пессимизма, в том числе и для белорусских историков, часто служит брошюра С. Элского 1931 г. «Белорусский вопрос. Историко-политический очерк». В ней содержится крайне негативная оценка белорусских школ периода Первой мировой войны, им отказывается и вправе называться белорусами, дескать, из-за «отсутствия» белорусского языка, который на самом деле был лишь «простонародным говором», эти школы якобы были «насквозь русскими» и преподавали там «русские педагоги» на русском языке³². Особое возмущение вызвало открытие пяти (на самом деле шести³³) белорусских школ в Вильно, в котором к декабрю 1916 г., по сведениям автора, проживал всего 641 белорус³⁴ (в современной польской историографии подтверждается более широкое присутствие белорусов в Вильно³⁵).

Логично предположить, что брошюру написал кто-то из местных поляков, наблюдавший эти образовательные процессы собственными

31 1918-ы год для нашай дзяржаўнасці: набыткі і страты // Звязда. 2018. 17 студзеня. С. 9.

32 Elski S. Sprawa białoruska. Zarys historyczno-polityczny. Warszawa, 1931. S. 24.

33 Ляхоўскі У. В. Школьная аддукацыя ў Беларусі... С. 120.

34 Elski S. Sprawa białoruska. S. 24.

35 Gierowska-Kałlaur J. Białorusini wileńscy w przełomowym momencie 1915 roku w świetle zapisek wileńskiego kronikarza Aleksandra Szkłennika // Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie Wschodniej. Ciechanowiec, 2015. S. 153–170.

глазами. Но знакомство с биографией автора убеждает нас в обратном. Укрывшийся под псевдонимом Элский Станислав Ланевский (1899–1944) родился в Троянах под Бердянском, до 1918 г. учился в гимназии в Ананьеве Херсонской губ., затем обучался сельскому хозяйству в Одессе. Открытых при немецкой оккупации белорусских школ он, таким образом, не застал. Приобщившись к польскому делу с декабря 1918 г. в дивизии Л. Желиговского и в Польской военной организации, Ланевский появился в Варшаве только в феврале 1920 г., дальше служил в польских спецслужбах (II отдел Генерального штаба), в этом качестве был помощником военного атташе Польши в Румынии и Финляндии. Большой карьеры не сделал, дослужился до поручика, закончить юридический факультет Варшавского университета не смог, пришлось уже в 1930-е гг. учиться в частной Школе политических наук в Варшаве. В годы Второй мировой войны участвовал в конспиративной деятельности Армии Крайовой, погиб в 1944 г. в Бухенвальде³⁶.

Свою брошюру Ланевский написал, будучи на мелкой чиновниччьей должности в МВД Польши. В тексте хорошо заметны как невысокий уровень владения автором белорусской проблематикой, так и сомнительные статистические данные. Известная деятельница Компартии Западной Белоруссии Александра Бергман (1906–2005) обоснованно опровергла утверждения брошюры о 1000 перебежчиках из БССР на польскую сторону с момента начала советской колониализации³⁷. Того же сомнительного свойства и цифры Ланевского о количестве белорусских школ в Польше в 1929/1930 учебном году: якобы имеется 50 двуязычных школ, 32 с белорусским языком обучения, еще более чем в 100 школах преподается белорусский язык³⁸.

Не больше доверия и к трактовкам в брошюре белорусского школьного дела в годы германской оккупации, автор откровенно пытался оправдать закрытие белорусских школ польскими властями после ухода немцев с оккупированных территорий. Вполне вероятно, что именуя белорусские школы «насквозь русскими», Ланевский имел в виду распространенность в них преподавания на кириллице. Известно, что до 1917 г. немецкие власти не разрешали использовать

36 См.: Kunert A. K. Słownik biograficzny konspiracji warszawskiej 1939–1944. Warszawa, 1987. T. 1; Holiczenko A. Żołnierze tajnego frontu. Lista imienna KN3. POW-Wschód, 1914–1921. Olsztyn, 2012.

37 Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984. S. 91; Elski S. Sprawa białoruska. S. 105.

38 Elski S. Sprawa białoruska. S. 80.

в печати кириллический шрифт, но в итоге такое разрешение дали, и в 1917/1918 учебном году большая часть учебной литературы для белорусских школ была переиздана на кириллице³⁹. Согласие на переход на кириллицу можно увязать и со стремлением германских властей усилить градус деполонизации на литовско-белорусских землях на фоне провозглашения 5 ноября 1916 г. Польского королевства на территории бывшего Царства Польского.

Небольшой пример с давно известным исследователям сочинением С. Элского показывает, что дальнейшая разработка затронутых в новаторской работе И. И. Баринова проблем способна привести к значимым исследовательским результатам. Первый же для российской исторической науки опыт монографического исследования германо-белорусских контактов периода двух мировых войн следует считать перспективно успешным.

Источники и литература

1918-ы год для нашай дзяржайнасці: набыткі і страты // Звязда. 2018. 17 студзеня. С. 9.

Баринов И. И. Albaruthenia incognita: Неизвестные страницы германо-белорусских отношений. 1914–1944. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с. DOI: 10.31168/4469-2331-1

Вайнман Т. Почему в ФРГ Беларусь перестали называть «Белой Россией». URL: <https://www.dw.com/ru/kak-v-germanii-sejchas-naazyvajut-belarus/a-54724846> (дата обращения: 28.08.2020).

Ватлин А. Ю., Ланник Л. В., Пентер Т. Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 623 с.

Космач В. А. Белорусская германистика: актуальность, краткая история и будущее научной школы // Психологический Vademecum: Психология: рефлексия настоящего в контексте будущего: сборник научных статей. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2024. С. 44–46.

Ланник Л. В. Белорусская народная Республика 1918 года: несостоявшаяся государственность // Восточнославянские исследования. 2023. Вып. 2. С. 123–150. DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.06

Ляхоўскі У. В. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас німецкай акупацыі (1915–1918 гг.). Беласток; Вільня: Беларускае гістарычнае таварыства; Інстытут беларусістыкі, 2010. 340 с.

39 *Ляхоўскі У. В.* Школьная адукацыя ў Беларусі... С. 125.

Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин: Слово, 1930. Т. XX. С. 5–207.

Цат-Мацкевич С. Достоевский – человек XIX века. М.: Издатель Степаненко, 2021. 456 с.

Abramowicz L. Litwa podczas wojny. Zbiór dokumentów, uchwał, odezw i t. p. Warszawa: Wydawnictwo Departamentu spraw politycznych, 1918. 143 s.

Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. 287 s.

Elski S. Sprawa białoruska. Zarys historyczno-polityczny. Warszawa: Drukarnia Współczesna, 1931. 105 s.

Gierowska-Kałlaur J. Białorusini wileńscy w przełomowym momencie 1915 roku w świetle zapisek wileńskiego kronikarza Aleksandra Szklennika // Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie Wschodniej / red. D. Michaluk. Ciechanowiec: Muzeum Rolnictwa im. ks. Krzysztofa Kluka, 2015. S. 153–170.

Gierowska-Kałlaur J. Społeczeństwo polskie Ziemi Północno-Wschodnich byłej Rzeczypospolitej Oboja Narodów wobec niemieckiej okupacji Ober Ost // Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. S. 561–668.

Holiczenko A. Żołnierze tajnego frontu. Lista imienna KN3. POW-Wschód, 1914–1921. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2012. 417 s.

Kucharczyk G. Kłopoty z Niemcami. Kulturkampf, Ostpolitik, Mitteleuropa. Warszawa: Fronda, 2024. 384 s.

Kucharczyk G. Kulturkampf: Walka Berlina z katolicyzmem (1846–1918). Warszawa: Fronda, 2009. 268 s.

Kucharczyk G. Niemieckie “porządkи na Wschodzie” (wizje i próby ich realizacji): pierwsza i druga niemiecka okupacja na ziemiach Rzeczypospolitej w XX wieku w perspektywie porównawczej // Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. S. 15–134.

Kunert A. K. Słownik biograficzny konspiracji warszawskiej 1939–1944. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1987. T. 1. 200 s.

Szymczak D. Między Habsburgami a Hohenzollernami. Rywalizacja niemiecko-austro-węgierska w okresie I wojny światowej a odbudowa państwa polskiego. Kraków: Avalon, 2009. 424 s.

Szymczak D. Sojusznicy i rywale, polityka i okupacja: Austro-Węgry i Rzesza Niemiecka w Królestwie Polskim w okresie I wojny światowej // Pierwsza

niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. S. 135–292.

Volkava V. Ziemie białoruskie pod niemiecką okupacją w okresie I wojny światowej // Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. S. 669–845.

References

- “1918-y hod dlia nashai dziarzhaunasti: nabytki i straty.” *Zviazda*, 2018, 17 studzienja, p. 9.
- Abramowicz, L. *Litwa podczas wojny. Zbiór dokumentów, uchwał, odezw i t.p.* Warszawa: Wydawnictwo Departamentu spraw politycznych, 1918, 143 p.
- Barinov, I. I. *Albaruthenia incognita: Neizvestnye stranitsy germano-belorusskikh otnoshenii. 1914–1944*. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2024, 232 p. DOI: 10.31168/4469-2331-1
- Bergman, A. *Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984, 287 p.
- Cat-Mackewicz, S. *Dostoyevskiy – chelovek XIX veka*. Moscow: Izdatel Stepanenko, 2021, 456 p.
- Ełski, S. *Sprawa białoruska. Zarys historyczno-polityczny*. Warszawa: Drukarnia Współczesna, 1931, 105 p.
- Fokke, D. G. “Na stscene i za kulisami brestskoi tragikomedii (vospominaniiia uchastnika Brest-Litovskikh mirnykh peregovorov).” *Arkhiv russkoi revoliutsii*, ed. by I. V. Gessen. Vol. XX. Berlin: Slovo, 1930, pp. 5–207.
- Gierowska-Kałaur, J. “Białorusini wileńscy w przełomowym momencie 1915 roku w świetle zapisek wileńskiego kronikarza Aleksandra Szklennika.” *Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie Wschodniej*, ed. by D. Michaluk. Ciechanowiec: Muzeum Rolnictwa im. ks. Krzysztofa Kluka, 2015, pp. 153–170.
- Gierowska-Kałaur, J. “Społeczeństwo polskie Ziemi Północno-Wschodnich byłej Rzeczypospolitej Obojga Narodów wobec niemieckiej okupacji Ober Ost.” *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019, pp. 561–668.
- Holiczenko, A. *Żołnierze tajnego frontu. Lista imienna KN3. POW-Wschód, 1914–1921*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2012, 417 p.
- Kosmach, V. A. “Belorusskaia germanistika: aktual'nost', kratkaia istoriia i budushchee nauchnoi shkoly.” *Psikhologicheskii Vademecum: Psichologija: refleksiya nastoiashchego v blizhaiishem budushchem: sbornik nauchnykh statei*. Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova, 2024, pp. 44–46.
- Kucharczyk, G. *Kłopoty z Niemcami. Kulturkampf, Ostpolitik, Mitteleuropa*. Warszawa: Fronda, 2024, 384 p.
- Kucharczyk, G. *Kulturkampf: Walka Berlina z katolicyzmem (1846–1918)*. Warszawa: Fronda, 2009, 268 p.

Kucharczyk, G. "Niemieckie «porządki na Wschodzie» (wizje i próby ich realizacji): pierwsza i druga niemiecka okupacja na ziemiach Rzeczypospolitej w XX wieku w perspektywie porównawczej." *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019, pp. 15–134.

Kunert, A. K. *Słownik biograficzny konspiracji warszawskiej 1939–1944. Vol. 1*. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1987, 200 p.

Lannik, L. V. "Belorusskaia narodnaia respublika 1918 goda: nesostoivshaisia gosudarstvennost'." *Vostochnoslavianskie issledovaniia*, 2023, vol. 2, pp. 23–150. DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.06

Liachouski, U. V. *Shkol'naia adukatsiya u Belarusi padchasi niameetskai akupatsyi (1915–1918 gg.)*. Belastok; Vil'nia: Belaruskaje histarychnaje tavarystva; Instytut bielarusistyki, 2010, 340 p.

Szymczak, D. *Między Habsburgami a Hohenzollernami. Rywalizacja niemiecko-austro-węgierska w okresie I wojny światowej a odbudowa państwa polskiego*. Kraków: Avalon, 2009, 424 p.

Szymczak, D. "Sojusznicy i rywale, polityka i okupacja: Austro-Węgry i Rzesza Niemiecka w Królestwie Polskim w okresie I wojny światowej." *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019, pp. 135–292.

Vatlin, A. Iu., Lannik, L. V., Penter, T. *Berlinskaia missiia polpreda Ioffe 1918 g. Dokumenty*. Moscow: Politicheskia entsiklopediia, 2023, 623 p.

Volkava, V. "Ziemie białoruskie pod niemiecką okupacją w okresie I wojny światowej." *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019, pp. 669–845.

Weinman, T. *Pochemu v FRG Belarus' perestali nazyvat' «Beloj Rossiei»*. URL: <https://www.dw.com/ru/kak-v-germanii-sejchas-nazyvajut-belarus/a-54724846> (accepted: 28.08.2020).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.19

Yu. A. Borisyonok

From Unknown to Forced Recognition: German-Belorussian Intersections of the First Half of the 20th Century in Modern Interpretation

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. From Unknown to Forced Recognition: German-Belarusian Intersections of the First Half of the 20th Century in Modern Interpretation // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 382–398 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.19

Received: 10.05.2025.

Abstract

The vast complex of research problems related to Germany's policy towards the Belarusian lands during the two world wars of the 20th century and the interwar period still contains many topics that have been overlooked by specialists. The monograph by I. I. Barinov, a historian from the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, published in 2024 is an attempt to highlight an interesting set of such unexplored and little-studied subjects, the development of which can advance not only the domestic historiography of Eastern and Central Europe, but also historical science as a whole. Based on a wide range of sources, including documents from German, Russian and Belarusian archives, the author seeks to present the objective reality of both the processes of formation of German ideas about the Belarusian lands and Belarusians in 1914–1944, and details of the biographies of those “specialists in the East” who formed these ideas. The book contains conclusions that are important for contemporary discussions in historiography about the place of the Belarusian factor in German plans during the First and Second World Wars against the backdrop of Germany's anti-Polish strategy, Germany's language policy towards Belarusians, and the role of Baltic Germans in recognizing the Belarusian space.

Keywords

Eastern Europe, Germany, Belarusian lands, era of world wars, anti-Polish policy, historiography, I. I. Barinov.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.20

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов

**Международная научно-практическая конференция
«V Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852):
историка, филолога, археографа»**

Дронов Михаил Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: s.sloistov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Дронов М. Ю., Слоистов С. М. Международная научно-практическая конференция «V Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, филолога, археографа» // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 399–402. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.20

Текст поступил в редакцию 01.09.2025.

20 февраля 2025 г. в Минской духовной академии (МинДА) прошли очередные научно-практические чтения, посвященные памяти известного отечественного историка, филолога и археографа протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852).

Утром 20 февраля в фойе академической библиотеки состоялось открытие фотодокументальной выставки «Православный семейный альбом начала XX века» – проекта историка А. Л. Самовича (г. Минск). Непосредственно перед пленарным заседанием в академическом храме была отслужена заупокойная лития по протоиерею И. Григоровичу.

Модератором пленарного заседания выступил ректор МинДА архимандрит Афанасий (Соколов), который поприветствовал прибывшие на чтения делегации, особо подчеркнув, что среди заявленных

в этом году участников – ученые не только из Белоруссии и России, но и из Греции, Казахстана и Японии, в том числе в программе представлены исследователи из различных духовных школ РПЦ (Минской и Санкт-Петербургской академий, Алма-Атинской, Витебской, Вологодской, Екатеринодарской, Минской, Николо-Угрешской, Оренбургской семинарий и др. церковных учебных заведений), Белорусского государственного университета (БГУ), Брестского, Витебского и Гродненского государственных университетов и ряда других белорусских и российских ВУЗов, из разных институтов Национальной академии наук Беларуси и РАН. Характеризуя в своем выступлении научное сотрудничество Академии со светскими учреждениями, отец ректор обратил внимание на реализуемые в настоящее время совместные проекты, в том числе на успешную работу созданного в 2023 г. вместе с ИСл РАН на базе МинДА Кабинета славяноведения и балканистики.

С главным приветственным словом выступил Патриарший экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Заславский Вениамин (Тупеко). Также собравшихся лично поприветствовал декан исторического факультета Белорусского государственного университета проф. А. Г. Кохановский. После этого было зачитано приветствие руководителя Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь Ю. А. Макушина. От имени земляков протоиерея И. Григоровича выступила председатель Славгородского районного совета депутатов Могилевской области С. А. Езерская, зачитавшая приветственный адрес конференции от председателя Славгородского районного исполнительного комитета А. В. Кожемякина.

Научную программу открыл доклад заведующей кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин МинДА проф. В. А. Тепловой «Историческая роль храма Христа Спасителя г. Полоцка в представлении протоиерея Иоанна Григоровича». Архимандрит Афанасий (Соколов) выступил с темой «Братья Григоровичи в Санкт-Петербурге: новые сведения». Протоиерей Константин Костромин (Санкт-Петербургская духовная академия) представил на суд коллег доклад «Церковные соборы на Руси в XI–XIV веках – развитие идей протоиерея Иоанна Григоровича в современной науке». Секретарь Гомельского епархиального управления протоиерей Георгий Алампиев поведал о сохранении памяти об о. И. Григоровиче в г. Гомеле. В заключение пленарного заседания доцент МинДА А. Д. Гронский представил первые два тома биографического справочника А. Л. Самовича «Незабытые герои. Судьбы и подвиги».

Работа конференции продолжилась в рамках одиннадцати самостоятельных секций: 1. «Жизнь и труды протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича»; 2. «Источниковедение и археография»; 3. «Духовное образование и просвещение»; 4. «Монастыри и монашество»; 5. «Богословие. Философия. Наука»; 6. «Русская Православная Церковь в XI–XVII вв.»; 7. «Русская Православная Церковь в синодальный период»; 8. «Религия и Церковь в СССР и на постсоветском пространстве. Церковная эмиграция и диаспора»; 9. «Агиография. Богослужение, пение и церковное искусство»; 10. «Церковные персоналии»; 11. «Церковное краеведение. Храмы и святыни».

Авторам настоящего обзора довелось работать в десятой секции – «Церковные персоналии». Модераторами выступили благочинный Пружанского округа Брестской епархии протоиерей Михаил Носко и М. Ю. Дронов (ИСл РАН). В выступлении *М. Ю. Дронова* были проанализированы взаимоотношения между известными национально-религиозными деятелями XIX столетия протоиереем Михаилом Раевским (1811–1884) и архимандритом Владимиром (Ипполитом Терлецким, 1808–1888). С. М. Слоистов (ИСл РАН) выступил с докладом ««Александрия!.. Теперь ты – самая большая боль моя!..»: Египетский период служения будущего архиепископа Виленского и Литовского Алексия (Дехтерева, 1889–1959)». Протоиерей *М. Носко* сделал презентацию на тему «Псаломщик и фольклорист Григорий Романович Ширма. Неизвестные страницы биографии». Магистрант МинДА протоиерей Сергей Пашкевич рассказал о жизни и церковном служении архиепископа Афанасия (Кудяка, 1927–2002). Протоиерей Александр Атрощенко (г. Рогачев Гомельской обл.) выступил с презентацией «Иеросхимонах Артемий (Потоцкий) – подвижник благочестия земли Гомельской». В заключение работы секции магистрант МинДА В. П. Хорошко представил доклад «Жизнь и служение архиепископа Иова (Потемкина) до вступления на Минскую кафедру (1750–1796)». Несколько человек из заявленных в программе, не оповещая модераторов, не явились на заседание (один передал доклад в письменном виде). При этом следует отметить в целом хороший уровень прозвучавших выступлений.

Организаторы чтений в очередной раз показали высокое качество подготовки и проведения столь масштабной конференции. Надеемся, что эта крайне важная для научной коммуникации светских и церковных ученых из разных стран площадка и дальше продолжит свою работу.

**International Scholarly Conference
“V Readings in Memory of Archpriest John Grigorovich:
Historian, Archaeographer, Archaeologist”**

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

*Dronov M. Yu., Sloistov S. M. International Scholarly Conference
“V Readings in Memory of Archpriest John Grigorovich: Historian, Archaeographer, Archaeologist” // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 399–
402 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.20*

Received: 01.09.2025.

**LIII Международная научная филологическая конференция
имени Л. А. Вербицкой**

Шалаева Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: koulkuk@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9836-0105

Цитирование

Шалаева Т. В. LIII Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 403–406. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.21

Текст поступил в редакцию 07.04.2025.

25–31 марта 2025 года в Санкт-Петербургском государственном университете проходила ежегодная 53-я Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой. Она посвящена всем научным дисциплинам, которые изучаются и преподаются на филологическом факультете СПбГУ. Предлагаемая хроника представляет собой обзор докладов секций «Славянское языкознание» и «Русская диалектология».

Все доклады на заседании секции «Славянское языкознание», состоявшемся 27 марта, были посвящены лексикологии. Так, первый из них, под названием «Обогащение лексики семантического поля ХРИСТИАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ в современном сербском языке (на материале произведения “Подвижнические и богословские главы” преподобного Иустина (Поповича))» прочитала Р. Левушкина (Институт сербского языка САНИ). В нем шла речь о неологизмах с корнями *бог-*, *христ-*, *добр-*, *люб-* и др. в сочинениях архимандрита Иустина (Поповича) (1894–1979), автора многочисленных богословских трудов, в том числе «Догматики православной веры» и «Житий святых». Жанр анализируемого в докладе произведения определяется как «молитвенные дневники», которые изначально не предназначались для публикации и были изданы после кончины автора.

Выступление *М. В. Ясинской* (ИСЛ РАН) «Из демонологической лексики словенцев в Италии» было основано на экспедиционных материалах, собранных автором во время полевой работы в словенских населенных пунктах, расположенных на территории Италии. Были перечислены употребляемые в диалектах их жителей обозначения враждебных человеку мифологических персонажей – например, *krivopete* ‘женские мифологические существа с обернутыми задом наперед ступнями’, *saravajedike* ‘женские мифологические существа, пожирающие сырое мясо, в том числе человеческое’, *te dušice* ‘души покойников’, *štrija*, *štriga* ‘ведьма, колдунья’, *mora* ‘демоническое существо, душающее человека во сне и пьющее кровь младенцев в колыбели’ и т. д. Каждая лексема сопровождалась этимологическим комментарием, в частности, определением его исконно славянского или заимствованного происхождения (из итальянского, фриульского или немецкого языков). Также описывались некоторые обряды, направленные на противодействие этим существам.

Доклад *В. И. Березнева* (ИСЛ РАН) «Славянские названия грибов: принципы номинации» касался семантических моделей микронимов в русском, сербском и чешском языках. В частности, описывались наименования грибов по цвету (*белый, рыжик*), по вкусу (*солодуха*), по месту произрастания (*подберезовик*), по сходству с каким-либо предметом (*стакан, пальцы*) или с другим грибом (*подгрузды*). Кроме того, анализировались обозначения, производные от имен собственных (*дуня, васюха*) и номинаций животных (*лисичка, валуй*).

Заседание секции «Русская диалектология» прошло 28 марта. В прозвучавших на нем сообщениях также преимущественно рассматривалась лексикологическая проблематика. Большая их часть была посвящена описанию тематических или лексико-семантических групп слов в конкретной группе говоров. Так, *Т. А. Макшакова* (Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина) в докладе «От Бога рожденный: образ юродивого в языковом сознании диалектносителей (на материале костромской культурноязыковой традиции)» анализировала обозначения безумных или чудаковатых людей, которым приписывается способность к прорицанию, а также отраженное в костромской лексике восприятие таких людей. Также были выдвинуты некоторые гипотезы о происхождении отдельных форм (например, *благутонный* ‘блаженный’).

Д. Н. Гальцова (Воронежский государственный университет) в выступлении на тему «Наименования построек для временного проживания в воронежских говорах» представила перечень номинаций

строений в пределах крестьянской усадьбы, которые используются только в летнее время: например, *времянка*, *туня*, *кухня* и др.

М. А. Карпун (Южный федеральный университет) в докладе «Донские диалектные фитонимы, включающие наименования титулов восточных правителей» исследовала наименования растений, их частей и плодов с корнями *цар-*, *султан-*, *хан-* и др. Автор пришел к заключению, что в основном к ним относятся объекты привлекательной или вычурной формы, а также обладающие высоким качеством.

Сообщение «Лексика охоты в русских говорах Симбирского Поволжья» *Я. В. Мызниковой* (СПбГУ) содержало наблюдения над терминами охоты, которые описывают сам процесс, его участников, животных, совершаемые теми и другими действия и т. д. Часть представленного материала была собрана автором в экспедициях в Ульяновскую область, другая часть была взята из диалектных и толковых словарей, а кроме того из художественной и специальной охотоведческой литературы и СМИ. Был сделан вывод, что многие формы, включенные в диалектные словари дифференциального типа, диалектизмами не являются, а принадлежат профессиональной речи охотников. Напротив, многие лексемы, попавшие в толковые словари литературного языка из классической литературы, скорее можно определить как диалектные единицы.

А. П. Каргина (Камчатский государственный университет им. В. Беринга) в докладе на тему «Обращения по половой принадлежности в говорах камчадалов» проанализировала формы, употребляемые в русских диалектах Камчатки при обращении к незнакомым людям, – *дева*, *паря*, *мацка*, *дева-мацка*, *бацка* и др. По мнению автора, все они являются или общерусскими, или принесенными из севернорусского наречия – материнского для говоров камчадалов.

М. Д. Королькова (Институт лингвистических исследований РАН) и *Т. В. Махрачева* (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина) выступили с докладом «К вопросу о привлечении этнографических данных при лингвогеографическом анализе лексики», в котором говорилось об использовании литературы по народному искусству и фондов этнографических музеев для точного определения семантики лексики, называющей элементы традиционного быта и промыслов. Конкретно речь шла об обозначениях отдельных видов посуды и инструментов кустарного текстильного производства.

Исследованию диалектной лексики было посвящено выступление и *Т. В. Шалаевой* (ИСЛ РАН) «О производных корня *шах-*/ *ших-/шех-/ших-/шиух-* ‘бить, ударять’». В нем описывалась основная

семантика дериватов указанного гнезда и высказывались предположения об этимологии некоторых единиц, а именно северорусских слов *ишик* ‘позвоночник птицы’ и *шоша* ‘человек высокого роста’.

Доклад *O. B. Васильевой* (СПбГУ) «Ареальная вариативность в псковских говорах» представлял собой описание различий, существующих на разных языковых уровнях, между подгруппами говоров, бытующих на территории Псковской области. Также было показано, какие из этих особенностей нашли отражение в немецко-русском разговорнике, составленном в начале XVII в. в Пскове ганзейским купцом Тоннисом Фенне.

Все доклады секций «Славянское языкознание» и «Русская диалектология» вызвали у слушателей живейший интерес и сопровождались содержательными дискуссиями.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.21

T. V. Shalaeva

LIII L. A. Verbitskaya International Academic Philological Conference

Tatiana V. Shalaeva

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: koulkuk@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9836-0105

Citation

Shalaeva T. V. LIII L. A. Verbitskaya International Academic Philological Conference // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 403–406 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.21

Received: 07.04.2025.

**III Шемякинские чтения:
«Мифы, предрассудки и стереотипы
в истории и историографии народов
Центральной и Юго-Восточной Европы. XVIII–XX вв.»**

Лобачева Юлия Владимировна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: u.lobacheva@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-1675-1381

Цитирование

Лобачева Ю. В. III Шемякинские чтения: «Мифы, предрассудки и стереотипы в истории и историографии народов Центральной и Юго-Восточной Европы. XVIII–XX вв.» // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 407–410. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.22

Текст поступил в редакцию 04.08.2025.

13 и 14 мая в Институте славяноведения РАН и на платформе *Zoom* состоялись III Шемякинские чтения, собравшие российских и сербских ученых для обсуждения широкого круга вопросов по актуальной и вызывающей немалый исследовательский интерес теме – «Мифы, предрассудки и стереотипы в истории и историографии народов Центральной и Юго-Восточной Европы. XVIII–XX вв.». Это научное мероприятие, посвященное памяти видного российского историка-слависта Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018), было подготовлено и проведено его коллегами, сотрудниками Отдела истории славянских народов периода мировых войн ИСл РАН и Центра по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета.

Необходимо сказать, что в рамках крупного институтского научного проекта «Человек на Балканах», идейными вдохновителями и координаторами которого являлись А. Л. Шемякин и Ритта Петровна Гришина (1930–2015), уже имело место обращение к обозначенной проблематике на теоретическом (освещение вопросов теории и методологии имагологических исследований) и практическом (конкретные

разработки авторов) уровнях – результаты которого представлены, в частности, в книге «Человек на Балканах глазами русских: сборник статей» (отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб., 2011). Об этом напомнил в открывшем 13 мая работу конференции вступительном слове *А. А. Силкин* (ИСл РАН), отметив, что при формулировании темы данных Шемякинских чтений организаторы, как и в случае первых двух форумов, обратились к научному багажу и научному наследию Андрея Леонидовича, который уделял большое внимание историческим и историографическим мифам и умозрительным представлениям.

Научное обсуждение в первой секции конференции, председателем которой являлась Е. П. Серапионова (ИСл РАН), началось с выступления *А. В. Морохина* (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет (ННГУ) им. Н. И. Лобачевского), озаглавленного «К истории пребывания в России доктора Г. Карбонария (1689–1714 гг.)». Далее *О. В. Хаванова* (ИСл РАН) представила доклад под названием «Посол Н. Эстерхази и отставка канцлера А. П. Бестужева: документальные свидетельства – историографические интерпретации». Тема доклада *В. Б. Каширина* (ИСл РАН) формулировалась так: «Три поколения буйства и отваги: генералы-сербы Стояновы на российской службе (XVIII в.)». Заключительным было выступление *Ю. В. Лобачевой* (ИСл РАН) – «А. Г. Розелион-Сашальский о Белграде в 1830 г.: источники и историография».

Вторую секцию, председателем которой был А. А. Силкин, открыл доклад сербских исследователей *Д. Леоваца* и *Ж. Илича* (Белградский университет) на тему «Перцепция средневековой сербской государственности в XIX в. – между мифом и исторической реальностью». Затем выступила *М. В. Лескинен* (ИСл РАН) с докладом «Восточнославянские народы в российских аллегорических изображениях второй половины XIX – начала XX в.: костюмные атрибуты-признаки и проблема реконструкции этнокультурных стереотипов».

Работа конференции продолжилась в следующей секции, которую вела Ю. В. Лобачева. Первым был заслушан доклад *М. В. Белова* (ННГУ им. Н. И. Лобачевского) под названием «Вокруг “Начертания” И. Гарашанина (о механике воспроизведения историографических стереотипов)». Далее *Н. С. Пилько* (ИСл РАН) осветила сюжет «Триест и национальные мифы. Вчера, сегодня, завтра (XIX–XXI вв.)». Следом *О. А. Дубовик* (МГУ им. М. В. Ломоносова) представила доклад «С верой в триумф польского вопроса: у истоков болгаро-польских дипломатических отношений». Тема доклада *Н. С. Гусева* (ИСл РАН)

звучала так: «Воспроизводя и создавая стереотипы: Болгария и болгары в изданиях Е. Н. Водовозовой».

Обсуждение четвертого, последнего в первый день чтений, блока вопросов модерировал М. В. Белов. Первое слово было предоставлено Д. С. Парфириеву (ИСл РАН), который сделал доклад «“Правда ли москали одноглазые и с хвостами?”». Представления жителей Галиции о русских во время Первой мировой войны». Затем Е. П. Серапионова обратилась к вопросу: «Исторические и историографические мифы вокруг чехословацкого национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны». Доклад Ю. А. Борисёнка (МГУ им. М. В. Ломоносова) раскрывал тему «Юзеф Пилсудский и белорусский вопрос: застарелые стереотипы и новейшие заблуждения польской историографии». В конце Я. В. Вишняков (МГИМО МИД РФ) затронул сербский сюжет – «“Майский переворот” в Королевстве Сербия в 1903 г.: мифы и реальность».

Во второй день конференции, 14 мая, работа была также организована в рамках последовательных секций. Председателем первой из них выступил С. З. Случ (ИСл РАН). В начале слово было предоставлено Л. В. Кузьмичевой (МГУ им. М. В. Ломоносова) для доклада «Специфика становления королевской власти в Сербии в 1882–1918 гг. К вопросу о стереотипах восприятия». Далее Н. Н. Станков (ИСл РАН) осветил тему «Стереотипы и новые подходы к исследованию советско-чехословацких отношений в 1920-е годы в отечественной историографии». Следующие два доклада касались югославско-советских / советско-югославских отношений. А. А. Силкин рассмотрел вопрос «Владислав Рибникар и “советский миф”. 1927–1928 гг.», а М. Живанович (Институт новейшей истории Сербии (ИНИС), Белград) – тему «Мифы о советско-югославских отношениях межвоенного периода в югославской / сербской историографии».

Обсуждение во второй секции, которое вел А. С. Стыкалин (ИСл РАН), началось с доклада С. З. Случа под названием «Еще раз о речи Сталина, которой не было (20 лет спустя)». Затем А. Ю. Тимофеев (Белградский ун-т, ИНИС) выступил на тему «Мифы о боях в подземельях Белграда в октябре 1944 г.». А. С. Анисеев (ИСл РАН) прочел доклад «Политика Кремля на Балканах в первые послевоенные годы и позиция США».

В ходе заключительного заседания, председателем которого был А. А. Силкин, прозвучало четыре доклада. А. Животич (Белградский ун-т) представил доклад «Страх перед советской военной интервенцией в Югославии (1948–1952 гг.)». Н. В. Бондарев (ИСл РАН) осветил

вопрос «Агитпроп против Коминформа: столкновение нарративов (1948–1954 гг.)». Тема доклада *А. С. Стыкалина* формулировалась так – «Румыния эпохи Чаушеску (середина 1960-х – 1980-е годы): формирование мифологизированного взгляда партийных идеологов на ключевые события национальной истории». *М. Радивоевич* (Белградский ун-т) сделал доклад «Российская Федерация и политическая ситуация в Сербии в 1997 г.».

В итоге в ходе конференции исследователями из России и Сербии было представлено 25 докладов, 5 из них – белградскими коллегами. Рассмотрение вынесенных на обсуждение вопросов, охвативших довольно широкое тематическое поле, вызвало живой отклик аудитории (вопросы, размышления, обмен мнениями) и внесло свой вклад в развитие научной дискуссии о появлении, существовании, возможности трансформации затронутых мифов, стереотипов, предрассудков, заблуждений и т. д. в истории и историографии народов исследуемого региона. По результатам конференции предполагается публикация статей в третьем выпуске серийного издания «Шемякинские чтения».

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.22

Yu. V. Lobacheva

**III Shemyakin Readings: “Myths, Prejudices, and Stereotypes
in the History and Historiography of the Peoples
of Central and South-Eastern Europe. 18th–20th Centuries”**

Yulia V. Lobacheva

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: u.lobacheva@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-1675-1381

Citation

Lobacheva Yu. V. III Shemyakin Readings: “Myths, Prejudices, and Stereotypes in the History and Historiography of the Peoples of Central and South-Eastern Europe. 18th–20th Centuries” // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 407–410 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.22

Received: 04.08.2025.

УДК 009

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.23

E. V. Байдалова, Е. В. Шатько

**Научная конференция
«Технологии искусственного интеллекта
в гуманитарных научных исследованиях:
опыт и перспективы использования»**

Байдалова Екатерина Викторовна

Научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: e.baydalova@inslav.ru

ORCID: 0000-0001-6263-8358

Шатько Евгения Викторовна

Кандидат филологических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование

Байдалова Е. В., Шатько Е. В. Научная конференция «Технологии искусственного интеллекта в гуманитарных научных исследованиях: опыт и перспективы использования» // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 411–420. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.23

Текст поступил в редакцию 01.08.2025.

В начале 2025 г. на базе Института славяноведения РАН был создан междисциплинарный научный семинар «Искусственный интеллект в исторических и филологических исследованиях». В рамках работы семинара предполагается изучение возможностей использования искусственного интеллекта (ИИ) в научно-исследовательской деятельности сотрудников Института.

10 июня 2025 г. была проведена первая научная мультидисциплинарная конференция «Технологии искусственного интеллекта в гуманитарных научных исследованиях: опыт и перспективы использования», собравшая 25 участников от Дальнего Востока до Пскова. В естественных и технических дисциплинах ИИ ужеочно утвердился как инструмент для обработки больших объемов данных (Big

Data), моделирования сложных процессов и открытия новых закономерностей, в то время как в гуманитарных науках его потенциал только начинает раскрываться. Нейросетевые алгоритмы способны существенно изменить методы анализа текстов, исследование артефактов и культурных явлений: от расшифровки древних рукописей и выявления стилистических паттернов в литературных произведениях до реконструкции исторических событий на основе архивных данных и атрибуции произведений искусства с помощью компьютерного зрения. Именно этим методологическим новациям и открывающимся исследовательским горизонтам была посвящена конференция, целью которой стало не только обобщение накопленного опыта, но и выявление перспективных направлений использования ИИ в гуманитарных исследованиях. Она собрала широкий круг участников, представляющих разные специальности: философов, историков, лингвистов, культурологов, политологов, психологов, искусствоведов, как делающих первые шаги в направлении новых технологий, так и уже имеющих практический опыт применения ИИ в своей научной работе, а также разработчиков ИИ-решений. Программа конференции была сфокусирована на обсуждении ряда ключевых вопросов, среди которых этические дилеммы использования ИИ в науке, проблемы интерпретации данных и сохранения критического мышления исследователя, возможности автоматизации рутинных задач (обработка текстовых корпусов, поддержка проектов), выстраивание эффективного междисциплинарного сотрудничества между гуманитариями и IT-специалистами, а также обмен конкретным практическим опытом интеграции ИИ в научную работу. Представленные доклады и дискуссии продемонстрировали, что ИИ перестал быть лишь инструментом автоматизации в гуманистике, что использование ИИ-технологий порождает новые методологические вызовы и открывает неожиданные перспективы исследований.

Открыла программу секция «Философия и методология ИИ», задав тон дискуссии о фундаментальных вызовах ИИ для науки. Д. С. Быльева (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) представила доклад «ИИ как автор научных работ», где проанализировала парадокс современного научного дискурса: использование больших языковых моделей для генерации научных текстов сталкивается с невозможностью официального признания авторства ИИ. Большинство журналов ограничивают применение ИИ вспомогательными функциями, но техническая сложность выявления нейросетевого авторства

приводит к распространению сгенерированных работ, опирающихся порой на фейковые данные. Было отмечено, что накопление сгенерированных научных статей может существенно повлиять на развитие дальнейшей науки. Эту же тему продолжил С. А. Яхновец (Москва, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина) в докладе «Философия искусственного интеллекта в сфере научно-исследовательской деятельности», в рамках которого описал ИИ как «виртуальный оксюморон» – трансцендентную сущность, характеризующуюся определенного рода имманентностью. Он подчеркнул, что механизм имплементации ИИ в сциентическую сферу противоестествен самой науке в части ее академичности, независимости и оригинальности, а также то, что ИИ, подменяя сознание и разум, упраздняет смысл исследовательской деятельности и принцип авторства. Д. А. Ярочкин и И. Ю. Ларионов (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Философские аспекты языковых моделей ИИ: Итоги конференции 2025 года в рамках проекта “Лаборатория цифровой философии”» описали новаторский формат междисциплинарной конференции в СПбГУ, где участники защищали философские тезисы, сгенерированные ИИ, а затем проходили опрос, дублирующий основные темы конференции. Такой формат, сочетающий генеративную мощность ИИ с критическим потенциалом философской дискуссии, является новым для мировой научной практики. Этот эксперимент выявил феномен «гибридного авторства» и позволил проанализировать взаимодействие человека и ИИ в осмыслиении авторства, интерпретации и философской агентности. Завершил секцию доклад К. А. Курбанова (Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») «Синтез лингвистики и ИИ: перспективы междисциплинарных исследований в области обработки естественного языка», где были проанализированы современные методы обработки естественного языка NLP (word2vec, LDA, NER), их возможности и ограничения с точки зрения лингвистики, в частности линейно-сintагматического континуума. Особое внимание было уделено принципам работы нейросетевых архитектур при анализе текста. По мнению докладчика, ИИ нуждается в лингвистическом знании для совершенствования NLP, а лингвистика получает мощные инструменты анализа. Перспективными являются разработка гибридных моделей, сочетающих машинное обучение с лингвистическими правилами, создание качественных корпусов данных и развитие методов интерпретации результатов работы ИИ-систем.

Секция «Исторические исследования и Digital Humanities» продемонстрировала практическое применение ИИ в исторических научных работах. *В. О. Пелих* (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет) представила доклад «Использование искусственного интеллекта для расшифровки исторических рукописей в Японии: опыт проекта *Minna de Honkoku*». Проект, нацеленный на расшифровку рукописей со сложными скорописными знаками кудзусидзи, успешно интегрировал технологии ML и NLP с краудсорсингом, создав обширную базу для тренировки алгоритмов и ускорив процесс расшифровки. Особое внимание было уделено проблемам, связанным с автоматическим распознаванием кудзусидзи, таким как вариативность написания, каллиграфические стили (например, тирасигаки) и наличие дополнительных элементов текста. Были также обозначены перспективы адаптации технологий для работы с камбуном¹. *Г. А. Хришкевич* (Псков, Псковский государственный университет) в докладе «Перспективные подходы к восстановлению изображений фресок: синтез классических и нейросетевых методов» предложил инновационную методику восстановления утраченных фрагментов монументальной живописи. Для формирования обучающей выборки применяется метод многоракурсной фотосъемки, основанный на принципах фотограмметрии, что позволяет получать детализированный массив двумерных изображений без построения 3D-моделей. В качестве ядра реконструкции используется модифицированная архитектура UNet, адаптированная к задачам сегментации и восстановления поврежденных областей. Представленная технология в перспективе может быть распространена на другие виды художественных объектов и интегрирована в мультимодальные цифровые платформы поддержки реставрационных решений, что открывает новые возможности для сохранения культурного наследия. *С. П. Головская и Е. Н. Чернова* (Москва, Московский международный университет) в докладе «Использование искусственного интеллекта для визуализации городов XIII века по письменным источникам» на примере Константинополя, Каркассона, Козельска и Старой Рязани предприняли попытку реконструкции городов исключительно по текстовым описаниям, используя сравнение ИИ-визуализаций с работами историков и художников. Докладчики пришли к выводу, что это возможно, но требует применения продвинутых технологий, недоступных обычному пользователю, и умения точно формулировать запросы. *В. Е. Мурин, С. Н. Шеховцов и М. С. Парада*

1 Один из письменных языков средневековой Японии.

(Москва, Московский международный университет) в докладе «Проблема интерпретации материальных источников при работе с нейросетями» исследовали гипотезу о способности ИИ корректно определять эпоху, культурную принадлежность и подлинность артефактов. Сравнение ИИ-анализа фотоматериалов музейных экспонатов с экспертной оценкой выявило как преимущества, так и риски «галлюцинаций» системы. *А. А. Феденева* (Екатеринбург, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) в докладе «Автоматизация обработки писем с помощью ИИ: на примере корреспонденции в “Крестьянскую газету” из архива П. П. Бажова» представила опыт обработки корпуса крестьянских писем 1920–30-х гг. с помощью таких инструментов, как Transkribus (распознавание рукописного и машинописного текста) и DeepSeek (тематическая классификация, ключевые слова), указав на их точность, универсальность и ограничения. Этот подход значительно снизил трудозатраты на первичную обработку центрального источника массовой эпистолярной культуры и социального самовыражения крестьян того времени. *Т. В. Медведева* и *О. В. Жигулина* (Москва, Институт славяноведения РАН, Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Искусственный интеллект в устной истории: современные возможности и перспективы» сосредоточились на применении ИИ при работе с аудиозаписями. Согласно их наблюдениям, для редактуры и реставрации звука могут быть использованы Adobe Podcast, DxRevive Pro, iZotope RX Audio Editor. Трудоемкая расшифровка звука в устный текст (с последующей возможностью индексации этого текста, поиска) решается с помощью моделей автоматического распознавания речи (automatic speech recognition ASR) нейросетями Whisper от OpenAI, SaluteSpeech от Сбера, SpeechKit от Yandex и др. Перспективы применения ИИ в этой сфере видятся авторами доклада в двух направлениях: расширение базы языков и диалектов, доступных для обработки нейросетью, и возможности поиска по массиву звуковых и видео данных независимо от текста.

Участники секции «ИИ в изучении дискурсов и нарративов» углубились в анализ текстов и дискурсов. *Н. Н. Новик* и *В. А. Гацковская* (Москва, Финансовый университет) в докладе «Дискурс-сетевой анализ в гуманитарных и социальных исследованиях», стремясь выявить основные проблемы, связанные с использованием дискурс-сетевого анализа в гуманитарной сфере, выдвинули идею о необходимости расширения понимания дискурса, контекстуальности и интертекстуальности, кодификации его элементов в соответствии с фуколдианской

традицией. Идея докладчиков заключалась в разработке нового подхода, который интегрирует теоретические основы дискурса с современными методами обработки данных, что откроет новые горизонты для исследования дискурсивных текстуальных и нетекстуальных явлений. *К. А. Гундарова, В. В. Лётченко и Ю. А. Серёгин* (Москва, Московский международный университет) в докладе «Влияние национальных нарративов на ответы языковых моделей» показали, как ответы моделей (ChatGPT, Grok3, YandexGPT, GigaChat, ERNIE Bot, DeepSeek) на вопросы об исторических событиях (окончание Второй мировой войны, полет в космос Ю. А. Гагарина, падение Византии) детерминированы национальными нарративами в обучающих данных. Российские модели акцентировали роль СССР, американские – западные достижения, китайские сохраняли нейтралитет. Докладчики констатировали наличие искажений при вторичной генерации ответов и подчеркнули необходимость учета культурного контекста. *Н. В. Панкратова* (Москва, независимый исследователь) представила доклад «Автоматизированный сбор экономических нарративов: опыт разработки исследовательского инструмента с применением технологий ИИ», в котором рассказала о создании Telegram-бота «MoneyThinkCoach» с помощью генеративных ИИ (ChatGPT, Vo). Бот совмещает функции инструмента когнитивно-поведенческой терапии для пользователей и платформы для сбора и структурирования анонимных нарративов о финансовом поведении, демонстрируя потенциал ИИ не только как аналитического инструмента, но и как полноценного партнера и помощника исследователя-гуманитария в разработке и реализации инновационных цифровых решений в области психолингвистики и когнитивных наук. *Е. В. Дзюба и А. Г. Кузякин* (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) представили доклад «ИИ в разработке техзадания для гуманитарных цифровых проектов: база текстовых данных для лингвополитологического анализа». С помощью инструментов ИИ были автоматизированы процессы структурирования требований анализа типовых документов, формирования системы метаданных и проектирования модулей поиска и аннотирования. Использование NLP-модуля для автоматической лингвистической и концептуальной разметки текстов, а также технологий OCR и KWIC для работы с многоязычными и разнородными источниками позволило повысить полноту и точность проектирования, сократить время подготовки ТЗ и обеспечить гибкость системы для последующей аналитической работы. *В. Д. Полухина* (Новосибирск, Новосибирский государственный университет

экономики и управления) в докладе «Интерпретация внешнеполитических дискурсов с использованием языковых моделей ИИ: гуманистические методы анализа» сосредоточилась на применении ИИ (автоматическая кластеризация, тематическое моделирование, семантическое сравнение) для выявления риторических паттернов, тематических доминант и латентных смыслов в текстах официальных доктрин, стратегий национальной безопасности и аналитических внешнеполитических отчетов России, Китая и США. По мнению исследовательницы, методы цифровой текстовой аналитики позволяют гуманистиям не только интерпретировать тексты в политическом контексте, но и обнаруживать скрытые идеологемы и фреймы научно-технического соперничества.

Фокус внимания выступающих секции «Анализ художественного дискурса при помощи ИИ» был сосредоточен на вопросах применения искусственного интеллекта в аналитических исследованиях художественных текстов. В первом докладе *М. Н. Саенко* (Москва, Институт славяноведения РАН) «ИИ как библейст: опыт анализа “Сионских песен” общины “Новый Израиль”» было рассказано о рукописном сборнике духовных песен секты «Новый Израиль», члены которой перед Первой мировой войной эмигрировали из Воронежской губернии в Уругвай. В 1920-е гг. часть из них репатриировалась в Советский союз. Так называемые «Сионские песни» полны библейских образов и аллюзий, однако практически не содержат прямых цитат. Помощь ИИ облегчает нахождение фрагментов Библии, которыми вдохновлялись авторы духовных песен. *С. Н. Парамонова* (Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) в докладе «Нейросетевой анализ авторской пунктуации: цифровые методы изучения стилистических особенностей в “Мастере и Маргарите” и “Белой гвардии” М. А. Булгакова» представила опыт использования ИИ для исследования пунктуации как элемента идиостиля Булгакова. *С. С. Медакин* (Москва, ВШЭ), *В. А. Филиппова* (Санкт-Петербург, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) и *Д. В. Курганевич* (Москва, ВШЭ) в докладе «“Рассказ воробья”: автоматический компаративный анализ сюжетов и сценариев киножурнала “Фитиль”» представили разработанное с применением NLP (Word2Vec, BERT) приложение для автоматизации комплексного анализа кинотекста. На примере фильма 1963 г. из киножурнала «Фитиль» (реж. Д. Варламов) было продемонстрировано, как с помощью разработанного

приложения производится анализ изменений в сюжетных структурах, влияния редакторской правки на эволюцию создания и восприятие визуальных материалов. Эта технология, упрощая процесс сопоставления литературного и кино-текстов, позволяет проследить интеграцию первого с визуальным рядом.

Заключительная секция «ИИ в лингвистических исследованиях и автоматической обработке текста» охватила широкий спектр проблем, связанных с использованием искусственного интеллекта в языковедческих разработках. К. С. Кочергина (Томск, Томский государственный университет) в докладе «Применение нейросетей при выборе словарей-источников для лингвоэкспертных исследований» проанализировала ответы ChatGPT и YandexGPT на вопросы о выборе словарей для лингвистической экспертизы. Сравнение ответов ИИ с теорией и практикой лингвоэкспертизы выявило как пользу, так и ограничения нейросетей в этой функции. М. Э. Зверев (Москва, ВШЭ) в докладе «Автоматическая идентификация и генерация фонетической (ритмической) терминологии при помощи ИИ моделей (кейс-стади)» изучил синергию ИИ и ритмической терминографии. Исследователь отметил двойственность работы ряда моделей: так, например, AI Perplexity может извлекать релевантные для исследования термины, используя морфологические и тематические критерии, указанные в промпте, но при этом – включать постороннюю терминологию. Другие инструменты ИИ, такие как WordStudio и pageglow.ai, продемонстрировали потенциал для генерации новых ритмических терминов, не отраженных в существующих словарях (Trask R.L. "A dictionary of phonetics and phonology" (1996); Crystal D., Yu A. C. L. "A Dictionary of Linguistics and Phonetics" (2023)). Однако они включают несвязанные термины из разных областей, что подчеркивает острую необходимость экспертной проверки глоссариев, созданных ИИ. М. А. Ляшенко (Пятигорск, Пятигорский государственный университет) в докладе «Методы анализа данных для отслеживания языковых изменений» продемонстрировала применение гибридных нейросетевых моделей (BERT, LSTM, графовые сети) и методов (тематическое моделирование, кластеризация t-SNE) для анализа семантических сдвигов. Для их выявления применены гибридные нейросетевые модели, такие как BERT (контекстуальный анализ), LSTM (диахронический анализ) и графовые нейросети (визуализация связей). Эти методы обеспечивают мониторинг языковой динамики в реальном времени, преодолевая ограничения традиционных корпусов. Е. В. Васильева (Владивосток, Дальневосточный юридический институт) в докладе «Функциональная типология контекстов

употребления некодифицированных дериватов: от Яндекс Поиска к машинному классификатору» представила метод автоматизированного определения сфер функционирования текстов, в которых встречаются некодифицированные дериваты. Исследовательница сосредоточилась на анализе примеров употребления отадъективных имен лиц, которые извлекаются не из словообразовательных или толковых словарей, а из интернета с помощью Яндекс Search API. Поскольку ручная разметка больших объемов данных трудозатратна, осуществляется обучение модели, способной автоматически определять сферу функционирования фрагмента (сниппета) на основе URL-источника и текстового фрагмента. Результаты позволяют оценить жизнеспособность производной единицы: чем шире спектр сфер использования деривата, тем выше степень его интеграции в языковую систему. *О. В. Гончарова* (Москва, Институт системного программирования РАН) в докладе «Нейросетевые методы выявления родственных слов в гуманитарных исследованиях» описала создание гибридной нейросетевой архитектуры для автоматического поиска родственных (когнатных) слов в корпусах языков. На первом этапе слова кодируются через символные и позиционные числовые представления текста (эмбеддинги), затем обрабатываются BiLSTM и трансформерными блоками, а пара слов оценивается сиамской структурой с косинусным сходством и классификатором MLP. На втором этапе к архитектуре добавляется дополнительный поток, анализирующий переводы слов, и вводятся обучаемые весовые коэффициенты для объединения внутриязыковых и переводных признаков, в результате чего достигается высокая точность выявления когнатов. Завершил конференцию доклад *Д. П. Калиновского* (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева) «Исследование особенностей старославянской письменности на примере книги Остромирово Евангелие с использованием методов искусственного интеллекта», посвященный разработке программного обеспечения для анализа почерка древней рукописи. Оценка данных на основе группирования объектов в кластеры на основе их сходства (кластеризация) и дендрограммы подтвердили гипотезу о разных писцах, выявив уникальные характеристики почерка. Созданный веб-инструмент позволяет проводить палеографические исследования, демонстрируя продуктивность ИИ для изучения исторической письменности.

Конференция, в ходе которой нередко возникали живые дискуссии, продемонстрировала, что ИИ, с одной стороны, прочно вошел в инструментарий ученого-гуманитария, с другой стороны, пока

не стал полноценным помощником исследователя, поскольку на разных этапах требует экспертной оценки результатов своей деятельности. При этом необходимо отметить, что полемические вопросы о природе авторства, этике применения, интерпретации результатов и культурной обусловленности ИИ остаются центральными для дальнейшего развития цифровых гуманитарных наук.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.23

E. V. Baidalova, E. V. Shatko

Academic Conference “Artificial Intelligence Technologies in Humanities Research: Experience and Prospects for Use”

Ekaterina V. Baydalova

Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: e.baydalova@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-6263-8358

Evgeniia V. Shatko

Candidate of Letters, research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Citation

Baidalova E. V., Shatko E. V. Academic Conference “Artificial Intelligence Technologies in Humanities Research: Experience and Prospects for Use” // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 411–420 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.23

Received: 01.08.2025.

УДК 81-11; 81-2

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.24

Н. Е. Ананьевая, О. А. Остапчук

90-летний юбилей профессора Януша Ригера

Ананьевая Наталия Евгеньевна

Доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: ananeva.46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1626-2243

Остапчук Оксана Александровна

Кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

Старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: ostapchukoa@my.msu.ru

ORCID: 0000-0002-2856-0793

Цитирование

Ананьевая Н. Е., Остапчук О. А. 90-летний юбилей профессора

Януша Ригера // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 421–428.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.24

Текст поступил в редакцию 30.07.2025.

20 сентября 2024 г. исполнилось 90 лет видному польскому лингвисту-слависту, специалисту по восточнославянским языкам, контактологии, диалектологии и ономастике, доктору филологических наук, профессору Янушу Ригеру. Януш Анджей Ригер родился в 1934 г. в Кракове, в семье юриста и офицера Анджея Ригера (будущей жертвы Катыни) и его жены Антонины (в девичестве Латиник) – первой чемпионки Польши по фехтованию. Дедом Я. Ригера по материнской линии был известный польский военачальник генерал Франтишек Латиник (выполнявший, в частности, в 1920 г. обязанности губернатора осажденной Варшавы).

В юности Я. Ригер принадлежал к кругу молодежи, среди которой осуществлял свою паstryрскую деятельность Кароль Войтыла – будущий папа Иоанн Павел II. Теплые отношения со своим духовным наставником Я. Ригер поддерживал и после его интронизации, а тот живо

интересовался научными успехами своего бывшего подопечного, задавая вопросы к диалектным текстам, которые публиковались в сборниках под редакцией Я. Ригера (Rieger 2019: 536). Первоначально собираясь пойти по стопам отца и стать юристом, Януш в силу ряда причин отказывается от этой мысли и выбирает филологию. В 1951–1955 гг. он изучает русистику в Ягеллонском университете – одном из старейших университетов Европы, славящемся высоким уровнем преподавания. О фундаментальности знаний, полученных Я. Ригером в университете, свидетельствует, например, такой факт: его университетскими преподавателями были выдающиеся слависты Здзислав Штибер и Ян Янув.

В 1956 г. Я. Ригер поступает в аспирантуру Варшавского университета. С этого времени его научная и преподавательская деятельность связана со столичными учреждениями: Варшавским университетом, Институтом славистики ПАН, в котором он проработал почти 40 лет (с 1960 по 1997 г.), Институтом польского языка ПАН (1997–2004). В 1967 г. юбиляр защищает кандидатскую диссертацию (в польской терминологии *doktorat*), а через 10 лет – докторскую (*habilitacja*). В 1989 г. он получает звание профессора.

В Институте славистики в 1990–1998 гг. проф. Ригер был заместителем председателя Ученого совета. Он является или являлся членом многочисленных профессиональных объединений: Варшавского научного общества, Диалектологической комиссии Комитета языкоznания ПАН, Научного общества Люблинского католического университета, польского Комитета славистов (1991–2015); Я. Ригер – почетный член Харьковского научного общества и Комитета языкоznания ПАН. Одновременно с интенсивной научной работой проф. Я. Ригер преподает в ряде университетов: Варшавском, Лодзинском, Люблинском католическом университете. Дар вдохновенного преподавателя и внимательного наставника, способного передать ученикам свое увлечение предметом, проявился в подготовке им целой плеяды научных кадров: под непосредственным руководством проф. Я. Ригера было защищено 18 кандидатских диссертаций, а часть его учеников стали докторами наук и соавторами его трудов (например, ономастка Эва Вольнич-Павловская и специалистка по польским говорам Украины Эва Дзеньгель).

Начало творческого пути юбиляра связано со славянской ономастикой – гидронимией и антропонимией. В 1969 г. выходит в свет его работа «Nazwy wodne dorzecza Sanu» («Гидронимы бассейна Саны»), в 1977 г. – монография «Imiennictwo ludności wiejskiej w ziemi sanockiej i przemyskiej w XV wieku» («Имена сельского населения в Санокской и Перемышльской землях в XV веке»). В 1975 г. Я. Ригер и его ученица

Э. Вольнич-Павловская издают труд по гидронимии бассейна Варты («Nazwy rzeczne w dorzeczu Warty»). В 1988 г. в Штутгарте на немецком языке появляется работа проф. Я. Ригера о гидронимах бассейна Вислока. Здесь же позднее (в 2003 г.) он издает немецкий вариант более ранней работы о гидронимах бассейна Сана. Одновременно Я. Ригера интересуют проблемы русистики и украинистики, что находит свое отражение в тематических русско-польском (в соавторстве с Эвой Ригер) и украинско-польском словарях (совместно с Орысей Демской), а также в имеющем дидактический характер труде по истории русского языка, где большое внимание уделяется также диалектологии («Z dziejów języka rosyjskiego». Warszawa, 1989; 2-е дополненное издание вышло в 1998 г.). Важнейшей сферой интересов профессора на долгие годы становится восточнославянская диалектология: в 1995 г. выходит его монография о лексике лемковских говоров «Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie» («Лемковская лексика и ономастика»), данью памяти учителю стала подготовка к печати «Гуцульского словаря» Яна Янува (Jan Janów. Słownik huculski. Kraków, 2001). Особое место среди работ, посвященных языку гуцулов, бойков и лемков, занимают лингвогеографические и лексикографические труды. Кроме «Лексического атласа Гуцульщины» («Atlas leksykalny Huculszczyzny», 1996) коллективом Института славистики ПАН под руководством проф. Я. Ригера был составлен семититомный «Атлас бойковских говоров», основанный на материалах, собранных Стефаном Грабцом (Atlas gwar bojkowskich. T. I–VII. Wrocław, 1980–1991). Одним из авторов данной статьи в свое время была опубликована рецензия на этот фундаментальный труд, который в 1992 г. удостоился награды им. Казимежа Нитча¹. С опорой на материалы С. Грабца, собранные в 1938–1939 гг. на землях, переживших волну переселений в 1945–1947 гг. и утративших свой исконный этноязыковой облик, создается также атлас украинских говоров над Саном (см. Atlas ukraińskich gwar nadśańskich opracowany na podstawie zapisów terenowych Stefana Hrabca. T. 1–2. Warszawa: UW, 2017). Почти одновременно в издательстве Варшавского университета выходит словарь лемковской деревни Бартне (Mały słownik łemkowskiej wsi Bartne. Warszawa: UW, 2016) – один из первых словарей такого объема (4 300 словарных статей), содержащий не только отдельные слова, но и примеры словоупотребления, а также сведения о традиционных предметах быта и обычаях, названия которых представлены в словаре.

¹ Ананьев Н. Е. Об атласе бойковских говоров // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1983. М., 1988. С. 330–336.

Я. Ригер также принимал активное участие в создании Общекарпатского диалектологического атласа (ОКДА) – фундаментального лингвогеографического труда, отдельные выпуски которого начиная с 1987 г. выходили в Кишиневе, Москве, Варшаве, Львове, Братиславе, Будапеште и других славистических центрах.

С 1980-х гг. в научной деятельности Я. Ригера появляется новое направление – исследование польского языка на территории Украины, Белоруссии, Литвы и Латгалии (на так называемых «Кресах»). Вначале его интересы сосредотачиваются на юго-восточной разновидности польских периферийных говоров, что естественно для украиниста; позднее он обращается и к северо-восточному подтипу «польщизны кресовой». Первым этапом в развитии «кресоведения» в стенах Института славистики ПАН является основание Я. Ригером совместно с инициатором изучения польских периферийных говоров в СССР белорусским исследователем Вячеславом Леонтьевичем Вереничем издания *«Studia nad polszczyzną kresową»* под эгидой Комитета языкоznания ПАН. В 12-ти выпусках этой серии, выходившей с 1982 по 2010 г., публиковался разнообразный материал по польскому языку Кресов: статьи о современном состоянии периферийных идиомов и их истории, о «кресовизмах» в художественной литературе, работы лексикографического характера (в том числе публикации архивных словарных материалов), диалектные тексты, собранные в ходе экспедиций, и др. Наряду с польскими исследователями в этом издании участвовали ученые из Белоруссии, Латвии, Литвы, России, Украины; неслучайно видный литовский лингвист В. Чекман назвал ее «энциклопедией сведений о польском языке бывших Кресов». Похожий характер имела издаваемая Я. Ригером с 1996 г. серия *«Język polski dawnych Kresów Wschodnich»* (вышли пять томов в 1996–2012 гг.), задуманная как более популярное дополнение к сугубо научным публикациям, предназначенное для широкого круга читателей, интересующихся проблематикой польско-восточнославянского пограничья; поэтому, в частности, диалектные тексты публиковались в облегченной (не строго фонетической) транскрипции.

Продолжая публиковать в серии *«Studia nad polszczyzną kresową»* материалы по периферийным польским говорам, собранные другими исследователями начиная с XIX в. по настоящее время (в частности, важной вехой в изучении северо-восточной разновидности «польщизны кресовой» является издание работы Г. Турской о трех компактных массивах польского языка в Литве), с конца 1980-х гг. проф. Я. Ригер неоднократно сам со своими учениками выезжает «в поле», исследует польские говоры на территории Украины (главным образом на Волыни и Подолье:

в Хмельницкой, Житомирской и Тернопольской областях). Одна из авторов данной статьи, находясь в 1991–1992 гг. на стажировке в Институте славистики ПАН, имела возможность наблюдать начальный период изучения польских говоров Украины группой Я. Ригера, состоявшей (кроме, естественно, руководителя) из двух только что закончивших тогда университет полонисток – Эвы Дзеньгель и Ивоны Цехош (впоследствии Цехош-Фельчик). В комнатке, именуемой «дуплом» (польск. *dziupla*), под руководством Я. Ригера проходили расшифровка и обсуждение диалектных записей, анализ выходивших в то время работ о польском языке Кресов (в частности, монографии З. Курц о польском языке Виленщины и северо-восточных Кресов в XVI–XX вв.); со временем эти исследователи сами стали опытными диалектологами, подготовившими несколько книг по польским говорам Украины, в том числе – совместно с юбиляром – обширный сборник текстов с описанием социолингвистической ситуации в регионе и краткой характеристикой лингвистических особенностей говоров (*Język polski na Ukrainie w końcu XX wieku*. T. 1. Warszawa, 2002; t. 2. Kraków, 2007). В ходе экспедиций решаются несколько первоочередных задач: устанавливаются пункты, в которых проживают носители польского языка (говоров), разрабатывается вопросник и инструкция для работы с ним (как для опытных, так и для начинающих эксплораторов, число которых постоянно увеличивается), но прежде всего ведется запись связных диалектных текстов на различные темы, которые послужили впоследствии базой для дальнейших исследований и монографических описаний. Я. Ригер и его ученики активно работают также с польскоязычными архивными материалами разного времени, в том числе записями судебных канцелярий XVI в., документами XIX и первой половины XX в., включая материалы польскоязычной советской прессы 1930-х гг.

Организаторские способности Я. Ригера, которыми он отличался еще в юности, будучи харцерским² инструктором, ярко проявились в создании в Институте славистики ПАН (а позднее в Институте польского языка ПАН) Центра по изучению польских кресовых говоров (*Prawownia polszczyzny kresowej*; в первую очередь на территории Украины, позднее и северо-восточных Кресов), а сама *dziupla* долгие годы оставалась центром притяжения для исследователей польского языка и диалектов из разных стран и разных поколений, оказывавшихся в Варшаве. В рамках сотрудничества с учеными, занимающимися данной проблематикой в Белоруссии, Литве, Латвии, России и Украине, проф. Я. Ригер

2 Харцеры – польские скауты, члены Союза польских харцеров.

неоднократно добивался для них стипендий для прохождения стажировок в институциях Польской академии наук. Оба автора юбилейной статьи имели счастье быть такими стажерами. Особое внимание проф. Я. Ригер всегда уделял привлечению к изучению польского языка на Кресах молодежи, для которой организовывались специальные занятия и научные сессии в рамках Полонистического семинара (*Studium Polonistyczne*), где, по приглашению Я. Ригера, читали лекции известные слависты: польские (Рената Гжегорчикова, Роман Лясковский, Мариан Юрковский, Зыгмунт Салони, Феликс Чижевский и мн. др.) и не только (Геннадий Цыхун, Валерий Чекман, Сергей Темчин). Проф. Я. Ригер умел заинтересовать проблематикой Кресов молодых исследователей, в частности, приезжавших на стажировки из Украины, Белоруссии и России. Под его руководством был защищен ряд кандидатских диссертаций (например, диссертация недавно, к сожалению, ушедшего от нас Сергея Рудницкого о польском языке д. Корчунак на Житомирщине). Продолжая заниматься языком лемков, Я. Ригер и в этой области сотрудничал с проходившими научную стажировку в ПАН молодыми специалистами. Так, Я. Ригер и российская славистка Мадина Алексеева подготовили к печати и издали в 2018 г. словарь лемковской деревни Высова, составленный местным жителем (*Słownik gwary lemkońskiej wsi Wysowa*).

Начав заниматься северо-восточными польскими кресовыми говорами, юбиляр активно сотрудничает с литовскими учеными. Плодом такого сотрудничества является коллективный труд о польской диалектной лексике Литвы (совместно с И. Масойч и К. Рутковской) «*Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie*» («Польская диалектная лексика в Литве», 2006), ставший одним из первых томов в серии лексикографических и лексикологических работ, подготовленных коллегами и учениками Я. Ригера на базе собранного на Кресах обширного и разнообразного словарного материала. Большую часть этого фундаментального труда занимает словарь, которому предшествуют краткие очерки о польских диалектах Литвы, функционировании и географической дифференциации лексики польских говоров Литвы, о литуанизмах, белорусизмах и русизмах в этих говорах. В 2014 г., опираясь на записи ряда исследователей северо-восточного подтипа «польщины кресовой», Я. Ригер публикует работу о польской диалектной лексике Браславщины: «*Słownictwo polszczyzny gwarowej na Brasławszczyźnie*».

Монументальный том «*Język polski na Kresach*» («Польский язык на кресах», 2019) авторства Я. Ригера, насчитывающий более 550 страниц, в определенной степени подводит итоги исследовательской деятельности юбиляра по целому ряду направлений. В нем собраны работы разных лет

(многие из которых сегодня труднодоступны), затрагивающие проблематику генезиса и развития польских языковых анклавов за пределами польской этнической территории на протяжении длительного периода времени. Важное место в них занимает обсуждение вопроса дифференциации польских кресовых говоров, связанной с различным социальным статусом их носителей: речь идет, в частности, о разграничении традиционных «крестьянских» и «шляхетских» диалектов с учетом их социолектальных особенностей и системных отличий на разных уровнях языка, что приближает последние к региональному варианту польского (литературного) языка и делает проблематичным использование применительно к нему самого термина «диалект». Особо выделяются в сборнике статьи, связанные с социолингвистическими аспектами исторического развития и современного функционирования польских говоров, включая этническое и языковое сознание жителей Кресов, приверженность традициям и католической религии. В отдельный раздел выделены работы, посвященные общеметодологическим вопросам исследования польских диалектов на Кресах, возможностям применения лингвогеографических, лексикографических, социолингвистических и других методик для их изучения. В разделе, посвященном анализу диалектной польской лексики и словообразования в зоне польско-восточнославянских языковых контактов, обсуждаются вопросы конкуренции исконных и заимствованных слов, а также распространения гибридных образований, что включает также проблематику конкурирования инноваций и архаизмов. В рамках тома собраны статьи, написанные на материале как северо-восточной, так и юго-восточной разновидностей польских периферийных говоров, а также исследования по кресовой ономастике и истории кресовых исследований как таковых. Сборник сопровождается библиографией работ юбиляра о польском языке на Кресах и языковых контактах в данном регионе. Наглядное представление о масштабе исследований польских периферийных говоров, предпринятых проф. Я. Ригером и его школой на протяжении последних 50 лет, дает приложенная к сборнику карта с нанесенными на нее населенными пунктами, упомянутыми в книге.

Научные достижения проф. Я. Ригера высоко оценивают коллеги-слависты из разных стран. В ноябре 1999 г. по случаю его 65-летия и 40-летия научной деятельности в Варшаве состоялась международная славистическая конференция, материалы которой были изданы в 2000 г. под названием «*Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim*» (редакторами сборника стали ученицы профессора Эва Вольнич-Павловская и Ванда Шулёвская). Через 10 лет в честь 75-летия проф. Я. Ригера его коллегами и учениками также была организована

международная конференция, плодом которой стал 5-й том серии «Język polski dawnych Kresów Wschodnich» (T. 5. Polskie dziedzictwo językowe na dawnych Kresach. Warszawa, 2012).

Профессор Януш Анджей Ригер в 2017 г. был награжден Кавалерским Крестом Ордена Возрождения Польши «за выдающиеся заслуги в развитии польской славистики, за достижения в научно-преподавательской работе и популяризацию истории и культуры восточных Кресов». В 2020 г. он удостоился Международной литературной награды имени Юзефа Лободовского.

Несмотря на солидный возраст, Я. Ригер полон творческих планов и задумок. Пожелаем дорогому уважаемому юбиляру крепкого здоровья для их реализации. Sto lat, Wielce Szanowny Panie Profesorze!

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.24

N. J. Ananyeva, O. A. Ostapchuk

90th Birthday of Professor Janusz Rieger

Natalija J. Ananyeva

Doctor of Letters, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: ananeva.46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1626-2243

Oxana A. Ostapchuk

Candidate of Letters, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

Senior researcher

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ostapchukoa@my.msu.ru

ORCID: 0000-0002-2856-0793

Citation

Ananyeva N. J., Ostapchuk O. A. 90th Birthday of Professor Janusz

Rieger // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 421–428 (In Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.24

Received: 30.07.2025.

УДК 81/82
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.25

Е. П. Серапионова

Памяти чешского коллеги Радомира Влчека

Серапионова Елена Павловна

Доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: serapionovae@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0269-140X

Цитирование

Серапионова Е. П. Памяти чешского коллеги Радомира Влчека // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 429–431. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.25

Текст поступил в редакцию 31.08.2025.

На днях коллега из Словакии сообщила печальную весть: 27 августа 2025 г. на 68-м году жизни скончался чешский ученый, славист, специалист по новой и новейшей истории Центральной и Восточной Европы XVIII–XX вв., исследователь истории Российской империи Радомир Влчек. Всегда сложно принять уход из жизни ровесников, тем более что мы, в последние годы ограниченные в связях с чешскими коллегами, ничего не знали о его проблемах со здоровьем.

Радомир Влчек (1957–2025) прожил по сегодняшним меркам недолгую жизнь, но успел в науке немало. Он был научным сотрудником Института истории Академии наук Чешской Республики, долгие годы совмещал научно-исследовательскую работу с организационной в Академии наук (в 2001–2009 гг. являлся членом академического совета АН ЧР), преподавал в университете Масарика в Брно.

В 1981 гг. Р. Влчек окончил философский факультет Университета Яна Евангелиста Пуркине в Брно (сейчас Университет Масарика), защитил диплом на тему «Историк Франц Маринг». В 1983–1986 гг. обучался в аспирантуре Института истории Восточной Европы Чехословацкой академии наук (ЧСАН), подготовил и защитил диссертацию на тему «Интерес русской позитивистской историографии к социально-экономическим проблемам в сравнении с чешской и польской историографией». В 1987–1990 гг. являлся научным сотрудником

Института славистики ЧСАН, в 1990–1993 гг. – научным сотрудником Института истории Центральной и Восточной Европы ЧСАН, возглавлял брненское отделение.

Р. Влчек работал с 1993 г. в Институте истории АН ЧР, с 1997 по 2012 г. в качестве главы его филиала в Брно. В 2001 г. по специальности «всеобщая история» защитил работу на звание доцента «Русский панславизм – реальность и фикция».

Доцент, доктор философии (PhDr.), кандидат наук (CSc.) Влчек был одним из немногих русистов, специалистов по русской истории в Чехии. Его привлекали проблемы славянской истории и отношений между славянскими народами, славистики и научных институтов, Центральной и Восточной Европы в Новое и Новейшее время. Его перу принадлежали монографии «Русский панславизм – реальность и фикция» (Прага, 2002), «Главы из русской истории XVIII столетия. Генезис и развитие русской империи» (Брно, 2014), «Йозеф Мацурек» (Прага, 2015), «Империя – государство – общество. Изменения в России в XVIII веке». (Прага, 2021).

С 1992 г. Р. Влчек преподавал на философском факультете Института Масарика в Брно, в Историческом институте (аналог российских кафедр) и специализировался на всеобщей истории XIX в., истории Восточной Европы и историографии. С 2000 г. работал на Педагогическом факультете того же университета на кафедре истории, читал курсы лекций по всеобщей истории XIX в. и истории России. В 2011–2018 гг. Р. Влчек вновь перешел на философский факультет университета Масарика в Институт славистики, специализируясь на истории России, где с 2001 г. трудился на должности экстраординарного профессора, отвечая за курсы лекции по всеобщей истории XIX столетия, истории культуры и цивилизации (1789–1918), являясь научным руководителем дипломников и аспирантов. Под его научным руководством защищены диссертации по чешской истории на тему: «Славизм и славистическая традиция в межвоенной Чехословакии 1918–1938» (2012), по всеобщей истории: «Россия в конце XVIII и в XIX столетиях глазами британских путешественников и миссионеров» (2013), «Борис Николаевич Чичерин в российской истории (Государственная школа как историографический и социальный феномен)» (2014), «Роман Дмовский и польский антисемитизм» (2017).

Р. Влчек сочетал научно-организационную деятельность с большой редакторской работой: с 1993 г. он являлся членом редакционных советов научного журнала «Slovanský přehled» («Славянское обозрение»), с 2000 г. – международного научного журнала Матицы

Моравской, с 2009 – словацкого научного журнала «Kulturne dějiny» («Культурная история»), с 2021 – научного журнала «Oriens Alter». Он также являлся ответственным редактором многих коллективных монографий и сборников статей. В 2018 г. Влчек был удостоен почетной медали «За заслуги» Академии наук Чешской Республики.

Радомир Влчек входил во многие научные советы, общественные союзы и объединения, с 2013 г. являлся заместителем председателя Национального комитета славистов и членом Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР, активно участвовал в конференциях, устраиваемых комиссией. Много раз приезжал в нашу страну на стажировки, в том числе и в наш Институт (в 1990, 2000, 2006, 2009). Неплохо владел русским языком. Не всегда его научные взгляды совпадали с моими, но он умел очень корректно и деликатно отстаивать свою точку зрения.

Радко, как мы его звали, всегда останется в памяти коллег с застенчивой улыбкой и добрыми глазами.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.25

E. P. Serapionova

In Memory of Our Czech Colleague, Radomír Vlček

Elena P. Serapionova

Doctor of History, associate professor, leading research fellow,
head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky prospekt, 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: serapionovae@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0269-140X

Citation

Serapionova E. P. In Memory of Our Czech Colleague, Radomír Vlček // Slavic almanac. 2025. No 3–4. P. 429–431 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.25

Received: 31.08.2025.

Научное издание

Славянский альманах

3·4 2025

Издательство «Индрик»

Правила представления рукописи
доступны по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
27,0 п.л. Тираж 500 экз.

